

Институт социально-экономического развития территорий РАН
Институт социологии РАН
Институт социально-политических исследований РАН
Правительство Вологодской области

ОБЩЕСТВО И СОЦИОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Материалы
Всероссийской научно-практической конференции
«Общество и социология в современной России»,
посвященной XX годовщине празднования
Дня социолога в Российской Федерации
(г. Вологда, 13 – 15 ноября 2014 года)

В трех томах

Том третий

Вологда
2015

УДК 316.3(470)
ББК 60.52(2Рос)
О-28

Публикуется по решению
Ученого совета ИСЭРТ РАН

Общество и социология в современной России [Текст] : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Общество и социология в современной России», посвященной XX годовщине празднования Дня социолога в Российской Федерации, г. Вологда, 13 – 15 ноября 2014 года : в 3 т. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2015. – Т. 3. – 262 с.

Редакционная коллегия:

Горшков М.К. – академик, директор ИС РАН,
Осипов Г.В. – академик РАН, директор ИСПИ РАН,
Ильин В.А. – д.э.н., профессор, директор ИСЭРТ РАН,
Малышев М.Л. – д.с.н., зам. директора ИС РАН,
Шабунова А.А. – д.э.н., зам. директора, зав. отделом ИСЭРТ РАН,
Гулин К.А. – д.э.н., зам. директора, зав. отделом ИСЭРТ РАН,
Сычев М.Ф. – к.э.н., ведущий научный сотрудник ИСЭРТ РАН,
Третьякова О.В. – к.ф.н., зав. отделом ИСЭРТ РАН.

В сборнике, состоящем из трёх частей, представлены материалы Всероссийской научно-практической конференции «Общество и социология в современной России», посвященной XX годовщине празднования Дня социолога в Российской Федерации, проходившей в Вологде 13-15 ноября 2014 г.

Часть первая: доклады пленарного заседания и молодёжной секции.

Часть вторая: материалы секций № 1 – 2.

Часть третья: материалы секций № 3 – 4.

Сборник содержит свыше 100 текстов, подготовленных социологами и представителями смежных наук из научных учреждений и вузов из многих регионов России, а также Беларуси. На страницах докладов обсуждается значение социологического мировоззрения для настоящего и будущего российского общества. Поднимаются вопросы о роли и значимости социологии в государственном и муниципальном управлении, о важности реального содержательного включения социологии (социологического участия) в государственное управление при подготовке и реализации крупных проектов. Рассматриваются вопросы о социально-технологическом использовании социологии для решения проблем, о роли социологии как средства обоснования социальной солидарности, как средства обоснования моральных ценностей и норм.

Для научных работников, преподавателей вузов, специалистов в области государственного управления, представителей общественности, СМИ и всех интересующихся вопросами социального развития России.

Тексты выступлений приводятся в авторской редакции.

ISBN 978-5-93299-283-8

ISBN 978-5-93299-286-9

© ИСЭРТ РАН, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ТОМ 3

Секция 3.

Развитие теории, методологии и методического инструментария социологических исследований

Татарова Г.Г.

Когерентность интеграционных процессов как условие
повышения качества эмпирических исследований в России.....8

Шухатович В.Р.

Отношение населения Республики Беларусь к системе охраны здоровья.....22

Грицюк Т.В., Котилко В.В.

Бюджетный федерализм: сущность, принципы функционирования26

Римашевская Н.М., Маркова Н.Е.

«Проект Таганрог»: 47 лет спустя33

Курносков В.В.

Социология и финансы.....37

Козлов Д.В.

Идеология гражданства в современной России.....40

Файзуллин Ф.С., Файзуллин Т.Ф.

Методологические вопросы определения сущности категории
«социальный потенциал»45

Ивашкин И.Ф.

Игромоделирование как метод антиципации социального будущего.....49

Каневский Е.А., Боярский К.К.

Новые ресурсы поддержки социологических исследований53

Антошкин В.Н.

Типологический анализ как метод познания
социальной реальности и управления социальными системами.....58

Воробьева И.Н.

Стратификация населения на основании
индикаторной модели стиля жизни: основные элементы построения.....63

Полюшкевич О.А.

Роль эмпатии в формировании социокультурной солидарности69

Гегер А.Э.

Два метода – разный результат (на примере изучения ценностных ориентаций).....75

Уханова Ю.В.

Интеллектуалы аграрного производства советского периода:
методологический аспект80

Першуткин С.Н.	
Экспертно-социологическая поддержка региональной государственной политики: проблемы и перспективы	85
Караханова Т.М., Бессокирная Г.П., Большакова О.А.	
Методика изучения повседневной деятельности населения: основные положения и потенциал использования в социальной практике	92
Лескова И.В.	
Системные тормоза российской модернизации	97
Калачикова О.Н.	
Социологические методы в демографических исследованиях (опыт ИСЭРТ РАН).....	101
Волков Ю.Г.	
Эвристическое значение социологической экспертизы	107
Шовина Е.Н.	
К вопросу об использовании квалиметрического подхода в исследованиях социальной сферы и социальной работы	114
Королев И.Ю.	
Полисемия социологических концептов	119
Ласточкина М.А.	
Медико-демографические процессы как основа устойчивого развития региона.....	125
Фахрадова Л.Н.	
Инвалидность как объект социологического исследования	128
Секция 4.	
Проблемы социологии образования, задачи и перспективы развития социологического образования	
Ключарев Г.А.	
Об «обучающихся организациях» и корпоративном образовании в инновационном контексте	136
Карпов А.П.	
Диалог социологии и общества: возможности общественной научно-просветительской деятельности	147
Леонидова Г.В.	
Интеллектуальный потенциал населения: социологические аспекты оценки	154
Новикова С.С.	
Постреволюционный взлёт и падение социологии в России (1917-1934 гг.)	160
Фотина А.В.	
Проблема стратификационного измерения российского общества в современном научном дискурсе	169
Паутова Л.Е.	
Система обеспечения качества образования – социально-экономическая основа успешного развития человека и общества	173

Верецкая А.И., Довейко А.Б., Стеценко А.И. Социологическое обеспечение управления качеством образования в высшем учебном заведении	178
Кочетова Л.М. Формула успеха современного вуза	185
Житкова Е.Л. Университет как один из факторов развития территории.....	189
Селезнев И.А. Основные стадии эволюции социального института образования и науки в условиях глобализирующегося мира	194
Федотовская О.А. Фольклорные традиции в современном образовании детей.....	196
Головчин М.А. Социологический анализ соответствия компетенций студентов потребностям рынка труда	200
Кожина Т.П. Проблемы развития гражданского общества (на материале социологических опросов в Вологодской области)	206
Гарманова О.Ю. Деятельность очного факультатива по экономике в оценках выпускников	214
Кулакова А.Б. Диагностика адаптации аспирантов первого года обучения (на примере ИСЭРТ РАН)	221
Пеева А.А., Сафронова А.Н., Сухарева Л.М. Реализация непрерывности экономического образования на примере Научно-образовательного центра ИСЭРТ РАН	232
Соколова Д.В. Формирование коммуникативных способностей обучающихся в условиях развивающей среды НОЦ ИСЭРТ РАН.....	236
Фомина Ж.В. Исследовательская деятельность школьников (на примере НОЦ ИСЭРТ РАН).....	242
Устинова К.А. Влияние уровня развития профессиональных навыков на результативность трудовой деятельности.....	246
Третьякова О.В. К вопросу об оценке результативности научно-исследовательской деятельности на основе анализа наукометрической информации	253

СЕКЦИЯ 3

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ, МЕТОДОЛОГИИ
И МЕТОДИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ
СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Г.Г. Татарова

доктор социологических наук,
Институт социологии РАН

КОГЕРЕНТНОСТЬ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ КАК УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ¹

Итоги деятельности отечественного социологического сообщества весьма внушительны как в количественном, так и в качественном измерениях [см., например, Социология в России, 1998; Вехи российской социологии..., 2010, Новые идеи в социологии, 2013]. Издаются различные по направленности социологические журналы, проводится огромное число эмпирических исследований, проблематика диссертаций весьма обширна [Проблемы социологического исследования..., 2010: 85-111], число изданных книг растет значительными темпами. Вместе с тем, если исходить из современных требований к уровню социологического объяснения социальной реальности, то можно констатировать, что процессы в нашей науке носят противоречивый характер. С одной стороны, это происходит по причине того, что социолог не в силах овладеть всем многообразием и возрастающим объемом социологического знания. С другой стороны, социолог не успевает осмыслить и предложить квалифицированный анализ турбулентной социальной реальности. В конечном счете, это отражается на качестве проводимых эмпирических исследованиях.

Понятие «качество» может быть соотнесено с этапами исследования [Swafford, Косолапов, Козырева, 1998], внешними критериями его оценки, с коэффициентами результативности массовых опросов². Для наших целей важно то, что качество – это комплекс из трех составляющих: актуальность исследовательской задачи, уровень методологической культуры (сбалансированность концептуальной модели исследования с процедурами сбора, измерения, анализа и интерпретации данных), объяснительная способность результата. Наличие этого комплекса в подавляющем большинстве исследований – условие успешной деятельности отечественного профессионального сообщества как целостности. Подробное рассмотрение отдельных элементов этого комплекса не входит в задачи статьи.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта № 14-03-00279 «Логико-комбинаторные методы как средства типологического анализа в социологии», выполняемого при поддержке РФНФ.

² См. например, их описание в стандартах Американской ассоциации исследователей общественного мнения (3-е изд. 2004 г.), опубликованных в «Социологическом журнале» за 2005 г., № 2.

Оппозицию «успешность - неуспешность» представляется целесообразным рассматривать в рамках пятикомпонентной структуры деятельности сообщества как целостности: производство социологического знания, характер научной коммуникации, воспроизводство сообщества, коммуникация с обществом и коммуникация с властью. Каждая из этих составляющих может выступать предметом отдельного рассмотрения, несмотря на их взаимообусловленность, хотя и в разной степени. Мы ограничиваемся рассмотрением первых двух, проблеме взаимосвязи которых на поле эмпирических исследований и посвящена данная статья.

Некоторое преувеличение проблем успешной – неуспешной деятельности, рефлексия о сообществе как об объекте социологического анализа являются признаками, на наш взгляд, зрелости самой социологии как науки, и это необходимо в свете современных методологических вызовов. В многочисленных публикациях и в самых разных контекстах такие вызовы актуализированы. Достаточно полно они представлены на страницах журнала «СОЦИС», который за 40 лет своего существования, проявляя методологическую толерантность, отражал самые разные взгляды на актуальные проблемы социологической науки. Вместе с тем некоторым контекстам уделяется недостаточное внимание, один из них предполагается рассмотреть в статье, опираясь на субъективное восприятие актуализации проблем, в той или иной степени связанных как с профессиональным сотрудничеством, так и с состоянием инструментального знания.

Позиция автора состоит в том, что в отечественном профессиональном сообществе существуют внутренние ресурсы для «модернизации» деятельности, но их реализация возможна лишь при условии когерентности (согласованности, соотнесенности) процессов интеграции методологического знания и интеграции профессионального общества.

Исходя из этой предпосылки, рассматриваются, во-первых, эндогенные факторы неуспешности – это те, которые влияют на конечные результаты исследования. Они обусловлены совокупностью проблем, трудностей и ошибок, детерминирующих отклонения от идеальных, в определенном смысле, процедур реализации эмпирических проектов. Это проблемы, которые могут быть решены (хотя и не в полной мере) самим сообществом за счет внутренних ресурсов. К числу факторов неуспешности отнесены существующие симптомы «профессионального заболевания» той части социологов, профессиональная деятельность которых в основном ориентирована на проведение эмпирических исследований (условно назовем их социологами-эмпириками).

За рамками статьи остаются экзогенные факторы: оплата труда, отсутствие заказов на социологическую экспертизу, ограниченные возможности в реализации эмпирических проектов рядовыми социологами, трансформация академической науки и др. Для социологов-эмпириков в качестве экзогенного фактора выступает в определенной степени и характер социологического теоретизирования. К примеру, с присущей ему оригинальностью А.Б.Гофман выделяет тринадцать разновидностей моды, обосновывая тезис: «чем больше моды будет внутри социологии, тем меньше будет мода на социологию» [Гофман, 2013: 28]. Мода порождает ряд симптомов «профессионального заболевания» в нашем смысле.

Во-вторых, в статье обосновывается идея профилактики «профессионального заболевания» с опорой на когерентность двух процессов. Один из них относится к переходу от «инвентаризации» методологического знания к его интеграции. Другой – к переходу на новый уровень интеграции сообщества, к усовершенствованию форм консолидации

исследователей. Эти процессы перманентны в социологии, но их сбалансированность оставляет желать лучшего, не внося существенного вклада в повышение качественного уровня (в нашем понимании) эмпирических исследований. Вместе с тем внутренние ресурсы отечественной социологии весьма существенны.

Под понятием «методологическое знание» понимаем всю совокупность инструментальных средств [Татарова, 2011], включая общенаучные методы познания и логические схемы умозаключений, существующие в социологических теориях. Как известно, в каждой теории есть вечное и ветхое. К первому из них относятся исследовательские инструменты (методы, логические схемы, когнитивные карты, структурные модели) изучения жизнедеятельности общества, групп, личностей во всех возможных проявлениях и контекстах. В этом смысле оправданно говорить «метод Вебера», «метод Дюркгейма», «метод Зиммеля», «метод Гурвича» и т.д. [Тезаурус социологии ... , 2013]. Под интеграцией методологического знания понимаем процесс, включающий «инвентаризацию» совокупности инструментальных средств как целостности, их упорядочение на основе экспликации концептуальных представлений о базовых концептах - инвариантах относительно всей совокупности исследовательских практик [Татарова, 2007, 2011]. Под интеграцией сообщества понимаем расширение новых форм научной коммуникации, профессионального сотрудничества (коллаборации), открывающегося в связи с расширением сетевой (онлайн) коммуникации на основе жесткого соблюдения методических стандартов и прозрачности процедур исследования [Задорин, 2012].

Понятие «профессиональное заболевание» также выступает в роли базового понятия. Безусловно, оно травмирует сознание отдельного исследователя, но в контексте деятельностного подхода к отечественному сообществу социологов как некой целостности представляется логичным несколько сгустить краски для привлечения внимания к накопившимся внутрицеховым проблемам [Радаев, 2008, 2013; Тихонов, 2010, 2013; Татарова, 2008; Толстова, 2013]. По сути речь идет о некоторых «точках торможения» развития социологии (по терминологии Н.В.Романовского в контексте анализа им детерминант развития социологии как науки) [Романовский, 2009]. Некоторые наблюдаемые симптомы «профессионального заболевания» можно отнести не только к отечественному сообществу. Например, примечательно, что на основе прослеживания процессов, происходивших в социологической науке за последние 40 лет, анализа современного ее состояния обосновывается необходимость пересмотра и самого понятия «эмпирическое». Утверждается, что «...нужен новый взгляд на природу эмпирического анализа в социологии, новые споры о посылах, новый «Спор о методе» (Methodenstreit)» [Александр, Рид, 2011].

Рассмотренные базовые понятия введены с опорой на анализ публикаций, в которых проблемы отечественной социологии рассматриваются с различных позиций: существования новых тенденций в ее развитии [Кравченко, 2008; Тощенко, 2013; Ядов, 2013], поиска новых стратегий развития [Радаев, 2008, 2013; Тихонов, 2010, 2013], потребностей в изменении культуры социологического мышления [Кравченко, 2009], состояния теоретической ее части [Девятко, 2007; Резник, 2007; Романовский, 2009; Подвойский, 2008, 2013; Щербина, 2012], новых проблем эмпирической социологии [Судьбы и перспективы..., 2005], учета «уроков» прошлого [Горшков, 2010], актуальности новых форм профессионального сотрудничества [Задорин, 2012], существования моды в социологическом теоретизировании [Гофман, 2013].

Симптомы «профессионального заболевания» социологов-эмпириков. Приведенный в табл. перечень симптомов³ достаточно полон, непротиворечив, открыт для дополнений, может быть подвергнут разным видам редукции, классификациям по различным основаниям, отражает существующие в литературе взгляды на проблемы отечественной социологии. Симптомы можно разделить на отдельные классы в зависимости от доминирующего источника их возникновения, от способов профилактики «профессионального заболевания», от силы влияния на конечные результаты эмпирического исследования. Симптомы имеют разный уровень общности, в ряде случаев объем их как понятий пересекается. Многие из них не являются новыми («стары, как мир», «давно забытые старые»), но носят гипертрофированный характер в современных реалиях, когда «социолог не успевает за социологической наукой», «социолог не успевает за социальной реальностью», порождая методологическую травму [Татарова, 2007] и фракционность в социологическом сообществе. Тем самым приумножаются «пороки», связанные с методологической культурой исследований.

В связи с этим трудно согласиться (исключая анализ существующих проблем отечественной социологии) с мнением о том, что вливание западной «свежей крови» [Радаев, 2013: 16-17] кардинально изменит ситуацию в отечественной социологии, решит проблемы, которые имеют место быть и в мировой социологии [Гофман, 2013; Иванов, 2013; Девятко, 2007; Кравченко, 2009; Романовский, 2009; Щербина, 2012]. И трудно не согласиться с Ж.Т.Тощенко, В.А.Ядовым и другими российскими социологами в том, что в качественно новой фазе развития социологической науки отечественная социология имеет серьезный потенциал.

Некоторые симптомы достаточно новы для отечественного сообщества. Приведем несколько примеров. Самый новый из них - мода на математическое моделирование. Выделение этой моды представляется несколько странным в ситуации низкой математизации отечественных исследований, нашей сильной отсталости от Запада и от нашей собственной «методной» истории (времен земской статистики [Толстова, 2012], времен советских [Толстова, 1998: 83-89]). Но это только кажущаяся странность. К примеру, в РФФИ (Российский фонд фундаментальных исследований) создан с 2013 г. отдел «Естественнонаучные методы исследований в гуманитарных науках», к нему относят все проекты, связанные только с математической формализацией в социологии. Подаваемые в РФФИ проекты (нам удалось за последние два года познакомиться с большим количеством принятых и непринятых заявок) в большинстве своем далеки от социологии, в них наблюдается прямой перенос сложнейших математических моделей на социальные явления и процессы без должного обоснования. Концептуальному моделированию, проблемам измерения, характеру эмпирических данных (и возможностям их сбора) для верификации моделей зачастую не уделяется должного внимания. Измерение показателей не волнует авторов предлагаемых моделей, исходя из того, что «доставить» их должен социолог. Возможно, наша выборка незначительна по объему для таких выводов, и следует ожидать, что пополнение социологов специалистами по математическому моделированию приведет к приросту знания о социальных явлениях и процессах? На этот вопрос пока нет ответа, но опасность возникновения новой интеллектуальной моды очевидна. К этому стоит добавить и еще одно соображение – никогда сами методы не отражали(-ют) содержание науки, – это лишь способы получения нового знания.

³ Формулировки симптомов: «антитеоретический консенсус как установка», «интеллектуальная мода (увлечение западом)», «интерпретация как нравственное позиционирование» позаимствованы из серии публикаций Н.С.Розова.

Достаточно новым симптомом для России является логика кнопочного моделирования. Опасность его возникает тогда, когда синтаксис преобладает над семантикой, наглядность и обоснованность процедур анализа эмпирических данных заменяется установкой на получение нового знания простым (легко доступным в современных реалиях) «нажатием» на кнопки компьютера. Соответственно, концептуальное моделирование, обоснование методик анализа данных остаются вне должной рефлексии. Более того, накопленный отечественный методический опыт математической формализации практически забыт. В нем наблюдался приоритет социологического содержания, рождался он в крупных методических центрах и отражен в литературе, но, к сожалению, эта литература в интернете представлена лишь частично.

К новым симптомам можно отнести и мультипарадигмальность как интеллектуальную моду и ее иллюзорность на эмпирическом уровне, а также понижение методологического уровня публикаций, непрозрачность процедур исследования. Причина второго из них - гонка за количеством публикаций, графомания, чему способствуют новые количественные требования к диссертациям и новая система оценки научной деятельности, которая подвергается обоснованной критике [Орлов, 2013; Чеботарев, 2013].

Такие симптомы, как постановка проблем-искушений в эмпирическом исследовании; интерпретация как нравственное позиционирование, а не как научный вывод; слабая связанность теоретической объяснительной модели изучаемых процессов с инструментарием исследования; недоиспользование ресурса эмпирических исследований, отсутствие когнитивного анализа вопросников - имманентны эмпирической социологии. Первые два симптома взаимосвязаны. Об опасности проблем-искушений, ложных проблем, неправильно поставленных проблем для процесса становления социологии как науки предупреждали специалисты. К ним они относили, в частности, опасность постановки вопросов: Куда мы движемся? Куда идет общество? Куда идет мир? [Пэнто, Гравитц, 1972: 152-155]. В применении к отдельному эмпирическому исследованию к проблемам-искушениям следует добавить поиск одного решающего фактора при интерпретации социального, противопоставление качества и количества. Постановка проблем-искушений, в частности, ведет к интерпретации результатов как нравственному позиционированию, а не как научному выводу.

Симптомы можно группировать в зависимости от доминирующих источников их возникновения и существования⁴ и, соответственно, в качестве основания рефлексии о способах от их избавления. Очевидны три базовых фактора, степень влияния (см. табл.) которых на существование определенного симптома различна. Это - состояние теоретического знания; состояние знания в области инструментальных средств (их объем и неупорядоченность); характер научной коммуникации (профессиональное сотрудничество, методические стандарты). Каждый из них увеличивает дистанции: между социологами и социологической наукой, между социологом и социальной реальностью, между социологами в рамках профессионального сообщества. Для наглядности степень их влияния обозначена как сильное, слабое, не влияет (этот вариант в явном виде не обозначен в таблице).

Оставляя за рамками статьи подробное обоснование оценок влияния (весьма условных) этих трех факторов, остановимся на их особенностях, создающих множество проблем социологам-эмпирикам и важных для осмысления внутренних ресурсов нашего сообщества в эмпирической социологии.

⁴ Речь идет о причинах эндогенного характера, несмотря на то, что экзогенные причины играют не менее важную роль.

Первый фактор, связанный с состоянием теоретического знания («какофония» языков социологии [Подвойский, 2013], мода в теоретической социологии [Гофман, 2013], размытость предмета социологии [Романовский, 2009; Щербина, 2012]) для социологов-эмпириков порождает много проблем. Состояние социологического теоретизирования в общей социологии, несмотря на отсылки эмпириков к мультипарадигмальности, не слишком мешает им на практике. Разумеется, бесконечный процесс атомизации теоретического знания создает некий дискомфорт, но в рамках своего предметного поля исследователи его ощущают не так сильно. Но им приходится обращаться за коннотациями к теоретикам, и тогда (в совокупности со вторым фактором – состоянием инструментального знания) они испытывают методологическую травму.

Понятие травмы введено нами для обозначения ситуации растерянности исследователей перед обилием социологических теорий, методологий, методов в процессе принятия решений о выборе средств познавательной деятельности [Татарова, 2007, 2008, 2011]. Методологическая травма является разновидностью культурной травмы⁵, специфическим образом проявляющейся в социологическом сообществе. На индивидуальном уровне ее испытывают исследователи в разной степени, включая и ситуацию «не испытывают», если исходить из субъективных представлений. В любом случае травма носит латентный характер, на уровне вербального поведения редко артикулируется. Для наших целей был важен коллективный уровень (по терминологии П.Штомпки). С ним соотносится и теория травмы, активно разрабатываемая с позиции информационного взрыва и травмы постмодерна [Эпштейн, 2004]. В этом смысле травма – психологический феномен, связанный с пониженной смысловой чувствительностью (человек не успевает за человечеством). Для нас важна идея о том, что культурная травма создается самим обществом [Александр, 2012], методологическая – самим профессиональным социологическим сообществом.

Зададимся примитивным вопросом: Чем и в каком смысле могли бы помочь социологи-теоретики социологам-эмпирикам? В идеальном случае ответ прост, как и вопрос: инвентаризацией и систематизацией языковых конструкторов социологии; сравнительным анализом языковой и логической структуры специальных социологических теорий, транспарентность, т.е. понятность которых для эмпирика весьма сомнительна; организацией обучающих семинаров, введением в журналах рубрики «Консультации». Трудно не согласиться с Д.Г. Подвойским, что в условиях «неизбывной» и «неустрашимой» мультипарадигмальности можно работать плодотворно, но не в условиях хаоса [Подвойский, 2013: 77], и с Г.Е. Зборовским, который подчеркивает необходимость консолидации общей и отраслевой социологии, усиления внутридисциплинарных связей и взаимодействий [Зборовский, 2013: 19-20].

Потенциал отечественных исследователей в области теории достаточно высок, даже если судить только по публикациям в «Социологических исследованиях». Существуют попытки в систематизированном виде представить языковые конструкторы теоретической социологии [Тезаурус социологии..., 2009; Чеснокова, 2011]. Для социологов-эмпириков представляют интерес и анализ типов социологического теоретизирования [Иванов, 2013] и метатеоретизирование в области теорий социального действия и

⁵ Например, П. Штомпка выделяет три уровня культурной травмы: уровень индивидуальных биографий, коллективные травмы (утрата групповой идентичности), исторические [Штомпка, 2005: 477]. Последняя разновидность относится к ситуации, когда травме подвергаются целые сообщества (от этнических групп до человечества в целом).

практической рациональности [Девятко, 2003], в теории организаций [Щербина, Попова, 2011]. Рамки статьи позволяют привести только отдельные примеры из области метатеоретизирования в рамках специальных социологических теорий (объяснительные модели в отраслевых социологиях).

Второй и третий факторы, влияющие на качество эмпирических исследований, и к рассмотрению которых мы переходим, представляют особый интерес для обоснования необходимости согласованности интеграционных процессов.

Второй фактор, связанный с состоянием инструментальной части методологического знания, создает не менее, если не более сложные проблемы социологам-эмпирикам. В контексте социологического теоретизирования отечественных исследователей этой части знания не уделяется должного внимания. Число методов растет, но не сопровождается публикацией соответствующих методических пособий, упорядочением знаний, их инвентаризацией. Атомизация предметных полей, с одной стороны, способствует появлению новых и усложнению известных моделей объяснения социальных феноменов и, как следствие, введению в практику исследований оригинальных инструментальных средств. С другой стороны, необоснованное тиражирование частных методологий, исходя из тезиса, что каждая предметная область уникальна и имеет собственную методологию, замыкание на «своих» – безусловно, негатив.

Как это ни парадоксально, процесс междисциплинарного проникновения знаний протекает намного быстрее и легче, чем внутри социологии. Возможно, это связано с тем, что в роли познавательных средств социолога выступают самые разнообразные методы из разных областей науки. Если логические схемы специальных социологических теорий не считать инструментальными средствами, то сугубо социологических методов не существует. Любой метод, применяемый социологом, носит междисциплинарный характер, что не исключает социологической специфики его применения. Кроме этого, мода на методы, феномен «утраченных понятий» (к примеру, язык социологического исследования, причинность и др.) требуют переосмысления ключевых понятий методологии эмпирической социологии.

Профессиональная дифференциация, приводя к введению новых концептов (социальный ресурс, габитус, симулякры и др.), к понятийной модернизации, с одной стороны, играет позитивную роль и способствует развитию методологического знания, ставя задачи эмпирической интерпретации новых понятий. С другой стороны, такая модернизация на практике порождает чрезмерное расширение или упрощение объема понятий. Новые концепты вводятся как метафоры, исследователи порой ими жонглируют, теряется их смысловая чувствительность. Более того, проблемы эмпирической интерпретации остаются нерешенными.

Возникает вопрос: Что и в какой форме социологи-эмпирики ждут от социологов-методологов? Для поиска ответа на него можно обратиться, например, к материалам интервью⁶ с рядом исследователей (в основном отечественных) [Судьбы и перспективы..., 2005]. Фрагментарно рассмотрим ответы на один из заданных вопросов: Какие новые проблемы эмпирической социологии Вы считаете актуальными, назревшими? Из текстов ответов, соотносящихся с инструментальными средствами (интересующий нас фактор), следует, что новые проблемы стары, как мир (Б.З.Докторов), давно забытые старые (В.К.Левашов). В качестве важных проблем выделялись необходимость уточне-

⁶ К сожалению, среди них не было ни одного интервью с исследователями, работающими в рамках качественной методологии.

ния понятий и преодоление разрыва между теорией и прикладными исследованиями (А.Н.Данилов); потребность в новых методах и пересмотре представлений о методах и процедурах (А.В.Тихонов); отсутствие типовых методик (Л.А.Беляева); игнорирование эвристического потенциала математических методов (В.Г.Немировский, Ю.Н.Толстова, А.А.Давыдов); неактуализированность истории отечественной социологии (земская статистика, классические проекты 1960-1970-ых гг.).

Ситуация с 2005 г. существенно не изменилась. Методологическая культура отечественных исследований весьма низка, в публикациях редко обсуждаются вопросы, связанные с когнитивным анализом вопросников, адекватностью и границами интерпретируемости выявленных эмпирических закономерностей. Банки данных как основа современных технологий особого вида анализа - Data Mining, опыт вторичной концептуализации данных не нашли широкого использования на практике. Это привело к недоиспользованию ресурса эмпирических исследований.

Обратимся также к откликам методологов на III Всероссийский социологический конгресс 2008 г. [Отклики о работе конгресса, 2009], которым было задано три вопроса: Что Вас порадовало? Что огорчило? Что бы Вы хотели специально отметить? Короткие отклики не потеряли актуальности в той части, которая относится к «методной» проблематике, ибо ситуация не изменилась. По этим откликам и, судя по работе последующих форумов, возможен вывод – теоретико-методический ресурс отечественной социологии оставляет желать лучшего, если исходить из того, что им обладают те исследователи, которые на основе поисковых исследований, включая тестирование эмпирических индикаторов, создания и апробации различных инструментальных средств (методов измерения и математического анализа данных, процедур сбора и анализа текстов глубинных интервью) «производят» знание для «потребления» социологами-эмпириками. Но ситуация может измениться при соответствующей заинтересованности социологов-методологов в интеграции методологического знания. Представления социологов России о «методной» проблематике во второй половине прошлого века изменялись от простого к сложному. Все начиналось с понимания анализа данных как обработки «больших» массивов и социологической репрезентативности только в статистическом смысле, с использования методов описательной статистики и одномерного шкалирования. Далее арсенал средств познавательной деятельности и расширялся и усложнялся, но с исчезновением в «нулевых годах» крупных подразделений методического профиля начался процесс потери отечественного теоретико-методического ресурса.

В современных реалиях максимальной дифференциации знания возникновения проблем, связанных с онлайн-опросами, с потенциалом Big Data (большие данные) и разных видов текстовой информации в роли социологических данных, с актуализацией имитационного моделирования и вторичного анализа данных - перед методологами новые вызовы. Они требуют усиления рефлексии о типах социологического исследования, о форматах социологических данных, о структуре языка социологического исследования, об инвентаризации инструментального знания, об интеграции средств измерения и анализа данных на отдельных предметных полях. В этом направлении и отечественными социологами проводится определенная работа, но ее недостаточно. В частности, под руководством Ж.Т. Тощенко и его активном участии как автора подготовлен еще один том Тезауруса (Книга 2) [Тезаурус социологии ..., 2013], который прошел серьезное обсуждение. Очевидно, нужны исправленные и дополненные новые издания этой работы.

Для осмысления триады «дифференциация – интеграция – новый уровень организации знания» необходимо введение каких-то принципов. Основанием для их введения как минимум должно быть изучение взаимообусловленности, взаимоопределенности средств познавательной деятельности, рефлексия о строении языка социологического исследования, уточнение целого ряда базовых понятий (метод, репрезентативность, гипотеза, виды анализа и т.д.), осмысление идеи так называемого методического симбиоза (гибридизация методов для нивелирования их недостатков) и др. Метатеоретизирование в области инструментальных средств, упорядочение языковых конструктов в конечном счете приведет к повышению качества эмпирических исследований, к стилевой модернизации, возврату весьма полезных, но утраченных понятий (язык социологического исследования, причинный анализ и др.). Более того, к обозначению границ интеграции и дифференциации знания, к отделению социальных проблем от социологических (в ряде публикаций происходит смешение этих контекстов). Свою скромную лепту в разработку ряда принципов интеграции внес и автор этой статьи [Татарова, 2007, 2008, 2011]. Коротко перечислим их.

Принципы интеграции методологического знания: 1. Различение макро-, мезо- и микроуровней в рефлексии по поводу методов. 2. Выбор базового основания (измерения или анализа) для упорядочения знаний. 3. Трактовка «языка социологического исследования» как системы рядоположенных и/или вложенных подсистем. 4. Введение языковой и логической структуры языков анализа данных. 5. Классификация исследовательских практик (ИП) анализа данных в зависимости от степени формализованности данных и характера априорных представлений о структуре эмпирического результата. 6. Выделение понятий – инвариант относительно всех классов ИП. 7. Трактовка видов анализа – типологического, факторного (факториального), причинного – как метаметодик анализа данных.

Актуализацию проблем интеграции методологического знания и разработку ее принципов, на наш взгляд, можно трактовать как особого вида ресурс отечественной социологии.

Третий фактор, порождающий симптомы «профессионального заболевания» – характер научной коммуникации, профессионального сотрудничества. Фрагментация перманентна социологическому сообществу привела к «фракционализации» как особой форме групповой идентичности. Это не столько естественная профессионализация и фрагментация, сколько замыкание на «своих» и неприятие «других», «чужих» и желание сохранить монополию на предметную область. Фракционность привела не только к тому, что знания из одной предметной области социологии с трудом пробиваются в другие области, но и к несоблюдению методических стандартов, к непрозрачности процедур исследования, к «глухоте» исследователей. Другой аспект – характер проведения социологических форумов. Бесконечное дробление на сессии, секции, подсекции и их пересечения по времени проведения приводят к «тусовочному» характеру коммуникации. В определенной степени сокращение их числа, введение полупленарных заседаний по социологической теории, по методологии и методам было бы эффективнее для прироста знания у отдельного исследователя (с учетом методологической травмы). Кроме этого, специфичным для нашего сообщества является отсутствие конструктивной критики творчества друг друга в контексте поиска ответа на вопрос: С помощью каких средств изучать то или иное социальное явление или процесс? Критика либо вообще отсутствует, либо она саркастическая (типа: математика – склад ненуж-

ных вещей, социологическая теория – игра в бисер), либо игнорирование других, кроме единомышленников, либо пренебрежение, высказанное в кулуарах. В целом проблема скрытого противостояния крайне важна для осмысления оппозиции «успешность – неуспешность» отечественного социологического сообщества и требует специального рассмотрения.

Ни одна серьезная исследовательская задача не может быть решена без объединения усилий предметников, методистов и математиков. Профессиональное сотрудничество может стать ресурсом отечественной социологии при условии расширения его различных форм. Ресурс социологов, у которых есть возможность проводить крупномасштабные массовые опросы, особый. Одни из них объединяют большое количество социологов России, обеспечивая возможность проведения репрезентативных по регионам исследований [Лапин, 2006; Регионы в России..., 2009], другие, как, например, «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ)»⁷ [Сваффорд, Козырева, Косолапов, 1999], многие годы обеспечивают социологов данными для их вторичной концептуализации. Интересен опыт профессионального сотрудничества (коллаборации), полученный на основе сетевой (онлайн) коммуникации и распространения практики «деятельных обществ» [Задорин, 2012]. На сайте ЦИРКОН множество публикаций о непрозрачности процедур исследования, о необходимости стандартов и «коллаборации», об опыте реализации проекта «Открытое мнение».

Эти формы профессионального сотрудничества требуют серьезных материальных затрат для изучения актуализированных социальных проблем. Возникает вопрос: Что делать в ситуации актуальных, но не актуализированных в сообществе проблем? Может, имеет смысл обратиться к старым формам сотрудничества на отдельных предметных полях, но опираясь на принцип открытости, прозрачности процедур сбора и анализа данных. Например, нами совместно с Г.П. Бессокирной реализуется такого типа инициативный проект, материалы которого (концептуальная модель, вопросник персонального интервью, инструкция для интервьюера, результаты пилотажа) в открытом доступе на сайте Института социологии РАН [Бессокирная, Татарова, 2013]. В инструментарий исследования были включены вопросы об удовлетворенности работой на предприятии, корпоративной солидарности, ответственности за свою работу, результативности труда, преданности предприятию и вовлеченности в деятельность предприятия, а также вопросы об эндогенных («управляемых») и экзогенных факторах трудовой деятельности. Инструментарий исследования прошел апробацию на одном из промышленных предприятий Магадана. Полевой этап (250 интервью с рабочими) реализован пока на двух частных промышленных предприятиях Омска⁸. Возможно, к этому исследованию подключатся социологи других городов.

В рамках такого профессионального сотрудничества происходит интеграция методов измерения и методов анализа, возникают различные схемы вторичной концептуализации данных (данные доступны всем участникам проекта), актуализируются проблемы импутации (восстановления) данных, качества данных. Это вечные проблемы, которые периодически забываются, но требуют постоянного внимания.

⁷ Этот проект с 2010 г. называется «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения» НИУ-ВШЭ или RLMS-HSE.

⁸ Пилотаж инструментария в Магадане провели студенты социально-гуманитарного факультета Северо-Восточного государственного университета под руководством К.А. Логун, а опрос в Омске – студенты экономического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского под руководством Т.А. Лапиной и Т.Ю. Стукен.

О когерентности процессов интеграции методологического знания и интеграции социологического сообщества. Отечественное социологическое сообщество крайне неоднородно и как целостность редко становится объектом социологического исследования. Актуальной представляется задача выделения в нем различных социальных типов, возможный вклад которых в процесс повышения качества эмпирических исследований различен. Как бы парадоксально это ни звучало, в широком смысле типы социологов – это объект социального управления. Несмотря на то, что профессиональная деятельность отдельных групп исследователей протекает по своим собственным законам, гипотеза существования типов в заданном смысле вполне правдоподобна. Другие цели представляются не столь продуктивными⁹. Понятие «управление» используется весьма условно и в том смысле, что каждый из типов на основе самоуправления может способствовать повышению престижа отечественной социологии. На данном этапе возможны лишь некоторые концептуальные представления об идеальных типах как исследовательских конструкциях. Если предположить возможность эмпирического исследования с целью типологического анализа социологов, то идеальные типы выступают в роли типобразующих признаков. Один и тот же исследователь в разной степени обладает чертами идеального типа. Гипотетически идеальный тип соотносится с вполне определенным видом ресурса, с выделенными выше факторами, влияющими на наблюдаемые и распространенные симптомы «профессионального заболевания».

Проведение достаточно полного анализа потенциала отечественных социологов вряд ли возможно, но принцип когерентности двух процессов (интеграции сообщества, интеграции методологического знания) в современных реалиях реализуем.

Выводы: 1. В области эмпирических исследований ответы на вопросы: Как сократить дистанцию между социологом и социологией? Как сократить дистанцию между социологом и социальной реальностью? Как сократить дистанцию между социологами? – целесообразно искать в плоскости актуализации проблем, связанных с когерентностью разного вида интеграционных процессов. 2. Потенциал отечественной социологии в переосмыслении триады «дифференциация – интеграция – новый способ организации знания» достаточно высок для повышения качества исследований, хотя различные виды ресурсов представлены в разных объемах. 3. Гипотеза о переходе к интеграционному этапу в развитии эмпирических исследований представляется вполне правдоподобной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александер, Дж. Социальная наука как чтение и перформанс: культурно-социологическое понимание эпистемологии [Текст] / Дж. Александер // Социологические исследования. – 2011. – № 8. – С. 3-17.
2. Александер, Дж. Культурная травма и коллективная идентичность [Текст] / Дж. Александер // Социологический журнал. – 2012. – № 3. – С. 5-40.
3. Бессокирная, Г.П. Идентификация с предприятием: концептуальная модель и инструментарий исследования [Электронный ресурс] / Г.П. Бессокирная, Г.Г. Татарова // Официальный сайт ИС РАН-2013. – Режим доступа: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2768>
4. Вехи российской социологии 1950-2000 гг. [Текст] / отв. ред. Ж.Т. Тощенко, Н.В. Романовский. – СПб.: Алетейя, 2010.
5. Горшков, М.К. Уроки возрождения и перспективы отечественной социологии [Текст] // Вехи рос-

⁹ Например, публикации со списком персоналий и навешиванием ярлыков служат [Кнорре, Соколов, 2013], на наш взгляд, дальнейшей конфронтации сообщества, в котором существующий раскол, к счастью, не привел пока к серьезным последствиям.

- сийской социологии 1950 – 2000 гг. / отв. ред. Ж.Т. Тощенко, Н.В. Романовский. – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 29-38.
6. Гофман, А.Б. О модах в современной теоретической социологии [Текст] / А.Б. Гофман // Социологические исследования. – 2013. – № 10. – С. 21-28.
 7. Девятко, И.Ф. Состояние и перспективы социологической теории в мире и в России [Текст] / И.Ф. Девятко // Социологические исследования. – 2007. № 9.
 8. Девятко, И.Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности [Текст] / И.Ф. Девятко. – М.: Аванти плюс, 2003.
 9. Задорин, И.В. Профессиональное проектное сотрудничество в среде социологов. Эссе об одном сотрудничестве [Текст] / И.В. Задорин // Социологический журнал. – 2012. – № 1. – С. 153-165.
 10. Зборовский, Г.Е. Теоретическая социология: quo vadis? [Текст] / Г.Е. Зборовский // Социологические исследования. – 2013. – № 9. – С. 14-23.
 11. Иванов, Д.В. Этапы эволюции социологии и доминантные типы теоретизирования [Текст] / Д.В. Иванов // Социологические исследования. – 2013. – № 9. – С. 3-13.
 12. Кнорре, А.В. «Тяжеловесы» российской социологии: опыт измерения статуса и ресурсов ученых [Текст] / А.В. Кнорре, М.М. Соколов // Социологические исследования. – 2013. – № 10. – С. 77-87.
 13. Кравченко, С.А. Динамика социологического мышления и воображения [Текст] / С.А. Кравченко // Социологические исследования. – 2009. – № 8. – С. 14-24.
 14. Кравченко, С.А. Возрождение социологической теоретической мысли в России: проблемы и достижения [Текст] / С.А. Кравченко // Социологические исследования. – 2008. – № 6.
 15. Лапин, Н.И. Регион, его статус и функции в российском обществе: теоретико-методологические основы исследования [Текст] / Н.И. Лапин // Социологические исследования. – 2006. – № 8.
 16. Новые идеи в социологии [Текст] / отв. ред. член-корр. Ж.Т. Тощенко. – М.: ЮНИТИ ДАНА, 2013.
 17. Орлов, А.И. Два типа методологических ошибок при управлении научной деятельностью [Текст] / А.И. Орлов // Управление большими системами. Сборник трудов. Специальный выпуск 44 – Научометрия и экспертиза в управлении наукой / под ред. Д.А.Новикова, А.И.Орлова, П.Ю.Чеботарева. – М.: ИПУ РАН, 2013. – С. 32-55.
 18. Отклики о работе конгресса [Текст] // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 2009. – № 28. – С. 169-184.
 19. Подвойский, Д.Г. Социология в современной России. «Непричесанные мысли» [Текст] / Д.Г. Подвойский // Социологические исследования. – 2008. – № 7.
 20. Подвойский, Д.Г. Языки социологии: многоголосие или какофония? [Текст] / Д.Г. Подвойский // Новые идеи в социологии. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. – С. 67-78.
 21. Проблемы социологического исследования. Указатель 888 докторских диссертаций 1990 – 2010 гг. [Текст] / Авторы-состав. А.Я. Анцупов, С.Л. Кандыбович, С.Л. Прошанов. – М.: ИД «Куприянова». – С. 85-111.
 22. Пэнто, Р. Методы социальных наук [Текст] / Р. Пэнто, М. Гравитц. – М.: Прогресс, 1972.
 23. Радаев, В.В. Возможна ли позитивная программа для российской социологии [Текст] / В.В. Радаев // Социологические исследования. – 2008. – № 7. – С. 24-33.
 24. Радаев, В.В. Российская социология в поисках своей идентичности [Текст] / В.В. Радаев // Социологические исследования. – 2013. – № 7. – С. 3-17.
 25. Резник, Ю.М. Социальная теория и теоретическая социология на пути интеграции [Текст] / Ю.М. Резник // Социологические исследования. – 2007. – № 9.
 26. Розов, Н.С. Возможна ли «наука быстрых открытий» в социальном познании [Электронный ресурс] / Н.С. Розов //Официальный сайт ИСРАН. – Режим доступа: http://www.isras.ru/index.php?page_id=948
 27. Розов, Н.С. Главный дефицит – конструктивные теории как основа для программ сбора и обработки социологических исторических данных [Электронный ресурс] / Н.С. Розов // Официальный сайт Российского общества социологов. – Режим доступа: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=407
 28. Романовский, Н.В. Современная социология: детерминанты перемен [Текст] / Н.В. Романовский // Социологические исследования. – 2009. – № 12. – С. 26-35.

29. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте [Текст] / сост. и общая редакция Н.И.Лапин, Л.А.Беляева. – М.: АCADEMIA, 2009.
30. Сваффорд, М.С. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ): измерение благосостояния россиян в 90-е годы [Текст] / М.С. Сваффорд, М.С. Косолапов, П.М. Козырева // Мир России. – 1999. – Т. VIII. – № 3. – С. 153-172.
31. Социология в России [Текст] / под ред. В.А. Ядова. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998.
32. Судьбы и перспективы эмпирической социологии [Текст] // Социологические исследования. – 2005. – № 10.
33. Татарова, Г.Г. Интеграция методологического знания: миф или реальность? [Текст] / Г.Г. Татарова // Доклады Всероссийского социологического конгресса «Глобализация и социальные изменения в современной России». Москва 3-5 октября 2006 г. – М.: Альфа-М, 2007. – С. 80-98.
34. Татарова, Г.Г. Методология эмпирической социологии: амбивалентность факторов развития [Текст] / Г.Г. Татарова // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 2008. – № 27. – С. 3-29.
35. Татарова, Г.Г. Российская «четырёхэтная» область: к 20-летию журнала [Текст] / Г.Г. Татарова // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 2011. – № 32. – С. 5-25.
36. Тезаурус социологии: Тематический словарь-справочник [Текст] / под ред. Ж.Т. Тощенко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009.
37. Тезаурус социологии. Книга 2. Методология и методы исследований. Тематический словарь-справочник [Текст] / под ред. Ж.Т. Тощенко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013.
38. Тихонов, А.В. Отечественная социология: проблема выхода из состояния преднауки и поиска новых стратегий [Текст] / А.В. Тихонов // Вестник Института социологии. – 2010. – № 1. – С. 203-229.
39. Тихонов, А.В. Отечественная социология: проблемы выхода из состояния преднауки [Текст] / А.В. Тихонов // Новые идеи в социологии. – М.: ЮНИТИ. – 2013. – С. 33-49.
40. Толстова, Ю.Н. Математические методы в социологии [Текст] / Ю.Н. Толстова // Социология в России / под ред. В.А. Ядова. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998. – С. 83-89.
41. Толстова, Ю.Н. Возросла ли эффективность методов социологических исследований в России за последние 100 лет? [Текст] / Ю.Н. Толстова // Социологические исследования. – 2013. – № 7. – С. 59-69.
42. Тощенко, Ж.Т. (ред). Новые тенденции в развитии российской социологии [Текст] / Ж.Т. Тощенко // Новые идеи в социологии. – М.: ЮНИТИ. 2013. – С. 10-24.
43. Чеботарев, П.Ю. Наукометрия: как с её помощью лечить, а не калечить? [Текст] / П.Ю. Чеботарев // Управление большими системами: сборник трудов. Специальный выпуск 44 – Наукометрия и экспертиза в управлении наукой / под ред. Д.А. Новикова, А.И. Орлова, П.Ю. Чеботарева. – М.: ИПУ РАН, 2013. С. 14-31.
44. Чеснокова, В.Ф. Язык социологии: курс лекций [Текст] / В.Ф. Чеснокова. – М.: ОГИ, 2010.
45. Штомпка, П. Социология. Анализ современного общества [Текст] / П. Штомпка / пер. с польск. С.М. Червонной. – М., 2005. – С. 472-492.
46. Щербина, В.В. Существует ли сегодня наука социология? [Текст] / В.В. Щербина // Социологические исследования. – 2012. – № 8. – С. 31-41.
47. Щербина В.В. Организационное развитие. Теория и практика [Текст] / В.В. Щербина, Е.П. Попова. – М.: АНО «Школа издательского и медиа-бизнеса», 2011.
48. Эпштейн, М. Информационный взрыв и травма постмодерна [Текст] / М. Эпштейн, // Информационное общество: экономика, власть, культура. Хрестоматия. – Том II. – Новосибирск, 2004. – С. 183-196.
49. Ядов, В.А. Каким мне видится будущее социологии [Текст] / В.А. Ядов. // Новые идеи в социологии. – М.: ЮНИТИ, 2013. – С. 25-32.
50. Swafford M.S. Международные стандарты оценки качества социологических обследований [Текст] / M.S. Swafford, М.С. Косолапов, П.М. Козырева // Мир России. – 1998. – Т. 7. – № 1-2. – С. 281-302.

**Таблица. Влияние на существование симптомов
«профессионального заболевания» трех базовых факторов**

Симптомы «профессионального заболевания»	Факторы		
	Состояние теоретического знания	Состояние инструментального знания	Характер научной коммуникации
1 Постановка проблем-искушений в эмпирическом исследовании	слабое		сильное
2 Мелкотемье, локальность, нередко приводящая к выводам без глубоких обобщений	сильное	слабое	сильное
3 Дистанцированность от методологических проблем при изучении социальных проблем и, наоборот, от социальных при изучении методологических	сильное	сильное	сильное
4 Неактуализированность ряда методологических проблем	слабое	сильное	сильное
5 Неактуализированность ряда социальных проблем			сильное
6 Антитеоретический консенсус как установка	сильное		слабое
7 Потеря смысловой чувствительности понятий (понятийный анархизм)	сильное	слабое	
8 Фрагментация сообщества, приводящая к фракционности и методологической интолерантности	сильное	сильное	сильное
9 Мультипарадигмальность как интеллектуальная мода и ее иллюзорность на эмпирическом уровне	сильное	слабое	
10 Слабая связанность теоретической объяснительной модели изучаемых явлений и процессов с инструментарием исследования	сильное	сильное	сильное
11 Интеллектуальная мода (увлечение западом)	сильное		
12 Мода на методологии	сильное	сильное	сильное
13 Мода на математическое моделирование		сильное	
14 Распространение «логики кнопочного моделирования»		сильное	слабое
15 Недоиспользование ресурса эмпирических исследований		слабое	сильное
16 Непрозрачность процедур исследования		сильное	сильное
17 Отсутствие когнитивного анализа инструмента сбора первичных данных			сильное
18 Игнорирование отечественного опыта советского периода	сильное	слабое	слабое
19 Интерпретация как нравственное позиционирование, а не как научный вывод			сильное
20 Понижение методологического уровня публикаций		слабое	сильное

В.Р. Шухатович

Институт социологии НАН Беларуси, Минск

ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ К СИСТЕМЕ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ

Система здравоохранения Беларуси в настоящее время находится в стадии реформирования. По ряду направлений деятельности происходят существенные и успешные изменения. Они направлены на технологическую модернизацию отрасли, упорядочивание нормативно-правовой базы, децентрализацию и рациональное использование ресурсов здравоохранения, повышение доступности медицинского обслуживания и лекарственного обеспечения населения, улучшение качества оказания медицинской помощи, перераспределение средств в направлении профилактики заболеваний, формирование здорового образа жизни населения, повышение трудовой мотивации медицинских работников.

Суть реформы как общественного явления и управленческой задачи состоит в том, чтобы найти и реализовать адекватные способы (когнитивные, ресурсные и другие) решения возникающих проблем.

Происходящие изменения должны поддерживаться населением и соответствовать реальным потребностям и социальным ожиданиям людей. Так, согласно рекомендациям Всемирной организации здравоохранения, деятельность систем охраны здоровья отдельных стран должна быть направлена на выполнение трех главных задач: улучшение здоровья населения, оправдание надежд (социальных ожиданий) пациентов, обеспечение финансовой защиты от расходов, связанных с нездоровьем (болезнью).

Социологические исследования обеспечивают реализацию «принципа обратной связи» и позволяют оперативно реагировать на изменения общественного мнения, определять, в какой мере граждане ощущают на себе те или иные изменения, готовы ли поддерживать проводимые преобразования. В европейских странах социологические опросы признаны наиболее информативным методом изучения общественного мнения по вопросам здравоохранения. Результаты социологических исследований регулярно обобщает Еврокомиссия. Научно-исследовательские институты и неправительственные организации Европы изучают мнение пациентов для выработки предложений по совершенствованию политики управления здравоохранением. Всемирная организация здравоохранения также осуществляет сотрудничество с социологами. В Европейском регионе проводятся межстрановые сравнительные исследования, направленные на изучение ожиданий пациентов относительно перспектив развития здравоохранения и направлений его реформирования.

В Беларуси проведение масштабных социологических исследований, затрагивающих проблематику здоровья и здравоохранения, связано с последствиями аварии на Чернобыльской АЭС и распадом СССР. Именно в этот период в нашей стране был особенно востребован труд социологов. Эти исследования, которые в большинстве своем носили комплексный характер, были проведены под руководством и при участии известных белорусских социологов Е.М. Бабосова, Н.А. Барановского, А.Г. Злотникова, А.П. Касьяненко, Л.А. Пергаменщика, А.А. Ракова, А.В. Рубанова, В.И. Русецкой, Р.А. Смирновой, С.А. Шавеля, Л.П. Шахотько. Они позволили собрать богатый эмпирический материал, разработать научно обоснованные предложения и рекомендации, создать уникальную научную базу для дальнейшего развития белорусской социологии здоровья, медицины и здравоохранения.

Социологический поиск направлен, прежде всего, на решение актуальных проблем общества, среди которых наиболее значимыми выступают вопросы здравоохранения. Данные, полученные в ходе опросов населения республики, свидетельствуют о высокой индивидуальной значимости здоровья и особой чувствительности населения к реформам, проводимым в сфере здравоохранения.

В ноябре 2011 года Институтом социологии НАН Беларуси был проведен национальный опрос, в ходе которого изучалось общественное мнение о состоянии и перспективах развития здравоохранения в нашей стране. Изучалась динамика отношения населения к системе охраны здоровья, удовлетворенность состоянием медицинского обслуживания, информированность о правах пациента, доверие медицине и др. Было опрошено 2100 респондентов по репрезентативной республиканской выборке с контролем квот по полу, возрасту, образованию и региону проживания.

Результаты исследования показали, что на протяжении последних десяти лет (2002-2011 гг.) наблюдалось улучшение оценки населением состояния медицинской помощи и динамики развития системы охраны здоровья, повышение доступности оплаты лечения и медикаментов как в регионах, так и в целом по республике. Наиболее выраженные позитивные изменения зафиксированы в сельской местности.

В 2011 году 33,8% населения отметило улучшение за последние 5 лет оснащенности лечебных учреждений современным оборудованием по месту их жительства, 32,0% - улучшение лекарственного обеспечения населения, 21,0% - улучшение качества диагностики заболеваний, 18,8% - улучшение качества профилактических осмотров с целью выявления заболеваний, 18,7% - улучшение качества лечения заболеваний.

В 2011 году наблюдался высокий уровень удовлетворенности населения работой врачей различных специальностей по месту жительства: участкового врача, педиатра, хирурга, травматолога, стоматолога, психотерапевта, офтальмолога, гинеколога и других специалистов. Так, согласно полученным данным, 67,6% населения республики отметило, что они «удовлетворены» и «скорее, удовлетворены» работой участкового врача, при этом доля положительных ответов в семь раз превышает долю отрицательных (тех, кто отметил «скорее, не удовлетворен» и «не удовлетворен»). Доля тех, кто дал негативные ответы, не превышает 14%, а по большинству позиций - 10%.

Наибольшее огорчение при получении медицинской помощи по месту жительства у людей вызывают трудности, связанные с необходимостью попасть на прием к врачу (44,6%), невнимательное отношение к пациентам (37,2%), отсутствие необходимых специалистов (28,3%), низкий уровень технической оснащенности медучреждений (23,2%).

За период с 2006 по 2011 год наблюдалось существенное повышение доступности амбулаторной и экстренной медицинской помощи населению, приобретения лекарств и медикаментов. Только 2% населения отметило, что никогда не могут обратиться за помощью к участковому врачу, 0,2% - вызвать «скорую помощь», 2,5% – приобрести необходимые лекарства и медикаменты. За этот период произошло выравнивание показателей доступности медицинской помощи жителям города и села, существенно уменьшились различия между ними.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что меры, направленные на улучшение медицинского обслуживания населения республики в целом позитивно оцениваются населением и соответствуют ожиданиям людей.

Доверие системе здравоохранения

Доверие является фундаментальным основанием социальных взаимодействий и чутким индикатором легитимности преобразований, проводимых в сфере здравоохранения. В качестве одного из показателей доверия системе охраны здоровья со стороны населения можно рассматривать обращаемость населения за медицинской помощью. Так, согласно результатам исследования, 89,7% опрошенных отметило, что посещало поликлинику по месту жительства в течение последних 5 лет. Почти половина населения отметила, что испытывала проблемы со здоровьем за двенадцать месяцев, предшествовавших опросу. По поводу этих проблем чаще всего люди обращались в поликлинику по месту жительства (47,5% опрошенных), а также получали медицинскую помощь в больнице (30,7%), службе скорой помощи (5,4%), медико-диагностическом центре (3,9%), поликлинике по месту работы (4%), частном медицинском центре и у врача частной практики (4,2%).

В то же время каждый пятый житель республики отметил, что при наличии (в момент проведения опроса) серьезных проблем со здоровьем он по каким-то причинам не обращается за медицинской помощью. В числе наиболее распространенных мотивов не обращения за медицинской помощью были названы: отсутствие времени для визита к врачу, безразличное отношение медицинского персонала к пациентам, проблема попасть к нужному специалисту, неуверенность в получении квалифицированной помощи, невнимание к своему здоровью.

При проведении исследования была апробирована методика, направленная на изучение доверия системе здравоохранения на трех уровнях:

- 1) межличностном - в системе отношений «врач-пациент»;
- 2) на уровне медицинского учреждения;
- 3) на институциональном уровне – доверие официальной традиционной медицине, нетрадиционной и альтернативной.

На основе результатов исследования были выявлены уровни доверия и рассчитаны индексы доверия населения лечащему врачу и медицине (традиционной, народной медицине, экстрасенсам).

Индексы доверия рассчитаны по формуле:

$$\text{Ид} = (A-B)/100,$$

где А – сумма ответов «да, доверяю» и «да, скорее доверяю»;

В – сумма ответов «нет, скорее не доверяю» и «нет, не доверяю».

Индекс доверия может принимать значения от «1» до «-1», при этом, значение индекса со знаком «+» показывает численный перевес положительных ответов, со знаком «-» – отрицательных. В результате произведенных расчетов были получены следующие значения индексов доверия:

- индекс доверия лечащему врачу Ид = 0,53;
- индекс доверия официальной традиционной медицине Ид = 0,60;
- индекс доверия народной медицине Ид = 0,40;
- индекс доверия экстрасенсам Ид = -0,55.

Согласно полученным данным доверие (врачу и официальной медицине) выступает фактором своевременного обращения за медицинской помощью.

Результаты исследования подтвердили гипотезу о взаимосвязи межличностного и институционального доверия: среди респондентов, доверяющих лечащему врачу, чаще отмечалось доверие официальной медицине; соответственно, среди респондентов, не доверяющих лечащему врачу чаще фиксировалось недоверие официальной медицине. Полагаем, что имеет место взаимная конвертация доверия: доверие врачу конвертируется в доверие медицине, в свою очередь доверие медицине – в доверие врачу.

Результаты проведенного исследования демонстрируют высокий уровень доверия населения белорусским врачам и белорусской медицине. Доверие системе здравоохранения со стороны населения характеризует отрасль как устойчивую и жизнеспособную систему, обладающую высоким потенциалом развития и способную решать самые сложные задачи, связанные с обеспечением здоровья нации.

Т.В. Грицюк

РГУТИС, Москва

В.В. Котилко

СОПС, Москва

БЮДЖЕТНЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ: СУЩНОСТЬ, ПРИНЦИПЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Традиционной проблемой для любого государства, в первую очередь федеративного, является задача отвечающего историческим и национальным условиям справедливого распределения властных полномочий, ответственности и их ресурсного обеспечения внутри страны, между уровнями власти. Основные финансовые ресурсы реализации государственных полномочий аккумулируются в бюджетной системе с помощью налоговых и неналоговых доходов.

Ведущими инструментами для нахождения баланса интересов федерации, её субъектов и местного самоуправления в странах с федеративным устройством являются инструменты бюджетно-налоговой политики как важнейшей составляющей социально-экономической политики государства. Теоретическая разработка данных проблем представляет собой современное развитие основ теории общественных финансов для стран с федеративным устройством, продолжение теории общественного блага.

Принципы новой бюджетной системы Российской Федерации основываются на модели бюджетного устройства и бюджетного процесса федеративного государства, получившей название бюджетного федерализма.

Бюджетный федерализм как категория до сих пор не имеет однозначного толкования [10. С. 5-6]. С помощью его понятийного аппарата характеризуют различные аспекты финансовой децентрализации и финансовой самостоятельности территориальных образований. В основе их, как правило, лежат общие для государств с федеративным устройством правила и порядок бюджетно-налоговых взаимоотношений между уровнями власти и управления.

Отношения между органами власти и, соответственно, бюджетами разного уровня существуют в любом государстве с административно-территориальным делением, однако складываются они на разных основах (принципах) [12.С. 20-25]. Государствам с унитарным устройством свойственна высокая централизация бюджетных прав и ресурсов на уровне центрального правительства при гораздо более низкой их концентрации у нижестоящих органов власти. Бюджетные системы государств с федеративным

устройством исходят из противоположных принципов, главные из которых - самостоятельность и равноправие бюджетов разных уровней в рамках соблюдения баланса интересов органов власти всех уровней и населения [9, С. 11-15].

Важной функцией бюджета (государственных финансов в целом) как инструмента государственного регулирования при любом устройстве является выравнивание (перераспределение) доходов между группами граждан (в пользу попавших в зону объективных социальных рисков: болезнь, старость, безработица, бедность и т.д.) и между регионами страны для обеспечения сопоставимых условий жизнедеятельности в разных точках единого государства и территориального развития. Эта функция бюджета актуальна как для унитарных стран, так и для государств с федеративным устройством, однако методы достижения указанных целей и используемые финансовые инструменты существенно отличаются.

Понятие бюджетного федерализма впервые ввели американские специалисты, понимая под ним автономное функционирование бюджетов отдельных уровней власти, бюджетные взаимоотношения, основанные на четко сформулированных нормах [4, 10-14]. Концепция эффективного федерализма, которая характеризуется многоуровневостью бюджетной системы, в мировой практике базируется на обязательном соблюдении трех условий:

- разграничении полномочий между всеми уровнями власти по расходам;
- наделении всех уровней власти фискальными ресурсами для выполнения своих полномочий;
- сглаживании вертикальных и горизонтальных дисбалансов с помощью бюджетных трансфертов для достижения определенных стандартов потребления общественных услуг на всей территории страны.

Первое условие связано с выполнением государством своих основных функций по предоставлению общественных услуг (управление, правоохранительная деятельность, социальные задачи, обеспечение макроэкономической стабильности, поддержка национальной экономики, территориального развития и т.д.) путем децентрализации части государственных полномочий и распределения ответственности за их исполнение между тремя уровнями власти и управления.

Выполнение второго условия призвано обеспечить реализацию государственных задач на всей территории страны за счет государственных и муниципальных финансов, аккумулируемых (преимущественно за счет налогов) на каждом уровне власти и управления или передаваемых им в распоряжение для организации обеспечения общественными услугами [2, С. 12-17]. Распределение расходных полномочий [8, С. 27-30] осуществляется исходя из стандартов, ориентированных на сопоставимый уровень потребления общественных благ населением на всей территории страны, независимо от места проживания, а налоговый (доходный) [3, С. 20-24] потенциал располагается неравномерно по территории страны в силу исходных различий в обеспечении природными, трудовыми ресурсами, уровне социально-экономического развития [11, С. 15-17]. К тому же располагаемые ресурсы, как правило, меньше потенциально необходимых.

В связи с этим возникает противоречие, выражающееся в несбалансированности расходных и доходных полномочий. В этом случае вступает в силу третье условие действия бюджетного федерализма - сглаживание дисбалансов различными способами или бюджетное регулирование.

Широко известны работы зарубежных специалистов, посвященные проблемам финансовой децентрализации, бюджетно-налогового федерализма. Это публикации канадских (П. Бут, Д. Кларк), немецких авторов, экспертов Всемирного банка (Р.У. Рефьюза, Ш. Мад, Р.В. Бола, Р. Бэрда, Б. Ибэла, К. Валих, К. Вонг и др.). Часть работ переведена на русский язык. В последние годы появились интересные совместные издания зарубежных и отечественных экономистов, посвященные рассматриваемым проблемам в контексте адаптации зарубежного опыта к российским условиям [5, С. 10-14].

Экономическая сущность бюджетного федерализма определяется сочетанием ряда принципов, его характеризующих [6, С. 6-8]:

- единства общегосударственных интересов и интересов населения как основы сбалансированности интересов всех трех уровней власти по бюджетным вопросам;
- сочетания централизма и децентрализации при разграничении бюджетно-налоговых полномочий, расходов и доходов, распределении и перераспределении последних в консолидированные бюджеты субъектов Федерации на объективной основе;
- самостоятельности бюджетов и ответственности органов власти каждого уровня за сбалансированность бюджета;
- активного участия субъектов федерации в формировании и реализации бюджетно-налоговой политики государства, включая межбюджетные отношения.

В Бюджетном кодексе РФ понятие «бюджетного федерализма» отсутствует, хотя в проекте кодекса ему уделялось серьезное внимание. Принципам, его характеризующим, посвящена гл. 16. «Межбюджетные отношения» [7, С. 33-37]. В их числе распределение и закрепление расходов бюджетов по уровням бюджетной системы; закрепление на постоянной основе и по временным нормативам регулирующих доходов по уровням бюджетной системы; равенство бюджетных прав субъектов РФ, равенство бюджетных прав муниципальных образований; выравнивание уровней минимальной бюджетной обеспеченности субъектов РФ, муниципальных образований; равенство всех бюджетов во взаимоотношениях с федеральным бюджетом, равенство местных бюджетов во взаимоотношениях с бюджетами субъектов РФ. Иначе говоря, речь идет об определенной конкретизации целей и методов бюджетной политики - о равенстве бюджетных прав, единстве бюджетной системы, разграничении бюджетных полномочий, самостоятельности бюджетов, сбалансированности бюджетной системы в целом.

Многообразие принципов бюджетного федерализма может быть сведено к трем ключевым - единству бюджетной системы, её сбалансированности и реальной самостоятельности бюджетов разного уровня. Последний принцип включает степень самообеспеченности, оценку способности регионов и территорий к социально-экономическому развитию.

Степень финансовой самостоятельности ограничивается рядом факторов. Долгое время считалось, что неэффективность субнациональных органов является главным препятствием к расширению их полномочий. Однако высокий образовательный потенциал, развитие информационных технологий, расширение сферы демократически избранных органов власти и управления, возможностей государственно-общественного контроля за ними частично устраняют эти препятствия. Другая опасность усиленной финансовой самостоятельности может быть связана с развитием сепаратистских, националистических тенденций, политического хаоса. Чрезмерная децентрализация, как и чрезмерная централизация, несут в себе разрушительный потенциал.

Современное состояние отношений бюджетного федерализма, их теоретико-методологическое обоснование требуют внесения изменений в Бюджетный кодекс РФ [1, С. 34-38]. Отсутствие законодательного закрепления ключевых методологических основ бюджетного устройства и бюджетного процесса на принципах бюджетного федерализма становится в определенной степени тормозом экономических реформ в целом.

Финансовая обеспеченность территории

Финансовая обеспеченность территории определяется, несомненно, бюджетной обеспеченностью и параметрами бюджета, характеризующими бюджетную обеспеченность, являющимися основой бюджетных проектировок. Бюджетные проектировки, формируемые со стороны субъектов Федерации (регионов, краев, областей, краевых областей), являются основой для взаимной состыковки параметров бюджета и взаимного согласования интересов на стадии бюджетного прогноза и составления прогноза развития субъектов федерации. Ранее, до 2007 года, этот вопрос окончательно увязывался с реальными возможностями бюджетной системы РФ и согласовывался на уровне второго прочтения бюджета.

Примером предоставления государственных услуг на территории конечного потребителя услуг является предоставление услуг государственными учреждениями: первую группу образуют общеобразовательные предприятия муниципального профиля – школы, муниципальные детские сады, ясли, колледжи, лицеи, кадетские корпуса для младших, мичманские школы средние, школы рабочей промышленной молодежи, вечерние рабочие школы аграрного профиля, вторую группу образуют - предприятия ресторана, кулинарии, общепита, третий блок услуг образуют предприятия бани-прачечные, химчистки, предприятия бытового обслуживания, учебно-производственные комбинаты, ЗАГСы.

Выделяют следующие признаки государственных услуг:

- в результате оказания услуги не возникает нового материального предмета, создается объект услуги;
- услуги не существуют как объекты, на которые могут быть распространены права федеральной и муниципальной собственности;
- реализация услуги градообразующего характера - результат действий производителя по заказу потребителя;
- результат услуги стратегического предприятия – результат выполнения государственного муниципального задания на оказание услуги населению территории;
- реализации услуги общеобразовательного характера и их потребление и услуги культурно-духовного характера неотделимы друг от друга, от этого зависит качество образования в России.

Содержание понятия «бюджетные полномочия» в РФ

Бюджетные полномочия в Российской Федерации реализуются в порядке, определенном Бюджетным кодексом РФ и законом «О реализации бюджетных прав в муниципальном объединении», что зачастую находится в компетенции федеральных органов власти и компетенции государственного финансового управления бюджетом РФ, на уровне структуры компетенции Правительства РФ. Содержание структуры компетенции реализации бюджетных прав органа управления федерального уровня, субъекта федерации и муниципального уровня структурируется и определяется в полномочиях Российской Федерации, относящихся непосредственно и исключительно к уровню Российской Феде-

рации. Во-первых, это законодательно закреплено и в подзаконных актах частично уточнено как порядок установления порядка составления и рассмотрения бюджетов бюджетной системы РФ, в том числе в краях, краевых областях и на местах – муниципальный бюджет (местный бюджет). Во-вторых, в содержании полномочий и компетенции участников бюджетного процесса РФ определены составление и рассмотрения проектов бюджета РФ; аналогичные, но более узкие полномочия бюджета и бюджетных прав реализуются на уровне краев, областей, краевых областей. На всех уровнях бюджетной системы РФ реализуется рассмотрение, принятие и утверждение проектов федерального бюджета РФ и бюджетов государственных внебюджетных фондов РФ в порядке, определенном Бюджетным кодексом РФ. В бюджетном праве РФ определено в сопряженных законодательных актах второго уровня, уточнено содержание и структурная часть федерального бюджета РФ, структура и содержание статей бюджета, содержащая коды бюджетной классификации РФ, коды и подразделы Бюджетной классификации РФ, относящиеся ко всем отраслям экономики, отраслям промышленности и культурным ценностям страны (например, здравоохранение, кинематография, образование, культура, услуги связи). Содержание статистической совокупности отдельных строк бюджета составляет структуру отраслей экономики и определяет порядок расходования бюджетных средств с учетом ведомственной соподчиненности и административных регламентов управления внутри финансового государственного управления бюджетом страны. В структуре статей бюджета РФ и в структуре подстатей бюджета заложена вертикаль власти РФ и реализация властных полномочий бюджета в структуре власти государства. Здесь также отражены территориальные особенности распределения бюджетных средств и использования бюджетных назначений бюджета страны, а также отражено использование и правоприменение средств капитального развития РФ. Исключительной прерогативой власти является уточнения порядка прохождения и исполнения средств бюджета в разрезе ведомственной классификации бюджета, увязанной с казначейской классификаций бюджета и по кодам главных распорядителей средств бюджета РФ для исполнения и законодательной обоснованности правоприменения средств федерального бюджета. Расширенный бюджет РФ, увязанный с бюджетами стран СНГ и стран Восточной Европы, является правовой основой использования совместных средств стран СНГ и международных кредитов и займов. Альтернативой является эмиссия государственных долгосрочных облигаций России через Сбербанк с гарантией Правительства РФ и реструктуризация международных траншей РФ в едином экономическом пространстве СНГ и Восточной Европы (Россия, Украина, Молдова, Белоруссия, Казахстан, Польша, Словения, Чехия, Морвенция). Порядок реструктуризации долгов России регламентируется Бюджетным кодексом.

Осуществление контроля за исполнением, утверждением федерального бюджета РФ и бюджетов государственных внебюджетных фондов РФ, а также осуществление контроля за исполнением отчетов по бюджету РФ является исключительной прерогативой Правительства РФ, осуществляется Правительством РФ, Счетной палатой РФ и органами государственного финансового управления в РФ. Бюджетным правом определено и регламентировано законодательное утверждение отчетов об исполнении федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов РФ, составление отчета о бюджете РФ, которые являются содержанием финансовой компетенции органов государственного финансового управления РФ и вертикали финансовых органов управления бюджетом. На этом же этапе исполнения бюджета осуществляется исполнение в бюджета РФ в разрезе кодов, подкодов, статей, целевых статей и целевых

среднесрочных программ бюджета, которые включаются обязательным компонентом статьи бюджета в состав каждой из отраслей (пример: раздел «Национальная оборона» и входящая в ее состав целевая программ «Дети Севера»). Составление отчета об исполнении консолидированного бюджета РФ является также компетенцией финансового управления РФ.

Бюджетным правом предусмотрен и определен порядок установления и исполнения расходных обязательств РФ, конкретизирован в нормативно-правовых статьях бюджета, прописан конкретный порядок прохождения бюджетных средств по счетам бюджетных учреждений и исполнение расходных обязательств РФ в казначейском исполнении смет. Вполне уместно было бы впоследствии реструктуризировать ранее выпущенные через Сбербанк РФ и Внешторгбанк РФ, Альфа – капитал, Альфа Универсал – капитал, Альфа – Ренессанс кредит в Тверском ОСБ банка и казначейские обязательства РФ перед СНГ, которые были учтены в Европейском пространстве России (например, в 2006 году по реструктуризации на 2016 и 2019 годы). Прописанный порядок исполнения бюджета РФ конкретизируется в составлении бюджетных смет и смет бюджетных учреждений, в том числе градообразующего профиля, для конкретной территории и региона.

Установление порядка и условий предоставления, конкретных условий использования бюджетных средств в форме расходных обязательств Правительства России и установление и исполнение казначейского исполнения расходных обязательств РФ. Казначейские расходные обязательства исполняются казначейской системой России. Государственное исполнение казначейских расходных обязательств является прерогативой Президента РФ. Осуществление государственных заимствований Российской Федерации в форме государственных облигаций (ОГССЗ, ОГСЗВЗ, ОГСЗЗ, ОГСПЗ), предоставление и порядок предоставления бюджетных кредитов, порядок списания и погашения бюджетных кредитов и бюджетных ссуд закреплены и конкретизированы в Бюджетном кодексе РФ. Управление государственным долгом и управление государственными активами Российской Федерации определены подробно в бюджетном праве РФ и конкретизированы в положениях Бюджетного кодекса РФ, положениях и отдельных главах Конституции РФ.

Формулярами статистической информации здесь являются коды и подкоды бюджетной классификации Бюджета РФ в разрезе получателей и подполучателей бюджетных средств и осуществления расходов федерального бюджета по распорядителям и администраторам средств. Формуляры статистической информации в форме статистических таблиц и аналитических таблиц для бюджета отражают структуру и содержание структуры экономических расходов бюджета страны. В экономической классификации расходов бюджета заложено содержание основных статей бюджета по кодам их классификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богачева, О. Проблемы несбалансированности бюджетной системы России [Текст] / О. Богачева // МЭиМО. – 1997. – № 6. – С. 111-117.
2. Бюджетный федерализм. Российско-канадский проект «Федерализм в сотрудничестве» [Текст]. – М.: Московское отделение Российского научного фонда, 2012.
3. Вопросы бюджетно-налогового федерализма в России и США. Материалы российско-американских семинаров [Текст] / под ред. Любимцева Ю.И., Мад Ш.Б. – М., 2012.
4. Государственные финансы: из опыта индустриально развитых стран [Текст]. – М.: ООД ИМЭМО РАН, 2013. – С. 156.

5. Зейдель, Б. Бюджетный федерализм: сравнительный анализ по странам [Текст] / Б. Зейдель, Д. Веспер. – Режим доступа: <http://ieie.nsc.ru/-taxis/verper/htm>
6. Игудин, А.Г. О принципах реформирования межбюджетных отношений в Российской Федерации [Текст] / А.Г. Игудин // Финансы. – 2011. – № 8. – С. 6-9.
7. Комментарий к Бюджетному кодексу Российской Федерации (вводный) [Текст] / под ред. проф. Романовского М.В. и проф. Врублевской О.В. – М.: Юрайт, 2011.
8. Ламперт, Х. Социальная рыночная экономика: Германский путь [Текст] / Х. Ламперт. – М.: Дело, 2013.
9. Поляк, Г.Б. Бюджетная система РФ [Текст] / Г.Б. Поляк. – М.: ЮНИТИ, 2012.
10. Пономаренко, Е.В. Теоретические основы бюджетного федерализма – Материалы конференции «Бюджетный федерализм и финансовое управление на местном уровне» [Текст] / Е.В. Пономаренко. – М.: РАКС, 2002.
11. Россия и фискальная децентрализация [Текст] / под ред. К. Валих. – М.: Всемирный банк, 1994.
12. Теория государства и права [Текст] / под ред. М.М. Расслова, В.О. Лучина, Б.С. Эбзеера. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2010.

Н.М. Римашевская

член-корреспондент РАН,

Н.Е. Маркова

ИСЭПН РАН

«ПРОЕКТ ТАГАНРОГ»: 47 ЛЕТ СПУСТЯ¹

В 1967 году в лаборатории экономико-математических моделей ЦЭМИ АН СССР был начат самый длительный в истории страны научный «Проект Таганрог». Исследование проводилось в течение 33 лет (последняя треть двадцатого столетия), имело квазилонггетюдный характер и касалось условий, уровня, образа и качества жизни российского населения в рамках крупного промышленного центра, расположенного на берегу Азовского моря.

Примечательно, что первые материалы исследования были выпущены под грифом «Для служебного пользования». Выводы, противоречившие официальным установкам, были подвергнуты цензуре и закрыты для общественного обсуждения. Проект, начатый в эпоху постхрущевской «оттепели» продолжился в период глубоких социальных трансформаций, которые пришли в Россию на излете уходящего тысячелетия.

В 1970 году, когда вышла первая книжка по Таганрогу, население города насчитывало 254 тыс. человек. Несмотря на низкие показатели рождаемости, благодаря положительному сальдо миграции рост населения наблюдался здесь вплоть до 1992 года и достиг пика в 296 тыс. человек.

Приступая к исследованию в XXI веке, мы обнаруживаем, что динамика роста населения приняла обратный отсчет. По данным Министерства труда и социального развития Ростовской области², численность населения Таганрога продолжает уменьшаться. На 1 января 2014 года в городе Таганроге проживало 253,6 тыс. чел.

Доля пенсионеров составила 35,5 % населения города Таганрога. Население города Таганрога, как и по России в целом, одновременно стареет и сокращается в размерах.

В 2014 году ИСЭПН РАН в рамках «Таганрогского проекта» осуществил очередной цикл исследований качества жизни населения г. Таганрога. В ходе экспедиции были проведены 120 интервью, 12 фокус-групп, социально-экономическое обследование домохозяйств. В нашем сообщении мы будем говорить о предварительных данных по 500 домохозяйствам.

Таганрог – международный порт и второй по величине город Ростовской области. Значительный экономический ресурс города составляют его климат и географическое

¹ Исследования выполнены на средства гранта РФФИ 13-06-00273 «Трансформация населения России: «Таганрог-два», спустя четверть века».

² Отчет Министерства труда и социального развития Ростовской области «Основные показатели социально-трудовой сферы городского округа Таганрога Ростовской области в 1-м квартале 2014 года».

положение. Среди населения распространена практика сдачи квартир, развит сектор общественного питания, туристических услуг, ведется активное строительство.

Однако в значительно большей степени Таганрог был и остается типичным промышленным городом. Промышленность занимает здесь первое место среди сфер занятости населения – 24%; второе место принадлежит торговле и общественному питанию – 13%; третье – делят образование и строительство – по 10%.

Анализ интервью с представителями администрации говорит о сложной экономической ситуации на крупных промышленных предприятиях, где работает 24% населения. Муниципалитет оказывает помощь малому и среднему бизнесу, но не в состоянии помочь промышленным производствам, многие из которых, по словам ведущего сотрудника муниципального экономического отдела, находятся в кризисе. Основные проблемы этих предприятий связаны со сбытом не конкурентной продукции; зарплаты не растут а сжимаются, техника безопасности на низком уровне, проявляется управленческая беспомощность владельцев. По мнению специалиста нужно вводить блокирующий пакет государственных акций, государственное управление на производствах, банкротство которых может оставить без работы сотни людей.

Коллективные договоры частных промышленных предприятий не предусматривают социальной поддержки работников, в то же время их доходы не позволяют выплачивать зарплату, способную удовлетворить основные потребности работающих.

Средний уровень зарплаты по Ростовской области составляет 20133,7 руб.

Один или двое детей, находящихся на иждивении, резко сокращают материальные ресурсы семьи. За исключением малочисленных высокооплачиваемых категорий, для служащих и рабочих оказались труднодоступны самые простые необходимые для жизни семьи блага: жилье, детский сад, средства, достаточные для образования и воспитания детей. Молодые специалисты, окончившие ВУЗы, уходят с таганрогских предприятий, стремясь закрепиться в крупных мегаполисах, где есть возможности карьерного роста и повышения зарплаты, или уезжают за границу.

В ряду проблем городской администрации оказалась реформа ЖКХ, усугубленная значительным износом коммунальных систем. На момент исследований в городе насчитывалось 52 управляющие компании. Около половины из них находились в состоянии банкротства, а в городском суде проходили судебные разбирательства, связанные с деятельностью некоторых директоров. Частные городские службы стали инструментом поборов, монополистами, постоянно повышающими цены на услуги. Больше всего страдают при этом малообеспеченные категории. Льготы на оплату коммунальных услуг становятся все менее существенным фактором уровня и качества жизни благодаря постоянному росту тарифов.

В эту непростую социально-экономическую ситуацию влился поток беженцев из Украины - претендентов на рабочие места, жилье, социальные выплаты, медицинскую помощь, образовательные услуги. Часть населения восприняла их как конкурентов, что еще более усилило социальную напряженность.

Исследования качества жизни в домохозяйствах г. Таганрога позволили определить стратификацию семей, респонденты из которых отметили соответствующие социально-экономические группы.

Семьи с достатком выше среднего (группа 1) - топ-менеджеры крупных предприятий, директора предприятий, предприниматели — 2%. Семьи со средним достатком (группа 2) — квалифицированные специалисты, индивидуальные предприниматели,

владельцы частных домов, имеющие доход от сдачи жилья в наем — 39%. Семьи не бедные, но с достатком ниже среднего (группа 3) — рабочие, служащие, пенсионеры с пенсией, соответствующей 1-1,5 прожиточным минимумам — 50%. Бедные семьи — рабочие без квалификации, служащие и персонал сферы обслуживания, образования, медицины — 6%. Крайне бедные семьи — семьи, где доступ к трудовой деятельности для части членов семьи затруднен или невозможен из-за безработицы болезни, других причин - 2%.

Исследования показывают, что в 16% семей с детьми младше 18 лет уровень среднедушевого дохода, не достигает прожиточного минимума. Латентная бедность с уровнем дохода превышающим прожиточный минимум на 20% охватывает не менее 40% опрошенных семей. Треть многодетных респондентов из группы «бедные семьи», не имеют пособий, так как вынуждены работать без оформления документов, получают «черную» зарплату и не могут предоставить необходимую справку в службу социальной защиты.

Значительная часть бедных семей – 80% – выплачивает кредиты, 50% из которых перманентны и, по сути дела, финансируют банки. Среди членов «бедных семей» 30% безработных и 20% инвалидов.

Еще одна группа бедных - неполные семьи женщин, состоящих в разводе (21% от семей с детьми младше 18 лет). В 37% из них душевой доход ниже прожиточного минимума в Ростовской области для работающего человека (8235 руб.). В 32% неполных семей доход даже меньше прожиточного минимума на душу населения - 7725 руб.

Серьезной социальной проблемой стали невыплаты алиментов. Количество исполнительных производств по алиментам в службе судебных приставов Ростовской области на 01.10.2014 - 34412, сопоставимо с числом браков, зарегистрированных в Ростовской области в 2013 году - 34784. По данным социологических интервью, 10% женщин, имеющих устную договоренность об алиментах, говорят о периодических невыплатах, недостаточной помощи со стороны бывшего супруга. Еще 10% не получают алименты, так как не хотят иметь никаких дел с бывшим мужем и желают оградить от его влияния детей.

Интервью с таганроженками, состоящим в разводе, показывают: с уклонением от уплаты алиментов со стороны бывшего супруга сталкивались около 60% женщин. Занижают заработную плату, прибегая к недостоверным справкам о доходах, для уменьшения алиментных выплат, около 30% мужчин; организации оказываются на стороне неплательщиков, показывая в документах незначительную часть «черной» зарплаты. Страдающей стороной оказываются дети, лишённые необходимой материальной поддержки для здорового развития, воспитания, образования.

Отсутствие каких-либо дополнительных средств (социальных пособий) в малообеспеченных семьях («очень бедные семьи», бедные семьи), с одной стороны, заставляет людей минимизировать потребности, удерживая их от кредитов, а с другой - при любой жизненной невзгоде может подтолкнуть в кредитную кабалу с дальнейшей перспективой невозможности расплатиться по долгам. В условиях отсутствия социальных лифтов и низкой заработной платы кредиты стали единственной возможностью удовлетворить насущные потребности не менее 50% населения.

Органическая взаимосвязь отдельных социально-экономических проблем качества жизни населения говорит о необходимости разработки целостной программы, включающей единую систему социально-экономических мероприятий. Повышение жизненного уровня населения должно стать приоритетной задачей, государственной и наци-

ональной идеей России. Основные меры должны быть направлены на модернизацию распределительных отношений. Необходимо пересмотреть прожиточный минимум в сторону увеличения, включив средства, необходимые для полноценного воспроизводства населения.

В.В. Курносков

Филиал СПб ГЭУ в г. Великом Новгороде

СОЦИОЛОГИЯ И ФИНАНСЫ

Рассматривая роль социологических исследований в обеспечении регионального развития, необходимо отметить освещение в ходе таких исследований проблем финансов в ходе экономического взаимодействия участников территориальных сообществ. Финансы - это экономические отношения юридических и физических лиц по поводу формирования, распределения и использования фондов денежных средств. При этом мы не должны забывать, что цели и задачи социологов обусловлены характером социологии как прикладной науки, выделившейся из идеологии.

Поэтому при проведении социологических исследований необходимо осознавать предсказуемость ожиданий по результатам исследования. Заданность результатов исследований социологов обусловлена политической системой и идеологией. К сожалению, общество не может похвастаться наличием работающей с населением идеологии.

По результатам социологического исследования, проведенного по заданию губернатора Новгородской области С.Г. Митина в 2012 году, накануне визита в Великий Новгород первых лиц государства, рейтинг губернатора среди новгородцев снизился. Результаты разочаровали губернатора, так как объективно хотелось показать, что в результате предпринятых усилий на данной территории получены впечатляющие экономические результаты, которые нашли признание среди новгородцев. Но социологическое исследование показало разочарование новгородцев [2].

Чем можно объяснить высокий рейтинг губернатора в предыдущий период? Ожиданиями новгородцев. Прежний губернатор М.М. Прусак управлял в условиях стагнации промышленности и производства вообще. При этом главным успехом М.М. Прусака было на фоне разрушающейся промышленности привлечение иностранных инвестиций в виде совместных с иностранным капиталом предприятий. В результате управления территорией в виде проживания капиталов, ранее созданных новгородцами, он вынужден был просить защиты в Центре от бандитов, которые начали управлять в области от имени губернатора. С.Г. Митин повел дело самым энергичным образом. Везде бывал и во все вникал. Это радовало, пока не пришли в область капиталы торговых сетей и капиталы Москвы и Санкт-Петербурга. Местные предприниматели лишились наиболее привлекательных видов бизнеса.

Незавершенность социологического исследования – чем плохи торговые сети для новгородцев в отличие от торговли, которую вели местные предприниматели? И только ли торговля пострадала в результате данной финансовой экспансии?

Отсутствие эффективности в социологических исследованиях обусловлено игнорированием официальных государственных источников информации. Прежде всего это

информация, публикуемая на основе сборников Комитета Госстатистики РФ по Новгородской области. Если мы прочитали в официальном сообщении Правительства РФ, что темпы роста инфляции за 6 месяцев 2014 г. ожидаются в размере 5 процентов, то по данным статистики в Новгородской области рост цен составил 4.7 процентов. Больше показывать непатриотично. И потом нельзя сердить первых лиц области. Но ведь новгородцы пришли в магазины и увидели, что мясо подорожало на 20 процентов.

И вот здесь следует вспомнить творчество известных социологов. Это не значит, что автор является сторонником авторитарной власти и жесткой диктатуры государства.

Е.В. Осипова в своем исследовании творчества Э.Дюркгейма отмечала, что «Социология изучает взаимосвязь различных общественных явлений и общие закономерности социального поведения людей. У Дюркгейма на первом плане общественное сознание, которому подчинено индивидуальное» [1, с.72]. Е.В. Осипова отмечает две составляющие сознания и подсознания человека, через которые он испытывает давление институтов государства и своей окружающей среды. Перед нами человек, жизнь которого делится на две части (так кажется самому человеку): жизнь на работе, где его сознание подвержено прежде всего отчуждению профессии и давлению права, морали, религии, и жизнь в быту, где ему позволено иметь мнение о себе, строить иллюзии, что сам выбирает свой досуг. Человеку не вырваться из общества. Е.В. Осипова отмечает, что «Дюркгейм считал, что мораль как фактор, создающий человека как общественное существо, – главный признак общества» [1, С.182].

Е.В. Осипова пишет, что человеку ничего не остается, как признать себя принадлежащим общественной группе и семье [1, С.96]. Он делает это под принуждением обстоятельств жизни. Сам человек давление не ощущает. С младенчества, постепенно, его сознание заполнено системой ценностей, которые соответствуют его роли в обществе. Чтобы понять поведение человека, необходимо знать те факты условий жизни, в которых он сформировался. Для примера можно взять установки чиновника, выходца из крестьянской семьи и не имеющего опыта городской жизни. На уровне профессии чиновника он неизбежно испытывает давление и подстраивается под требования среды, как подсказывает ему жизненный опыт: на уровне профессиональной среды и на уровне требований и ожиданий семьи. Деревенское детство довлеет над чиновником, так как первично по времени обретения. В рабочее время и в неформальной обстановке чиновник должен быть начеку и «знать свое место в группе». Таким чиновником легко управлять. По сравнению с деревенским детством жизнь в городе имеет много преимуществ, и чиновник не может от них отказаться. Чего бы это ему ни стоило. В быту человек принадлежит сам себе, но это самообман, как сказка, и все же дает некоторое психологическое удовлетворение. В результате мы получаем параллельное существование государственного аппарата и населения, с различной идеологией. Отношения отчуждения. У каждой группы общества самостоятельные друг от друга интересы и цели.

Что происходит в Новгородской области в социальном секторе экономики? Финансовый капитал, в отличие от промышленного, более мобильный и не привязан к данной территории и поэтому не заинтересован в ее развитии. Мы видим, что в бюджете Новгородской области все меньше средств на социальную сферу. В районах остаются только школы в райцентре, а школы в деревнях становятся как бы ее филиалами. Как плохо финансируются филиалы, прекрасно все знают. «Подушевое» финансирование и финансирование «исходя из возможности бюджета» приводят к опустошению территории и концентрации населения в городах.

Что могут сделать в этих условиях социологи? Прежде всего запретить проводить социологические исследования на любительском уровне силами студентов под руководством какого-либо профессора. Предоставить это дело только профессионалам. Экспертам. Пусть это будут гранты правительства области. Пусть будет определенная заданность результатов. Однако полученные результаты позволят проводить диалог между властью и обществом, корректировать в нужном направлении идеологию как взаимоотношения различных групп, но единого общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осипова, Е.В. Социология Эмиля Дюркгейма: критический анализ теоретико-методологических концепций [Текст] / Е.В. Осипова. – М.: Наука, 1977.
2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://politclub.livejournal.com/7393221.html>

Д.В. Козлов

Межрегиональный институт общественных наук
при Иркутском государственном университете
г. Иркутск

ИДЕОЛОГИЯ ГРАЖДАНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Тема гражданства в современной России не является одной из самых обсуждаемых. Само понятие «гражданин» часто рассматривается как нечто само собой очевидное и не требующее дополнительных усилий для концептуализации. Обычно тематика гражданства возникает в пафосном, официозном ключе как неизменное право россиянина (этому соответствуют такие ситуации, как получение первого паспорта молодым человеком или торжественное вручение наград представителями власти «лучшим из лучших»). Проблематизация связана с темой миграции и споров вокруг разных режимов принятия мигрантов и проблем их адаптации. Тема также возникает при размышлениях о судьбах соотечественников, да и о самом понятии «соотечественник». Если говорить о внутривнутриполитических проблемах, то идея уважения политических прав как одной из основных составляющих понятия «гражданин» концептуализируется в разных оппозиционных программах, заметно проявившись, например, в движении против фальсификации результатов выборов Парламента и президента в 2011 – 2012 гг. Взаимодействие восприятия мигрантов принимающим обществом и восприятие режимов гражданства в этом же обществе взаимосвязано. Согласно предположению известного исследователя Р. Брубейкера, отношение государства к иммиграции и иммигрантам (как к их допуску на территорию, так и к возможности их натурализации) определяется тем, каким образом в этом государстве понимается нация. Если она трактуется преимущественно в политических терминах – как сообщество, формируемое общностью территории, то есть как гражданское сообщество - то законодательство о гражданстве будет более «инклюзивным». Если же нация понимается преимущественно в этнических терминах – как группа, объединенная общностью происхождения, - то законодательство о гражданстве более «эксклюзивно», а возможности натурализации иммигрантов крайне ограничены. Демонстрируя этот тезис, Брубейкер опирался на примеры Франции и Германии как на два противоположных случая: первый - пример господства гражданской концепции нации, второй - пример этнического понимания ее природы.

Развивая этот тезис Брубейкера, можно предположить, что определение гражданства внутри страны влияет и на определение соотечественников вне ее. Исследователи сходятся во мнении, что для современной России характерным является тренд в сторону

этнизации гражданства. Соответственно, этот процесс задает и формат определения соотечественников. Такая этническая интерпретация гражданства коррелирует и с общим трендом развития этнического национализма в современной России. Но можно попытаться дать и более сложную интерпретацию этих процессов. Сложность в этом случае будет обусловлена двумя причинами. Во-первых, мы можем говорить о меняющейся методологии исследований гражданства, связанной с всплеском интереса к данной тематике во всем мире. И второе, собственно, сам объект – динамика посткоммунистического гражданства, где сочетаются влияние советского наследия, советских интерпретаций и новых реалий. Остановимся подробнее на этих двух моментах. Традиционное для исследований гражданства понимание отталкивается от триады прав, описанных Маршаллом. Речь идет о личных, политических и социальных правах [1, С. 12]. Часто такое понимание редуцируется до юридического – просто как запись в паспорте.

На самом деле все не так просто. Очевидно, что тема гражданства оказывается в центре взаимоотношений личности и государства. Но ведь государство можно рассматривать не только как юридическое понятие, юридическую категорию, а как продукт меняющегося «социального воображаемого». Это «воображаемое» тесно связано с чувствами людей, с их идентификацией с государством. Все это предполагает меняющееся участие социальных акторов в нарративах об институтах и идеологиях государства. Таким образом, рассматриваемое гражданство предстает как динамический процесс, связанный с феноменом лояльности и принадлежности, включенности. Подобные подходы основаны на постклассических исследованиях гражданства, преодолевающих прежнее рассмотрение института гражданства лишь в юридических терминах. Внимание переносится на принадлежность к «национально-политическому сообществу». Государство в этом случае выступает лишь как объект выражения лояльности, а идея принадлежности к нему отходит на задний план. Можно сделать вывод, что государство перестает доминировать в исследованиях гражданства.

Это не является случайным процессом и обусловлено:

1. Глобализирующийся мир – не все резиденты государства являются его гражданами и не все индивидуумы подпадают под принадлежность к национальным государствам.
2. Неполитические идентификации – родство, племенные и религиозные связи играют в динамике гражданства такую же роль, как и государство.
3. Стирается грань между государством и обществом.

Интересно, что это усложнение соответствует и более пристальному прочтению самого классического текста Маршалла («Гражданство и социальный класс»). Исследователи (Б. Капустин, В. Малахов) размышляют о том, что линейная схема развития, «обкатанная» Маршаллом на примере истории Англии и связанная с последовательным наполнением гражданства разными видами прав, - сначала личными (например, защита своей жизни и собственности, если только это не определено иначе решением уполномоченных государственных органов, или право на собственные мнения и верования), затем - политическими (воздействие на состав и политику государственных органов, например, посредством участия в выборах корпуса представителей, которые затем становятся управителями или администраторами государственных институтов) и, наконец, социальными (гарантии со стороны государства элементарного прожиточного минимума и удовлетворения основных потребностей, которых либо принципиально нельзя достичь в одиночку, либо — усилиями лишь конкретного индивида), - не может рассматриваться как универсальная схема, даже в приложении к истории различных

европейских стран [2, С. 210 -223]. С одной стороны, можно говорить о различных представлениях о гражданстве в отдельных странах, обусловленных особенностями их социальной и классовой структуры, политической системы, особенностями публичной сферы, господствующими идеологическими течениями, основными чертами политической культуры и т.п. С другой стороны, сами разные виды прав вполне могут вступать в противоречие и даже в конфликт друг с другом.

Вся эта сложность никуда не исчезает при обращении к теме восприятия гражданства в современной России. Переходя к теме советского наследия, можно сослаться на интересные исследования К. Вердери. Она рассуждает о том, что в посткоммунистических странах очень характерно рассматривать категорию гражданства с точки зрения включенности, которая противопоставляется исключенности [3, Р. 15]. Причем включенность часто рассматривается с позиций этничности, обуславливающей принадлежность к общности. Отсюда включенность, принадлежность к государству выступает как гарантия прав и возможность быть субъектом. В таком случае гражданство предстает и продуктом «социально воображаемого», и продуктом, который произведен самим государством. В бывших социалистических государствах – существовавшие социалистические наименования и определения государства – ключ к воображению государства, к тому, как оно воображается. К. Вердери приводит пример Румынии, где «государство – партия» рассматривалось как институт «отечески» и патерналистски принимающий мудрые и важные решения в интересах «всей семьи» - румынской нации. В СССР шли более сложные процессы. Их сложность связана с национальностями – институционализация национальности по-советски привела к тому, что этот феномен начал сложным образом взаимодействовать с концептом гражданства. К. Вердери – исследование феномена «социального патернализма». Естественным в таком случае является феномен постсоциалистической ностальгии по социальным гарантиям. Посткоммунистический социальный патернализм можно считать примером социального конструирования природы гражданства. Он подразумевает наличие определенных ожиданий взамен обязанностей по отношению к государству. Соответствующее отношение к государству очень распространено и в современной России.

Люди в постсоциалистических странах приучены к воображению гражданства через социальные гарантии (в этом проявляется специфика влияния прошлых коммунистических режимов). Но подразумевается, что эти права предоставляются не в равной степени. Разница связана с этничностью, полом, профессией. В Советской России пролетарское гражданство провозглашалось как гражданство внеэтническое и равное, но на практике проявлялось и как этнически окрашенное, и как иерархичное. Очень интересную гипотезу по этому поводу высказывает Ш. Фицпатрик в своей статье «Класс как аскриптивная категория». По мнению американской исследовательницы, классы выступали как своего рода «приписанные» категории, напоминая в этом смысле дореволюционные сословия. Во многом это способствовало закреплению социальных отношений, характерных для традиционного общества, но описывались они с использованием марксистской идеологии. Важно, что разнообразные идентичности внегражданской природы (этнические, расовые, половые) влияли на взаимодействие государства и субъектов. Современная российская ситуация также связана с тем, что население не доверяет государству. То есть языки «государственности» существуют, но это не влияет на процесс легитимизации. Очень важными становятся неформальные практики взаимодействия государства и общества. Размышляя о судьбах конструкта «этничности»,

необходимо помнить, что в СССР национальность рассматривалась как правовой статус, определяющий статус личности. В свою очередь территориальная и политическая идентичность отделялись от личностной и этнокультурной идентичности. Возникла сложная и противоречивая система знания / силы, связанная с восприятием национальной идентичности как социальной категории, отделяя ее от государственности и гражданства и контролируя ее формально-правовые формы выражения.

В 90-е годы происходит изменение отношения к национальности. Если говорить о современной России, это ярко проявляется в развитии разных концепций «русскости». В частности, можно говорить о следующем:

1. Русская идентичность как «союзная» (сверхнациональная, имперская).
2. Россия как нация восточных славян (сюда же белорусы и украинцы).
3. Русские как русскоговорящие, независимо от происхождения.
4. Расовые обозначения русских.
5. Гражданские русские, что равнозначно российским.

В последнем случае это может быть связано с проявлением лояльности по отношению к государству и Конституции. В этих условиях гражданство для многих русских не выступает как универсальная концепция, отступая на второй план по сравнению с другими определениями. Этому соответствует непростая история использования понятия «гражданство» в российском обществе. Единственными сферами, где оно сохранялось, была административно-бюрократическая – «граждане, на выход!» или сфера уголовно-процессуальная – «гражданин начальник». Можно вспомнить и «гражданскую оборону» как обозначение необходимости постоянной готовности к мобилизации перед лицом врага (правда, данное употребление всегда сопровождал целый шлейф шуточного, неформального его восприятия). Всплеск интереса и энтузиазма к идеологии гражданского общества на рубеже 80-90-х годов сменился скепсисом и апатией, хотя, как уже отмечалось, дискурс гражданственности периодически возникает на фоне критики существующего политического режима. Согласно разным социологическим опросам, для 80 % населения России идентичность определяется через язык и культуру, а не через гражданство. Это отражается в становлении дискурса «вымирания русской нации», «геноцида русских». Политика государства коррелирует с таким дискурсом, например, через выстраивание государственного языка по отношению к иммиграции через язык квот, разрешений и регулирования. В этих условиях, например, интеграция мигрантов не рассматривается как политическое решение, а интерпретируется как угроза национальной идентичности. Соотечественники в таком случае предстают как фактор сохранения «русскости», как дополнительный источник «жизненных сил русского народа», как геополитический ресурс и т.п. Интересно полное отсутствие в России дискуссий о креативной силе мультикультурализма (в отличие, например, от англоговорящего мира). Язык аналитических центров, рассуждающих о подобного рода проблемах – это язык интересов государства, «стратегических задач», «судьбоносных решений». Все рассмотренные тенденции приводят к тому, что в условиях слабости гражданского компонента развития нации усиливается ее культурная (часто интерпретируемая в этническом ключе) компонента, которая накладывается на специфическое постсоветское восприятие государства с помощью патерналистских дискурсов, парадоксальным образом сосуществующих и взаимодействующих с дискурсами полного недоверия государству и отрицания его легитимности. В этих условиях сохраняется и воспроизводится советский режим восприятия гражданства как статуса, обеспечивающего всяческие

социальные гарантии, единственным источником воспроизводства которых выступает государство. Это напоминает социальные права из триады Маршалла. Но в данном случае идея политических прав как прав участия и вовлеченности в политический процесс не рассматривается самими российскими гражданами как необходимая и важная составляющая гражданства. Интересно также, что данный патерналистский дискурс гражданства коррелирует с современной идеологией оптимизации и повышения эффективности управления с «социальной точки зрения», где место граждан занимают различные группы населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Капустин, Б.Г. Гражданство и гражданское общество [Текст] / Б.Г. Капустин. – М., 2011.
2. Малахов, В. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций [Текст] / В. Малахов. – М., 2014.
3. Verdery, K. What Was Socialism, and What Comes Next? [Text] / K. Verdery. – Princeton, 1996.

Ф.С. Файзуллин

академик АН РБ, д-р филос. наук
ИС РАН (г. Уфа)

Т.Ф. Файзуллин

канд. соц. наук,
филиал РГСУ в г. Уфе

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУЩНОСТИ КАТЕГОРИИ «СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ»¹

Не вызывает сомнения, то от уровня познания социально-экономического потенциала и разработки механизма эффективного его использования зависит научная обоснованность управления социально-экономической жизнью страны и ее регионов. Именно этим обусловлена актуальность изучения проблем потенциала общества. В связи с установлением различных санкций со стороны США и ЕС актуальность их изучения и реализация на современном этапе развития нашей страны резко возросла.

Однако в научной литературе, посвященной проблемам формирования и развития разного рода потенциала общества, обнаруживается отсутствие какого-либо единого методологического подхода к определению и интерпретации его сущности и содержания.

Как известно, еще в системе категорий Аристотеля понятие «потенция», как этимологически исходное в отношении к понятию «потенциал», интерпретируется неоднозначно и противоречиво. Сегодня под потенциалом обычно понимают либо возможности, либо способности, либо ресурсы. Однако возможности, способности и ресурсы, даже вместе взятые, не исчерпывают содержания понятия «потенциал». В связи с этим некоторые исследователи продолжают перечислять его составляющие и тем самым еще более запутывают понятийное толкование потенциала. Возможность не выражает в полной мере сущность потенциала в том смысле, что при наличном том или ином конкретном содержании и уровне потенциала под влиянием различных внешних причин могут быть реализованы совершенно разного рода возможности. Кроме того, в той или иной системе реальности умозрительно (абстрактно) или же идентично (по аналогии) может просматриваться перспектива реализации каких-либо возможностей, однако это не обязательно означает, что в данной системе имеется соответствующий потенциал. Анализ соотношения понятий «потенциал» и «возможность» показывает,

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ и РБ, проект № 13-13-02009, «Научно-образовательный потенциал региона и пути повышения эффективности его использования».

что определение потенциала как совокупности возможностей по меньшей мере логически некорректно. Возможность не выражает сути понятия «потенциал». Не все возможности, открывающиеся перед какой-либо системой (обществом, наукой, социальным институтом образования, личностью и т.д.), могут характеризоваться как потенциал. Например, как и любая страна, Италия имеет абстрактно-реальную возможность стать сверхдержавой. Однако, несмотря на то, что такая возможность абстрактно существует, у современной Италии нет соответствующего потенциала, и его формирование в силу разного рода причин, может, и не будет реализовано. Таким образом, система возможностей, присущая Италии, как и любой другой стране, и присущий ей потенциал - это не одно и то же. Определяя потенциал как какую-то систему возможностей, мы расширяем объем этого понятия, а определяя потенциал как какую-либо систему способностей, наоборот, мы сужаем его объем. В частности, не каждый человек способен реализовать, актуализировать ту энергию, силу, в том числе и творческую, которая в нем заключена и имманентно действенна. Формирование способностей - это не есть в буквальном смысле формирование потенциала. Наличие способностей и наработка тех или иных способностей, безусловно, означает наличие и приобретение потенциала. Однако наличие потенциала или его формирование у какой-то системы необязательно означают наличие и формирование у нее каких-то способностей. Имея потенциал движения как любого изменения, система может оказаться и неспособной реализовать это движение вследствие действия внешних причин. Разным людям присуща различная совокупность, различное сочетание и различная степень развитости тех или иных способностей, основывающихся на генетически заложенном в них потенциале. Но эта совокупность способностей не исчерпывает содержания потенциала, а скорее представляет собой систему способов действия («способность»), которые приемлемы и реализуемы. Определенный срез потенциала личности может вообще никогда не найти своего выхода на уровень способностей и может оставаться невостребованным по разным причинам. Способность - это характеристика системы, позволяющая ей актуализировать некое содержание самодвижения и воздействия на другие системы.

Ресурсное толкование сущности понятия «потенциал» также имеет методологические недостатки. Под ресурсами в литературе принято понимать некую совокупность носителей свойств и характеристик, имеющих значимость для функционирования той или иной системы и обеспечивающих ее существование. Потенциал же может и должен рассматриваться как атрибут какой-либо системы материального или идеального характера. В реальной действительности, где все взаимосвязано и взаимодействует, потенциал выступает как сила, прежде всего, как сила воздействия, как атрибут бытия. В сфере общественных явлений он приобретает специфические формы, виды проявления, и применительно к этой сфере проблема потенциала выступает как более актуальная и требует более активного исследования. Если понимать под потенциалом совокупность, систему ресурсов, то, с одной стороны, это приведет к сужению объема этого понятия, а с другой - к его расширению. Различный характер комбинации ресурсов, разная система взаимосвязей между ними и просто различное содержание ресурсозатратной политики могут обусловить существенное расхождение показателей потенциала той или иной системы, привести к формированию у нее разного потенциала. С другой стороны, не всякий ресурс предстает в виде составляющего потенциала. Некоторые элементы ресурсов, имеющих у той или иной системы, могут вообще не сказываться на показателях ее потенциала.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что потенциал представляет собой совокупность взаимодействующих сил, заключенных в той или иной материально-духовной системе, вектор действия которых может быть направлен как на саму эту систему, так и вовне. Потенциал – это понятие, которым обозначается, прежде всего, система сил, действие которых актуально или может быть актуализировано при определенных условиях. Результатом их действия являются разноплановые, разнокачественные изменения. При этом в содержании понятия «потенциал» можно выделить два уровня: формальный и реальный [Файзуллин, Шафиков, 2006, с.356]. Формальный потенциал – это понятие, обозначающее систему сил, наличие к действию которых признается на уровне формального понимания и толкования действительности, но не обнаруживается в реальной, практической сфере бытия (например, «божественная сила», «нечистая сила» и т.п.). Реальный потенциал – это понятие, обозначающее систему сил, существующих и уже действующих или же имеющих возможность существовать и действовать в случае возникновения или создания определенных дополнительных условий. В свою очередь формальные и реальные потенциалы имеют свою структуру. Отталкиваясь от этой методологической посылки толкования понятия «потенциал», можно развернуть следующую схему, раскрывающую его структуру.

Исходя из изложенного подхода, содержание понятия «потенциал» можно определить следующим образом: потенциал — это присущая материально-духовным системам (человеку, социальному институту образования, социальным группам, региону, школе, науке и т.д.) совокупность (энергетического рода) параметров, обуславливающих (обеспечивающих) наличие у этих систем определенных возможностей, способностей, ресурсов и т.д. для реализации (осуществления) ими тех или иных усилий, направленных на самосохранение и самодвижение а также на преобразование условий и характеристик среды. Содержание понятия «потенциал» несводимо к содержанию таких понятий, как «возможность», «способность», «ресурсы» и т.д.

Что же касается экономического потенциала региона, то его следует определить как возможности и способности указанных систем региона за счет использования собственных региональных ресурсов обеспечить достижение в своей административно-территориальной границе долгосрочного, устойчивого социально-экономического развития, позволяющего гарантировать населению территории необходимый уровень и качество жизни, соответствующие стандартам развитых стран мира.

Следует отметить, что в литературе преимущественно используется категория «социально-экономический потенциал». Действительно, социальный и экономический потенциалы тесно взаимосвязаны и взаимообуславливают друг друга. Поэтому их необходимо исследовать в диалектической взаимосвязи друг с другом. Но вместе с тем, как нам представляется, необходимо их и разводить. При этом социальный потенциал следует рассматривать как систему элементов, непосредственно формирующих социальную активность и возможности в получении социально значимых результатов в различных сферах общественного бытия. Социальный потенциал нельзя отождествлять с категориями «социальный ресурс», «социальные возможности», «система способностей», «имеющиеся условия».

Социальный потенциал региона имеет достаточно сложную иерархическую структуру. В его составе целесообразно выделить производственный, трудовой, научно-образовательный, инновационный, организационный и другие потенциалы. Естественно, каждый указанный потенциал является относительно самостоятельной системой и имеет большое количество своих составляющих элементов. Кроме того, социальный

потенциал определяет особенности потенциала региона в целом. Поэтому при исследовании и разработке системы управления все структурные элементы социального потенциала должны рассматриваться в их взаимосвязи и взаимообусловленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Файзуллин Ф.С. Особенности динамики научно-образовательного потенциала в условиях глобализации [Текст] / Ф.С. Файзуллин, М.Т. Шафиков // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Социально-гуманитарные науки. Выпуск 5. – 2006. – № 02 (57).

И.Ф. Ивашкин

ВГМХА им. Н.В. Верещагина,
г. Вологда

ИГРОМОДЕЛИРОВАНИЕ КАК МЕТОД АНТИЦИПАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО БУДУЩЕГО

Актуальность данного исследования определяется теми социальными процессами, которые наблюдаются сегодня в мире. Переход ряда стран на «рельсы» рыночной экономики привел к распаду прежних социальных образований и созданию новых объединений, которые довольно часто оказываются неустойчивыми в плане взаимоотношений стран, социальных групп, сотрудников организаций. Создание новой организации предполагает набор сотрудников, которые вступают в социальные отношения: они либо конфликтуют и постоянно воспроизводят конфликт, либо согласуются на том или ином уровне нормативного бытия. Для любого руководителя предпочтительней, чтобы в будущей организации было меньше конфликтов и больше согласований, солидарности. Но мы видим, что современная реальность полна конфликтами. Распад Союза, отделение республик привел к новой исторической ситуации. Сам распад это усиление конфликтности сначала между странами, а потом и внутри стран. Это мы видели в Чечне, в Дагестане, а сегодня видим на Украине. А конфликты, как мы видим, могут приводить и к военным действиям внутри стран.

Что же касается методов прогнозирования последствий реализации политических проектов, то в поле интересов оказываются критерии экономической эффективности, получения максимальной прибыли. Но военные действия если и оказываются благом для отдельных фирм, то для страны в целом и для большинства населения оборачиваются трагедией. Меняется политическая ситуация и фирмы распадаются, но изменение политической ситуации это изменение отношений между социальными группами. Поэтому при создании новой организации руководителю нужно знать, как поведет себя человек в новой социальной группе, какие отношения сложатся между сотрудниками разных подразделений? Пока организации нет, будущие сотрудники находятся в иных ситуациях, чем ситуация, которая возникнет в новой организации. Как определить поведение сотрудников в будущей организации? Для антиципации или предвосхищения будущего социального состояния можно использовать метод игромоделирования, который сформировался в рамках современного методологического движения.

Однако, кто знаком с организационно-деятельностными играми, разработанными и проводимыми Г.П. Щедровицким и его последователями, тот скажет, что ОДИ была предназначена для решения управленческих проблем и развития игроков [3, с. 10].

В пространстве ОДИ создается конфликтная ситуация, как столкновение противоположных подходов, а потом происходит их синтез. В ходе игры происходит смена одной мыследеятельности на другую, а вместе с этим и развитие игроков. Место игры оказывается в переходе от функционирования к развитию [3, с. 10].

Игру как форму развития игрока рассматривает и О.С. Анисимов, сделавший большой вклад в разработку вопросов игромоделирования, языка схематизированных изображений и интеллектуальных критериев. В отличие от Г.П. Щедровицкого, О.С. Анисимов рассматривает игру как прообраз театра, когда в организации игры участвует идеолог, сценарист и режиссер, который в ОДИ называется игротехником. О.С. Игра О.С. Анисимовым также рассматривается как средство решения управленческих проблем и особенно стратегического плана и как форма развития игроков [1, с. 7-10].

Для того чтобы поставленная проблема была решена и чтобы игроки прошли путь развития, игра должна протекать в течение одной или двух недель. И должно быть достаточное количество участников игры: минимум 9 человек, минимум три группы, по три игрока в каждой и еще по одному игротехнику в каждой группе.

Есть еще деловая игра, и она возникла раньше, чем ОДИ. Но в деловой игре акцент делается на имитацию не проблемной ситуации, а задачной, на способности субъекта деятельности к принятию рутинных управленческих решений. В этом случае отношения сотрудников и социальных групп оказываются в тени [2, с. 11]. В деловых и организационно-деятельностных играх важно само действие, дело, а отношения уходят в тень. По завершению организационно-деятельностной игры игрок отчитывается проектом своих действий в послеигровой период, что вытекает из базовой схемы ОДИ, включающей три уровня: чистое мышление, мыслекоммуникацию и мыследействие [245]. Но при этом как в игре, так и в самом процессе производства у него может быть свое собственное отношение к другим сотрудникам. Именно это отношение и может служить фактором возникновения конфликтов. Если имитация не позволяет понять истинные отношения человека в реальном пространстве деятельности, то какой должна быть игра, чтобы увидеть человека в настоящем как в будущем? Для этой цели игромоделирование должно быть не имитационным, а репрезентативным. Репрезентативная игра как групповое явление связана с личностной позицией как игровой группы в целом, так и отдельного игрока. Коль скоро неизвестно как поведет себя человек в новой ситуации, то данный тип игры предстает как проблемно-личностная репрезентативная игра.

Игромоделирование как метод антиципации социального будущего исходит из того, что меняется не сам человек, устраиваясь в организацию, а меняется лишь ситуация. Дело в том, что большая часть населения страны в организационно-деятельностных играх не участвует, но многие устраиваются, на работу, иногда увольняются и ищут новое место работы. И в игре эта новая ситуация отношений с новыми сотрудниками обыгрывается, но пока человек не стал сотрудником обыгрывание протекает модельно. Возникает законный вопрос, почему человек будет вести себя репрезентативно, демонстрировать реальную внутреннюю позицию, а, например, не прикидываться спокойным и бесконфликтным? Когда проводится организационно-деятельностная игра, для решения проблемной ситуации в организации, то в игре участвуют сами сотрудники организации. К внешним участникам относятся игротехники, методологи, исследователи, руководитель игры и др. Коль скоро большая часть участников не являются специалистами по играм, то происходит имитация не только проблемной ситуации в деятельности, что контролируется всеми участниками как специалистами в своем деле

и снижает случайность, но и имитация самой игры, в которой компетентны в какой-то мере только игротехники и руководитель игры. Конфликты, которые появляются на таких играх, текут по своей логике и чаще всего не подвластны регулированию, а конфликтных игроков просто удаляют из пространства игры. Поэтому организационно-деятельностные игры не говорят нам о том, как сложатся отношения сотрудников в новом отделе, фирме и т.д.

В организации и проведении репрезентативной проблемно-личностной игры должны участвовать не субъекты будущей деятельности в организации, а игромодельеры, т.е. специально подготовленные люди.

Как будет выглядеть тема такой игры? Она должна формулироваться в виде вопроса, который нас реально интересует? Как будут вести себя сотрудники, например, в новом отделе маркетинга? В проблемно-личностной игре не моделируется и не имитируется деловая сторона фирмы, не берутся во внимание должностные инструкции. На первый план выходят только отношения в отделе, который уже модельно функционирует и в нем есть люди, которые вступают во взаимоотношения. Игромодельеры идентифицируются с будущими сотрудниками и разыгрывают отношения.

Дело еще в том, что игромодельеры владеют интеллектуальными средствами, которые позволяют видеть, как люди согласовываются и в чем причина всех конфликтов в социодинамике. К числу интеллектуальных средств относится схема социодинамики, которая включает в себя два базовых процесса – конфликт и согласование – и фиксирует причину всех конфликтов в социальных отношениях между людьми как объектное, вещное отношение к человеку по инерции потребностного отношения.

Психологи установили, что если детское внимание акцентируется только на предметах, например, какого-то предприятия, то они это предприятие в игру не вовлекают. Игра у них связывается с действиями людей и с отношениями между ними [4, с. 30-31]. Но и на организационно-деятельностной игре если игрок не может оторваться от предметов своей организации, то он в игру не попадает. Репрезентативная проблемно-личностная игра предполагает отвлечение от всех возможных действий в будущей организации. Например, есть директор новой организации, и есть предполагаемый бухгалтер. В игре моделируется не их компетентность в деятельности, не функциональные места, которые обязательны в организационно-деятельностной и деловой играх, а отношения, которые сложатся в будущем. И эти отношения моделируют игромодельеры, на основе информации, полученной в ходе исследования и идентификации с теми, кто займет должности в новой организации. Таким образом, отношения между будущими сотрудниками берутся вне их деятельностного бытия и вне их способностей как субъектов деятельности по преобразованию исходного материала в конечный продукт. Личность в отношениях это бытие человека в социальной группе, как он в этой группе договаривается с другими и на каком уровне договаривания останавливается.

Согласно схеме социодинамики человек в ситуации конфликта согласуется с другим человеком, либо на уровне субъективной нормы и потребностного отношения к другому человеку, либо на уровне надсубъективной и общей нормы, что минимизирует конфликтность, либо на уровне всеобщей нормы, которая не зависит от самого человека, то есть, на уровне норм культуры, что практически исключает конфликтность. И если игра показывает, что в согласовании преобладает потребностное отношение и другой человек берется как предмет потребности, то тогда будущий сотрудник будет постоянным источником конфликта. И если его берут на работу, то руководителю известна

его особенность, и он в дальнейшем будет это учитывать. Схема социодинамики для модельера это его интеллектуальные «очки», через которые он видит существенные моменты конфликтности и уровней согласования игроков как сотрудников будущей организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов, О.С. Игромоделирование. Игротехника. Развитие [Текст] / О.С. Анисимов. – М., 2009. – 522 с.
2. Бельчиков, Я.М. Деловые игры [Текст] / Я.М. Бельчиков, М.М. Бирштейн. – Рига: Авотс, 1989. – 304 с.
3. Щедровицкий, Г.П. Организационно-деятельностная игра [Текст]: сборник текстов (1) / Г.П. Щедровицкий / из архива Г.П. Щедровицкого. – Т. 1. – М.: Наследие ММК, 2004. – 288 с.
4. Эльконин, Д.Б. Психология игры [Текст] / Д.Б. Эльконин. – М., «Педагогика», 1978. – 304.

Е.А. Каневский, К.К. Боярский

СПб ЭМИ РАН, СПб НИУ ИТМО, г. Санкт-Петербург

НОВЫЕ РЕСУРСЫ ПОДДЕРЖКИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Анализом содержания текстов занимаются многие исследователи при изучении влияния средств массовой информации на общественное мнение, при изучении документов истории и культуры, при изучении политического, экономического, юридического и даже экологического сознания общества. Известен ряд компьютерных программ по анализу текстов: PLCA, KWALITAN, СЕТА, AQUAD, WINMAX, ТЕХТРАСК РС, ТАСТ [1], которые основаны на широком использовании словарей.

1. Немного теории.

Одним из методов качественно-количественного изучения содержания текстов является **контент-анализ (КА)**. В процессе КА все многообразие текстов сводится к набору определенных элементов, которые затем подвергаются подсчету и анализу. Обычно в качестве элемента содержания (единицы анализа) при «машинном» КА используют слово, которому ставят в соответствие определенную категорию. Однако слово характеризуется лишь номинативной, назывной функцией. Единицей выражения мысли обычно является предложение, которое используется в качестве единицы содержания при классическом («ручном») КА. Мы используем в качестве элемента содержания фразу, которая может состоять как из целого предложения, так и из нескольких слов и даже из одного слова. Каждая фраза является выражением одного суждения, одной мысли. При автоматическом сравнении фразы считаются идентичными друг другу при совпадении двух-трех слов или одного-двух ключевых слов, более точную оценку идентичности фраз задает исследователь.

Анализируемые тексты имеют определенную структуру и представляют собой множество суждений по различным вопросам. В частности, в социологии такой материал дают заключения экспертов, высказывания по темам интервью, ответы на открытые вопросы и др. В психологии – это формулировки законченных предложений в тестах. В средствах массовой коммуникации – это названия публикаций и передач, их тематическая направленность.

Любые попытки применения КА к текстовым массивам неизбежно связаны с проблемой классификации и, следовательно, с разработкой классификатора. В большинстве исследований заранее составляется формализованная, полностью закрытая схема классификации еще до начала обработки материалов [5]. В результате этого получает-

ся стандартное описание текстовых массивов. При достаточно часто повторяющихся исследованиях, стандартный или, по крайней мере, почти постоянный классификатор даже помогает сравнивать результаты последнего обследования с предыдущими.

При анализе быстро меняющейся ситуации классификатор должен уточняться непосредственно в процессе КА, при осмыслении материалов данного опроса. Естественно, что необходимо обеспечить достаточно простой способ коррекции и пополнения классификатора, а также возможность сравнительно простой переброске фраз из одной группы в другую, из одного класса – в другой. Иначе все попытки изменения классификатора не дадут результатов.

2. Система ВЕГА.

На основе разработанных методик в 1993–1998 гг. была создана система ДИСКАНТ для классификации и анализа текстовых массивов [4]. Основная цель системы – обеспечить мощной компьютерной поддержкой работу различных исследователей и аналитиков, имеющих дело с анализом текстовой информации. Система позволяла классифицировать содержание текстовой информации по множеству оснований, составлять указатели и частотные словари слов и фраз, осуществлять поиск слов в тексте и в словаре. Были разработаны разнообразные способы визуализации результатов в виде гистограмм, циклограмм, сопряженных двумерных диаграмм.

На основе этой системы разработана система ВЕГА [6]. Это современная диалоговая система классификации и анализа текстов, использующая принципы контент-анализа текстов, словари и классификаторы. Система в основном предназначена для обработки структурированной и, прежде всего, анкетной информации, представляющей собой ответы респондентов на открытые и полужакрытые вопросы социологических анкет. Кроме того, система позволяет выполнять некоторые элементы анализа текста: составление словарей, подсчет встречаемости слов, поиск слов по словарю и по тексту и т. д. Система обеспечивает статистический анализ ответов на закрытые и полужакрытые вопросы.

В системе вся исходная информация хранится в собственной базе данных (БД). При этом в случае анкетной информации ответы на одну анкету составляют одну запись, ответы на один вопрос помещаются в одно поле. Каждое поле имеет свой номер и свое имя и тип. Набор всех этих параметров для данной БД образует ее структуру.

При выборе типов полей учитывалось, что в анкетах имеются открытые, закрытые и полужакрытые вопросы. Имеются следующие основные типы полей:

Символьное поле содержит любую последовательность текстовых символов (до 32767) и может быть разделено на отдельные фразы.

Целое поле содержит одно или несколько целых положительных десятичных чисел (номера вариантов ответов, выбранных респондентом).

Вещественное поле содержит только одно десятичное число.

Кроме того, имеются составные поля, в которых могут размещаться одно или несколько целых чисел и текстовый ответ респондента. Это позволяет производить обработку разных частей такого поля независимо друг от друга и в то же время полностью сохранить структуру анкеты. К ним относятся:

Смешанное 1 – его первая часть целый тип, а вторая – символьный.

Смешанное 2 – его первая часть символьный тип, а вторая – целый.

Особым типом поля является **Таблица**. В названии поля указывается размер таблицы, а в самом поле набираются только заголовки столбцов.

В системе ВЕГА используется методика итерационной классификации текста. В качестве единицы анализа выбрана фраза. Слова, наиболее точно отражающие смысл фразы, могут выделяться прописными буквами – это *ключевые* слова. Выделение фраз (если фраза не совпадает с предложением) и ключевых слов осуществляется вручную в процессе предварительной подготовки текста к анализу.

3. Методика классификации текста.

Классификация текста предполагает распределение всех текстовых фраз по классификатору. Последующий анализ результатов классификации уже не представляет технических и содержательных трудностей. В ручном варианте классификация состоит из трех основных процедур [3, 6]:

1. Разрабатывается классификатор, представляющий собой древовидную структуру классов и групп, соответствующую содержанию текста. Фразы, часто встречающиеся в тексте или искусственно созданные содержащие, наиболее характерные слова, помещаются в “Сундук”.

2. Выполняется собственно классификация. При этом все фразы из «Сундука» распределяются по классам и группам. Желательно, чтобы в каждой такой фразе было выделено (прописными буквами) хотя бы одно ключевое слово. После этого данные фразы получают статус нормативных фраз.

3. Производится идентификация. Каждая фраза основного текстового массива уже не классифицируется, а ставится в соответствие с одной из нормативных фраз, которые предлагаются исследователю для выбора. В соответствии с его выбором рассматриваемой текстовой фразе приписывается порядковый номер указанной им нормативной фразы – своеобразный адрес в классификаторе. Этим обеспечивается простота изменения результатов классификации, поскольку при изменении класса и группы только у одной нормативной фразы все соответствующие ей текстовые фразы переносятся вместе с ней.

В принципе полная реализация классификационного процесса осуществляется множественными *итерациями* всех трех вышеперечисленных процедур. Такая итерационная схема позволяет выполнять анализ порциями. Например, сначала можно классифицировать массу более легких, типовых фраз, а затем уже переходить к нестандартным фразам, последовательно улучшая результаты.

Как правило, вопросы в анкете (здесь речь идет только о текстовых полях БД) группируются в блоки релевантных вопросов, объединенных некоторой содержательной или формальной идеей. Блок может включать один или несколько вопросов (полей). Следует иметь в виду два принципиальных момента:

1. Каждый такой блок использует свой классификатор – только в этом случае можно сравнивать друг с другом любые сочетания полей из конкретного блока. Поэтому весь описываемый процесс относится ко всему блоку признаков (классификатор, массив нормативных фраз, идентификаторы), которые должны обеспечить независимую классификацию всех фраз такого блока.

2. Поскольку в БД может существовать не один, а несколько блоков релевантных признаков, то на самом деле при обработке текста речь идет о реализации нескольких автономных процессов классификации. Система позволяет независимо друг от друга анализировать множество отдельных текстовых подмассивов (наборов полей) с созданием для них собственных классификаторов, нормативных фраз и идентификаторов. Заметим, что одно поле может идентифицироваться только по одному классификатору.

Система проверяема относительно всех узловых решений: исходных текстов, классификаторов, результатов классификации. При обнаружении нерелевантности система позволяет сравнительно легко вносить необходимые исправления.

Если текстовая фраза не совпадает текстуально ни с одной нормативной, то используется специальная процедура сравнения фраз. Она заключается в том, что каждая текстовая фраза разлагается на отдельные слова. Для каждого из них в нормативном словаре ищется слово, совпадающее с ним по правилам сравнения слов. Если такое слово имеется, то для него фиксируется номер этой нормативной фразы (таких фраз может быть несколько). Для каждой из встретившихся нормативных фраз подсчитывается ее вес – количество совпадений. Та нормативная фраза, которая получит наибольший вес, и будет считаться наиболее близкой к анализируемой текстовой фразе.

В используемой в системе ВЕГА процедуре сравнения фраз важную роль играют ключевые слова. В обычной (текстовой) фразе ключевое слово не обладает какими-либо особыми свойствами. Однако если в процессе классификации эта фраза превратится в нормативную, то ключевое слово приобретет особое свойство. При совпадении ключевого слова из нормативной фразы со словом из текстовой фразы близость фраз может значительно возрасти, если ключевому слову приписать повышенный вес.

Сравнение слов производится по начальной части слова, причем ее размер для большинства слов определяется по таблице, а для некоторых (так называемых «нестандартных») слов используется специальный словарь. С помощью этого словаря удается, например, различать слова выбор (выбора) и выборы (выборов).

Следует отметить, что при сравнении фраз не учитывается вес *служебных* слов – таких слов, наличие или отсутствие которых практически не меняет смысла фразы. Это предлоги, союзы, а также слова типа вблизи, ввиду, вдали, вдруг, ведь, вероятно. Список служебных слов хранится отдельно и может настраиваться в каждом конкретном случае.

4. Некоторые возможности системы.

Таким образом, сущность предлагаемой методики сводится к тому, что вместо 100-процентной классификации всех фраз проводится классификация только части фраз, а все остальные фразы отождествляются с ними. Это дает двойное преимущество. Во-первых, сокращается объем работы по классификации фраз. Во-вторых, при любом изменении классификатора, – а это не исключение, а правило при анализе текстов – достаточно изменить класс и группу у ряда базовых фраз, чтобы автоматически произошли соответствующие изменения и у всех остальных фраз, аналогичных им.

ВЕГА позволяет анализировать и отдельные тексты, вообще не имеющие какой-либо структуры. Для этого можно создать БД, состоящую из одного поля символьного типа, и перед импортом текстового файла переформатировать исходный текст, исключив переносы. При этом в одной записи можно разместить до 32 Кбайт текста. В этом случае каждая строка файла должна соответствовать одной записи.

Выше был рассмотрен своеобразный «ручной» вариант классификации текста. В настоящее время система обеспечивает и автоматическую классификацию [2]. В этом случае пользователю достаточно ввести текст и разделить его на фразы. Далее ВЕГА сама создаст классификатор, нормативные фразы и проиндексирует весь текст. Особенность такого режима заключается в том, что при отсутствии среди нормативных фраз подходящей, очередная текстовая фраза образует новую группу в данном классе (все группы попадают в один класс) и сама становится нормативной фразой. В дальней-

шем пользователю предоставляется возможность объединить несколько групп в одну и организовать несколько классов из одного. Система поддерживает возможность различной работы с полученными группами.

ВЕГА обеспечивает создание разнообразных типов словарей для анализа частоты встречаемости отдельных элементов, а также различного вида поиска. Могут быть созданы словари по словам, по ключевым словам, по фразам, а также квазичастотный словарь. В трех первых типах словарей словарные единицы расположены по алфавиту, а в последнем – по частоте встречаемости. Могут быть заданы дополнительные ограничения на текст, из которого составляется словарь (даже по признакам из других полей).

Режим вывода словаря обеспечивает просмотр содержимого выбранного словаря и различного вида поиска. В окне для вывода словаря для каждой словарной единицы указывается количество единиц, объединенных в ней. Для выбранной словарной единицы приводятся все адреса ее вхождений в исходный текст, хранящийся в БД, что позволяет легко осуществить непосредственный переход к контексту данного слова. Имеется возможность поиска слова в словаре.

Пермутационный вывод по словарю обеспечивает такое представление текста, при котором определенные слова словаря выделены и расположены в центре экрана. В начале каждой строки указан адрес выводимого текста – номер записи и номер поля. Можно осуществить также глобальный поиск, при котором последовательно перебираются все слова из словаря, и для каждого выводится соответствующий текст из БД. Таким образом, появляется возможность удобной работы с контекстом. Заметим, что пермутационный вывод текста совместно с частотным словарем являются одними из основных инструментов исследователя при первичном анализе текста.

В результате работы системы обеспечивается анализ распределения фраз из заданных полей по классам (и группам), а также стыковка с Microsoft Excel и SPSS на уровне передачи в них результатов анализа. Для сопоставления текстовых и числовых ответов можно сформировать вторичные признаки. После этого система позволяет анализировать распределение фраз по классификатору и вторичным признакам с представлением результатов в виде таблицы и «двухмерных» гистограмм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Popping, R. Computer-Assisted Text Analysis [Text] / R. Popping. – London: Sage Publications, 2000. – 240 p.
2. Боярский, К.К. К вопросу автоматической классификации текстов [Текст] / К.К. Боярский, Е.А. Каневский, Г.И. Саганенко // Экономико-математические исследования: математические модели и информационные технологии. – СПб.: Нестор_История, 2009. – Вып. 7. – С. 253-273.
3. Боярский, К. Vega – система классификации и анализа текста [Текст] / К. Боярский, Е. Каневский. – Deutschland, Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011. – 148 с.
4. Каневский, Е.А. Система анализа текстов [Текст] / Е.А. Каневский, Г.И. Саганенко, Л.М. Гайдукова, Е.Н. Клименко // Социология: 4М. – 1997. – № 9. – С. 198-216.
5. Коробейников, В.С. Методы качественно-количественного анализа содержания документов [Текст] / В.С. Коробейников // Методы анализа документов в социологических исследованиях. – М.: ИСИ АН СССР, 1985.
6. Саганенко, Г.И. Контексты эмпирического познания в социологии и возможности программы ВЕГА [Текст] / Г.И. Саганенко, Е.А. Каневский, К.К. Боярский // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, СПб. – 2008. – № 6. – С. 43-55.

В.Н. Антошкин

БГПУ им. М. Акмуллы, г. Уфа

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАК МЕТОД ПОЗНАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ И УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМИ СИСТЕМАМИ

В условиях глобального социально-экономического кризиса, в новой геополитической ситуации, которая вызывает объективную необходимость перехода к самостоятельным формам развития общества и государства, соответствующим национальному менталитету и культурному своеобразием народов России, возрастает роль адекватного, точного и эффективного управления регионами, городами, организациями и другими общностями, выступающими в качестве субъектов социально-экономического развития.

Территориальные и другие реальные общности во многом не похожи друг на друга. Поэтому для социологической науки важно выделить из многообразия общностей и групп определённые типы (классы). Типология в данном проекте понимается как метод научного познания, основанный на группировке различных объектов по их существенным признакам. Такая типология создаёт возможность увидеть общие черты, присущие ряду поселений или организаций, и, таким образом, глубже познать их закономерности и тенденции развития. В социологии чаще всего применяется уровневый (количественный) подход в типологии, когда различные группы сравниваются по различным параметрам социально-экономического развития. В описываемом проекте упор сделан на качественной (плюралистической) типологии, которая, базируясь на каких-либо количественных показателях, не сводится к ним, а представляет собой подъём на уровень сущности. Этот подход основан на том, что не только по уровню развития отличаются общества и группы, но и качественным, информационно-типологическим, духовно-культурным своеобразием, что предполагает особенный путь развития. Научная проблема заключается в поиске не произвольно выбираемых признаков самобытности, а в объективных, эмпирически проверяемых и верифицируемых параметров.

Существуют социальные, экономические, политические, культурологические, информационно-энергетические типологии общностей. На данном этапе развития науки важно их синтезировать, расположить в иерархическом порядке. В социологической науке можно выделить два метода изучения типологии реальных групп - одномерная и многомерная. Типология общности представляет собой нечто единое целое, систему: экономические, социальные, информационные и иные признаки тесно взаимосвязаны

и переплетены. Можно ли создать интегральную типологию реальной группы? Да, это возможно, но не с помощью математических, статистических подходов (методом усреднения показателей в различных видах типологии). Здесь на первый план выходит качественный подход, основанный на выделении доминирующих признаков.

Конкретной задачей в рамках проблемы, на решение которой направлено исследование, является выделение существенных признаков, факторов, от которых в первую очередь зависит типологическое своеобразие общности. Интегральная типология структурированной группы обладает своей внутренней иерархией, то есть определённой соподчинённостью социальной, экономической, личностной, духовной, интеллектуальной её разновидностей.

Для цели управления важно выделить устойчивое ядро социальных и интеллектуальных качеств общности, которые определяют её качественную специфику. Этим достигается объективизация принятия управленческих решений на уровне поселения, города, региона, организации.

Типологический подход дополнен диагностикой отношений в реальных малых и больших группах, поскольку там позиции и роли заданы отношениями и к ним подбирают соответствующую политическую и управленческую элиту, а также исполнителей нижестоящих социальных ролей.

Все сложные системы специализированы в отношении выполняемых ими функций. Существует селекция информации, благодаря которой информационный поток воспринимается и обрабатывается глубоко и качественно. Информационно-энергетические вклады каждой группы складываются в социально-интеллектуальный потенциал общества, региона, города. Поэтому каждая территориальная или целевая группа призвана исполнить именно свою социальную и экономическую миссию, которая должна быть научно обоснована.

Типологический анализ дополняет наиболее распространённый вид социологического исследования - мониторинг социально-экономической динамики социума. Разработка проекта стратегии социально-экономического развития реальной общности включает как социальную динамику, так и социальную статику - комплекс параметров, которые сохраняют устойчивость во времени.

Диагностика интегрального типа управляемой общности позволяет осуществить оптимальное планирование, проектирование и прогнозирование её развития с точным учётом её качественной специфики и менталитета как на макро, так и на мезо- и микроуровне социума. Это позволяет достичь прикладных задач оптимального управления на уровне конкретной общности, восполнить пробелы, которые существуют в управленческой практике.

Наиболее часто в социологии используется экономическая типология, берущая свое начало с А.Сен-Симона, К.Маркса и развитая в теориях О.Конта, Э.Дюркгейма, Р.Арона, Д.Белла, У.Ростоу, Дж.Гэлбрейта и других социологов.

Политическая типология общества позволяет классифицировать такие разновидности как тоталитарные, авторитарные, либеральные, демократические и гражданские общества.

Духовно-культурная типология Н.Я. Данилевского, П.А. Сорокина, А.Тойнби находится в русле плюралистического подхода и смыкается с соционической концепцией. Общее у них то, что общества не сравниваются по уровням развития. Критерий анализа – своеобразие и специфика конкретного социума. Различие в том, что соционика

использует информационный и энергетический подход, разделяет общества по типам интеллекта, способам мышления и социального поведения, а П.Сорокин и его коллеги – по духовным или социокультурным признакам. Кроме того, П.Сорокин стал основателем интегральной социологии в русле собственного типологического подхода.

Социальная типология основана на выявлении доминирующей группы (общности) в данном социуме. По социальному критерию можно обнаружить такие типы как стадное, племенное, рабское, крестьянское, рабочее, бюрократическое, военное, когнитарское (когнитариат, по А.Тюффлеру, работники-надомники умственного труда, в основном в сфере информации). Обобщенно можно выделить такие общности как касты, сословия, классы и массы. В большинстве стран мы можем заметить последовательный переход от кастового общества к сословному, а в дальнейшем – к классовому и массовому обществу. Массовый тип общества не отменяет социальные перегородки, а делает их более подвижными, расплывчатыми и даже условными.

Новый подход к исследованию законов коммуникации информационных систем - теория информационного метаболизма (соционика) представлен в трудах А. Аугустинавичюте, А.В. Букалова, В.В. Гуленко, А.А. Овчарова. Данные авторы заложили основы новой отрасли социологической науки – соционической социологии, которая открывает принципиально новые возможности для анализа коммуникативных систем разного типа и практики социального управления.

Типологический подход к анализу социально-коммуникативных процессов, берущий своё начало ещё с имён М. Вебера, В. Парето, П. Сорокина, Н.Я. Данилевского, Т. Парсонса, Р. Мертона, К.Г. Юнга, Д. Рисмена, получил своё развитие в трудах современных российских социологов (В.Г. Андреенков, Ю.Н. Толстова, Г.Г.Татарова).

Типологизация является прямым продолжением классификации. Классификацию делает математический метод, компьютер, а типологизацию всегда социолог. Классификация разделяет группы разнородных объектов до тех пор, пока не доходит до уровня качественной однородности. Типологизация – разбиение совокупности объектов на статичные гомогенные множества. Если для классификации достаточно одного общего признака, то для типологии важна общность существенных признаков.

Социальная типология базируется на типовых представлениях, которые используются в естественных и технических науках. Нельзя эффективно управлять объектом «вообще». Менеджер для принятия решений должен обладать определенной информацией о структуре, параметрах и других характеристиках субъекта и объекта управления. Информацией при этом могут считаться только те данные, которые снимают неопределенность в знании о субъекте или объекте с точки зрения конкретной задачи менеджмента. Другие данные являются своеобразным «шумом». Лишние данные («шум») способны не только затруднить, повысить стоимость решения задачи менеджером, но и даже спровоцировать неверное решение.

Типовые представления сложных систем – это минимальный объем информации об объекте и субъекте, позволяющий достичь цели. Без типовых представлений менеджер тратит дополнительную энергию и время на обработку данных, которые информацией не являются. В то же время, типовой подход предполагает, что нельзя отбрасывать полезную информацию. Минимальный объем информации, позволяющий принять эффективное решение – это и есть типовые представления.

Типология – наука о типах. В общем случае, тип определяется системой свойств и качеств, присущих объекту. Например, стул есть тип мебели, металл – тип химического

элемента. Типовые представления применительно к исследованию мебели: типолога интересует, какой предмет мы называем столом, а какой стулом, в чем их сходства и отличия. Количественный подход основан на измерении – это введение таких параметров как высота, мягкость, цвет мебели, вычисление среднестатистического количества ножек у мебели.

Недостатки и ограниченность количественных методов особенно наглядно проявляются в психологии. Например, Г. Айзенк ввел коэффициент интеллекта (IQ). Понятие интеллекта введено формально, без учета различия в типах сознания. При тестировании хороший художник в большинстве случаев уступит посредственному инженеру. Сравнить способы мышления художника и инженера, ученого и продавца при помощи сугубо количественных характеристик нелепо. Это подобно попытке измерить, во сколько раз стол лучше стула. Ясно, что ни во сколько. Просто мебель бывает разная. Люди – тоже. И здесь мы видим преимущество качественного, типологического подхода над количественным.

Именно с типологического подхода и нужно начинать любое исследование. И тогда прекратятся бесплодные попытки измерить, во сколько раз коммерсант умнее философа.

Метод Айзенка создан в 50-е гг. и с тех пор устарел. Но он продолжает широко использоваться. А главное в том, что новые, более современные методики количественного измерений и оценок повторяют недостатки айзенковского подхода. И ошибки будут множиться до тех пор, пока измерения не будут поставлены на фундамент типовых представлений.

С точки зрения типовых представлений и, в частности, их разновидности – социализма, объективно существует разделение труда между народами и странами. Сегодня это мировое разделение труда.

В постановлении правительства РФ с 1 апреля налагается запрет на закупки иностранного медицинского оборудования и расходных материалов для отечественной медицины. Это плановое поручения президента от 06.12.2012г. Однако, качественная медтехника, согласно международному разделению труда, производится на Западе. Документ был опубликован на едином государственном портале 23 марта 2014 г. Однако уже 27 марта представитель министерства промышленности и торговли заявил, что иностранная медицинская техника не будет запрещена для госзакупок. В правительстве все-таки прислушались к мнению профессионалов. К тому же нет стран, где есть запреты для иностранных производителей на поставку техники. В.Скворцова – министр здравоохранения РФ – заявила, что необходим поиск справедливого баланса между интересами пациентов и экономическими интересами отечественной медицинской промышленности.

Интегрирующим показателем организации как социальной системы является её социальная адекватность - соответствие условиям внешней среды. Это социологический системный показатель. Единство социальной ситуации и конкретной организации достигается через адекватное управление. Типом цивилизации, социальной системы, общности или организации определяется специфика её функционирования и специфика управленческих технологий и критерии её эффективности. Так, научно-образовательной сфере органично присуща креативность, а на практике ей навязывается жёсткая нормативность, более уместная в силовых или административных структурах.

В силу многонациональной природы РФ, как показывает исторический опыт, оптимальной формой удовлетворения интересов регионов и этносов выступает федеративное устройство. Реализация на практике принципов федерализма означает доминиро-

вание признака дифференциальность над признаком интегративность, что позволяет обеспечить более устойчивые отношения между субъектами федерации и единство страны на более высоком уровне, на прочной и долговременной основе. К сожалению, в 2000-е годы была выбрана унитарная модель устройства государства, которая отвечает принципам неадекватного управления сложными системами.

Таким образом, сохранение своеобразия России входит в противоречие с имперской политикой Москвы, которая выражает интересы военно-силового блока с его культом физической силы и милитаризма. Миссия евразийской цивилизации качественно отличается от миссии исламской цивилизации, которая агрессивно-наступательно обороняется от экспансии западных ценностей. Стратегической ошибкой является и сохранение остаточного принципа финансирования науки, искусства и образования. Попытки реформировать эти сферы по западному образцу потерпели неудачу - это видно на примере Болонского процесса, принципы которого внедрены у нас только частично и искажённо. Любая односторонность опасна тем, что она не универсальна и не всегда соответствует национальному менталитету. Исторический опыт показывает, что производство идей и людей нам даётся лучше, чем рациональные технологии производства вещей. Следовательно, инвестиции нужно направлять в образование и науку и выходить на мировой рынок с образовательными технологиями и инновациями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ант, В.Н. Социальная и духовная динамика общества [Текст] / В.Н. Ант. – Уфа, 2011.
2. Глущенко, В.В. Исследование систем управления ООО НПИ «Крылья» [Текст] / В.В. Глущенко, И.И. Глущенко. – 2000.
3. Гуленко, В.В. Эпоха цивилизаций: рождение в муках. Доклад на 28-й конференции МИС [Текст] / В.В. Гуленко // Сайт школы гуманитарной соционики. – 2012.
4. Гайдар, Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России [Текст] / Е.Т. Гайдар. – М., 2006.
5. Дугин, А. Это великая война континентов [Текст] / А. Дугин // Комсомольская правда. – 21 февраля. – 2014. – С. 8-9.
6. Имаев, Т. Гибель богов [Текст] / Т. Имаев // Азбука корана. – 2013. – № 10. – С. 10-13.
7. Овчаров, А.А. Эффективность организации [Текст] / А.А. Овчаров // Менеджмент и кадры: психология управления, соционика и социология. – 2007. – №№ 4, 5, 6.

И.Н.Воробьева

Череповецкий государственный университет, г.Череповец

СТРАТИФИКАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ НА ОСНОВАНИИ ИНДИКАТОРНОЙ МОДЕЛИ СТИЛЯ ЖИЗНИ: ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПОСТРОЕНИЯ

Начиная с классических трудов П. Сорокина, У.Л. Уорнера, К. Дэвиса, Д. Мура и др. и современной отечественной социологии (Т.И. Заславская, Н. Римашевская, О. Крыштановская и др.) основной ракурс исследований в области стратификации лежит в области определения критериев отнесения к тому или иному слою. Нам представляется плодотворным использовать для выявления и описания структуры общества категорию стиль жизни. Стиль жизни отражает определенный тип поведения людей, устойчиво воспроизводящий отличительные черты общения, бытового уклада, манеры, привычки, склонности и т.п., типичные для определенной категории лиц, выявляющие своеобразие их духовного мира.

Изучение стиля жизни началось ещё в XIX в. М. Вебер, Т. Веблен, Г. Зиммель исследовали типы поведения людей и факторы, их обуславливающие. На современном этапе стиль жизни прослеживается у следующих авторов – П. Бурдьё, У. Бек, З. Бауман, Ж. Бодрийяр, Г.-П. Мюллер, К. Дэвис и У. Мур.

Стилевой подход при изучении жизни общества имеет наработки в современной социологической науке. В частности интересным представляется социально-психологический аспект применения этой категории (А.А. Возьмитель [1], Г.И.Осадчая [5]), маркетинговый подход - стиль потребления (Джеймс Ф. Энджел, Роджер Д. Блекуэлл, Пол У. Миниард [2]), методика «Социография» Е. Петренко [6] и практические исследования Фонда «Общественное мнение» в сфере стилей потребления.

Вопросами, относящимися к изучению стиля жизни, занимались Н.М. Римашевская, Р.В. Рыбкина, В.И. Толстых, И.В. Бестужев-Лада, в основном это работы, написанные в середине XX века. Несколько позже появились труды, содержащие данные социологических исследований в данном направлении это работы И.Т. Левыкина, Ю. Левады, С. Вишневого, Гордона Л.А., К.Н. Хабибулина.

Если говорить о стиле жизни россиян, то в разное время им интересовались Я.М. Рощина (досуговые практики россиян, дифференциация стиля жизни российских предпринимателей), Б.С. Гладареви, Ж.М. Циннман (потребительские практики петербургского среднего класса), Е. Омельченко (культурные практики молодежи) [4] и другие.

Наиболее популярными для изучения стиля жизни являются психографические методики, которые учитывают мотивы, интересы, общественное положение и жизненные ценности людей, то есть относительно неощутимые явления. Представим наиболее известные из них.

Методика изучения по критериям AIO :Activity - деятельность, действие; Interest - интерес; Opinion - мнение. Действие включает в себя такие категории, как работа, хобби, социальные события, отдых, развлечения, членство в клубах и обществах, покупки, спорт. Под интересом понимается отношение к какому-либо объекту, событию. Категории: семья, дом, работа, общество, отдых, мода, еда, СМИ, достижения. Мнение - выражаемый устно или письменно ответ человека на ситуацию, в которой ставится какой-то вопрос. Это суждения, которые содержат в себе оценку процессов, событий и фактов действительности.

Среди западных социологов популярностью пользуется классификация «VALS», начало которой положил Арнольд Митчелл. Система VALS1 (Value and life style — ценности и типы образа жизни), разработанная компанией SRI International в 1978 г., - единственная на сегодня получившая мировое признание методика психографической сегментации. Каждый сегмент имел отличительные характеристики, связанные с ценностями, стилем жизни, демографическими показателями и покупательской способностью.

Альтернативой VALS является Перечень ценностей (LOV), разработанный учёными Центра акцентирования Мичиганского университета. Участникам опроса предлагается перечень из следующих ценностей: самореализация, волнение, чувство достижения, самоуважение, чувство принадлежности, быть уважаемым, безопасность, забава и удовольствие, теплые отношения с другими.

В течение 2011-2014 гг. преподаватели, студенты и магистранты кафедры Социологии и социальных технологий Гуманитарного Университета ЧГУ работают над расширением теоретических знаний и некоторую модернизацию подходов к стратификации российского общества. Основным результатом 2013-2014 гг. стало создание индикаторной модели стиля жизни. Модель интегрировала маркетинговый, психологический и социологический подходы. Выделены основные индикаторы, обоснован критерий отбора индикаторов, произведена отладка математической модели при апробации методики в результате проведения опроса жителей г. Череповца. В ноябре 2012 года было опрошено 450 человек по квотной районированной репрезентативной выборке, соответствующей структуре населения города Череповца старше 18 лет по полу, возрасту.

Для нас важным аспектом стало не только обоснование теоретической модели стратификации общества на основании применения стилевого подхода, но и построение практической индикаторной модели, которая бы позволила нам подтвердить или опровергнуть те посылы, которые были выдвинуты в свое время классиками.

Нам хотелось уйти от понимания стиля жизни как потребления, как это значит у Т. Веблена, З. Баумана, Ж. Бодрийяра. Важную роль играют и установки самой личности, как подчеркивали К. Дэвис и У. Мур. Экономическая эффективность зависит от назначения самых талантливых людей на самые важные и технически сложные рабочие места, независимо от их социального происхождения. Следовательно, если у индивидов есть необходимые способности, установки, старые барьеры социальных классов не будут им мешать в подъеме по социальной лестнице.

Современный, быстро развивающийся инновационный мир задает соответствующий темп жизни. Необходимо быстро приспосабливаться к новым достижениям, быть

мобильным и легко обучаемым. Соответственно, главными критериями деления общества на стили явились следующие составляющие: активность, уровень стремления к саморазвитию, обучению, способность использовать инновационные практики, локус ответственности.

Индикаторная модель комплексного исследования включает:

Потребительские практики (на основе методики ФОМ). Индикатором является следующий вопрос: «Скажите, что из перечисленного Вам доводилось делать за последние два-три года?».

Досуговые установки. Определяются вопросами: «Как вы обычно проводите свое свободное время?», «Где Вы провели свой отпуск, каникулы в этом году?» и «Где Вы собираетесь провести свой отпуск, каникулы в следующем году?».

Локус ответственности (внешний или внутренний) определялся двумя вопросами. Первый вопрос - выбор одного из двух суждений: «Моё материальное положение в настоящем и будущем зависит, прежде всего, от меня» и «От меня мало что зависит, важно какая экономическая ситуация будет в стране». Второй вопрос: «Каждый череповчанин, который может и хочет работать, способен обеспечить своё материальное благополучие» и «Сейчас сколько ни работай, все равно нормальную жизнь себе не обеспечить».

Уровень адаптации (приспособляемость к изменчивой социально-экономической среде). Вопрос: «Как обычно влияют изменения социально-экономических условий на Вашу жизнь и жизнь Вашей семьи?».

Уровень притязаний: «К какому уровню жизни Вы стремитесь?»

Ценностные установки включали в себя блок из нескольких вопросов:

- «Что, по Вашему мнению, позволяет добиться высокого положения в обществе?»;
- Уровень рискованности: выбор из суждений «Для достижения успеха в жизни надо рисковать, это дает шанс» и «В жизни лучше не рисковать, а постепенно, но надежно строить карьеру»;
- Уровень индивидуальности: выбор из суждений: «Выделятся среди других и быть яркой индивидуальностью лучше, чем жить как все» и «Жить как все лучше, чем выделяться среди других»;
- Уровень потенциальной активности: вопрос «На что Вы готовы ради достижения своих жизненных целей?»
- Ответственность за происходящее в стране и городе. Вопрос: «Люди в разной степени чувствуют ответственность за то, что происходит вокруг них. Вы чувствуете или не чувствуете, что происходит в вашем городе?» и «--- в стране?»

При разбивке респондентов на группы был использован метод расчета средневзвешенной величины по каждому респонденту с точки зрения присутствия в его ответах предрасположенности к тому или иному типу с точки зрения основных критериев, которые были нами выдвинуты.

Опишем обозначенные стили по тем практическим индикаторам, которые были использованы в модели.

Первый стиль жизни - «Выживающие», 13% череповчан. Для них важна «уверенность в завтрашнем дне», «душевный покой». Чаще остальных считают, что добиться высокого положения помогают «богатые и влиятельные родители», «везенье и ловкость» (см. табл. 1). Отпуск чаще всего проводят дома или на садово-огородном участке. Сложно приспособиваются к переменам. Предпочитают пассивный домашний досуг (см. табл. 2). Не чувствуют ответственности за то, что происходит в городе и в стране.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «Что, по вашему мнению, помогает добиться высокого положения в обществе?» в зависимости от стиля жизни, в %

	Стиль жизни				Общий процент
	Выживающий	Традиционалист	Действующий	Новатор	
Упорный труд	34	53	53	62	50
Связи с нужными людьми	46	46	49	38	46
Предприимчивость, смелость	22	32	51	29	36
Способности, таланты	20	32	44	67	35
Высокая квалификация	31	32	41	38	34
Везенье, удача	32	28	24	10	27
Хорошее образование	25	33	26	19	29
Наличие денег	24	29	19	14	24
Хорошее здоровье	34	21	16	24	21
Способность рисковать	3	12	18	24	13
Богатые, влиятельные родители	20	15	10	5	13
Ловкость, умение обмануть	10	8	9	5	8
Удачный брак	7	7	4	0	6
Затрудняюсь ответить	5	0	0	5	2

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Как вы обычно проводите свое свободное время?» в зависимости от стиля жизни, в %

	Стиль жизни				Общий процент
	Выживающий	Традиционалист	Действующий	Новатор	
Смотрю телевизор	76	64	50	48	61
Общаюсь с друзьями	24	47	72	86	53
Занимаюсь хозяйством, детьми, дачей	73	54	35	38	51
Компьютер, Интернет	17	46	73	76	51
Читаю книги	32	40	32	67	37
Театры, концерты, кино	10	24	43	81	31
Читаю газеты, журналы	49	27	22	48	29
Дискотеки, клубы, кафе, бары	5	16	37	57	23
Спорт, секции, тренировки	2	15	28	57	19
Слушаю радио	20	18	13	10	16
Занимаюсь домашним хобби	17	18	12	14	16
Посещаю церковь	10	12	6	19	10
Музеи, выставки	2	8	11	10	8
Курсы по повышению образования	3	3	7	29	5
Хожу в кружок по интересам	2	3	4	0	3
Занимаюсь общ. деят-ю	2	3	5	5	3
Ничего не делаю	2	6	2	0	4

«Традиционалисты» (51%). Досуг предпочитают домашний. Для них важна хорошая работа, образование. Считают, что высокого положения можно добиться при помощи «денег», «везенья» и «связей с нужными людьми». В случае ухудшения социально-экономических условий они «отказываются от привычного образа жизни, ограничивают себя в большом и малом», «подрабатывают». Отпуск предпочитают проводить в средней полосе России. Стремятся жить, как живет большинство семей в Череповце. Чувствуют ответственность за то, что происходит в городе, но не чувствуют ответственности за то, что происходит в стране.

«Человек действующий» (31%). Добиться высокого положения в обществе, по их мнению, способствует «предприимчивость, смелость». Стремятся жить, как живет средняя

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос: «Скажите, что из перечисленного Вам доводилось делать за последние 2-3 года?», в зависимости от стиля жизни, в%

	Стиль жизни				
	Выживающий	Традиционалист	Действующий	Новатор	Общий процент
Пользоваться мобильным телефоном	81	84	87	91	85
Работать за компьютером	27	57	77	95	61
Пользоваться интернетом, вести переписку по электронной почте	14	53	81	91	57
Расплачиваться за товары, услуги при помощи пластиковой карточки	25	48	68	95	53
Брать кредит в банке	15	31	43	29	33
Приобретать спортивные товары и / или туристическое снаряжение	10	26	41	67	30
Пользоваться услугой доставки товаров на дом	7	23	31	67	25
Получать дополнительное образование, повышать квалификацию	7	20	37	57	25
Заниматься в фитнес-центре, спортивном клубе	0	19	28	57	21
Ездить за границу	0	10	37	76	20
Иметь дело с иностранной валютой	2	12	32	86	20
Летать на самолетах	2	8	36	71	19
Пользоваться услугами косметических салонов	0	19	20	57	18
Оформлять кредит в магазине	7	13	30	10	17
Пользоваться смартфоном	0	11	27	48	16
Пользоваться услугами домработницы	0	0	3	5	1
Ничего из перечисленного	10	4	0	0	3

семья в Москве и Санкт-Петербурге. Для достижения целей готовы учиться и больше работать. Полагаются только на себя, готовы пойти на риск. Достаточно легко использует инновационные практики (см. табл. 3). В свободное время предпочитают активный внедомашний досуг. Выбирают организованный отдых за границей, на море или в горах в России. Чувствуют ответственность за то, что происходит в городе и в стране.

Последняя, четвертая группа – «Новаторы» (5% череповчан). Основными приоритетами для них являются хорошее образование, карьера. Благодаря способностям, таланту и риску могут добиться высокого положения в обществе. Изменения социально-экономических условий воспринимают как новые возможности, чтобы добиться большего в жизни. Стремятся жить лучше, чем живет средняя семья в Москве и не хуже, чем средняя семья на Западе и в США. Предпочитают самостоятельный отдых за границей. Они очень активно используют последние технические новинки.

Самым главным достижением апробации нашей модели стало то, что в каждой группе присутствуют респонденты с различным уровнем образования, дохода, должности, возраста, профессионального статуса. Следовательно, мы можем констатировать факт, что горизонтальная стратификация имеет место быть. Подтвердился тезис, выдвинутый Мюллером: у молодежи гораздо больше возможностей и стремлений к стилизации в силу своей инновационности, и относительно меньше выбора у пенсионеров. Материальное положение дает больше возможностей для стилизации, с другой стороны, согласно тезису Ионина, ограниченность материальных ресурсов вопреки всему диктует разнообразие жизненных форм. Так, получается, что активная жизненная позиция проявляется как у «продвинутых» пенсионеров, так и у молодежи, далеко не выделяющихся материальным благополучием.

В целом созданная модель еще не является законченной и дает еще много посылов для размышлений и интерпретации. Но один посыл уже доказан однозначно: социокультурная детерминанта является во многом определяющей для осмысления структуры современного российского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Возьмитель, А.А. Образ жизни: теоретико-методологические основы анализа. Сайт Института Политической психологии [Электронный ресурс] / А.А. Возьмитель, Г.И. Осадчая. – Режим доступа: http://www.inspp.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=249&Itemid=3
2. Энджел, Д.Ф. «Поведение потребителей» [Текст] / Д.Ф. Энджел, Р.Д. Блэкуэлл, П.У. Миниард. – Питер, 1999.
3. Ильиных, С.А. Ключевые понятия общества потребления: исследование с позиции социологии [Текст] / С.А. Ильиных // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2011. – Т. 14. – № 5. – С. 29-40.
4. Омельченко, Е.Л. Культурные практики и стили жизни российской молодежи в конце XX века [Текст] / Е.Л. Омельченко // Рубеж (альманах социальных исследований). – 2003. – № 18. – С. 145-166.
5. Осадчая, Г.И. Стиль жизни молодых горожан: трансформация и региональная дифференциация [Текст] / Г.И. Осадчая // Социологические исследования. – 2002. – № 10. – С. 88-94.
6. Петренко, Е.С. Стиль жизни и историческая память россиян о событиях 1985 – 1999 годов [Текст] / Е.С. Петренко // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2011. – № 5 (105). – С. 73-80.

О.А. Полюшкевич

ИГУ, г. Иркутск

РОЛЬ ЭМПАТИИ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СОЛИДАРНОСТИ¹

Социальная солидарность - это форма проявления социального порядка. Чем больше общество разобщено, тем более дестабилизирован общественный строй, разрозненна работа социальных институтов и тем меньше складывается поводов для социального развития.

Эмпатия является тем элементом социального строя, что связывает (при ее наличии) или разобщает (при отсутствии) отдельных граждан, социальные группы, общество в целом. Термин «эмпатия» (от греч. *empathia* - сопереживание, сочувствие) получил распространение во многих гуманитарных дисциплинах. Явление эмпатии формирует ту незримую связь развития общества, которая определяет ценностно-мотивационную структуру общества и вместе с тем его консолидирует.

Следует указать, что мы под эмпатией понимаем систему выработанных в конкретном обществе ценностей, норм, институтов, правил ориентированных на этико-эстетическую оценку мира - на производство и воспроизводство сочувственного, понимающего поведения. Эмпатия - это основа взаимного понимания, участия и солидарности.

В истории науки, эмпатию как форму и средство изучения мира рассматривали с позиции гносеологии и онтологии познания.

По мнению В. Дильтея [9, Р. 136], одного из родоначальников термина, понимание человека, его жизненного мира, его целей, ценностей и установок возможно только через эмпатию. Для него, чувствование, сопереживание - это залог диалога и взаимодействия, если этого нет, то общность не может быть целостной.

Эмпатия как инструмент понимания человека и группы была предложена К. Роджерсом [10, 11]. Один из основателей групповой работы в психотерапии, Роджерс предлагал через эмпатию раскрывать внутреннюю структуру человеческих состояний, относимых им как к норме, так и к патологии.

Эмпатию как связующее звено развивала и понимающая социология, основанная М. Вебером. Вебером и его последователями на множестве примеров показывалось, что контакт, диалог, взаимодействие индивидов, групп, культур, народов возможно только через различные формы эмпатии. Яркими продолжателями идей понимающей социологии стали труды Р. Бергера и Т. Лукмана [8].

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ МК-480.2013.6 «Эмпатия в структуре социальной идентичности: гендерные аспекты» (руководитель – О.А. Полюшкевич).

Правомерность данных рассуждений не вызывает сомнений. Например, государственная идеология в СССР имела целью формирование «советского человека», не имеющего нации, религии или территории. Этому способствовало активное распределение выпускников вузов и техникумов по территории всего советского пространства, поддержки межнациональных браков, без нивелирования национальной культуры, но культивированию общего целостного духа граждан СССР. Как сказал бы М. Вебер - политика советского государства была обусловлена целерациональными действиями, направленными на утверждение базовых, стабилизирующих единиц общности «советских граждан»: язык, культура, территория, принадлежность к одному союзному государству и т.д. Это соответствует веберовской традиции наполнения, которая воспринимает действительность определенным национально - нагруженным содержанием.

Эмпатия в данном научном направлении воспринималась через гносеологию. Эмпатия как метод познания, осмысления и рефлексии окружающей действительности. Иными словами, социальная реальность такова, какой ее представляет, конструирует и индуцирует сознание общности людей включенных в нее или наблюдающих за ней со стороны (исследователей). В обоих случаях, есть определенный субъективизм в силу ограниченности представлений, жизненного и интеллектуального опыта.

В ходе анализа социальной солидарности встает вопрос, на какие элементы социального порядка эмпатия влияет в первую очередь, а что остается за пределами ее влияния.

Социальная солидарность возможна при соблюдении норм и правил и при вере в определенные ценности, которые разделяет множество людей. Т.е. социальная солидарность возможна не только благодаря идеям и идеологии извне, но и на чувствах и сопереживании изнутри. Это отражается в различных формах социальной памяти коллективных представлениях доминирующих в обществе в определенный исторический период.

О Конт полагал, что общество формируется на согласии умов, на определенном социальном консенсусе, где помимо рационального начала, отраженного в нормах и предписаниях, но еще и на моральных, альтруистических чувствах, симпатии, готовности понимать и помогать другому. И каждый из перечисленных элементов формирует общую структуру: мораль - жесткая форма, утверждает не причинение зла, альтруизм - в более мягкой форме предписывает делать добро. Мораль в большей степени умозрительна (что есть зло - вопрос относительный и метафоричный). Альтруизм всегда проявляется в действиях, во внешних проявлениях. У фашистов была своя мораль, Германия с середины 30-х гг. до середины 40-х гг. считалась высокоморальным обществом. Как легитимные нормы, так и нормы социальной эмпатии должны пронизывать все общество. Если какая либо социальная группа отсекается из этой системы, то либо разрушается она, либо система.

Идеи К. Маркса концентрировались вокруг групповой солидарности. Для формирования группового единства, по Марксу, необходима общность деятельности, способа мышления, ощущение отличия от других классов, общие чувства (гнев, фрустрация, желание вести борьбу), эмпатия и др. Как пишет Р. Арон [1, с. 197], помимо общего образа жизни, необходимо иметь общий образ мира, общую эмоциональную картину, в которой эмпатия является связующим звеном.

Э. Дюркгейм расценивал эмпатию как условие социальной солидарности, т.к. коллективное сознание обладает моральным авторитетом для большинства членов общества. Социальная солидарность в современных обществах основывается на разделении труда как социальной структуре, которая обуславливает общие идеи, представления, чувства, ценности, нормы [3, с. 14].

Групповая мораль является условием формирования эмпатии и одновременно, солидарности группы. С точки зрения Дюркгейма, индивиды должны подчиняться требованиям коллективного сознания, скрепить общество может только мораль, которая в профессиональных группах формирует внутреннюю культуру, дисциплину, престиж, чувство солидарности, а значит и сопереживания. На более крупных общностях гарантирует взаимопонимание и поддержку, патриотизм и толерантность. По мнению Дюркгейма, религия может дать основу формирования эмпатии, т.к. она предлагает и моральные ориентиры и формальную организацию, в виде ритуалов, для выполнения которых образуются группы и организации [3, с. 18]. На смену религии могут придти светские институты сплочения общества. Интеграция индивидов в социальных рамках или общностях, наделенных моральным авторитетом и потому способных выполнять воспитательную функцию приведет к осознанной организации коллективной жизни.

Интересный подход отражен в теории альтруизма П. А. Сорокина [5]. Сфера альтруистической любви является для него одним из важнейших объектов изучения. Без увеличения «производства, накопления и распространения неэгоистической любви, никакие другие средства не смогут ни предотвратить будущие самоубийственные войны, ни установить гармоничное устройство человеческого универсума.

Таким образом, можно сказать, что социальная солидарность базируется на разделении труда, общих идеях, моральных правилах, ритуалах и общих чувствах, которые отражают приверженность обществу. Уточним, что под общими чувствами понимаются не столько коллективные эмоции, но и эмоциональные реакции, отражающие потребности индивида и группы.

Исследования Т. Шефф показывают, что солидарность и отчуждения в обществе формируются уровнем эмпатии (разделяемый опыт всегда переживается внутри личности, группы общества) [7, Р.148].

Эмпатия формируется на основе предшествующего опыта [2]. Эмпатия способствует осознанию индивидами своего места в социальной структуре, выполняемых социальных ролей и идентичностей [6, Р. 8].

Эмпатия к членам группы проявляется в момент инициации, вступления в новое сообщество. Многие века, обряд посвящения в студенты, сохраняет свои элементы (танцы всю ночь, алкоголь, розыгрыши и т.д.). Причем он де юре далек от реального поступления в университет. Или же другой пример, при переходе в другой коллектив, устраивается чаепитие (с использованием разных напитков). Это проявление эмпатии и включенности в новый коллектив. Если человек не показывает эмпатии, он вызывает недоумение или неприятие. Мы всегда эмоционально включены, наша жизнь подчинена эмоциям. Либо - эмпатия - включение, либо - антипатия - отсечение.

Проявление эмпатии не на личном, а на общественном уровне способствует поддержанию социального порядка и укреплению социальной солидарности или же наоборот социальной дезинтеграции. Например, готовность защищать идеалы и ценности, совершать попутки и жертвовать ради своих идеалов чем-то, осуществлять взаимопомощь и сдерживать во имя моральных ценностей свои личные побуждения, осознанно участвовать во взаимодействии, испытывать коллективную гордость или чувство стыда. В данном случае, эмпатия выполняет своеобразную коммуникативную функцию. Данный подход отражен в исследованиях Р. Коллинз, Э. Саммерс-Эффлер, А. Хохшильд, П. Туа, В. Вентворт, М. Хаммонд, Дж. Тернер, С. Шотт, Т. Шеффа, Дж. Тернера. Я. Стетс и др. [12, 13].

С позиции экзистенциализма, гуманистического подхода интеграции социума предшествует коллективное знание, сознание и чувство. Ни первое, ни второе, ни третье невозможно без эмпатии. Благодаря эмпатии происходит понимание, узнавание и в конечном счете солидарность членов отдельной общности. Эмпатия в данном контексте может проявляться в чувстве патриотизма или терпимости. Например, за рубежом национально-культурные общины консолидируют вокруг себя выходцев из общей прародины. Диаспоры украинцев очень сильны в Канаде, Португалии, Австралии, диаспоры турок сильны в Германии, алжирцев во Франции и проч. Таковы условия формирования эмпатии. При этом уровень, характер, формы проявления, потребности в ней могут различаться. Чем более она проявляется в обществе - тем более общество сплочено, и наоборот.

Данный онтологический подход осмысления эмпатии представляется в связи субъекта и объекта, как условие, форма и способ существования человека и общества. Она конструирует и поддерживает внутренние ценности и внешние формы ее правления, способствующие существованию этой системы: сочувствие другим людям и самому себе, готовность помогать и жертвовать.

Иными словами эмпатия служит условием социальных взаимодействий, что является базисом социального конструирования. Обычно выделяют эмоциональную, когнитивную и предикативную эмпатию [4].

Эмоциональная эмпатия, основывается на механизмах проекции и подражания, т.е. эмоциональную отзывчивость человека на переживания другого, разновидность социальных (нравственных) эмоций. Примером могут служить сказки, которые читаются детям в детстве, они формируют эмоциональную включенность ребенка, сопереживание и желание действовать по определенному сценарию, быть похожим на тех или иных героев.

Когнитивная эмпатия, базирующаяся на процессах сравнения, сопоставления, аналогии, формируется на основе полученного опыта эмоциональной эмпатии в детстве. Знания могут определяться культурой («что для русского хорошо, для немца - погибель»), традициями (в приготовлении и поедании пищи, одежде и проч.).

Предикативная эмпатия проявляется как способность человека предсказывать переживания другого человека, его эмоции и поведение. Это выражается в сочувствии и поддержке жертв экологических (наводнение, землетрясения) или социальных (войны, болезни) бедствий.

Тожественно трем основным видам выделяют три компонента эмпатии, к которым относятся: эмоциональный (активное воспроизведение воспринимаемых переживаний); когнитивный (восприятие эмоций и эмоциональных состояний другого, их распознавание и оценка их смысла); поведенческий (оказание действенной помощи другому - оказание психологической поддержки, воздействие на эмоциональное состояние, преодоление проблемной ситуации).

Также выделяют виды эмпатии по силе и характеру ее проявления: теплая (чувствование, эмоциональный компонент), холодная (понимание, когнитивный компонент) и действенная (принятие роли, поведенческий компонент).

Разные уровни эмпатии переходят из бытового к общественному. И частные формы проявления нивелируются. Яркий тому пример - юмор. Раньше, в России не было принято смеяться, когда кто-то падал, в американской культуре - это всегда было смешно. Сегодня и у нас - упавший человек вызывает не эмпатию, а смех. Появился так называемый черный юмор или китч.

Раньше формировался стереотип: «смеяться право не смешно, над тем что кажется смешно»² (Н.М. Карамзин). Сегодня мы смеемся над тем, над чем нам разрешено смеяться. На Руси, люди, которые говорили гадости облагались пошлюйной, отсюда и идет слово «пошлость». В современной России, пошлость ценится больше, чем эмпатия. Именно это показывается в фильмах, шоу, интервью эстрадных звезд. Это формирует новую культуру сопереживания и включенности. Большинство людей симпатизирует не поступкам, а манерам, форме одежды. Жириновский Владимир Вольфович вызывает эмпатию у многих сограждан, находясь в протестном состоянии «клоуна». Сегодня политики лгут, не выполняют свои обязательства, раньше скоморохов, за неуместную шутку могли посадить на кол или повесить на ворота.

Таким образом, можно констатировать, что кардинально изменились вектора применения и формирования эмпатии. Происходит изменение понимания, что такое эмпатия, она приобретает новые формы и образы. Все чаще звучит слово «толерантность» как синоним эмпатии. Режим тоталитарного братства у нас уже был и привел к этническим войнам на Кавказе, после 60 лет мира. К чему может привести толерантность как идея - к новому витку фашизма. Франция была толерантна к своим мигрантам из бывших колоний - зато сами мигранты не были толерантны Франции. Это вылилось во Французские погромы начала XXI века. При уничтожении ценностей постхристианского мира и мощной поддержке исламских традиций, сложно говорить об эмпатии. Можно любить Францию, но не любить отдельно взятых французов. Так где будет находиться пространство эмпатии? Где оно будет формироваться? Какие сказки, поступки и образы будут ее формировать? Это открытые вопросы, ответы на которые представит нам будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арон, Р. Этапы социологической мысли [Текст] / Р. Арон / общ. ред. и предисл. П.С. Гуревича. - М.: Прогресс-Политика, 1993. - 480 с.
2. Горбунова, М.Ю. Социальные функции эмоций [Текст] / М.Ю. Горбунова // Научный журнал КубГАУ. - 2011. - № 67 (03). - Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2011/03/pdf/08.pdf>
3. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии [Текст] / Э. Дюркгейм. - М.: Наука, 1991. - 420 с.
4. Краткий психологический словарь [Текст] / ред.-сост. Л.А. Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. - 4-е изд., расш., испр. и доп. - Ростов н/Д: Феникс, 2012. - 512 с.
5. От войны к миру: у истоков теории созидательного альтруизма Питирима Сорокина [Текст] / П.П. Кротов, А.Ю. Долгов; Центр «Наследие» им. Питирима Сорокина. - Сыктывкар; Вологда: Древности Севера, 2011. - 400 с.
6. Alexander, J.C. Iconic experience in art and life. Surface/depth beginning with Giacometti's Standing Woman [Text] / J.C. Alexander // Theory, Culture and Society. - Los Angeles etc.: Sage, 2008. - Vol. 25 (5). - P. 8.
7. Barbalet, J.M. Emotion, social theory and social structure: A macrosociological approach [Text] / J.M. Barbalet. - Cambridge: Cambridge univ. press, 1999. - P. 148.
8. Berger, P.L. Die gesellschaftliche. Construction der Wirklichkeit [Text] / P.L. Berger, T. Luckmann. - Frankfurt, 1972. 1993. - P. 326.
9. Dilthey, W. Gesammelte Schriften [Text] / W. Dilthey. - Bd. 7. - Stuttgart, 1958. - P. 430.
10. Rogers, C.R. A theory of therapy, personality and interpersonal relationships, as developed in the client-centered framework [Text] / C.R. Rogers // Psychology: A study of a science. - NY, 1959. - P. 523.

² Из стихотворения «Послание к Александру Алексеевичу Плещееву» (1796) писателя и историка Николая Михайловича Карамзина (1766-1826).

11. Rogers, C.R. Empathy: An unappreciated way of being [Text] / C.R. Rogers // Counselling psychology. – 1975. – Vol. 5. – № 2.
12. Thoits, P.A. Emotional deviance: Research agendas [Text] / P.A. Thoits // Research Agendas in the Sociology of Emotions / Ed. by T.D. Kemper. – Albany: State University of New York press, 1990. – P. 180.
13. Turner, J.H. The sociology of emotions [Text] / J.H. Turner, J.E. Stets. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2005.

А.Э. Гегер

Социологический институт РАН, Санкт-Петербург

ДВА МЕТОДА – РАЗНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ)

В данной статье будут рассмотрены два метода изучения ценностных ориентаций, их возможности и познавательный потенциал. Речь пойдет о новой рефлексивной методике и зарекомендовавшем уже себя методе М. Рокича.

I. Специфика двух разных подходов. Метод «ценностей» измерение.

Во множестве разных подходов мы считаем принципиальным выделить два основных: один можно назвать «измерение ценностей», второй - «выявление ценностей». Остановимся здесь на первом из них.

Подавляющее большинство методических решений базируется именно на первом методе - на стандартизированном «измерении» ценностей, в котором респонденту предлагается список определенных ценностей и некая жесткая система их обязательного оценивания. Система оценивания может быть: (а) абсолютной, когда каждая ценность оценивается независимо, по одной и той же, балльной или номинальной, шкале, или (б) относительной - с учетом других ценностей, например, ранжирование всех ценностей списка от наиболее до наименее значимой, или сделать выбор в каждой паре ценностей, или выбрать из заданного списка определенное их количество. Используются и более сложные системы актуализации первичных оценок.

Сам список ценностей формируется либо непосредственным образом – как любая разработка исследователя, либо с применением пилотажных и отладочных экспериментов. Готовый список затем объявляется как бы универсальным, пригодным для всех респондентов, любых социальных групп, населения страны и даже населения разных стран. Такую процедуру можно назвать «стандартизированным измерением».

Поскольку социология фактически не работает с индивидуальными значениями, в исследованиях сразу же переходят к вычислению значений групповых ценностей, чаще всего путем простого усреднения значений в выборке респондентов.

Основной акцент в таких исследованиях ставится на проблеме получения количественных оценок ценностей изучаемой группы респондентов, вопрос же о том, релевантны ли ценности изучаемой группе, есть ли индивидуальные различия, не акцентируется. При таком подходе задача формирования списка ценностей не представляется проблемной и часто остается «за скобками» обоснований исследователя либо вообще не включается в описание методики.

Между тем от того, какой список ценностей в итоге будет предложен респондентам, неминуемо зависит и конечный результат исследования. Приведем только два (как мы считаем, курьезных) примера. Так в оригинальной методике М. Рокича отсутствует такая ценность, как «работа» [11, р. 27], хотя методика широко используется при изучении работающего населения. В списке ценностей, который использовался в последнем исследовании «Евробарометра» (2008 г.) и предлагался жителям 31 европейской страны, отсутствовала ценность «семья» [13, р. 28]. Остается только гадать, почему эти важнейшие ценности разработчики не включили в изучаемые списки.

Отметим основные особенности метода «измерение ценностей»:

(а) предлагается для оценивания единый список для всех категорий респондентов (в международном исследовании единый набор ценностей даже для жителей разных стран);

(б) поскольку отказа от ответа не предусмотрено, респонденты вынуждены признать значимыми для себя все ценности списка и только «измерить» их значимость;

(в) жесткий перечень и обязательность ответа приводит к тому, что индивидуальные и групповые ценности совпадают, отдельные индивиды и любые исследуемые социальные группы имеют один и тот же «пакет жизненных ценностей», разве лишь с вариацией значимости отдельных ценностей.

Подход на измерение ценностей можно отнести к жестким стандартизованным методикам и количественной парадигме.

Такой подход ставит исследователя в сложную методологическую ситуацию. Во-первых, исследователь априори, на входе исследования уже должен каким-то образом выявить этот «исчерпывающий» список ценностей. Во-вторых, исследователь вынужден ставить разных респондентов в напряженную ситуацию, предлагая им для оценивания одинаковые позиции - для молодых и пожилых людей, для людей творческих профессий или занятых ради выживания тяжелым физическим трудом, вольных одиночек или погруженных в узкий семейный круг людей и многих других. В-третьих, сам исследователь в итоге оказывается перед непростой проблемой интерпретации «универсальной» ситуации, фактически отказав человечеству в многообразии, запретив вариативность выбора.

Мы уверены, что нет универсального списка ценностей, значимого и релевантного для любых респондентов и любых социальных групп. Мы предлагаем гибкую методику, которая в значительной степени преодолевает указанные недостатки. Представляемая методика позволяет выявлять специфические ценности людей и социальных групп, измерять индивидуальную и групповую значимости ценностей, находить для любых сравниваемых групп степень пересечения их интересов и меру их относительной оригинальности. В противовес методу «измерения ценностей» назовем предлагаемую разработку методом «выявления ценностей».

II. Рефлексивная методика на выявление ценностей.

Предлагаемый здесь способ выявления ценностей относится к «смешанной стратегии», использующей в органическом единстве качественный и количественный подходы, а именно включает актуализацию и текстовую фиксацию личностных представлений людей (рефлексию) и одновременно позволяет получать сильную статистику, обеспечивающую исследователю базу для надежных выводов и сравнений.

Представляемая методика была разработана отечественным методологом Г.И. Саганенко и состоит из задания на получение текстового ответа (это основное) на этапе сбора первичной информации. Методика в таком выражении вроде не представляет

особой оригинальности и давно названа в арсенале социологической методологии «открытым вопросом». Однако методика используется в соответствующем исследовательском контексте с привлечением нескольких эффективных способов активизации рефлексивной работы и респондентов, и аналитика. Среди них основные приемы и разработки: разработана типология открытых вопросов с описанием специфики их познавательного потенциала, используются не отдельные вопросы, а системная методика открытых вопросов, используются разного рода корреспондирующие вопросы, задания предлагают дать текстовые презентации социальных коллизий, текстовые ответы сопровождаются разными приемами количественных оценок и др. (см. [14] и [15]).

Для эффективности этапа анализа первичной информации, а именно для адекватной работы с множествами текстовых суждений и получения убедительного итогового продукта были разработаны специализированные компьютерные системы ДИСКАНТ и ВЕГА. Сердцевиной этих программ является технологический модуль классификации суждений, обеспечивающий надежное и оптимальное выделение значимых качественных состояний в изучаемых объектах, приписывание им имен и подсчет с ними связанной числовой статистики. В конечном итоге разработанный исследовательский подход был назван «типом исследования, построенным на открытых вопросах». Полный комплекс, в котором одним из базовых элементов является специальная компьютерная система, был назван «исследовательской технологией, базированной на открытых вопросах». Презентации новой концепции качественного подхода, его базовых элементов, примеров практического использования посвящены две книги и ряд статей [14-19].

Перейдем к представлению эмпирического способа изучения релевантных ценностей людей. Данная методика включает три элемента активизации текстовых ценностных формулировок респондентом и два способа получения индивидуальных количественных оценок. Такая методика стала включаться в разные исследования, направленные на изучение любой личностно-значимой социальной сферы (например, семьи, здоровья, образования и др.), поскольку было понято, что принципиально важно понимать ценностную систему респондента, иметь общий контекст, в котором пребывает изучаемая жизненная сфера человека [15].

Описание методики. Представим основной блок методики, направленный на выявление значимых для респондента ценностей и их количественную оценку (табл. 1). Задание респонденту сформулировано так:

«Что для Вас САМОЕ ГЛАВНОЕ в жизни - напишите 10 наиболее важных для Вас жизненных ЦЕННОСТЕЙ. Поясните, какой СМЫСЛ Вы вкладываете в каждую, в чем ее значимость для Вас. Оцените из 100 баллов (max) ЗНАЧИМОСТЬ для вас каждой ценности и свою УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ее состоянием».

Перечислим особенности данного метода:

(а) Респондентам предоставлена свобода самовыражения (респонденты любого социально-демографического статуса и разных жизненных позиций могут отразить свои общие и специфические ценностные установки). Респонденты формулируют свои суждения собственным языком. Каждый респондент может иметь и соответственно представить свой собственный «ценностный пакет».

(в) Исследователь получает актуальные и конкретные свидетельства от множества респондентов, при достаточной выборке многообразии представлений респондентов, в конце концов, исчерпывается.

(г) Исследователь получает множество содержательных и количественных оценок;

Таблица 1. Формат методики на выявление ценностей

ЖИЗНЕННАЯ ЦЕННОСТЬ	СМЫСЛ ЦЕННОСТИ - что она означает для Вас	Оценка важности	Удовлетворенность
(всего 10 пустых строк для ответов)			

может изучать специфику «ценностных наборов» респондентов, соотношение в них индивидуальных и общественных ценностей».

(д) Исследователь имеет возможность изучать общие и специфические ценности разных социальных групп.

(е) Данный метод позволяет осознать специфику презентаций отдельного респондента и множества респондентов – любая группа/категория респондентов в целом имеет значительно более богатый спектр ценностей, чем единичные респонденты.

(ж) Индивидуальные и групповые ценности представляют разные сущности и выявляются принципиально разными способами.

Поясним последний пункт. Ценности на индивидуальном уровне выявляются за счет актуализации и артикуляции индивидом собственных представлений о значимом в своей жизни, что осуществляется в процессе опроса при поддержке конкретной методики. Групповые ценности выявляются исследователем за счет классификационной техники и статистического анализа совокупностей суждений (в нашем случае - при существенной поддержке компьютерной технологии).

Каждый респондент называет ценности в количестве около десяти, групповых же ценностей оказывается намного больше, ибо любая группа богаче любого своего члена. Первый тип оценок – это непосредственные формулировки отдельного индивида, вторые – аналитические конструкции, полученные исследователем за счет выделения обобщенных классов и поиска для них адекватных имен.

III Эмпирическое исследование.

Нами было проведено сравнительное исследование по методике М. Рокича и технологии открытых вопросов. Было опрошено 60 студентов НИУ ИТМО по сути их жизненных ценностей. Методика Рокича была немного изменена, мы отказались от того, чтобы респонденты ранжировали карточки с ценностями. Им была представлена для заполнения анкета только с терминальными 18 ценностями и просили оценить значимость исходя из 100 баллов и проранжировать по важности. Результаты нам показались весьма интересными. Так если, оценивать из 100 баллов, то топ-5 ценностей выглядит следующим образом:

Семья	92 балла
Наличие хороших и верных друзей	91,4 балла
Здоровье	90,0 баллов
Любовь	87,7 баллов
Жизненная мудрость	82,8 баллов

Если же ценности ранжировать, получается другая структура

НАЛИЧИЕ ХОРОШИХ И ВЕРНЫХ ДРУЗЕЙ РАНГ	4,6
Здоровье ранг	4,7
Любовь ранг	4,7
Семья ранг	4,7
Материально обеспеченная жизнь ранг	7,3

Эта исследовательская коллизия требует особого обстоятельного анализа. Отметим лишь, что при исследовании по методике Рокича, когда ответы даются с подсказкой, ценность «жизненная мудрость» вошла в пятерку самых значимых. В то время как опыт наших проектов, построенных на открытых вопросах, оставляют эту ценность, мягко говоря, в стороне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпухин, О.И. Самооценка молодежи как индикатор ее социокультурной идентификации [Текст] / О.И. Карпухин // Социологические исследования. – 1998. – № 12. – С. 89-94.
2. Сурина, И.А. Этнические ценности студенчества: сущность, структура и методы исследования [Текст] / И.А. Сурина, К.Р. Гайсанов. – М., 1998. – 117 с.
3. Гаврилюк, В.В. Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации (поколенный подход) [Текст] / В.В. Гаврилюк, Н.А. Трикоз // Социологические исследования. – 2002. – № 1. – С. 96-105.
4. Лисовский, В.Т. Молодежь: любовь брак, семья. (Социологическое исследование) [Текст] / В.Т. Лисовский. – СПб.: Наука, 2003. – 368 с.
5. Панфилова, А.О. Ценностные ориентации населения Приморья [Текст] / А.О. Панфилова // Социологические исследования. – 2004. – № 10. – С. 117-119.
6. Смирнов, Л.М. Базовые ценности – поиск истоков. Структуры в сознании личности, универсалии предпочтений и поиск оснований [Текст] / Л.М. Смирнов. – Волгоград: Учитель, 2005. – 315 с.
7. World Values Survey [Electronic resource]. – Available at: <http://www.worldvaluessurvey.org>
8. Inglehart, R. Changing Values among Western Publics from 1970 to 2006 [Text] / R. Inglehart // West European Politics. – 2008. – Vol. 31. – С. 130-146.
9. European Social Survey [Electronic resource]. – Available at: <http://www.europeansocialsurvey.org>
10. Магун, В.С. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами [Текст] / В.С. Магун, М. Руднев // Вестник общественного мнения. – 2008. – № 1. – С. 33-58.
11. Rokeach, M. The nature of human values [Text] / M. Rokeach. – New York: Free Press, 1973.
12. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности [Текст] / под ред. В.А. Ядова. – Л., 1979.
13. Values of Europeans [Electronic resource] // Standard Eurobarometer 69. – Available at: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb69/eb69_values_en.pdf
14. Саганенко, Г.И. Многообразие возможностей социологического изучения сферы образования [Текст] / Г.И. Саганенко. – Часть 1. Обоснование и технологии социологических исследований, базированных на текстах. – СПб.: ГНУ ИОВ РАО, 2004.
15. Многообразие возможностей социологического изучения сферы образования [Текст] / под ред. Г.И. Саганенко. – Часть 2. – СПб.: ГНУ ИОВ РАО, 2005. – 156 с.
16. Каневский, Е.А. Диалоговая система классификации и анализа текстов [Текст] / Е.А. Каневский, Г.И. Саганенко и др. // Социология: 4М. – 1997. – № 9. – С. 198-215.
17. Саганенко, Г.И. «Сопоставление несопоставимого»: обоснование типа сравнительного эмпирического исследования на базе открытых вопросов [Текст] / Г.И. Саганенко. – СПб., 1997.
18. Саганенко, Г.И. Системы, форматы и познавательный потенциал открытых вопросов [Текст] / Г.И. Саганенко // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2001. – Том IV.
19. Саганенко, Г.И. Контексты эмпирического познания в социологии и возможности программы ВЕГА [Текст] / Г.И. Саганенко // Телескоп. – 2008. – № 6. – С. 43-55.

Ю.В. Уханова

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ АГРАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

Современный этап мирового развития характеризуется переходом к постиндустриальному обществу и новой экономике, основанной на научных знаниях. Интеллектуальный капитал для такой экономики выступает важным производственным ресурсом. Это подтверждается его проникновением во все сферы хозяйственной жизни, растущим преобладанием интеллектуального труда и увеличением оборота высокотехнологичной продукции.

Поскольку знания и информация превращаются в важнейший ресурс производства, существенно усложняется и классовая структура современного общества, она приобретает новое измерение [20]. В результате среди многочисленных социальных групп особую значимость приобретают квалифицированные специалисты, профессионально занятые умственным трудом. В современном же российском сельском хозяйстве воспроизводство и использование труда специалистов происходит на таком количественном и качественном уровне, который не только не соответствует требованиям нового этапа развития аграрного производства, но и характеризуется снижением его качества, медленной адаптацией к рыночным условиям [4].

В связи с этим проблема обеспечения сельского хозяйства квалифицированными кадрами специалистов для страны и ее регионов весьма актуальна. В государственной программе по развитию сельского хозяйства России на 2008–2012 гг. среди основных причин относительно медленного развития отрасли сельского хозяйства был отмечен дефицит квалифицированных кадров специалистов, вызванный низким уровнем и качеством жизни в сельской местности [4]. В Вологодской области для решения проблемы обеспечения агропромышленного комплекса (АПК) специалистами принята долгосрочная целевая программа «Кадровое обеспечение АПК Вологодской области на 2012–2016 гг.», в которой отмечено, что за последние девять лет произошло сокращение числа занятых в АПК области специалистов. По данным на 2010 г. обеспеченность сельского хозяйства области кадрами руководителей и специалистов составила 94,6%. Среди основных причин низкой «закрепляемости» специалистов в сельскохозяйствен-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 14-01-00341 «Социальные отношения в российской деревне 1930–1980-х гг. и их интерпретация в уровнях общественного сознания».

ном производстве выделяются низкая заработная плата, отсутствие социального пакета, жилья, неудовлетворительные условия труда [7]. При таком положении обобщение исторического опыта и анализ нерешенных проблем советского периода имеют важное теоретическое и практическое значение.

В общественных науках вопрос о месте и роли социального слоя людей, занятых интеллектуальным трудом в аграрной сфере советского периода, остается дискуссионным. В научной литературе существуют различные теоретико-методологические подходы к изучению темы специалистов. В советской историографии специалисты, занятые в различных отраслях народного хозяйства, в том числе в аграрной сфере, трактовались как представители интеллигенции [16, 17, 18, 23, 24]. Это можно объяснить тем, что в отношении интеллигенции господствующим в те годы являлся социально-экономический подход [2]. В рамках этого подхода в широком смысле под «интеллигенцией» понимались все люди преимущественно умственного труда, в узком значении – социальный слой, состоящий из лиц, профессионально занимающихся высококвалифицированным умственным трудом, который требовал специального среднего или высшего образования, т.е. специалисты всех отраслей хозяйства и культуры [15].

В современных научных кругах активно разрабатываются проблемы соотношения понятий «интеллигенция», «специалисты», «интеллектуалы». Основные научные подходы в отечественной историографии к изучению интеллигенции могут быть обозначены как социально-функциональный и нравственно-этический [9, С. 94]. Как отмечает В.С. Меметов, если первый подход остается доминирующим в конкретно-исторических исследованиях, то среди сторонников второго – преобладают философы и культурологи [9, С. 23,30].

Остановимся подробнее на характеристике обозначенных подходов к определению интеллигенции. Так, в рамках социально-функционального подхода интеллигенция выделяется по такому критерию, как характер труда. Сторонники этого подхода относят к интеллигенции всех, кто занимается умственным трудом, благодаря наличию специальности, образования, способностей, опыта и т.д. и соответственно не отделяют понятия «интеллигенция» и «специалисты» [6]. По мнению ряда историков, этот подход малоперспективен, так как он не позволяет вычленить среди специалистов, занятых умственным трудом, интеллигенцию [2, С. 29–30].

Нравственно-этический подход к определению интеллигенции базируется на духовных признаках, лежащих в основе этой общности. Сторонники обозначенного подхода признают, что не всех специалистов с высшим и средним образованием, а также «практиков», не имеющих образования, но занятых умственным трудом, можно отнести к интеллигенции [10, С. 61]. По мнению философа А.В. Соколова, интеллигент, будучи образованным и творчески активным человеком, как правило, является специалистом, специалист же, в зависимости от этического самоопределения, может быть интеллигентом, а может быть интеллектуалом [20]. Исследователь использует термин «интеллектуальный» слой, под которым понимает совокупность интеллигентов и интеллектуалов. А.В. Соколов отмечает, что и у тех, и у других присутствует интеллект, который их объединяет, но используется он по-разному, что их разъединяет [20, С. 12–13]. В современной социологии утверждается позиция, в рамках которой по отношению к специалистам употребляется термин «интеллектуалы», при этом нередко в рамках нравственно-этического подхода понятия «интеллектуалы» и «интеллигенция» противопоставляются: в первом случае – это профессионализм, знания, во втором – вера

в идеалы и человеколюбие [5, С. 41–42]. С точки зрения В.С. Меметова, какая бы специфика не вкладывалась в понятия «интеллигенция» и «интеллектуалы», речь идет об одном и том же – категории людей, группе в социуме, имеющей свои специфические и чрезвычайно важные роли и в базисе, и в надстройке [9, С. 37].

В последние годы при изучении интеллигенции становится актуальным комплексный междисциплинарный подход, синтезирующий в себе различные области знаний [14, С. 4]. Так, В.С. Меметов, Г.А. Будник, О.Ю. Олейник, А.А. Соловьев, Ж.Т. Тощенко и другие ученые отмечают, что наиболее продуктивно рассматривать интеллигенцию с точки зрения ее двуединой природы, выделяя при этом и профессионально-социологический, и нравственно-этический критерии [12, С. 10; 9, С. 95; 13, С. 26; 22, С. 15–16]. В то же время ряд исследователей считает, что междисциплинарный подход к изучению интеллигенции имеет и негативные аспекты, что проявляется в неопределенности самого объекта исследования, нередкое игнорирование специфики конкретной специальности [3, С. 450–451].

В современной зарубежной и российской историографии также получает распространение подход, в рамках которого специалисты рассматриваются как отдельный социальный класс интеллектуалов. Исследователи приходят к выводу о том, что специалисты объединяются в класс интеллектуалов на том основании, что они, обладая собственностью на научные знания и информацию, занимают схожее место в имущественной структуре, имеют близкие социальные права и обязанности [25; 1; 21, С. 364; 11, С. 48]. По мнению американского ученого А. Гоулднера, интеллигенты и интеллектуалы представляют из себя новый (универсальный) класс, возникший благодаря знаниям и умениям, отличительными чертами которого выступают язык и образ профессиональной деятельности [25]. В.Л. Иноземцев отмечает, что «класс интеллектуалов» отличает уровень образования, оказывающийся значительно выше характерного в тот или иной момент для большинства граждан, «востребованность» в разных структурных элементах социальной иерархии, а также их исключительная мобильность [8].

Итак, в современных социогуманитарных науках единого взгляда на соотношение понятий «интеллигенция», «специалисты», «интеллектуалы» не выработано. Как показал краткий анализ подходов к этой проблеме, одни исследователи отождествляют определения «интеллигенция» и «специалисты», другие полагают, что специалист может являться интеллектуалом, но при этом не быть интеллигентом и т.д. Автор настоящего исследования поддерживает точку зрения тех ученых, которые считают, что объем понятия «интеллигент» существенно шире, чем объем понятия «интеллектуал» (специалист).

В настоящей работе, вслед за М.А. Безниным и Т.М. Димони, применяется термин «интеллектуалы» в отношении специалистов сельского хозяйства советского периода. Согласно подходу этих ученых, в СССР вследствие государственной капитализации аграрного сектора экономики складывались новые социальные классы, таких как протобуржуазия, менеджеры, интеллектуалы, рабочая аристократия, пролетариат [1]. По мнению автора, обозначенный подход является оптимальным для решения поставленных задач. Применение определения «интеллектуалы» по отношению к специалистам, работавшим в аграрном производстве России 1930 – середины 1960-х гг. наиболее точно выражает суть этой социальной категории. Специалисты сельского хозяйства внедряли в колхозно-совхозное производство интеллектуальный капитал в виде знаний, опыта, квалификаций. Безусловно, использование термина «интеллектуалы» в

отношении людей, которые зачастую не имели не только высшего, но и среднего специального образования, относились к практикам, может вызвать возражения. Однако следует учитывать тот фактор, что специалистов сельского хозяйства отличал уровень образования, который был значительно выше характерного в те годы для других социальных слоев сельскохозяйственного населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безнин, М.А. Социальные классы в российской колхозно-совхозной деревне 1930–1980-х гг. [Текст] / М.А. Безнин, Т.М. Димони // Социологические исследования. – 2011. – № 11. – С. 91-102.
2. Будник, Г.А. Формирование интеллигенции в советской высшей школе 1945–1985 годов (на материалах Центрального района России): дисс. ... доктора ист. наук [Текст] / Г.А. Будник. – Иваново, 2004. – 230 с.
3. Веселов, В.П. О новых подходах к изучению западной историографии по проблеме «Интеллигенция и власть в России» [Текст] / В.П. Веселов // Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии: тезисы докладов межгосударственной научно-теоретической конференции: в 2 томах / под ред. В.С. Меметова – Иваново, 1995. – Т. 2. – С. 450-458.
4. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008 – 2012 гг. [Электронный ресурс] // Сайт Министерства сельского хозяйства РФ. – Режим доступа <http://www.mcsx.ru/navigation/docfeeder/show/145.htm>
5. Гришина, Е.А. «Старая» и «новая» российская интеллигенция – противоречия социальной идентификации [Текст] / Е.А. Гришина // «Новая» и «старая» интеллигенция: общее и особенное: материалы XII Международной теоретико-методологической конференции / под ред. Ж. Тошенко. – М., 2012. – С. 41-48.
6. Диденко, Д.В. Опыт исторической типологии российских интеллектуальных кадров [Текст] / Д.В. Диденко // Социально-политический журнал. – 1998. – № 4. – С. 223-226.
7. Долгосрочная целевая программа «Кадровое обеспечение агропромышленного комплекса Вологодской области на 2012 – 2016 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vologda-agro.ru/doc-normativ/425->
8. Иноземцев, В.Л. «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе [Текст] / В.Л. Иноземцев // Социологические исследования. – 2000. – № 6. – С. 67-77.
9. Интеллигенция: вопросы теории и методологии [Текст] / под редакцией В.С. Меметова. – Иваново, 2010. – 170 с.
10. Коган, Л.Н. Интеллигенция: слой специалистов или духовная элита общества? [Текст] / Л.Н. Коган // Российская интеллигенция: XX век: тезисы; Крюкова, Н.С. О роли интеллигенции в современных условиях [Текст] / Н.С. Крюкова // Интеллигенция в системе социально-классовой структуре общества: тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции / под ред. В.Л. Соскина. – Кемерово, 1991. – С. 40-49.
11. Меметов, В.С. Проблемы становления новой парадигмы интеллигенции [Текст] / В.С. Меметов // Генезис, становление и деятельность интеллигенции: междисциплинарный подход: тезисы докладов XI международной научно-практической конференции / отв. ред. В.С. Меметов. – Иваново, 2000. – С. 10-18.
12. Меметов, В.С. Теоретические основы формирования интеллигенции в образовательном пространстве высшей школы [Текст] / В.С. Меметов, Г.А. Будник // Интеллигенция и мир. – 2004. – № 1/2. – С. 26-31.
13. Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции [Текст] / под ред. В.С. Меметова. – Иваново, 2008. – 200 с.
14. Руткевич, М.Н. О социальной структуре советского общества [Текст] / М.Н. Руткевич // Социологические исследования. – 1999. – № 4. – С. 19-28.
15. Советская интеллигенция (история формирования и роста. 1917 – 1965 гг.) [Текст]. – М., 1968. – 280 с.
16. Советская интеллигенция и ее роль в строительстве коммунизма [Текст]. – М., 1983. – 205 с.

17. Советская интеллигенция: Краткий очерк истории (1917 – 1975 гг.) [Текст]. – М., 1977. – 190 с.
18. Соколов, А.В. Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории [Текст] / А.В. Соколов. – СПб., 2007. – С. 17.
19. Соколов, А.К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения [Текст] / А.К. Соколов // Теоретические проблемы исторических исследований. – М., 1998. – Вып. 1. – С. 56-64.
20. Солодовников, С.Ю. Класс интеллектуалов [Текст] / С.Ю. Солодовников // Большой энциклопедический словарь. Философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / сост. С.Ю. Солодовников. – Минск, 2002. – С. 364.
21. Тощенко, Ж.Т. «Старая» и «новая» интеллигенция: современные реалии [Текст] / Ж.Т. Тощенко // «Новая» и «старая» интеллигенция: общее и особенное. – М., 2013. – 380 с.
22. Федюкин, С.А. Некоторые аспекты изучения истории советской интеллигенции [Текст] / С.А. Федюкин // Вопросы истории. – 1980. – № 9. – С. 51-64.
23. Федюкин, С.А. Советская власть и буржуазные специалисты [Текст] / С.А. Федюкин. – М., 1965. – 230 с.
24. Gouldner A.W. Against Fragmentation: The society of intellectuals [Text] / A.W. Gouldner. – NY, 1979. – 135 с.

С.Н. Першуткин

доктор социологических наук,
исполнительный директор Некоммерческого партнерства
преподавателей социальных наук

ЭКСПЕРТНО-СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА РЕГИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В контексте дискуссий об экспертных функциях науки, о перспективах РАН и новой парадигме развития российского общества возникает комплекс вопросов применительно к региональной государственной политике – ключевому фактору общественно-политической и социально-экономической жизни в условиях федеративного устройства государства.

Отвечают ли содержание и формы региональной государственной политики общественным потребностям, и как можно было бы использовать экспертно-социологическое сопровождение для оптимизации данных процессов?

Вопросы непростые, и категорично что-либо утверждать пока не приходится. Определенная работа проводится в региональном направлении, как федеральным центром, так и непосредственно субъектами федерации. Однако отсутствует целенаправленность в использовании социологических исследований, в том числе такой их разновидности, как экспертиза.

С учетом этого обозначенная тематика актуализируется в следующем: во-первых, в связи с реорганизацией федеральных органов исполнительной власти и прекращением деятельности Министерства регионального развития России; во-вторых, с учетом набирающей вес и значимость регионологии (регионалистики или регионоведения) как специфической системы знаний и важной формы научной рефлексии региональных процессов и роли регионов в государственной политике¹; в-третьих, в связи с **«новым**

¹ Инициатором и разработчиком формируемой с середины XX в. региональной науки является У.Айзард (W. Isard), ставший известным благодаря справедливой критике классических и неоклассических экономических теорий, изучению **«страны чудес, лишенной каких бы то ни было пространственных характеристик»**.

Поскольку регионалистике предстояло объединить «...экономистов, географов, планировщиков, архитекторов, инженеров, экологов, социологов, политологов, психологов, юристов и представителей других специальностей – всех, увлеченных изучением сложного регионального контекста, проф. У.Айзард особо подчеркивал междисциплинарность региональной науки как новой области обществоведения, изучающей пространственные аспекты человеческой деятельности и их значение для понимания общественного поведения и общественных форм // W. Isard Location and Space Economy. (1956).

синкретизмом власти и собственности», об опасности которого пишет возглавляющий Центр социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН д.с.н., проф. А.В. Тихонов, отмечая, что управление в современных российских условиях неудовлетворительно выполняет функции прогнозирования, планирования, организации исполнения, контроля, недостаточно влияя на достижение конечных результатов [10, с. 7], что приходится иметь в виду при обсуждении региональной политики и ее экспертно-социологического обеспечения.

Помимо того, заслуживает внимания и просматриваемый на протяжении длительного периода времени интерес в научном сообществе к региональным проблемам, к региональному управлению, а также нарастающее внимание к экспертным функциям науки [8] и к социологической экспертизе, хотя ряд назревших вопросов все еще остаются без внимания исследователей, несмотря на то, что в научной повестке дня – анализ прав и обязанностей федерального центра и регионов, теоретическая и информационная база экспертно-социологических исследований, специфика инструментария и корректность его использования.

Отсюда вытекают задачи социологической науки по уточнению социологического статуса региональной политики, по экспертно-социологическому обеспечению ее разработки и реализации.

Условием решения обозначенных задач по анализу региональных процессов, является, на наш взгляд, использование понятийного аппарата, фундамент которого образуется вследствие многомерного понимания региона, отражающего широкую совокупность региональных явлений и процессов.

Отметим, что в политическом словаре термин «регион» появился относительно недавно. Понятию «регион» вплоть до недавнего времени предшествовало понятие «провинции», обладающее неким негативным оттенком (в отличие от подчеркнуто нейтральной категории «регион») в качестве определенной территории, «отличающейся от других по ряду признаков и обладающей некоторой целостностью, взаимосвязанностью составляющих ее элементов» [2, с. 16].

Регион по набору компонентов и масштабности отличается от корпорации или государства. Соответственно, регионом невозможно управлять с помощью корпоративных или макро-политических методов, поэтому является необходимым и оправданным специфический уровень управления, региональный, получивший название мезо-уровня (наряду с микро- и макроуровнем).

Таким образом, просматриваются теоретические предпосылки для анализа в нашей стране региональной политики, для ее исследования в качестве самостоятельного социального феномена и предмета междисциплинарных исследований – как «системы намерений и действий, реализующей интересы государства в отношении регионов и внутренние интересы самих регионов» [6, с. 52] как составляющую часть «политики государства, направленную «на организацию (упорядочение) национального пространства (территории) в соответствии с избранной стратегией развития» [12, с. 31].

Однако все-таки более удачным видится подход, предложенный еще четверть века назад и сохраняющий свою значимость до сегодняшних дней, суть которого в трактовке региональной политики как сознательного «программирования регионального развития с постановкой целей, планированием, регулированием» [9, с. 31].

Помимо содержательной и категориальной уместной представляется и организационно-управленческая трактовка государственной региональной политики позволяю-

щая вычленять совокупность управленческих решений, совокупность государственных органов, разрабатывающих и реализующих региональную политику, совокупность федеральных и региональных целевых программ, структурируя таким образом рассматриваемую деятельность на составные части, предельно конкретизируя и даже упрощая сложнейшие явления и процессы, что тем не менее видится возможным и оправданным в интересах экспертно-социологического анализа (в категориях «социологической поддержки» региональной политики», ее социологического сопровождения или социологического обеспечения).

Углубление анализа названных аспектов видится особо значимым в контексте дискуссий об экспертных функциях науки и о реформе РАН, что побуждает к переосмыслению содержания, видов и роли разных видов экспертизы.

Если определять в самом общем виде назначение экспертизы, то речь бы должна идти о проверке соответствия чего-либо явным или неявным требованиям и стандартам.

Что же касается такой разновидности экспертизы, как научная, то здесь, по нашему мнению, точнее обозначается высокий содержательный уровень, базирующийся на совокупности системных представлений, отличающихся большей степенью убедительности и разноплановости аргументации. На основе применения исследовательского инструментария, технологий исследовательской деятельности точнее соблюдаются определенные процедуры сбора, анализа и интерпретации получаемых данных, что достаточно важно.

Представляется, что социологическая экспертиза, как разновидность научной экспертизы, обладает всем необходимым набором перечисленных качеств, отличаясь от иных видов экспертной деятельности емкостью содержания, многоэтапностью работы, многообразием объектов внимания. Объектами социологической экспертизы могут быть разнообразные явления и процессы, поскольку социологическая экспертиза по своим задачам и диапазону деятельности является достаточно широкой. Не случайно экспертиза (*evaluation research*) понимается в зарубежной социологии в качестве способа оценки успехов определенной политики по достижению конкретных целей в качестве разновидности «действенного» или «активистского» исследования [1, с. 64, 363].

Однако наибольшей привлекательностью для анализа и оценки все-таки обладают политико-управленческие решения. Возникает вопрос: «Почему?»

Во-первых, потому что они структурируют общественные отношения, обозначая направленность воздействия, источник социального развития, детерминирующий «как и что необходимо предпринимать» в ответ на какую-либо общественную потребность. Это в онтологическом плане. Что же касается познавательно-аналитического (гносеологического) аспекта, то управленческое решение – это относительно удобный (с организационно-технической точки зрения) объект наблюдения и анализа, обладающий однозначно проявляемыми формализованными параметрами. Это, во-вторых.

Разработка и реализация управленческих решений – это сложнейший вид интеллектуальной деятельности, требующий как высокой квалификации, так и значительного объема информации. Потребность в управленческих решениях велика. В науке обсуждается целесообразность алгоритмизации подготовки управленческих решений (управленческой деятельности). Однако нам бы виделось более актуальным не только сокращение подготовительного периода, но и отработка содержания управленческих решений в результате социологической экспертизы.

Соответственно, приходится вести речь об информационной базе экспертно-социологической деятельности с целью проектирования и прогнозирования региональной политики.

Среди составных частей информационной базы укажем, с одной стороны, социологические исследования, а точнее их результаты, а с другой стороны, тексты, способные выступать предметом контент-анализа – федеральное и региональное законодательство, федеральные и региональные программы, нормативные правовые акты высших должностных лиц субъектов Российской Федерации, положения об органах исполнительной власти и др.

Раскрывая содержание и специфику перечисленных источников информации, в качестве иллюстрации сошлемся на ряд заслуживающих внимание результатов социологических исследований Центра региональной социологии Института социологии РАН под руководством доктора социологических наук, профессора Маркина В.В.

Как было выявлено вследствие массового опроса в Дальневосточном федеральном округе, в 2008 году при оценке реализации Федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года» (в конкретном субъекте Российской Федерации) свыше трети респондентов отметили, что «выполняется по главным мероприятиям, имеющим существенное значение для региона» и почти столько же (27%) сообщили, что ФЦП выполнялась по отдельным мероприятиям, не имеющим существенного значения для региона.

Противоположным оценкам вряд ли нужно удивляться, поскольку для половины опрошенных данная программа оказалась совсем неизвестной [3, с. 35 – 40.].

В качестве главных препятствий на пути развития регионов Дальнего Востока 31% опрошенных назвали коррупцию, и несколько меньшая часть – слабость власти наряду с произволом чиновников и бюрократии (28 и 27% соответственно).

Приходится констатировать, что ряд лет спустя после проведения Центром региональной политики исследований в ДФО криминальная и политико-управленческая ситуация изменилась мало, что подтверждают результаты недавних исследований хабаровского экономиста С. Леонова.

Таким образом, социологические исследования – это интересный и незаменимый информационный источник, важность которого трудно переоценить при разработке и реализации региональной государственной политики.

Помимо социологических исследований и их результатов еще одним источником информации для выстраивания политики государства в отношении регионов являются государственные программы Российской Федерации, обладающие четко выделенным региональным аспектом.

Повышенного внимания экспертов и аналитиков заслуживает, в частности, госпрограмма «Региональная политика и федеративные отношения» (утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации № 307 от 15 апреля 2014 г.) Благодаря реализации программно-целевого подхода обозначаются принципиальные ориентиры в этой сфере и обозначаются необходимые средства, что превращает программу в незаменимое средство решения накопившихся проблем.

Однако просматриваются и основания для критики этого важнейшего системообразующего документа. Прежде всего, отсутствие необходимой взаимосвязи с аналогичными решениями, реализуемыми в Российской Федерации и направленными в частности, на развитие регионов и макрорегионов. Это, во-первых. Во-вторых, недоста-

точное соответствие цели Госпрограммы требованиям конкретности и измеримости, поскольку базовое понятие «сбалансированное развитие» в упомянутом документе не представлено, позволяя свободно и даже бессодержательно трактовать анализируемые процессы и явления. В-третьих, неполный учет в данном документе содержания и специфики региональной политики в Российской Федерации, что можно утверждать с опорой на результаты аудита Счетной Палаты России [4, с. 86 - 89].

Судя по всему, возможности социологической экспертизы при разработке вышеназванной госпрограммы использовались недостаточно.

Продолжая рассмотрение источников информации для социологической экспертизы (помимо социологических исследований и государственных программ) специально выделим роль регионального законодательства, позволяющего лучше понять степень сформированности региональной политики, роль законодательной и исполнительной власти субъектов Федерации в обеспечении ее эффективности.

В качестве примера рассмотрим одну из отраслей регионального законодательства, посвященную государственной молодежной политике, которая в последние четверть века оформилась в качестве важного направления деятельности российского государства.

Опираясь на результаты трудоемкой, но важной работы по подготовке и проведению контент-анализа 33 региональных закона о молодежи молодежной политики, отметим заслуживающие внимания результаты, позволяющие глубже понять содержание и специфику политики в отношении молодежи, не только как деятельности федеральных органов власти, но и региональных. С учетом этого появляется возможность оценить в субъектах Федерации ответственность законодательной и исполнительной власти за работу с молодежью, (а молодежь составляет от 20 до 25% в региональном социуме).

Как было выявлено, конкретные обязательства власти прописываются лишь в 40% изученных нами законов, да и то в общем виде. Лишь в 20% из них раскрываются обязанности комитетов и отделов по делам молодежи исполнительной власти по решению молодежных проблем и примерно в таком же числе изученных документов оказываются прописанными обязанности глав муниципальных образований по отношению к молодежи.

Выявленный перекося является следствием многих причин, позволяя в итоге констатировать, что региональная политика в отношении молодежи остается к настоящему времени слабо выстроенной, размытой и рыхлой [7, с. 150].

Еще один источник информации для социологической экспертизы региональной политики – это положения о подразделениях по делам молодежи органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, что позволило нам нестандартно посмотреть на молодежную политику и позицию регионов.

Полученные нами результаты контент-анализа позволяют констатировать следующее: обязанности комитетов и отделов по делам молодежи являются прописанными в единичном числе документов, а права в 75% изученных текстов.

Подобный уровень понимания и отражения в территориальных нормативных актах содержания работы подразделений по делам молодежи разных уровней исполнительной власти, к сожалению, препятствует эффективной работе в регионах по решению молодежных проблем, что становится явным благодаря контент-анализу двух видов документов – региональных законов о молодежи и молодежной политике и положений о деятельности комитетов по делам молодежи.

Таким образом, появляется возможность оперировать не только субъективными оценками и мнениями, пусть даже информированных и квалифицированных экспертов, но объективными данными, содержащимися в текстах.

В целом же с опорой на результаты выполненного контент-анализа появляется возможность представить более широкую картину, характеризующую ситуацию в масштабах всей Российской Федерации (применительно к сфере государственной молодежной политики), а также и ситуацию в отдельных регионах.

Соответственно, на основе анализа разных источников информации показывает свою эффективность экспертно-социологический анализ региональной политики, подтверждающий возможность обоснованных оценок.

С учетом сказанного яснее просматриваются пути экспертно-социологического обеспечения региональной государственной политики.

С одной стороны, необходимость решения теоретических задач, а с другой, научно-организационных. В научном плане речь следовало бы вести, судя по всему, об осознании управленческой роли государства как ключевого института политического управления, а не только как субъекта создания инфраструктуры, что позволило бы лучше понять содержание и специфику региональной государственной политики.

Что же касается научно-организационных задач, то виделось бы целесообразным в первоочередном порядке включение раздела «региональная государственная политика» в федеральный план научно-экспертного обеспечения государственных программ и важнейших государственных решений.

Помимо того виделось бы оправданным создание федеральной экспертной сети для систематических исследований экспертного мнения по ключевым вопросам регионального развития.

Среди ключевых задач социологических исследований государственной региональной политики особо выделил бы, во-первых, глубинный анализ регионального социума и создание необходимой теоретической и эмпирической базы для разработки и реализации региональной государственной политики; во-вторых, мониторинг деятельности федеральных и региональных органов власти по управлению региональным социумом; в третьих, разработку и реализацию научно-экспертных систем в каждом субъекте Федерации, что позволило бы уже в ближайшее время повысить роль социологической науки в обосновании важнейших государственных решений.

Таким образом, перспективы экспертно-социологической поддержки региональной государственной политики видятся многообещающими.

В повестке дня – новые подходы к социологической интерпретации регионов, к оценке пространственной организации российского общества, к обоснованию оптимальности прав федерального центра и регионов, к социальному наполнению принципов федерализма, к оптимальному соотношению государств и гражданского общества в выстраивании региональной политики, что на наш взгляд, позволило бы продвинуться в решении стратегической задачи по разделению «власти, собственности, управления» на уровне субъектов Федерации, о важности чего справедливо пишет А.В. Тихонов [11, с. 11 - 34]. В этом видится создание необходимых предпосылок для отработки оптимальной региональной политики как экспериментальной площадки для взаимодействия государства и российской науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аберкромби, Н. Социологический словарь [Текст] / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер ; пер. с англ. ; под. ред. С. А. Ерофеева. – М.: ОАО «Изд-во «Экономика», 2000.
2. Гранберг, А.Г. Основы региональной экономики [Текст] / А.Г. Гранберг. – М.: ГУ ВШЭ, 2001.
3. Дальневосточный регион в социально-политическом пространстве России: проблемы и пути их решения [Текст]: сборник материалов / под общей ред. С.Л. Краснорядцева. – М., 2009.
4. Информация по итогам экспертизы государственных программ Российской Федерации по состоянию на 1 июня 2014 года [Текст] // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. Спецвыпуск. – М., 2014. – 124 с.
5. Маркин, В.В. Региональная социология и региональное управление: формат и механизмы взаимодействия [Текст] / В.В. Маркин // Гуманитарий Юга России. – 2014. – № 2. – С. 137-144.
6. Лексин, В.Н. Региональная политика России: концепция, проблемы, решения / В.Н. Лексин, А.Н. Швецов [Текст] // Российский экономический журнал. – 1993. – № 9.
7. Першуткин, С.Н. Государство и молодежь [Текст] / С.Н. Першуткин. – М.: РАНГС, 2009. – 187 с.
8. Першуткин, С.Н. Удастся ли реализовать экспертную функцию науки? [Текст] // Советник Президента: информ.-аналит. издание. – 2014. – № 124.
9. Савченко, А.Б. Региональное развитие и региональная политика [Текст] / Савченко А.Б. // География и проблемы регионального развития. – М., 1989.
10. Социология управления: стратегия, процедуры и результаты исследований [Текст] / редколл.: А.В.Тихонов (отв. ред.) и др. – М.: «Канон» РООИ «Реабилитация», 2010.
11. Тихонов, А.В. Гражданская экспертиза проблем реформирования властно-управленческой вертикали [Текст] / А.В. Тихонов // «Модернизация отечественной системы управления : анализ тенденций и прогноз развития». Материалы Всероссийской научно-практической конференции XII – XIII Дридзеvских чтений. 21 – 22 ноября 2013 года / редколл. А.В. Тихонов (отв.ред.). – М.: Институт социологии РАН, 2014.
12. Федерализм [Текст] // Энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1997.

Т.М. Караханова
Г.П. Бессокирная
О.А. Большакова

МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ: ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ПОТЕНЦИАЛ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Изучение повседневной деятельности населения в отечественной традиции базируется преимущественно на исследованиях бюджетов времени. Исследования бюджетов времени - это изучение повседневной жизни, поскольку с помощью показателей распределения занятий во времени получаем возможность фиксировать и далее анализировать поведение людей в сферах труда, быта и досуга [Патрушев, 1998:452]. Временные характеристики используются в качестве инструмента описания реального поведения в повседневной жизни, т. е. такого поведения, которое можно зафиксировать в показателях времени (путем самонаблюдения или путем опроса населения). Имеются обстоятельные обзоры научных публикаций по этой проблематике в нашей стране в XX веке [Патрушев, 1998; Патрушев, Артемов, Новохацкая, 2001]. История исследований бюджетов времени в нашей стране и за рубежом, в т.ч. и в 2000-2010-е годы, представлена Т. М. Карахановой и О. А. Большаковой в публикации авторов доклада [Караханова, Бессокирная, Большакова, 2014].

Эволюция изучения повседневной деятельности населения

Исследования бюджетов времени и повседневной деятельности населения относятся к тем, с которых началось возрождение социологии в России. Основные направления исследований: социальные проблемы рабочего времени; социальные проблемы удовлетворения бытовых потребностей населения; социальные проблемы свободного времени. Изучались бюджеты времени различных социальных групп и территориальных общностей. В практику исследований бюджетов времени вошло сочетание обследований бюджетов времени с изучением с помощью специально разрабатываемых анкет или бланков интервью отношения людей к тем или иным видам деятельности, удовлетворенности условиями жизнедеятельности.

В постсоветской России в 1990-е годы главное внимание уделялось анализу влияния условий жизни и труда, радикально меняющихся в результате политических и экономических реформ, на повседневную деятельность населения [Патрушев, 2001; *Повседневная деятельность...*, 2003]. Со второй половины 1990-х годов и особенно в 2000-е гг. стали интенсивно изучаться ценности и социальное самочувствие населения [Ценности..., 2004].

Внимание исследователей в современной России было сосредоточено на углубленном изучении повседневной деятельности и бюджетов времени различных социальных групп городского и сельского населения. Особое внимание уделялась изучение повседневной деятельности рабочих. В. Д. Патрушев осуществил сравнительный анализ использования бюджета времени рабочими Москвы в 1923-1991 годы, а также сравнительный анализ бюджетов времени рабочих в России, США и Финляндии. Им были проанализированы трудовые и досуговые ценности и ориентации российских рабочих с середины 1970-х до начала 2000-х годов [Патрушев, 2006]. Анализ взаимосвязей повседневного использования времени и жизненных ценностей рабочих в годы реформ показал, что рассогласование между включенностью рабочих в те или иные виды повседневной деятельности и оценками значимости этих же видов повседневной деятельности является следствием адаптации рабочих к изменяющимся условиям жизни и труда. Чем меньше степень рассогласования между реальным поведением (использованием времени) и декларируемой иерархией ценностей повседневной деятельности, тем успешнее протекает процесс адаптации рабочих в трансформирующемся российском обществе [Караханова, Бессокирная, 2008]. Однако считать адаптационный процесс эффективным, с нашей точки зрения, можно только тогда, когда он не вступает в противоречие с необходимостью сбалансированности «трудовой», «восстановительной» и «развивающей» функций повседневной деятельности и развития индивидов, а также с традиционными для России духовно-нравственными ценностями.

В коллективной монографии сотрудников сектора изучения повседневной деятельности и бюджета времени Института социологии РАН были представлены результаты исследований изменений в различных сферах жизни горожан в период с 1986 по 2008 гг. На основе материалов проведенных нами мониторинговых исследований в Пскове дана оценка динамики структурирования городским населением бюджета времени. Определены тенденции в отношении горожан к ценностям жизни и видам повседневной деятельности. Совместный анализ реального поведения и ценностей населения позволил более углубленно проанализировать адаптационные процессы в годы политических и экономических реформ [Повседневная деятельность..., 2010; Караханова, Большакова, 2011].

Бюджеты времени позволяют интерпретировать и реинтерпретировать эмпирические данные с помощью разных теоретических подходов. Будущее, скорее всего, за деятельностью-активистскими теориями социальных изменений, которые помогают объяснять повседневную деятельность населения как деятельность социальных агентов, «поле возможностей» которых зависит от собственных и групповых социальных ресурсов.

Дальнейшее изучение повседневной деятельности населения необходимо для мониторинга социальных изменений и анализа социальных перемен в пореформенной России, определения эффективности социальной адаптации людей к меняющимся условиям жизни и труда.

Основные положения методики изучения повседневной деятельности населения

В предлагаемой методике акцентируется внимание на деятельности субъекта в меняющихся условиях жизни и труда. Основной предмет изучения - реальное поведение населения в повседневной жизни. Такой подход, с нашей точки зрения, оптимален для периода трансформации и модернизации российского общества, когда повседневные практики могут свидетельствовать о социальных изменениях в разных сферах жизнедеятельности людей.

Основным социологическим методом изучения реального поведения (повседневных практик) является бюджет времени субъекта деятельности. Бюджет времени – отличный индикатор всевозможных изменений в повседневной деятельности людей. Особенностью метода бюджета времени является фиксирование затрат времени респондента на различные виды деятельности в определенный день недели (путем самозаписи в течение текущих суток) для обеспечения пропорционального представительства в выборке всех 7 дней недели. При этом сумма затрат времени на все виды деятельности в каждом из зафиксированных бюджетов времени должна составлять строго 1440 минут.

К сожалению, в постсоветской России социологические исследования с использованием метода бюджета времени в России были единичными (В. Д. Патрушев, В. А. Артемов, Т. М. Караханова, О. В. Новохацкая, О. А. Большакова). Все они проводились по методикам, совместимым с той, которая была применена в международном исследовании с участием 12 стран, в том числе СССР в 1965 г. Это дает возможность сравнивать данные об использовании времени на разных этапах истории нашей страны. Росстатом в 2008 г. после почти 20-летнего перерыва было проведено обследование бюджета времени населения в возрасте 15 лет и старше в ряде регионов России по методике, применяемой Евростатом. Включение этой информации в динамический ряд даже их собственных предыдущих исследований представляется нам весьма затруднительным для обоснованных выводов о социальных переменных в пореформенной России.

В нашей методике исследование бюджетов времени предлагается осуществлять в комплексе с изучением ценностей повседневной жизни и повседневной деятельности населения. В исследованиях, которые проводили сотрудники сектора изучения повседневной деятельности и бюджета времени ИС РАН, фиксирование ценностей городских жителей осуществлялось с 1995 г. Основные результаты изучения динамики ценностей городских жителей описаны в коллективной монографии. Караханова Т. М. предложила объединять в ходе анализа ценности жизни горожан в три группы. Первую группы составляют ценности условий жизнеобеспечения, которое является сутью повседневной деятельности. Они объединяют статусы и роли индивидов, а также социальные институты: материальное благополучие, физическое здоровье, дети, брак, семья, права человека и личная безопасность. Вторая группа - это ценности функциональных групп видов деятельности, которые обеспечивают создание, поддержание, укрепление условий жизнеобеспечения. К ним относятся оплачиваемый труд; домашний и сельскохозяйственный труд; уход за детьми и их воспитание; самосохранительная деятельность (сон, уход за собой, питание, активный отдых, спорт); познавательная деятельность (учеба, овладение профессией, чтение, информация); творческая деятельность; общение; развлечения. В третью группу были выделены нормообразующие ценности, формирующие представление личности о норме ее поведения в повседневной жизни (нравственные нормы, мораль и религиозная вера) [Повседневная..., 2010].

Методика изучения ценностей в ходе комплексных исследований повседневной деятельности городских жителей опубликована [Караханова, Бессокирная, Большакова, 2011].

В ходе изучения повседневной деятельности необходимо фиксировать и условия жизнедеятельности населения, которые являются, по сути, существенной частью социальных ресурсов, которыми обладают отдельные индивиды и социальные группы.

Для выявления эффективности адаптации населения к меняющимся условиям жизни и труда используются показатели социального самочувствия: оценки удовлетворенности различными сторонами повседневной жизни (жилищными условиями, медицинским обслуживанием, материальным положением, работой на предприятии, бытом, досугом) и жизнью в целом.

Предлагаемая методика изучения повседневной деятельности населения была апробирована в ходе наших исследований в Пскове (2003/2004 гг.) и в Пскове и Саратове (2007/2008 гг.) и модифицирована в 2014 году. На основе модифицированной методики уже разработаны программа и инструментарий повторного исследования труда и быта рабочих и проведено полевое исследование [Караханова, Бессокирная, Большакова, 2014].

Полагаем, что дальнейший комплексный анализ ценностей и реального поведения населения и их взаимосвязей в повседневной жизни на фоне меняющихся условий жизни и труда с помощью предложенной методике может стать надежным источником информации о социальных переменах в российском обществе.

Потенциал использования методики изучения повседневной деятельности в социальной практике

Результаты исследований повседневной деятельности населения могут найти практическое применение при формировании социальной политики на разных уровнях управления (предприятие, поселение, регион).

В частности, они будут полезны при разработке оснований для создания системы управления социальной адаптацией работников предприятия, включающей: выявление социальных типов рабочих как объектов управления; поиск производственных и внепроизводственных факторов, влияющих на идентификацию рабочих с предприятием; определение личностных ресурсов и ресурсов предприятия, способствующих социальной адаптации работников.

Учет ценностей повседневной деятельности и сложившихся повседневных практик в сферах быта и досуга целесообразен при планировании развития социальной инфраструктуры и социальных услуг на разных уровнях управления (предприятие, поселение, регион).

ЛИТЕРАТУРА

1. Караханова, Т.М. Повседневное использование времени и жизненные ценности рабочих в годы реформ [Текст] / Т.М. Караханова, Г.П. Бессокирная // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. – Вып.7. – М.: ИС РАН, 2008. – С. 196-212.
2. Караханова, Т.М. Использование времени горожанами: социально-экономические и демографические факторы [Текст] / Т.М. Караханова, О.А. Большакова // Россия реформирующаяся: ежегодник-2011 / отв. ред. академик РАН М.К. Горшков. – Вып. 10. – М.; СПб.: Институт социологии РАН, Нестор-История. – 2011. – С. 332-349.
3. Караханова, Т.М. Изучение ценностей в ходе комплексных исследований повседневной деятельности городских жителей [Текст] / Т.М. Караханова, Г.П. Бессокирная, О.А. Большакова // Социологические методы в современной исследовательской практике: сборник статей, посвященный памяти первого декана факультета социологии НИУ ВШЭ А.О. Крыштановского / отв. ред. и вступит. ст. О.А. Оберемко; НИУ ВШЭ; РОС; ИС РАН. – М.: НИУ ВШЭ, 2011. – С. 419-424.

4. Караханова, Т.М. Труд и досуг рабочих (программа, инструментарий и некоторые предварительные результаты повторного исследования) [Текст] / Т.М. Караханова, Г.П. Бессокирная, О.А. Большакова. – М.: Институт социологии РАН, 2014. – 220 с.
5. Патрушев, В.Д. Бюджет времени различных социальных групп и территориальных общностей [Текст] / В.Д. Патрушев / Социология в России / под ред. В.А. Ядова. – 2-е изд. – 1998. – С. 452-471.
6. Патрушев, В.Д. Жизнь горожанина (1965 – 1998) [Текст] / В.Д. Патрушев. – М.: Academia, 2001. – 160 с.
7. Патрушев, В.Д. Труд и досуг рабочих (бюджет времени, ценности и мотивы) [Текст] / В.Д. Патрушев. – М.: Изд-во ИС РАН, 2006. – 164 с.
8. Патрушев, В.Д. Изучение бюджетов времени в России XX века [Текст] / В.Д. Патрушев, В.А. Артемов, О.В. Новохацкая // Социологические исследования. – 2001. – № 6. – С. 112-120.
9. Повседневная деятельность городских жителей в годы реформ: бюджет времени, ценности, тенденции (1986-2008) [Текст] / под общ. ред. Т.М. Карахановой. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 2010. – 344 с.
10. Повседневная деятельность и бюджет времени населения России и их изменения [Текст] / отв. ред. В.Д. Патрушев. – М.: Изд-во ИС РАН, 2003. 120 с.
11. Ценности повседневной деятельности горожан [Текст] / отв. ред. Т.М. Караханова. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 2004. – 136 с.
12. Официальный сайт ИС РАН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.isras.ru/publ.html?id=3224>

И.В. Лескова

ВПО РГСУ, г. Москва

СИСТЕМНЫЕ ТОРМОЗА РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Своеобразным катализатором, инициировавшим написание данной работы, явилось для автора исследование ВЦИОМ «Социальный потенциал российской модернизации (на материале Южного федерального округа)», завершённое в 2010 году (руководитель проекта – к. полит. н. Фёдоров В.В., научный руководитель проекта – д.э.н. Дискин И.Е.).

Авторы упомянутого исследования утверждают следующее.

С точки зрения способности воспринимать и поддерживать процессы модернизации, всё наше население можно разделить на 4 группы (слоя):

- 1,5-2% – креативное меньшинство;
- 20-25% – «новая Россия»;
- 50-60% – благожелательное большинство;
- 13-25% – дезадаптированное меньшинство;

Было выделено 14 характеристик, определяющих качества человека, делающие его активным агентом модернизации. Вот эти характеристики, или характерные черты:

- готовы мобилизоваться в условиях кризиса;
- стремятся получить хорошее образование;
- хотели бы иметь собственный бизнес;
- стремятся стать богатыми;
- стремятся сделать карьеру;

готовы заниматься самообразованием, повышать свою квалификацию, оставаясь на той же работе;

- готовы больше работать, искать дополнительный заработок;
- готовы переехать на новое место жительства, чтобы найти лучшую работу;
- готовы при необходимости освоить новую профессию;
- готовы рискнуть стабильностью, попытаться изменить свою жизнь;
- уверены, что человек должен сам (а не государство) позаботиться о своей старости;
- прилагают много усилий, чтобы заработать много денег и тем самым обеспечить свое будущее;
- чувствуют себя современными людьми;

для них важно достичь успеха в жизни, сделать карьеру.

И доля таких «агентов», т.е. тех, кто обладает всеми 14-тью характеристиками в обществе – около 2%.

В целом же распределение жителей обследованных в рамках названного выше исследования территорий (ЮФО России) с точки зрения их готовности к участию в модернизационных переменах выглядит следующим образом: активные сторонники (обладают не менее, чем 11-ю характеристиками) – до 25%, умеренно активные (им свойственны от 7 до 10 из перечисленных характеристик) – 41%, пассивные (обладают 6-ю и менее характеристиками) – 34%.

Если рассматривать распространенность степени готовности к модернизации населения в территориальном и возрастном разрезе, то оказывается, что в современной России очагами модернизации являются мегаполисы и малые города с населением 100 – 200 тыс. жителей; из всех возрастных же групп наиболее активны в рассматриваемом плане 20-28-летние.

В том же исследовании были выявлены основные барьеры на пути модернизации:

- запрос на модернизацию выражает только треть населения, тогда как почти половина предпочитает ей стабильность;
- значительная часть населения ориентирована на социальную составляющую модернизации, воспринимает ее как раздачу дополнительных благ, а не как развитие инновационной экономики;
- основные ожидания людей по реализации стратегии модернизации связаны с федеральной властью, а не с собственными усилиями;
- важнейший барьер на пути модернизации – коррупция. Две трети экспертов и три четверти населения оценивают ее уровень как «очень высокий или «высокий».

При этом исследование выявило достаточно высокую оценку возможностей властных институтов в деле проведения модернизационных преобразований.

Закончим рассматривать положения исследования ВЦИОМ с тем, чтобы перейти к соображениям о взаимодействии социологической науки и власти, на которые они надели автора.

Главная мысль данной работы в том, что еще одним значимым барьером на пути модернизации является сама власть, хотя, как и все предыдущие модернизационные циклы за последние 200 лет, современная модернизация в России была инициирована именно властью.

Для власти в нашей стране характерно мозаичное видение ситуации (мозаичное, фрагментарное видение того объекта, которым она пытается управлять). Так, например, Президент В.В. Путин регулярно озвучивает тезисы о необходимости поднятия авторитета России в мире, о необходимости поддержки развития русского языка, в пределах бывшего СССР, о важности повышения авторитета российской армии и пр. Но какие же действия предлагает власть для реализации всех этих, бесспорно, важных предложений? А действия на уровне привлечения имиджмейкеров для работы в сфере пропаганды, адресованной зарубежным странам; на уровне помощи в издании и распространении в зарубежных русских школах учебников на русском языке; на уровне организации «телеканала-сказки» «Звезда» и т.п. Короче говоря, глядя на все это, приходит на ум известная шутка о способе лечения сифилиса путем прижигания прыщиков зеленкой!

С каждым годом, все отчетливее просматривается назревшая необходимость в изменении такого – фрагментарного – видения.

Для этого (кроме всего прочего) необходимо добиться четкого соблюдения схемы:

Оценка актуального состояния управляемой системы («А»);

Принятие (лицом, принимающим решение – ЛПР) политического решения о ключевых характеристиках желаемого состояния управляемой системы («В»), в которое ее следует привести в заданные сроки;

Определение совокупности возможных путей перехода управляемой системы из состояния «А» в состояние «В» (предлагаются органу власти различными экспертами);

Выбор ЛПР окончательного варианта пути перехода управляемой системы из состояния «А» в состояние «В».

Об актуальном состоянии системы (элемент схемы «А») информацию власти дают органы государственной статистики, госбезопасности, внутренних дел, исследовательские организации; т.е. этой информацией, в принципе, органы власти владеют.

Про желаемое состояние системы (элемент схемы «В») – лидеры действующей власти (Президент, или, на региональном уровне, – губернаторы) принимают политическое решение о том, к какому состоянию должна прийти управляемая система за такой-то период; чаще всего, это период их пребывания во власти. Основанием для принятия такого решения могут служить весьма различные обстоятельства – от «передового» опыта зарубежных стран или интуитивно-обоснованных мнений кого-либо из лидеров государства, до научных расчетов и выкладок, предложенных учеными.

По поводу перехода из состояния «А» в состояние «В» – власть должна (была бы) организовать сбор мнений экспертов разной специализации и различной политической ориентации, и на их основе сделать выбор пути перевода системы из существующего (актуального) в желаемое состояние (т.е. из «А» в «В»).

Проблема в том, что в нашей стране власть, во-первых, не хочет слышать экспертную информацию, во-вторых, не может её и учитывать, эффективно использовать в своей работе. Дадим краткие пояснения того, что понимается, в данном случае, под «не хочет» и «не может» применительно к системе современной российской власти.

«Не хочет» слышать потому, что у нас власть (в реальности) абсолютно безответственна перед гражданами; граждане не могут влиять на представителей власти, которые, на самом деле, за свои деяния отвечают не перед гражданами-избирателями-налогоплательщиками, не перед «конституционным ее источником» – народом, а лишь только перед вышестоящим чиновным начальством.

Дело в том, что наша государственная власть (в тех ее вариантах, что смогли состояться за последние 20, с небольшим, лет) не нуждается в такой информации. Такая информация – это есть ресурс механизма власти, построенной на таких принципах действия: как реальное разделение ветвей власти; как оптимизация решений, исходя не из того, что подумает «Петр Петрович», а исходя из того, чтобы максимально соблюдались законные интересы страны (данного региона) и людей там живущих и т.п. У нас же во властной системе, по-видимому, действуют другие оптимизационные параметры и критерии, и в рамках данных параметров информация, предоставляемая научным (экспертным) сообществом (тем более, по вопросам состояния общества) не нужна.

«Не может» учитывать и эффективно использовать в своей работе потому, что отсутствует логически-оправданная и не абсурдная по своей сути цепочка, «траектория» обязательного для всех органов власти прохождения научной (экспертной, экспертно-аналитической) информации.

Что мы обычно имеем? Какие-либо ученые, аналитики отправляют во властные структуры аналитический материал. Там его могут и прочитать, или не прочитать... Но затем, скорее всего, положат «в стол» «под сукно». Отметим, что именно это наиболее вероят-

ная судьба большинства научно-аналитических материалов, поступающих во властные органы «извне». Кроме этого, каждый российский аппаратчик, – хоть чиновник-исполнитель, хоть чиновник-руководитель, – работает исключительно в режиме оперативно-го реагирования на поручения, «спускаемые» ему вышестоящим начальством. Правильность его действий, его должностного поведения, принимаемых им решений – всё это в отечественных условиях определяется лишь мнением и реакцией его вышестоящего руководителя. Заметьте, не соображениями экономической целесообразности, не интересами страны, и даже не здравым смыслом! Правда, иногда, определяющими у нас оказываются ещё и факторы коррупционного характера. Однако, сейчас мы ведем разговор о честных, квалифицированных и добросовестных работниках аппарата управления, которых немало в России. Так вот, в силу выше обозначенных организационно-культурных факторов развивается ситуация «управленческого абсурда», когда каждый чиновник не воспринимает свою деятельность в рамках единого, общего для всей организации (министерства, ведомства, комитета) целевого поля, а работает в пределах собственного локального набора целей лишь на выполнение порученных кем-то мероприятий ради выполнения самих этих мероприятий, ориентируясь на мнение или реакцию своего начальника. Естественно, при таком «раскладе» управленческий аппарат не может быть заинтересован в каком-либо учете экспертной информации. Тем более, информации, исходящей из «сторонних», «неангажированных» источников. Есть и еще два обстоятельства. Первое – никто из «аппаратчиков» не обязан как-либо (реальным делом) реагировать на поступающую информацию такого рода (достаточно – формальной отписки в виде ответа на «письма трудящихся» в установленном порядке в установленные сроки); второе – в нашем управленческом аппарате не знают, как ее (такую информацию) оценивать и что с ней делать; то есть, нет алгоритма работы чиновников с такой информацией.

Если же говорить о «неабсурдной» цепочке прохождения экспертной информации по властным структурам, то суть её в следующем.

Лицо, принимающее решение, запрашивает и получает информацию об актуальном состоянии управляемой системы и принимает политическое решение о том, в какое желательное состояние она должна прийти в означенные сроки.

Затем, эта информация доводится до экспертного (научного) сообщества, из среды которого отбираются исполнители. Исполнителям ставится задача: изучив ситуацию, предложить варианты путей (траекторий) перехода (перевода) управляемой системы из актуального состояния («А») в желательное («В»).

От экспертов выработанные рекомендации должны поступать в органы власти (подразделения аппарата управления соответствующих уровней и ветвей власти), разрабатывающие, готовящие соответствующие решения; затем, – в органы, принимающие решения; затем, – в органы, организующие исполнение соответствующих решений. И во всех случаях, должен быть прописан и обязателен к исполнению ими алгоритм, регламентирующий то, как, кем и для чего именно должна использоваться соответствующая информация.

О.Н. Калачикова

ИСЭРТ РАН, г. Вологда

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (ОПЫТ ИСЭРТ РАН)¹

Какова бы ни была позиция государства по отношению к демографическому развитию, задачей научного сообщества является получение достоверных и полных сведений о его тенденциях и факторах. Данное знание позволит не только оценить суть, значение и последствия происходящих изменений, но и выявить возможности их корректировки. Повышение качества, продолжительности здоровой и активной жизни, рождаемости населения – ключевые вопросы демографических исследований и государственной социальной политики.

Методы демографических исследований, такие как продольный и поперечный анализ, методы когорт и потенциальной демографии позволяют получить в первую очередь картину демографической ситуации. С их помощью мы можем судить о демографических процессах прошлого и возможных траекториях их развития. Однако рассмотрение ряда тенденций в качестве угроз, кризисных явлений, а так же научный интерес ставят перед исследователями задачу понимания не только сущности и динамики демографических событий, но и поиска их факторов и возможностей влияния.

Научно-исследовательская работа «Воспроизводство населения: тенденции и резервы», выполняется в отделе исследования уровня и жизни населения ИСЭРТ РАН с 2012 г. Однако ее основы были заложены еще в 2004 г. когда по инициативе и при поддержке Департамента здравоохранения Вологодской области, было начато исследование репродуктивного здоровья населения. Кроме того, велись работы по изучению физического, психического здоровья и здоровья детей.

Развитие демографической школы в ИСЭРТ РАН способствовало усилению собственно демографической направленности исследований. В 2014 г. в рамках темы осуществляется 3 исследовательских проекта: «Изучение физического здоровья населения и пути его улучшения», «Воспроизводство населения как фактор демографической безопасности территории», «Демографическое старение населения региона: социально-экономические факторы и последствия».

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 14-18-03120 «Качество детского населения в контексте модернизации России».

Информационную базу исследования составляют данные официальной статистики (текущий учет и переписи населения) и социологических исследований, проведенных на территории Вологодской области ИСЭРТ РАН.

Мониторинг физического здоровья проводится с 1999 г. и позволяет отследить самооценку здоровья населения, характеристики самосохранительной активности, удовлетворенность медицинской помощью и ее доступность.

Мониторинг репродуктивного потенциала населения проводится с 2005 г. Разработанная анкета позволяет исследовать репродуктивное поведение населения, выявляя потребность в детях, репродуктивные установки, мотивы, результаты решений и действий, а также установить взаимосвязи репродуктивного поведения с социально-экономическими характеристиками населения, выявить его факторы и условия формирования.

Опросы проходят с частотой раз в три года (до 2010 г. – ежегодно), массового характера. Форма опроса – раздаточное анкетирование. Сбор эмпирических данных производится методом поквартирного опроса с шагом 5-8 квартир. Объем выборки – 1500 респондентов в репродуктивном возрасте. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением следующих условий:

- пропорций между городским и сельским населением,
- пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские поселения, малые и средние города),
- пропорции половозрастной структуры населения области.

Вологодская область состоит из 26 административных районов и двух крупных городов (Вологда и Череповец). В нашей выборке участвуют гг. Вологда, Череповец и 8 муниципальных районов: Бабаевский, Великоустюгский, Вожегодский, Грязовецкий, Кирилловский, Никольский, Тарногский и Шекснинский.

Величина случайной ошибки выборки не превышает 3% при доверительном интервале 4–5%. Техническая обработка информации произведена в программах SPSS и Excel.

Основные результаты мониторинга репродуктивного потенциала населения.

Анализ тенденций репродуктивного поведения населения, исследуемого с помощью социологических методов, следует начать с оценки места семьи, детей, родительства в системе ценностей населения. Эти вопросы являются базовыми для понимания роли данной сферы в жизни современного человека.

На протяжении всего периода исследования, «счастливая и дружная семья» остается самой распространенной среди наиболее важных жизненных ценностей (табл. 1), на втором месте находится здоровье, на третьем – родительство; далее следуют деньги, карьера, любимая профессия, образование и общественное признание, популярность. Заметно увеличение доли населения, для которого наиболее важной ценностью является родительство: в 2005 г. так считали 38% респондентов, в 2014 г. – 57%.

Средние предпочитаемые числа детей свидетельствуют о распространении малодетных репродуктивных установок. Предпочитаемые числа детей дают условные границы вероятности повышения суммарного коэффициента рождаемости (СКР).

Обладает большими прогностическими возможностями (ближе всего по значению к СКР) ожидаемое (планируемое) число детей, отражающее реальные намерения населения с учетом существующих условий [1]. Естественно, при улучшении условий жизни планируемое число на популяционном уровне увеличивается и может быть превышено. В период стабилизации социально-экономического положения страны, активизации демографической политики после обращения Президента России Законодательному Собранию в 2006

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Выберите наиболее важные для Вас жизненные ценности (не более 3)» (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Год обследования				
	2005	2007	2008	2011	2014
Счастливая и дружная семья	74,3	82,6	82,0	85,1	84,0
Здоровье	64,2	65,2	72,9	67,1	68,5
Материнство/отцовство	38,4	52,0	51,8	48,7	57,1
Деньги, карьера	34,5	29,2	35,7	30,6	26,6
Любимая профессия	18,8	19,3	23,9	20,2	16,0
Образование	9,5	11,7	12,2	10,4	5,0
Общественное признание, популярность	5,0	4,2	3,6	2,7	2,1

Источник: здесь и далее, если не указано иное, данные мониторинга репродуктивного потенциала, ИСЭРТ РАН.

Таблица 2. Средние предпочитаемые числа детей, ед

Год	Предпочитаемые числа детей		
	Идеальное	Желаемое	Планируемое
2005	2,06	2,20	1,77
2011	2,09	2,08	1,86
2014	2,12	2,02	1,81

году, произошел рост значений планируемой детности. Население стало рассматривать условия жизнедеятельности как более благоприятные для рождения детей, что и отразилось в повышении репродуктивных ожиданий: среднее планируемое число детей увеличилось с 1,77 в 2005 г. до 1,86 в 2008 и 2011 гг. В 2014 г. зафиксировано снижение среднего планируемого числа детей до 1,81 (табл. 2.). Это может свидетельствовать о «затухании» эффекта введенных в период 2006–2012 гг. мер демографической политики.

С учетом возможностей регулирования детности (методы планирования семьи) превышение реального числа детей над ожидаемым будет ограничиваться уровнем желаемой детности – тем числом детей, которое человек хотел бы иметь при всех благоприятных условиях. Желаемое число детей отражает т.н. потребность в детях и динамика его значения свидетельствует о ее снижении. Для удовлетворения потребности в детях населению достаточно, в среднем, двоих детей.

Идеальное число детей, тот уровень детности, который был бы наилучшим в общем, в целом, для страны. Это некий идеал детности, включающий в себя оценку с позиции «извне», но с опорой на знания и опыт респондента. На начало исследования его среднее значение составляло 2,06, и к 2014 г. увеличилось до 2,12. Во многом, это отражение гласности демографических проблем и угроз: граждане осознают, что для сохранения существующего, достаточно благополучного положения, привычного образа жизни (по индексу счастья Вологодская область немногим уступает среднему показателю по России [5]), частью которого является и демографическая ситуация, уровень рождаемости должен быть выше, население должно воспроизводить себя, свою численность и структуру.

Факторы репродуктивного выбора

Вероятность появления детей снижается с увеличением фактической детности. Для большинства определившихся рождения могут произойти в течение 1-3 лет. Почти 3% бездетных жителей региона не планируют иметь детей. На момент обследования самую малочисленную группу составляли респонденты с 4 и более детьми в семье – 0,4%, трехдетные семьи составили 4%, двухдетные – 25%, однодетные 33% и бездетные 37% (табл. 4).

Роль семейного положения и отношение к браку в целом весьма существенно влияют на установки детности населения. Жители области, отдающие предпочтение легитимному союзу, имеют более высокие значения желаемого и планируемого чисел детей (табл. 5).

Та же тенденция наблюдается и при дифференциации населения по отношению к возможности воспитания ребенка вне брака. У тех, кто считает вступление в брак обязательным для воспитания ребенка, желаемое и планируемое число детей выше, чем у тех, для кого это условие не обязательно (см. табл. 5). Вместе с тем, следует отметить, что на фоне сохранения доли внебрачных рождений на уровне 25-30% от общего числа, наблюдается сокращение числа истинных матерей-одиночек: в 2002 г. доля регистрации рождений по заявлению матери составляла 14% рождений, в 2012 г. – 9% [3].

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос: «Через какой промежуток времени Вы планируете появление ребенка (если уже есть, то следующего)?» (в % от числа опрошенных, 100% в строке)

Детность	Фактическая детность	Я [больше] не хочу иметь детей	В течение 1 года	В течение 2-3 лет	В течение 3-4 лет	Более чем через 4 года	Затрудняюсь ответить
Нет детей	36,9	2,7	10,7	20,6	14,5	15,7	35,8
1 ребенок	32,9	33,3	7,9	21,9	9,5	6,3	21,1
2 детей	25,4	66,7	1,6	4,5	1,8	0,8	24,7
3 детей	4,4	68,2	1,5	3,0	0,0	0,0	27,3
4 и более детей	0,4	80,0	0,0	0,0	20,0	0,0	60,0

Таблица 4. Репродуктивные установки жителей области в зависимости от предпочтения формы брака и оценки его роли в воспитании детей

Вопрос и варианты ответа	Желаемое число детей				Планируемое число детей			
	Год исследования							
	2005	2008	2011	2014	2005	2008	2011	2014
Какому браку* Вы отдаете предпочтение?								
Зарегистрированному браку	2,22	2,10	2,17	2,11	1,81	1,95	1,93	1,90
Совместному проживанию без регистрации в ЗАГСе	2,04	1,75	1,77	1,76	1,58	1,63	1,61	1,56
Считаете ли Вы вступление в брак обязательным условием для воспитания детей?								
Да	2,23	2,10	2,19	2,11	1,77	1,96	1,94	1,86
Нет	2,04	1,87	1,98	1,94	1,70	1,67	1,80	1,74
Не думал/не думала об этом	2,06	1,75	1,86	1,84	1,74	1,70	1,68	1,72

* Формулировка вопроса учитывает тот факт, что в обществе бытует понятие «гражданский» брак, трактуемое как совместное проживание без регистрации в органах ЗАГС, что в действительности является сожительством.

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос: «Что, на Ваш взгляд, препятствует увеличению рождаемости в нашей стране?» (в % от числа опрошенных)

Факторы	Год				2014 г. к 2005 г., %	Ранг			
	2005	2008	2011	2014		2005 г.	2008 г.	2011 г.	2014 г.
Плохие жилищные и материальные условия большинства семей	68,3	80,4	70,0	70,7	103,5	1	1	1	1
Нестабильное экономическое положение	43,5	51,8	45,8	46,3	106,4	2	2	2	2
Риск остаться без работы	15,5	36,1	30,5	33,7	217,4	3	3	3	3
Приоритет карьеры, стремление «пожить для себя»	8,3	27,1	13,6	16,1	194,0	6	4	5	4
Заботы, связанные с уходом за детьми	12,2	25,8	15,1	12,7	104,1	5	5	4	6
Рождение неполноценного ребенка	12,5	23,5	13,4	13,3	106,4	4	6	6	5
Другое	0,6	1,3	0,5	0,4	66,7	7	7	7	7

Среди ведущих факторов, необходимых, по мнению жителей области, для распространения многодетности первые места занимают решение жилищной проблемы, повышение уровня жизни, существенная поддержка от государства. Среди препятствий увеличения рождаемости традиционно первые места отдаются материальным и жилищным условиям, факторам экономического благополучия (табл. 6) женщин, совмещения трудовой деятельности и репродуктивной.

Вместе с тем, не смотря на относительную достоверность подобных ответов [2] примечательно, что значительный прирост выраженности за период исследования отмечается у фактора ценностной трансформации: в 2014 г. 16% населения области считают, что рождаемость ограничивается приоритетом карьеры, стремлением «пожить для себя» против 8% в 2005 г.. На 94% увеличилась частота выбора такого фактора как «риск остаться без работы», что подчеркивает актуальность проблемы занятости

Данные социологических опросов показывают, что при оценке роли демографической политики мнения населения разделились. За политику стимулирования высказались 38% жителей Вологодской области за политику поддержки 51% и 10% считают, что государство не должно вмешиваться в вопросы деторождения. Среди реализуемых мер первое место большинством – 41% населения – отдано пособию по беременности и родам, чуть меньше, 40% населения, первое место отдали семейному капиталу, 38% – пособию по уходу за ребенком.

Следует отметить, что материнский капитал (429408 руб. в 2014 г.) большая часть (64% [4]) вологодских семей направила на получение/погашение ипотечных кредитов, что позволяет говорить, что данный вид поддержки стал инструментом улучшения жилищных условий и подчеркивает их особую важность для реализации репродуктивных планов.

Процессы атомизации общества, проявляющиеся в повышении индивидуализма, сужении социального пространства человека до границ семьи отразились и в оценках населением последствий однодетности. Наиболее значимыми, по мнению жителей региона, являются психологические, имеющие отношение к конкретной семье (табл. 7). Молодых людей чуть в большей степени, чем старшие поколения волнует повышение вероятности разводов, одиночества своего и своих родителей. Это отражение их личных тревог: 77% молодых людей от 15 до 25 лет выросли в малодетных семьях (27% из них – единственные дети).

Таблица 6. Распределение ответов «Да» и «Скорее да, чем нет» на вопрос: «Как Вы думаете, станут ли люди планировать больше детей, если узнают о следующих последствиях однодетности большинства семей?» (в % от числа опрошенных, 2014 г.)

Последствия распространения однодетности	15 - 19 лет	20 - 24 лет	25 - 34 лет	старше 35 лет	В среднем
Больше родителей останутся в старости одинокими, потеряв единственного ребенка, или он будет далеко жить от них	53,6	57,5	50,8	49,9	51,7
Не имея родных братьев и сестёр, люди будут чувствовать себя одинокими	55,1	52,6	49,2	51,8	51,2
Население нашей страны «вымрет», и Россия перестанет существовать	42,8	42,1	35,9	39,1	38,8
У детей из однодетных семей в будущем могут быть проблемы во взаимоотношениях в своих семьях и воспитании детей	40,5	36,8	34,4	37,7	36,7
Значительно увеличится доля пожилого населения, ухудшатся возможности пенсионного обеспечения	27,6	30,7	30,6	31,6	30,7
Будет больше разводов	33,3	32,5	27,4	26,3	28,2
В той местности, где Вы живёте, будет быстро меняться традиционный национальный состав населения	26,8	24,1	23,4	27,8	25,6

Таким образом, семья и родительство остаются важнейшими жизненными ценностями населения. При этом, ведущие репродуктивные мотивы и репродуктивные установки свидетельствуют о малодетном типе репродуктивного поведения. Динамика средних значений предпочитаемых чисел детей может быть обусловлена активизацией демографической политики, начавшейся в 2006 г. и затуханием ее эффекта к 2014 г.

Внимание государственной власти к проблемам семьи привело к более полной реализации желаемых рождений, вселило некоторую уверенность в поддержке, что привело к повышению репродуктивных ожиданий, особенно у молодых людей. Вместе с тем наличие детерминант желаемой детности, сохранение существующих проблем привело к зафиксированному в 2014 г. снижению значения ожидаемого числа детей. Кроме того, снизилась и потребность в детях, о чем свидетельствует динамика желаемого числа детей.

Исходя из условий репродуктивного выбора, определенных населением, следует продолжать демографическую политику поддержки рождаемости, направленную на повышение уровня жизни семей с детьми, особенно, на улучшение жилищных условий и более широко использовать информационные механизмы для формирования просемейных ценностей, используя большей частью личностно ориентированные мотиваторы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев, Е.М. Можно ли использовать данные об ожидаемом числе детей в прогнозе численности населения? [Текст] / Е.М. Андреев, Г.А. Бондарская // Вопросы статистики. – 2000. – № 11. – С. 60.
2. Архангельский, В.Н. Мнения о «помехах» к рождению детей в семье и о действительных трудностях реализации желаемого числа детей [Электронный ресурс] / В.Н. Архангельский // Демографические исследования. – 2010. – № 3. – Режим доступа: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=320#_ftnref5
3. Выборочное исследование репродуктивных планов населения в 2012 году [Электронный ресурс] // Росстат. – Режим доступа: www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN/Publisher/index.html
4. Пенсионный Фонд РФ: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pfrf.ru/ot_vologda/pr_releases/67542.html
5. Шабунова, А.А. Представления вологжан о счастье [Текст] / А.А. Шабунова, М.В. Морев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 1. – С. 137-149.

Ю.Г. Волков

Заслуженный деятель науки Российской Федерации, директор Южнороссийского филиала Института Социологии РАН, директор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, доктор философских наук, профессор

ЭВРИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В российской социологической мысли дискутируется проблема границ и условий социологической экспертизы, как стратегии социологической активности, направленной на перевод теоретического (рефлексивного) знания в практическое, включающее способы описания текущих социальных состояний и прогнозирования возможных социальных и культурных изменений в различных сферах общественной жизни. Потребность в социологической экспертизе возникает в процессе того, что называется ситуацией неясности относительно методов и способов решения определенных проблем, последствий, которые содержат решения для различных групп населения, влияние различных социокультурных условий; неполноты – в том, какой будет ресурс реализации данного управленческого решения. Следует также учитывать, что ситуация намерений выражается в том, в какой степени принятые решения по поводу желания реализовать конкретное решение могут иметь степень социологической аргументации или использовать авторитет специалистов, выступающих внешними арбитрами.

Констатируя эти обстоятельства, мы можем говорить и о третьей ситуации – ситуации запроса на социологическую экспертизу. Одно дело, когда социологическая экспертиза ограничивается энтузиазмом квалифицированных малочисленных групп, другое – когда эксперты становятся социальной самореферентной группой общества, и обращение к ним диктуется тем, что наработан определенный ресурс социального влияния.

Действуя на уровне процедуры, содержащей экспертные заключения и оценки, социологическое сообщество может рисковать собственной репутацией, если, во-первых, результаты социологической экспертизы используются для обоснования противоречащих интересам общества и государства цели; во-вторых, сужением дистанции независимости с заинтересованными группами. Безусловно, социологическая экспертиза включает элементы и условия объективности, независимости, регулярности.

Соблюдение этих условий ставит перед реализацией социологической экспертизы как внутривидовые, так и внешние задачи. К внутривидовым, внутринаучным относятся принятие следования социологической традиции, минимизация ввода заим-

ствованных понятий, небаланс содержательных и формальных процедур и реализации экспертизы. К внешним – достаточный уровень легитимации социологической экспертизы в общественном сознании, доверие к результатам, социологическому знанию и культуре, практики общественной активности социологов.

Вероятно, стремление «быть на слуху», модным, противоречит традициям экспертного сообщества, которое работает в режиме дистанцированности от политической и социальной конъюнктуры. Социологическая экспертиза обладает особенностями по сравнению с другими видами экспертизы по содержательному, формальному и функциональному критериям. По содержательному – тем, что экспертные оценки и суждения выносятся на основе использования социологического инструментария, хотя возможны в качестве применения дополнительных, пояснительных процедур и использовании пограничного знания (социальной статистики, социальной психологии, антропологии). По формальному – социологическая экспертиза характеризуется высокой и достаточной степенью формализуемости результатов, ее алгоритмизацией, которая выражается в возможности перевода на язык математики. По функциональным параметрам социологическая экспертиза имеет различия с другими видами социальной экспертизы в том, что обладает высокой степенью объяснительности и прогностики.

Полагая, что для экспертной деятельности эти условия необходимы, следует также различать экспертное знание и экспертные оценки. Если экспертное знание представляет ресурс экспертизы для себя – то, что для социолога не требует перевода на язык, понятный для неспециалистов в социологии, – то экспертные оценки, как практическое выражение экспертного знания нуждаются в интерпретации на уровне заинтересованных групп и слоев, соотносятся с существующим уровнем социальной компетентности и расставляют акценты в соответствии с социальным запросом на экспертизу.

Для экспертных знаний важен критерий когерентности, согласованности с другими видами экспертных суждений. Только в такой ситуации социологическая экспертиза становится ресурсом социального воздействия. Экспертные оценки субъективны в том смысле, что обозначают самостоятельный методологический выбор эксперта и степень социальной ангажированности. Социологическая экспертиза внешне выполняет функции, похожие на функции социальной диагностики: социально-контрольную, социально-оценочную, социально-регулятивную. Социально-прогностическая функция социологической экспертизы выражает отличие от социологического диагноза тем, что в экспертном знании содержится описание актуальной ситуации с проекцией на будущее. В то же время, отмеченные ранее функции социологической экспертизы насыщены несколько иным содержанием.

Социально-контрольная функция имеет широкое влияние, так как связана не только с практическими рекомендациями, но и нацелена на принятие участия в разработке управленческих решений, то есть введение элементов контроля над субъектами, ответственными за принятие управленческих или иных решений. Социально-регулирующая функция устанавливает определенный порядок и реализацию интересов заинтересованных групп и направлена на то, чтобы алгоритмизировать формы взаимодействия различных управленческих структур. В социально-объяснительной функции социологическая экспертиза выражает, во-первых, уровень интерпретации социальной реальности в рамках конкуренции различных социологических теорий, и степень объяснительности повышается в соответствии с принятием модели социологической экспертизы, того, что мы можем назвать теоретическим аналогом исследуемой реальности.

По функциональным параметрам социологическая экспертиза направлена на выполнение двоякой задачи: снижение социальной неопределенности и стимулирование социального творчества в обществе. Особое внимание следует уделить тому, что экспертное знание становится весомым аргументом в оправдании и творческой, и гражданской позиции. Самым поразительным является не тот факт, что какое-то направление берет верх, а то, что в социологическом знании может возникнуть направление, которое несопоставимо ни с одним из конкурирующих.

Имеется в виду, что дискуссии вокруг применения структурно-функционального анализа или структурно-активистского подхода порождает синтетические исследования, направленные на включение в экспертное знание теории социальной ресурсности. Именно эта теория в последнее время имеет весомое объяснительное значение, поскольку в наиболее полной и адекватной форме ориентирует на исследование возможностей конкретных групп и слоев, выступающих носителями социальных изменений.

С начала 2000-х годов можно говорить о том, что первостепенной задачей становится производство экспертного знания для обоснования «особенного» пути развития России. Представляют интерес экспертные суждения относительно того, какие общие позиции и точки соприкосновения можно выработать при противостоянии двух взаимоисключающих позиций общественного сознания [1]. Для социологической экспертизы также важно, чтобы пополнить общественный потенциал знания, расширить доступ к общему фонду культуры и путем переинтерпретации личного исследовательского опыта повысить общественный статус социологии. Эпоха социального анархизма в российском обществе имела влияние не только на поведенческие стратегии россиян, но и в том, что социология понималась как социология свободы, в то время, как важным становится понимание социологии как дисциплины социального порядка.

Характерно, что выбранные российскими интеллектуалами в качестве ориентира нормальности Соединенные Штаты, Швейцария, Швеция или Германия привели к тому, что социология соревновалась в обличении нормальности [2]. Нормальность вместо критического анализа и исторического чутья приводила только к разрушительным социальным интенциям, в то время как экспертное знание по критерию функциональности является знанием, укрепляющим интеллектуальный ресурс социального порядка.

Этот аргумент оправдан методологически, так как экспертиза содержит критерии различения между хаосом и нормальностью на основании выработанной экспертной оценки. Другое дело, каковой может быть эта оценка. Контраргументы в пользу того, что экспертиза не может допускать принятия специфики и не быть вне команды [3], показывает только неоднозначность взаимодействия в экспертном сообществе. Здесь важно отметить, что в России не преодолена проблема работы эксперта в структуре власти и позиция независимого эксперта. Согласимся с тем, что неизбежным остается необходимость формировать вокруг себя клики экспертов (Р. Мертон).

В этой связи возникает риск зависимости от других экспертов и завязывание на чувстве команды. Но достижение определенной консолидированной позиции получает неизбежную ценностно-идеологическую интерпретацию, то есть по экспертным суждениям начинают судить о личности, а не об уровне профессиональной подготовки [4].

Вероятно, необходимым представляется достижение консенсуса в экспертной среде относительно разделения командных усилий, направленных на проведение конкретных социологических процедур, и экспертных оценок, которые, для того, чтобы избежать перевода на личностный уровень, включают критерий сопоставления. Имеется

в виду, что экспертное сообщество в качестве степени признательности экспертного авторитета исходит из наработанных экспертных достижений. В этом случае существует риск кадровой стагнации (недопуска новичков), стремление к монополизации конкретной сферы экспертного знания.

Если же основываться на том, что социологическая экспертиза не может быть достоинством узкого круга специалистов и включает ресурс влияния и авторитетности, следовательно, для социологической экспертизы неотъемлемым свойством становится установление границ компетентности. А это означает, что избежать субъективных пристрастий и оценок можно используя критерии и степень когерентности экспертизы, ее совместимости с теоретическим кредо исследователя, с тем, в какой степени в экспертизе используется разнообразие современных теоретических подходов. Иными словами, экспертиза демонстрирует уровень социологической эрудированности и аналитичности.

Следует отметить, что социологическая экспертиза не является, собственно, социологическим исследованием, что ее цели определяются в общей формулировке оценкой последствий деятельности органов власти, других социальных институтов социальным интересам граждан и задачам социальной политики. Реально это означает, что экспертиза включает социологическое исследование в соответствии с логикой реализации поставленных задач.

От социологической экспертизы требуется выполнение трех условий: дать обоснование существующим социальным и правовым нормативам, разработать критерии оценки деятельности органов власти и выявить степень негативных последствий в конкретных сферах общественной жизни. Так, разрабатывая рейтинг российских губернаторов, требуется включать не только параметры экономического роста, но и такие показатели как развитость социальной инфраструктуры, обеспеченность школами, дошкольными учреждениями, структуры здравоохранения, реальным средним годовым доходом граждан, проживающих в конкретном регионе. Возможно использование и частных показателей, как уровень безработицы, уровень преступности, степень социальной активности населения, степень социальной информированности, уровень диалога региональной власти и общественных организаций.

Использование только критериев политической лояльности или инвестиционной активности не дает возможность выявить объективную градацию симпатий населения и реальный социальный авторитет губернатора. Таким образом, социологическая экспертиза может быть оценочным суждением, дифференцированным по степени влияния на общественные интересы. Разработка социологической экспертизы сопровождается соответствием следующим требованиям. Во-первых, экспертиза включает понимание проблемной ситуации и, следовательно, предметного поля экспертизы. Во-вторых, достаточный уровень уверенности заинтересованных сторон в необходимости экспертизы. В-третьих, формирование структур, устойчивая договоренность с заказчиком экспертизы, структурами, в компетентность которых входит реализация экспертных оценок. В-четвертых, выбор экспертным сообществом консолидированной позиции относительно ожиданий по поводу реализации социологической экспертизы.

Проблемные ситуации, связанные с социологической экспертизой, можно квалифицировать по различным критериям: по масштабности (локальные, региональные, общенациональные), временному характеру (краткосрочные, среднесрочные, долгосрочные), по направленности (социально-ориентационные, социально-стабилизирующие, социально-развивающие). Дело в том, что проблемная ситуация включается в контекст социаль-

ной конфликтологии. Для понимания проблемной ситуации в контексте реализации социологической экспертизы следует учитывать два момента: во-первых, степень накала общественных страстей вокруг существующей проблемы, определение, имеет она надуманный или реальный характер, связана с лоббированием узкогрупповых корпоративных интересов или является общезначимой на локальном, региональном или общестрановом уровне; во-вторых, моделирование проблемной ситуации, выведение ее в чистом виде с целью создания и включения соответствующего теоретического аппарата.

Если эти условия не реализуются, социологическая экспертиза имеет перед собой квазиреальность: или заведомо будет носить абстрактно-расплывчатый и, следовательно, необязательный характер, или используется в чисто прагматических установках, теряя интерес для других заинтересованных сторон. Важно также отметить, чтобы проблемная ситуация рассматривалась не как предлог для тиражирования альтернативных точек зрения, в ситуации, когда экспертизы проводятся неоднократно и вызывают сомнение, теряется авторитет экспертного сообщества и, соответственно, понижается потенциал социального влияния экспертизы.

Анализируя второе условие осознания необходимости социологической экспертизы, можно отметить, что в российском обществе востребованность социологической экспертизы проявляется разнонаправлено. С одной стороны, очевидна тенденция к разработке социологической экспертизы в реализации программ социального развития. Это можно видеть на примере отдельных регионов (Белгородская область, Хабаровский край, Московская область). С другой стороны, в социологической экспертизе существует немалый скептицизм, связанный с тем, что по схеме игнорирования мнения эксперта, полезные, ценные экспертные суждения отправляются в долгий ящик или в качестве упрека содержится указание на излишнюю теоретичность, неисполнимость или идеализацию. В данной ситуации следует отметить, что повышение престижности экспертного знания в российском обществе определяется как общим статусом социологии, так и тем, в какой степени социологи влияют на деятельность государственных структур и социальных институтов. Можно сказать, что российское экспертное сообщество достигло немалой концентрации исследовательских ресурсов как на федеральном уровне (существует четыре-пять наиболее авторитетных всероссийских социологических центров), так и на региональном, на уровне аффилирования со структурами федерального уровня и в качестве самостоятельных подразделений.

В то же время, можно говорить о территориальной градации. Регионы с мощным научно-исследовательским потенциалом (Новосибирск, Красноярск, Екатеринбург, Ростов-на-Дону) учитывают более высокую востребованность в социологической экспертизе, в регионах с неразвитой социологической инфраструктурой востребованность в экспертизе часто зависит от соответствия прагматике руководящих структур или включенности социологов во властные структуры. О перипетиях и рисках вхождения во власть мы уже говорили, и в этой связи можно отметить, что экспертное сообщество может повысить аттрактивность экспертизы путем освоения новых предметных экспертных сфер, таких как интернет, сфера социальных коммуникаций.

Не забывая об актуальности социологической экспертизы в сфере трудовых, этнополитических, гражданских отношений, можно говорить, что новые сферы имеют преимущество в том, что, во-первых, дают возможность апробировать, обкатать новые виды знания; во-вторых, в меньшей степени подвержены внешнему давлению и ожиданию конъюнктурных результатов.

Результаты социологической экспертизы влияют на социологический объект в трех направлениях. Во-первых, принятием мягкой экспертизы, экспертизы, предусматривающей возможность иных решений, но не связанных с опровержением результатов экспертизы. Во-вторых, сильной экспертизы, направленной на коренное преобразование объекта соответствующим включением механизмов практической реализации. В-третьих, экспертизы-дискуссии, приглашающей специалистов к пересмотру основных положений достигнутого экспертного знания.

В основном работают методы «мягкой» экспертизы, которые обычно балансируются экспертными оценками специалистов из других сфер, и могут быть охарактеризованы как компромиссные или комплексные. Компромиссная в том, что вырабатывается определенная позиция, основная на учете позитивных результатов и экспертных оценок. Комплексная, так как предполагает внесение изменений, связанная с применением не только социологического, но и технико-организационного, экономического, управленческого, социально-психологического знания.

«Сильная» социологическая экспертиза представляет работу социологов-экспертов по выявлению именно требующих социологического осмысления аспекта проблемы и интерпретации проблемы как проблемы социологической экспертизы. В этой ситуации авторитет экспертов-социологов является высоким, также как и есть убеждение в том, что посредством социологической экспертизы можно не только исправить ситуацию, но и ее оптимизировать.

Экспертиза-дискуссия характеризуется тем, что границы экспертного влияния на объект не установлены окончательно и социолог-эксперт подключается к экспертизе путем обозначения контуров проблемы, имеющих социологический смысл. Также экспертное социологическое знание выступает подстраховочным и корректирующим. Это не противоречит установке на понимание экспертизы как эффективного знания, так как вне обсуждения альтернативных вариантов подхода к исследуемой проблеме трудно ожидать неполучение работающего результата. В экспертном сообществе в принципе установилась консолидированная позиция по поводу функций и роли экспертизы в социальной и социально-экономической жизни. То, что возникают нестабильные социальные состояния, требует подхода к экспертным оценкам, как имеющим код смысла и значения, и ставшим ценным в силу потенциала. Можно согласиться с Л. Е. Бляхером в том, что в социологической экспертизе есть то, что называется смыслом, которому приписывается ценность [5].

Так как любой объект социологического анализа может подвергнуться проблематизации, которая выходит за рамки так называемых жизненных проблем и подвергает сомнению данность повседневности, цель экспертизы направлена не только на объективное исследование ситуации, но и оправдание ожиданий и схем достижительной активности социальных субъектов. Итак, можно говорить о том, что в нынешних условиях особенно актуально социально-мобилизующее, социально-организующее значение экспертизы. Социально-мобилизующее в том смысле, чтобы обозначить как для общества, так и для конкретных социальных групп реальные социальные интересы и пути их достижения в соответствии с общегосударственными и общенациональными интересами. Социально-организационное связано с тем, что вокруг экспертов могут возникать новые группы социального действия или переформатировать свою деятельность в старые группы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новые идеи в социологии [Текст]. – М., 2013. – С. 288.
2. На перепутье [Текст]. – М., 1999. – С. 71.
3. На перепутье [Текст]. – М., 1999. – С. 59.
4. На перепутье [Текст]. – М., 1999. – С. 59.
5. Бляхер, Л.Е. Нестабильные социальные состояния [Текст] / Л.Е. Бляхер. – М., 2005. – С. 137.

Е.Н. Шовина

Мурманский государственный гуманитарный университет,
г. Мурманск

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ КВАЛИМЕТРИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

С конца XX века все большую популярность для оценки качества результатов научной и промышленной деятельности получает квалиметрический подход. Возможность выражения качественных показателей производимой продукции в числовой форме сделали его не просто привлекательным, а жизненно необходимым для технических сфер. Однако значимость квалиметрии как теоретической и практической отрасли не ограничивается только последним. Способность наглядно показать состояние и изменение уровня качества предоставляемых услуг определили его значимость и полезность для руководителей и менеджеров социальной сферы.

На данный момент можно говорить о росте интереса к вопросам использования методов социальной квалиметрии в социальной работе, что обусловлено формированием и развитием нормативно-правовой базы в области повышения ее качества (Приказ Минтруда России №287 от 1 июля 2013 г. «О методических рекомендациях по разработке органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления показателей эффективности деятельности подведомственных государственных (муниципальных) учреждений социального обслуживания населения, их руководителей и работников по видам учреждений и основным категориям работников»); появление в 2013 г. новых стандартов социального обслуживания различных групп населения, выдвигающих более четко сформулированные требования к данному процессу).

Значимым фактором повышения интереса к социальной квалиметрии в сфере социальной защиты и социального обслуживания выступает появление негосударственных учреждений (как частных, так и общественных), занимающихся социальной работой с различными социальными слоями и уязвимыми группами. Эти учреждения со временем могут составить конкуренцию государственным службам, что вызовет к жизни более острую необходимость в использовании методов оценки качества предоставляемых услуг. Таким образом, происходящие в социальной сфере изменения закономерно должны приводить к росту числа научных социально-квалиметрических исследований

и широкому распространению в практике количественных методов оценки качества услуг, получаемых людьми в различных областях общественной жизни – образовании, здравоохранении, культуре, физической культуре и спорте, социальной защите, социальном обслуживании и др. Какова же объективная ситуация? На наш взгляд, лучше всего состояние разработанности той или иной науки, изученность того или иного явления или процесса демонстрирует уровень, количество и разнообразие посвященных им диссертаций. В связи с этим нас заинтересовал вопрос о том, какие аспекты квалиметрии стали предметом диссертационных исследований в отечественной науке, каково их количество и структура, каков разброс использования квалиметрических методов в социально-гуманитарном, техническом знании и собственно социальной работе.

Для анализа были использованы количественные и качественные показатели: первыми выступило число диссертационных исследований, а второе предполагало – анализ их содержания. Опираясь на диалектическом законе перехода количественных изменений в качественные, мы исходили из предположения, что объем (количество) исследований, хотя и не всегда, но в целом отражает уровень интереса научного сообщества к определенной проблематике, значимость и важность использования достижений социальной квалиметрии в общественной практике.

В качестве основы для анализа были взяты данные электронного каталога диссертаций Российской государственной библиотеки с 1984 по 2013 год включительно. Исследование проводилось в сентябре 2014 года, и поскольку этот календарный год еще не закончился, то данные по этому периоду не анализировались.

Всего в каталоге РГБ на поисковый запрос «квалиметрия» было получено 156 записей, после их перегруппировки и исключения дублирования (т.к. диссертация и ее автореферат в каталоге представляются отдельными записями), их число сократилось до 98. Так как квалиметрия – это наука, изучающая количественную оценку качества [1], то в поисковом запросе в электронном каталоге РГБ было использовано так же словосочетание «количественная оценка качества». На данный запрос было получено дополнительно 29 записей, из них непосредственно к количественной оценке качества относились только 8. Таким образом, совокупное количество составило – 106 работ. В тоже время на поисковый запрос «оценка качества» было получено 973 записи (включая авторефераты и диссертации), что в целом показывает достаточно высокий уровень научного интереса к квалитологии (науке о качестве) и ее отдельным структурным отраслям (теории качества, менеджменту качества и др.). Однако, в силу того, что предметом данной статьи выступило использование квалиметрического подхода, то структура и особенности исследований в области квалитологии в целом анализироваться не будут.

Интерес к квалиметрической проблематике наблюдается с 80-х гг., рост числа диссертационных защит начинается с 2000-х гг. и по настоящее время (за исключением 2010 года) (таблица 1). Уменьшение числа диссертаций в 2013 году возможно объясняется техническими причинами: размещение авторефератов и диссертаций в электронном виде требует определенного времени, кроме того информация не всегда вовремя поступает в РГБ.¹ Соотношение докторских и кандидатских составило 16 к 106, из них 1 докторская диссертация по экономическим наукам, 6 – по техническим наукам и 9 – по педагогике.

¹ Хотя диссертации по указанной проблематике защищались с 70-х гг., а ключевая докторская диссертация Г.Г. Азгальдова «Разработка теоретических основ квалиметрии» состоялась в 1982 г., каталог РГБД включает диссертации только с 1984 года.

Таблица 1. Защита диссертационных работ, посвященных использованию квалиметрического подхода в различных областях знания, с 1991 по 2013 гг.

Календарный год	Количество защищенных работ	Календарный год	Количество защищенных работ	Календарный год	Количество защищенных работ
1984	1	1998	2	2006	9
1991	1	1999	4	2007	8
1992	1	2000	5	2008	7
1993	1	2001	3	2009	9
1994	-	2002	5	2010	3
1995	2	2003	4	2011	9
1996	2	2004	7	2012	9
1997	3	2005	7	2013	3

Таблица 2. Использование квалиметрического подхода к исследованию в различных отраслях научного знания (по данным каталога авторефератов диссертаций РГБ)

№, п/п	Отрасль знания	Количество диссертаций
1.	Технические науки	50
2.	Педагогические науки	42
3.	Экономические науки	11
4.	Социологические науки	1
5.	Филологические науки	1
6.	Биологические науки	1

Полученные данные показали, что квалиметрический подход к изучению проблем используется в различных науках (см. таблицу 2): от технических до филологических и биологических. Преимущественное использование в технических науках, на наш взгляд, связано с историей становления и разработки квалиметрии как науки. Значимое внимание гуманитарной сферы, а конкретно педагогики (42 диссертации) объяснимо задачами, стоящими перед последней: гуманизация и повышение качества образования, воспитание и формирование всесторонне и гармонично развитого человека, способного к самореализации своего творческого потенциала [6; 12; 16]. Это в полной мере соответствует цели синтетической квалиметрии в формулировке А.И. Суббето: способствование формированию «гармоничного, всесторонне и целостно развитого, универсального человека, отвечающего требованиям эпохи управляемой социоприродной эволюции» [18; 7]. В меньшей степени квалиметрический подход используется в исследованиях по экономике. Минимальное количество диссертационных работ наблюдается в филологии, биологии и социологии (по 1 диссертации).

Если в рамках технических наук квалиметрические методы в диссертационных исследованиях используются в основном для оценки качества используемой технологии и производимой продукции, то в педагогических науках квалиметрический метод применяется в основном для контроля и оценки качества образования и знаний студентов [1; 22], аттестации учреждений образования [4], реже для оценки уровня воспитанности учащихся и школьного самоуправления [10], оценки управленческой деятельности руководителей образовательных учреждений [8; 14]. Таким образом, направления применения квалиметрии в педагогике достаточно вариативны, при этом одним из самых популярных выступает сфера высшего профессионального образования, что, как можно предположить, обуславливается требованиями и проблемами перехода на Болонскую систему образования.

В то же время практически отсутствуют диссертации, изучающие возможности и особенности применения квалиметрического подхода в социологии, социальной политике и социальной работе, хотя его использование имеет определенный потенциал при определении эффективности и качества социальной защиты, социального обслуживания и социальной поддержки различных групп населения. В полученном списке только одна работа представлена на соискание степени кандидата социологических наук - диссертация Е.Н. Тимошиной [21]. В то же время имеется несколько диссертаций, которые, хотя и были защищены в рамках других наук, имеют непосредственное отношение к сфере социальной работы [11; 13; 5; 7]. Содержательно эти работы посвящены проблемам количественной оценки качества жизни населения, обучения социальных работников и социологов, возможностям применения для оценки услуг в сфере социальной защиты, здравоохранения, образования.

Обратимся еще к одному источнику получения информации о результатах научных исследований в области социальной квалиметрии – Научной электронной библиотеке E-Library (<http://elibrary.ru>). Этот ресурс позволяет получить данные и часто прямой бесплатный доступ к имеющимся публикациям по интересующему научному направлению. В данной библиотеке на запрос «социальная квалиметрия» был сформирован список из 1084 публикаций. При анализе содержания данного списка было выявлено, что большинство записей не связаны собственно с социальной квалиметрией и квалиметрией социальной работы. Иногда авторы статей использовали слово «квалиметрия» среди ключевых слов, но в тексте к проблемам количественного измерения качества социальных процессов и явлений не обращались, останавливая свое внимание на проблемах квалитологии или отдельных ее направлений. Использование функции расширенного поиска² позволило сократить список до действительно относящихся к теме исследования статей (чуть более 40 записей из 19284970 возможных), но даже в этом случае не все указанные работы соответствовали рассматриваемой проблематике. Среди анализируемых публикаций присутствовали работы различных жанров: ежегодники статей [19], монографии [2; 17], учебные пособия [20], материалы конференций [18]. По содержанию представленные публикации касались часто социально-экономических, социально-экологических и образовательных процессов. В то же время количество работ, посвященных использованию квалиметрии в системе социальной защиты и социального обслуживания незначительно. Теоретические основы применения квалиметрии в социальной работе представлены публикациями Л.В. Топчего, И.С. Романычева, Н.Н. Стрельникова, Н.И. Мороз [9; 20], особенности применения квалиметрии в системе управления сферой социального обслуживания рассмотрены в работах Е.А. Серовой, Е.Н. Тимошиной [15; 21].

Подводя итоги, можно отметить, что процесс использования квалиметрического подхода в социальной работе, формирование социально-квалиметрической проблематики как объекта и предмета самостоятельной исследовательской отрасли, в отличие от гуманитарной сферы, идет медленно, число серьезных и крупных исследований, посвященных указанному вопросу, незначительно. Имеющийся потенциал квалиметрии для оценки качества существующей системы социальной защиты и социального обслуживания требует дальнейшей своей разработки и реализации, поскольку применение квалиметрических методов и методик имеет большие перспективы в социальной работе, связанные с общественной необходимостью в оценке ее качества.

² В качестве уточняющих параметров были указаны среди типов публикаций: статьи, книги, рукописи, материалы конференций. Диссертации были исключены в силу того, что они уже анализировались ранее. По показателю «где искать» - название, ключевые слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азгальдов, Г.Г. Квалиметрия для всех [Текст]: учеб. пособие / Г.Г. Азгальдов, А.В. Костин, В.В. Садовов. – М.: ИД ИнформЗнание, 2012.
2. Азгальдов, Г.Г. Квалиметрия в социально-экономической проблематике: учебное пособие [Текст] / Г.Г. Азгальдов, В.А. Беляков, Л.В. Рассада. – Ижевск, 2011.
3. Аркаева, Р.П. Квалиметрический подход к реализации балльно-рейтинговой системы контроля и оценки знаний студентов вузов [Текст]: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Р.П. Аркаева. – Владикавказ, 2011.
4. Белозеров, И.Н. Системно-квалиметрический подход к разработке технологии аттестации образовательных учреждений [Текст]: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / И.Н. Белозеров. – Ижевск, 2000.
5. Беляков, В.А. Критерии оценки качества жизни в социально-территориальных образованиях: Квалиметрический анализ потребительской корзины [Текст]: дис. ... к. эконом. н.: 08.00.05 / В.А. Беляков. – Ижевск, 2006.
6. Газман, О.С. Неклассическое воспитание: От авторитарной педагогики к педагогике свободы [Текст] / О.С. Газман ; ред.-сост. А.Н. Тубельский, А.О. Зверев. – М.: МИРОС, 2002. – 296 с.
7. Комарова, Е.В. Квалиметрический подход в системе дополнительного профессионального образования специалистов социальной сферы [Текст]: дис. ... д. пед. н.: 13.00.08 / Е.В. Комарова. – Москва, 2012.
8. Литвиненко, Э.В. Квалиметрические модели и технология оценки управленческой деятельности руководителей образовательных учреждений [Текст]: дис. ... д. пед. н.: 13.00.01 / Э.В. Литвиненко. – Москва, 2005.
9. Мороз, Н.И. Социальная квалиметрия: контроль качества и эффективность социальных услуг [Текст] / Н.И. Мороз // Отечественный журнал социальной работы. – 2014. – № 2 (57). – С. 154-167.
10. Морозова, Ж.В. Технология оценивания уровня воспитанности обучающихся на основе квалиметрического подхода [Текст]: дис. ... к. пед. н.: 13.00.01 / Ж.В. Морозова. – Ижевск, 2007.
11. Подзорова, М.И. Профессиональная подготовка социологов в вузе к работе в социальной квалиметрии [Текст]: дис. ... к. пед. н.: 13.00.08 / М.И. Подзорова. – Москва, 2006.
12. Подласый, И.П. Педагогика [Текст]: в 2-х т. – М.: Владос Пресс, 2010.
13. Рожков, Н.Н. Квалиметрические методы и модели комплексного оценивания качества услуг в социальной сфере [Текст]: дис. ... д. техн. н.: 05.02.23 / Н.Н. Рожков. – СПб., 2011.
14. Салова, И.Г. Квалиметрические методики и процедуры в управлении качеством школьного образования [Текст]: дис. ... к. пед. н.: 13.00.01 / И.Г. Салова. – Санкт-Петербург, 1999.
15. Серова, Е.А. Социальная квалиметрия в системе управления социальными услугами, предоставляемыми учреждениями социального обслуживания людей пожилого возраста (на примере Ярославской области) [Текст] / Е.А. Серова // Вестник социально-политических наук. – 2013. – № 12. – С. 124-132.
16. Смирнов, С.Д. Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности [Текст] / С.Д. Смирнов. – М.: Издательский центр «Академия», 2001.
17. Социальная квалиметрия [Текст]: ежегодник. / Рос. социол. ассоц., Исслед. ком. «Соц. квалиметрия»; [редкол.: Г. Н. Бутырин (Москва) и др.]. – М.; Барнаул, 2006. – Том: Социальная квалиметрия: теоретико-методологические проблемы.
18. Социальная квалиметрия, оценка качества и стандартизация социальных услуг [Текст] / И.С. Романчев, Н.Н. Стрельникова, Л.В. Топчий и др. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2014.
19. Субетто, А.И. Квалиметрическое обеспечение управленческих процессов [Текст] / А.И. Субетто, Ю.К. Чернова, М.В. Горшенина. – СПб., 2004.
20. Субетто, А.И. Квалиметрия человека и образования: генезис, становление, развитие, проблемы и перспективы [Текст] / А.И. Субетто // Материалы XI симпозиума «Квалиметрия в образовании: методология, методика и практика» – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2006.
21. Тимошина, Е.Н. Социальное обслуживание населения в Москве : социологическая квалиметрия [Текст]: дис. ... к. социолог. н.: 22.00.04 / Е.Н. Тимошина. – Москва, 2012.
22. Ханова, Т.Г. Квалиметрическая технология оценки качества преподавания методом анкетирования [Текст]: дис. ... к. пед. н.: 13.00.01 / Т.Г. Ханова. – Ижевск, 1997. – 204 с.

И.Ю.Королев

ВоГУ, г.Вологда

ПОЛИСЕМИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ

Язык как строгая система наделяет каждое слово вполне определенным значением и смыслом. Но существует весьма интересное лингвистическое явление полисемии. Полисемия – это способность слова иметь одновременно несколько значений. В многозначном слове (полисеманте) налицо неизменный звуковой комплекс и вариативность его объёма и содержания. Полисемия означает формальное использование одного слова для обозначения одного предмета, но фактическое значение, идентифицируемой, таким образом, вещи, получается далеко не тождественным.

Существуют разряды слов-терминов, которые имманентно несут полисемию. Это, прежде всего, широко представленные в общественном сознании, отвлеченные от глагольных имен существительные, которые должны обозначать процесс или действие. В качестве основного значения этих имен, как правило, выступает значение процесса. Но, перейдя в новое качество, став именем существительным, эти слова развивают предметные значения, которые логически вытекают из значения процесса, когда действие внутренне перерождается в предмет, например, «движение», «развитие», «познание» и т.п. Другая группа терминов, «провоцирующих» развитие полисемии, также относится к разряду отвлеченных имен, являющихся наименованием наук или областей знаний. У них наряду с общими значениями развивается и реализуется в употреблении частные, более конкретные варианты этого значения – социология как наука и социология как предмет изучения («социология социологии»). Но нас интересует, прежде всего, искусственно создаваемая концептуальная многозначность, целиком сознательная деятельность, и потому поддающаяся регулированию.

Современное обществоведение, как совокупность различных донаучных, ненаучных, псевдонаучных и собственно научных подходов, познаёт разные сферы, стороны и аспекты общественной жизни. Каждый из многочисленных подходов вырабатывает своеобразное видение социального мира. В итоге, общественное сознание предстаёт сочетанием разнообразных систем социального знания. Каждая такая система разрабатывает особенный лексикон для реализации своего аналитического потенциала. Вместе с тем, наблюдается значительное количество понятий, которые используются во всех без исключения методологических подходах к познанию общества.

Вокруг таких понятий как: «человек», «труд», «справедливость», «равенство», «средний класс», «элита», «нация», «бюрократия», «капитализм» и др., - образуется множество

значений. Перечень такого рода полисемантов собран автором в результате многолетнего изучения и преподавания ряда социально-гуманитарных дисциплин. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что практически каждый полисемант имеет множество не просто смысловых нюансов, а большое количество вполне самостоятельных, нередко конкурирующих между собой значений. Многозначность известных концептов приводит к тому, что, например, на, казалось бы, простой вопрос: «Что такое общество?» - до сих пор нет однозначного ответа.

Наличие в содержании одной лексической единицы нескольких смыслов способно вызвать проблему «истины» и «лжи» противостоящих смыслов, и, следовательно, поставить актуальный вопрос их оценки, критики, преемственности. Научное внимание к многозначности концептуального словаря теоретической социологии диктует не только академический интерес. Анализ полисемии концептов необходим при исследовании разного рода ситуаций, связанных с обменом информацией, и особенно тех, где имеет место плюрализм воззрений на один и тот же предмет. Среди подобных ситуаций отметим, прежде всего, учебно-воспитательный процесс, разнообразные переговоры, пропаганду, пиаровские акции, рекламу и пр.

Эмпирически собранным материалом для исследования являются концепты, существующие если не постоянно, то очень долгое время. Подобного рода концепты называются константами. Количество их невелико, может быть несколько десятков, а, между тем, сама культура познания социума состоит в значительной степени в операциях с этими концептами.

Согласно лексикологии, полисемия – широко распространенное лингвистическое явление. К тому же это – естественное явление, возникшее в ходе экономного разрешения известного противоречия между беспредельностью человеческого опыта и ограниченность ресурсов языка. В процессе непрекращающегося познания окружающего мира константы социологического лексикона постоянно обогащаются новыми коннотациями. Многозначность одного слова – весьма удобный способ хранения информации о мире. Работая над составлением словарей, лексикографы сформировали традиционное отношение к полисемии. Это отношение характеризуется неясностью отбора в слове смысловых структур и невозможностью верифицировать результаты этого анализа.

Исключительно средствами языкознания не представляется возможным объяснить рассматриваемый феномен. Кроме лингвистического участия для целей исследования весьма полезным будет использование достижений современной социологии. Её предпочтительное место в изучении чисто языкового факта полисемии определяется тем, что социология может исследовать как культуру, сознание, язык различных социальных групп, так и их объективное положение.

Теоретической основой рассмотрения генезиса многозначности словаря теоретической социологии служит феноменологическая социология знания, разработанная А.Щюцем и его известными последователями П.Бергером и Т.Лукманом. Исходным пунктом при этом выступает следующий методологический посыл: мышление предшествует образованию слова, а смысл слова определяется культурно-исторической средой. Знание, при таком взгляде, трактуется в качестве эволюционного продукта.

Феноменологическая социология знания позволила выдвинуть предположение о том, что специфические смыслы в общеизвестных абстракциях суть поверхностные проявления разнообразных глубинных концептуальных конструкций общественнознания. Таким образом, каждый концепт своими отдельными смыслами выступает в каче-

стве «строительного блока» в фундаментах сразу нескольких символических вселенных. Изучение интеллектуального капитала, содержащегося в константах, выявление взаимозависимостей различных теоретических построений чрезвычайно важно для понимания функционирования социального познания.

Замысел данного исследования заключается в попытке разработать адекватное видение природы многозначности обществоведческого словаря. Для реализации этого будут рассматриваться, прежде всего, интеллектуальные истоки, концептуальные механизмы образования смыслов в слове. Достижению поставленной цели будет способствовать упорядочивание представлений о стихийном действии разнообразных способов образования смыслов, представление процесса развития многозначности констант обществоведения в виде системы, подходящей для рационализации научной и педагогической деятельности.

Толковые словари дают возможность судить о широком и узком понимании слова, о его устаревшем и современном толковании, о его коннотациях. За этот, достаточно ограниченный круг интерпретаций позволяет выйти риторика. Риторика – это не только красноречие, не только красивый цветистый покров, наброшенный на истину. Традиция риторики приводит к осознанию факта, что существуют альтернативные пути анализа и сообщения знаний.

Риторика вместе с логикой вплоть до XVIII века были важнейшими средствами прироста нового знания. Новое время параллельно с ростом авторитета научного знания оттеснило риторику в арьергард сил познания, а её возможности стали рассматриваться как средства обмана или схоластики. Но риторика с её неисчерпаемым эвристическим потенциалом забвению не подлежит. Она один из самых плодотворных способов образования новых смыслов.

Для того, чтобы объяснить социальные события, процессы или явления, необходимо обратиться к каузальным механизмам и условиям их эффективного проявления. Это будет состоять, прежде всего, из описания переменных, структуры и внешних причин, воздействующих на изучаемые объекты. Таким образом, часть адекватного объяснения состоит из обращения к латентным свойствам, структурам, внешним силам. Для осуществления подобного намерения полезным будет использование метафор, моделей, аналогий различного рода и сравнений. Эти формы умозаключений способствуют выдвижению гипотез о природе явлений и дают предварительный набросок к пониманию их существования.

Лингвистические тропы – метафора, метонимия, синекдоха, аллегория, гипербола, литота и др. – служат процессу объяснения, обеспечивая интеллектуальными средствами переход от того, что люди знают, к тому, что ещё не известно. По сравнению с пристальным наблюдением и детальным описанием – начальными процедурами познания в точных и естественных науках, образные выражения дают представления о том, что малоизвестно и понятно, хотя и в не очень строгой и тщательной манере. Тропы делают это косвенным образом, задействуя в качестве источника объяснения то, что является более знакомым или лучше известным и понятным. Эти риторические средства проводят переориентацию языка, описывающего внешние признаки явлений, на язык внутренний, доступный только умственному взору. Они в состоянии проникнуть в суть явлений. Метафоры, образное мышление и фантазия незаменимы для рационального осмысления действительности. Метафоры в силу своей значимости выступают важным ненаучным средством порождения нового знания.

Познавательный потенциал риторики гораздо значительнее, чем простое артикулирование новых смыслов. Так, приложение к познанию общества таких метафор, как «организм» и «механизм», породили целые школы социологической мысли, известные как «органистическая» и «механистическая». Использование модели театра для понимания общества привело к формированию такого известного направления анализа, как «драматургическая социология». Понимание риторического обеспечения многозначности констант обществоведческого словаря помогает увидеть механизмы умножения смыслов в слове лингвистическими средствами.

При реконструкции механизмов развития многозначности обществоведческих понятий важную роль играют модели концептуализации социального мира, разработанные П.Бергером и Т.Лукманом в «Трактате по социологии знания» [2]. Среди многочисленных моделей, легитимирующих каждая свой символический универсум, в центре нашего внимания окажутся только основные типы концептуализации социального мира, а именно: обыденное познание общества и, собственно, социально-научное теоретизирование.

Язык повседневности сам по себе не монолит. В этом неоднородном и сложном явлении социология знания различает разные аналитические уровни, каждый из которых имеет свой объяснительный потенциал. На начальном уровне происходит именование предметов, окружающих индивида, как правило, это традиционно простые утверждения. Ю.С.Степанов в своём «Словаре русской культуры» приводит пример именования «человека». По его мнению, в индоевропейских языках обозначение человека распадается на два отчетливо разделяемых слоя. К одному относится праславянское «*čelověkъ*». Оно представляет собой словосложение: его первая часть означает «род, племя, клан», а вторая – «дитя», т.е. все это сложное слово означает «дитя нашего/своего рода, племени». Ко второму слою относятся названия человека, образованные от корня со значением «земля»: в латинском языке это *homo* при *humus* «земля, поверхностный слой земли». Этимологические изыскания подтверждают аналогичную картину и в древнеирландском, и в литовском языках. Таким образом, все эти наименования означают одно и то же – «земляной, земной», что и служит обозначением человека.[1, С. 60] О «случайности» именования человека говорить, конечно, не приходится. Этот уровень языка – фундамент самоочевидного знания, на нем строятся все последующие концептуальные построения. Начало многозначности основополагающих концептов находится здесь, обыденный социолог стихийно выступает субъектом развития языка, придумывая новые слова, смыслы и значения.

Второй уровень аналитизма повседневного языка содержит исходную позицию социальной теории, хотя и в рудиментарной форме. Здесь могут иметь место различные объяснительные схемы связанных между собой событий. Такие схемы весьма прагматичны и непосредственно связаны с конкретными действиями. Пословицы, моральные максимы, мудрые изречения довольно распространены на этом уровне. Сюда же можно отнести и народные сказки, переданные нередко в поэтической форме. Здравый смысл, художественное мышление, обобщая социальную практику, активно способствуют накоплению новых смыслов и значений.

Следующий пласт языка повседневности и соответствующий уровень анализа общества содержит зачатки теории. Такое знание уже гораздо сложнее, оно охватывает большее количество сфер общественной жизни. Из-за сложности такого рода объяснение поручается специальному персоналу, который и развивает его. Поначалу это были

преимущественно пожилые люди племени, которые доказали свою полезность именно в деле сохранения памяти прошлого. На этом уровне понимания социального мира могут сосуществовать тщательно продуманные теории, например, «родства», которые сочетают в себе представления о правах и обязанностях членов рода, о половозрастном разделении труда, о необходимости ритуала инициации, о пагубности инцеста и т.д. Вместе с развитием разнообразных специализированных теорий и появлением института экспертов-обществоведов социологическое познание начинает отрываться от повседневной жизни, достигает на этом пути определенной степени автономности и со временем начинает генерировать своё развитие на собственной основе. Социальный институт специалистов развивает культуру обществоведения, он является важным инструментом умножения знания и, в частности, средством развития многозначности констант обществоведения.

На очередном, более высоком уровне познания общества устанавливается теоретическая традиция. Продолжает возрастать и усложняться совокупность знаний об обществе. Теперь налицо иное выражение знания, иной язык. Теоретический язык занимается вещами, которые не могут быть познаны стихийно в обыденной жизни. Уровень интеграции знания достигает здесь небывалой ранее высоты. Происходит оформление всеохватывающей точки зрения на весь человеческий опыт: история общества, социальных институтов и биографии индивидов рассматриваются теперь в одном контексте. Таким образом создается обстоятельная смысловая вселенная. Символическая вселенная как определенная система социального знания упорядочивает историю, в её рамках существование общества получает определенный смысл. Она приводит к установлению эксплицитных связей между наиболее значимыми предметами осмысления. Концепты продолжают «набирать вес», умножая количество своих значений, с их помощью описываются и объясняются все более тонкие и разнообразные социальные связи.

Исторически известно большое количество систем социального знания, каждая из которых обладает не только своим латентным лексиконом, но и придает оригинальные нюансы обществоведческим константам. Актуальными в этом плане выступают мифология, теология, философия и социальная наука.

Социально-научное познание неотделимо от влияния философии, социология генетически близка социальной философии. Однако язык социологии таков, что практически большинство из используемых в нем понятий не конструируется вне мира повседневности. «Город», «безработный», «мигрант», «преступность» и др. – все социологические концептуализации содержат значительный компонент обыденности, т.е. нечто, зависящее от обстоятельств и не очень-то точное. Лексикон социологии придает строгие очертания тому, что принято называть «жизненным опытом». Слова простого языка, ставшие научными понятиями, естественным образом увеличивают количество своих значений.

Социология сама по себе выступает мощным импульсом развития многозначности важнейших концептов. Современная социология предстаёт перед нами совокупностью многих школ и направлений. Постоянно и везде в ней встречаются разнообразные подходы и способы концептуализации. Все они соединяются вместе только в очень запутанном виде. Например, такие полисеманты как «культура», «цивилизация» или «власть» имеют десятки определений. Сложная, многомерная и труднодостижимая природа социальной реальности позволяет социологам разных методологических ориентаций формулировать непохожие смыслы у одних и тех же концептов.

Каждый смысл в концептах не просто имеет право на существование, он действительно может нести какую-то эвристическую полезность. Смыслы концептов могут изменяться, порой и конфликтовать между собой. Однако об ошибочности отдельных смыслов в многозначных понятиях говорить не приходится, поскольку эти смыслы определяются во многом методом их образования.

В настоящем исследовании представлены несколько важнейших путей формирования новых смыслов в фундаментальных социологических понятиях: риторика, донаучные системы социального знания, собственно социология, - все они предстают имеющими неравноценный эвристический потенциал. У них разная широта охвата постигаемых сфер общественной жизни, разный уровень аналитизма, разная степень пронизательности и глубины проникновения в суть вещей. Каждому из когнитивных механизмов присущ и свой тип мышления. Они не линейно, а рекуррентно познают важнейшие предметы социального мира, раскрывают их специфические аспекты и признаки. Умножая количество смыслов в известных лексических единицах, они тем самым активно способствуют приросту совокупного знания об обществе.

Полисемия безразмерна в своём содержательном объёме. Нет предела количеству смыслов и информативности, что концепты могут передавать. Многозначность как элементарная плюралистическая система отражает влияние: 1 – разных уровней и методов социального познания; 2 – разных систем социального знания; 3 – разных акторов познавательной активности, которые артикулируют конкретные смыслы. Многозначность позволяет концепту в миниатюре воспроизводить целенаправленный, совокупный человеческий интерес к наиболее важным предметам. Процесс образования новых смыслов характерен не только для прошедшего и настоящего времени, он будет продолжаться и в будущем. Отмеченные свойства позволяют констатировать, что полисемия суть элементарный механизм накопления, хранения и трансляции знания.

В прикладном плане настоящее исследование подводит к выводу, что назрела необходимость подвергнуть ревизии существующую практику подготовки и издания литературы по обществознанию. Традиционный принцип толкового словаря, положенный в основу учебно-справочной литературы по обществоведению, должен быть дополнен принципом, в котором концепты играли бы главную структурообразующую роль. В материалах, посвященных определенным концептам, рассказ должен бы начинаться с этимологических изысканий, далее разворачивается история слова, его биография доводится до уровня последних достижений современной социальной науки. Такой подход поможет свести в одну общую картину разрозненные представления об обществе, собранные в рамках разных систем социального знания и хранящиеся одновременно в индивидуальных сознаниях в разных комбинациях. На этом пути может быть преодолена набившая всем преподавателям (не пономарям) оскомина от «знакомости» социального знания. Проблема преемственности в преподавании социально-гуманитарного знания при этом решается менее болезненно и более экономно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования [Текст] / Ю.С. Степанов. – М., 1977.
2. Berger, P.L. The Social Construction of Reality [Text] / P.L. Berger, T. Luckman // A Treatise on sociology of Knowledge. – 1966.

М.А. Ласточкина

ИСЭРТ РАН, г. Вологда

МЕДИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ КАК ОСНОВА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА¹

Устойчивым и благополучным развитием в современном мире обладают только сильные страны. Как показал анализ процессов модернизации за 2000–2012 годы, в России данных тенденций не наблюдается. Во многом это связано и с ее огромной территорией и многочисленностью регионов, которые характеризуются асинхронностью и неравномерностью в социально-экономическом развитии. Кроме того, без высокого уровня жизни, развитой науки и высокой культуры страна не может успешно конкурировать с развитыми странами. Поэтому экономика и общество в каждом регионе нашей страны нуждаются в модернизации.

Оценка уровня модернизации с помощью индекса вторичной модернизации (см. подробнее [3]) выявила, что из четырех групп показателей индекса менее благоприятна ситуация в субиндексе качества экономики и инноваций в знаниях (субиндексы в среднем по РФ равны 52%). Субиндексам качество жизни и трансляция знаний недостает 7–9 п.п. до уровня развитых стран. В рамках поставленных в данной работе цели обратимся более подробно к изучению субиндекса качество жизни, величина которого за анализируемые годы выросла на 9 п.п. Анализируя его состав отметим, что при расчете уровня модернизированности учитываются социально-демографические характеристики населения. Наименьшее значение имеет показатель ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ), который составляет в среднем по России 70,2 лет, что меньше, уровня развитых стран на 10 лет. Отмеченный с 2003 г. рост средней продолжительности жизни в России, поднял планку более чем на 5 лет. Ожидаемая продолжительность жизни, является комплексным индикатором, характеризующим состояния здоровья и качество жизни населения. Определяющее значение при расчете ОПЖ имеет смертность населения в раннем и трудоспособном возрасте. Наиболее распространенными причинами смертности являются заболевания сердечно-сосудистой системы (53,5% среди всех смертей в 2013 г.), ситуацию с которыми в РФ можно оценить как катастрофическую; новообразования (15,6%) и внешние причины (9,9%). По данным ВОЗ по уровню преждевременной (то есть в возрасте до 64 лет) смертности от патологий органов кровообращения Россия (206,9 случаев на 100 тыс. населения) занимала место в группе наиболее неблагополучных стран наряду с Казахстаном (208,8), Беларусии (191,3)

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 12-06-33046.

Таблица 1. Показатели смертности населения

Страна	Коэффициент младенческой смертности (вероятность смертности до достижения 1 года на 1000 живорожденных)			Коэффициент смертности детей в возрасте до 5 лет (вероятность смертности до достижения 5 лет на 1000 живорожденных)			Коэффициент смертности взрослого населения (вероятность смертности в возрасте от 5 до 60 лет на 1000 населения)			
	Оба пола			Оба пола			Мужчины		Женщины	
	1990	2000	2011	1990	2000	2011	1990	2011	1990	2011
Япония	5	3	2	6	5	3	109	84	53	46
Германия	7	4	3	9	5	4	157	96	77	51
США	9	7	6	11	9	8	172	131	91	77
Россия	23	18	10	27	21	12	318	351	117	131

Источник: Мировая статистика здравоохранения 2013. В03, 2014.

и Украиной (176,8). Наименьшим значением показателя смертности от сердечно-сосудистых заболеваний обладают развитые страны (Финляндия – 44,5, Германия – 35,7, Великобритания – 35,6, Нидерланды – 26), что в 4–8 раз меньше, чем в РФ [4].

Данные о смертности населения важны не только для анализа прошлых демографических тенденций, но и для разработки демографических прогнозов. Которые используются во многих сферах деятельности, в том числе для мониторинга и совершенствования социально-экономического развития в регионах. Повозрастная смертность населения оказывает первоочередное влияние на ожидаемую продолжительность жизни населения. Как видно из табл. 1 смертности населения в России в разы превосходит данные показатели в развитых странах.

Еще одним не менее важным показателем, участвующим в расчете индекса ВМ, является младенческая смертность, которая хоть и сократилась в последние годы почти в 2 раза, но все еще значительно превышает уровень развитых стран (в 1,7 раза). В рейтинге стран мира по данному показателю за 2014 год Российская Федерация находится на 160 позиции (7,08 умерших в возрасте до 1 года на 1 тыс. родившихся живыми) из 224 возможных, по соседству с Чили и Кувейтом. Положительные тенденции в состоянии здоровья детей первого года жизни начались после 2006 г., что явилось результатом действия приоритетного национального проекта «Здоровье». Однако достигнутые результаты все же хуже тех, которые были в 1990 г., так в 2012 г. 34% детей (в 2 раза больше показателя 1990 г.) уже родились больными или заболели в первую неделю жизни. Как показывают исследования [1; 2], проведенные в различных регионах России, здоровье детей имеет комплексный характер, включая множество факторов (социальное окружение, здоровье матери, питание, жилищные условия и др.), которые поддаются изменению и требуют безотлагательного вмешательства со стороны общества и государства. От их эффективности во многом зависит здоровье и жизнь подрастающего поколения, а значит и будущее России. Кроме того, здоровье детей особенно значимо, учитывая значительное сокращение населения страны.

При некоторой схожести демографических тенденций в странах европейского региона (депопуляция, старение население, увеличение демографической нагрузки) ситуация в России еще более актуальна, так как происходят они на фоне отставания в экономическом и социальном развитии. Только при осознании важности демографических проблем, при сбережении человеческого капитала (численность и здоровье населения, образование, соотношение возрастных и трудовых категорий) возможна современная модернизация.

Продвижение по пути модернизации в этих условиях – непростая задача, для ее реализации необходимы трудовые ресурсы, которые по прогнозам в ближайшие 20 лет в России (скорее всего и в дальнейшем) будут ограничены. Таким образом, нужна науко-

емкая высокотехнологичная модель развития страны, необходимым условием, которой является высокий уровень человеческого капитала, образования и социокультурного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кислицына, О.А. Здоровье детей-богатство нации: тенденции, факторы риска, стратегии сбережения [Текст]: монография / О.А. Кислицына. – М.: МАКС Пресс, 2011. – 268 с.
2. Кондакова, Н.А. Здоровье и условия жизни подрастающего поколения [Текст] / Н.А. Кондакова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 1. – С. 151-161.
3. Ласточкина, М.А. Территориальные особенности модернизации России [Текст] / М.А. Ласточкина // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – 2013. – № 2 (34). – С. 29-41.
4. Мировая статистика здравоохранения 2013 [Текст] / Всемирная организация здравоохранения. – 2014.
5. World Health Statistics [Text] / World Health Organization. – 2014.

Л. Н. Фахрадова

ИСЭРТ РАН, г. Вологда

ИНВАЛИДНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Важным показателем общественного здоровья, отражающим влияние целого комплекса факторов, является инвалидность населения. На её распространённость оказывают воздействие качество генофонда населения территории, уровень и образ жизни населения, качество и доступность медицинского обслуживания.

В Российской Федерации в 2013 году общая численность инвалидов составила 13082 тыс. человек. Показатель вырос относительно уровня 2000 года на 37%. Численность инвалидов в СЗФО на 2013 год составила 1535 тыс. человек, что на 33% больше, чем в 2000 году. По показателю общей численности инвалидов первое место среди регионов СЗФО на 2013 год занял г. Санкт-Петербург (вместе с Ленинградской областью), второе место с большим отставанием – Вологодская область. Наименьшая численность инвалидов отмечена в Мурманской области – 35 тыс. человек.

Численность инвалидов в Российской Федерации в расчёте на 1000 человек населения увеличилась к 2013 г. на 24,73% по сравнению с 2000 г. За тот же период на территории СЗФО показатель вырос на 20%. в Вологодской области – на 38%.

По данным на 2012 год численность инвалидов трудоспособного возраста в Российской Федерации составила 395 тыс. (49% от общего числа инвалидов). В Вологодской области за период с 2000 г. по 2012 г. абсолютный показатель снизился на 15%, однако, доля от общей численности инвалидов увеличилась на 20% (рис. 1).

В соответствии с указанными тенденциями, одним из наиболее актуальных направлений социальной поддержки инвалидов в Вологодской области является содействие их трудоустройству. В 2012 году за содействием в поиске работы в службу занятости населения обратилось 7943 чел., в 2013 году – 5838 чел. инвалидов. Доля трудоустроенных в 2012 году составила 20%, в 2013 году – 30% [15]. Предпринимаются меры по совершенствованию профориентационной работы с инвалидами: в 2012 году было создано 123 оснащённых рабочих места, на которые, в том числе, были трудоустроены 80 инвалидов, профессиональное обучение прошли 35 человек [7; 8].

Создание общества равных возможностей предполагает, прежде всего, создания доступной для инвалидов среды, поддержку идеи интеграции, как со стороны инвалидов, так и со стороны общества. Данные социологических исследований позволяют составить подробную характеристику социального положения инвалидов в регионе, отношения общества к их проблемам, доступности объектов и услуг для людей с огра-

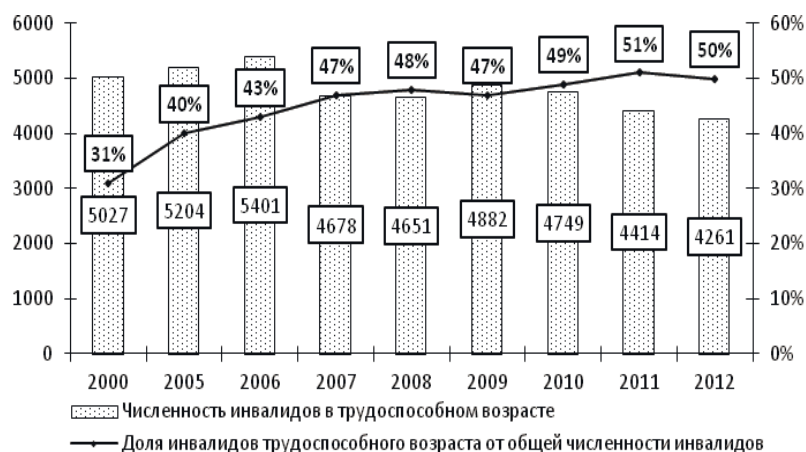

Рисунок 1. Инвалидность трудоспособного населения

Источник: Статистический ежегодник Вологодской области 2012: стат. сборник // Вологдастат. – Вологда, 2013. – 371 с.

ниченными возможностями здоровья. Социологические исследования¹, проведённые ИСЭРТ РАН по договору с АУ ВО «Вологодский Информационно-Аналитический центр» показали, что в разных городах области сложился собственный рейтинг доступности объектов и услуг приоритетных сфер жизнедеятельности. В Вологде наиболее благоприятная ситуация характерна для сферы социальной защиты, в Череповце – для сферы информации и связи, в Соколе – для информации и связи, а также для образования, в Великом Устюге – для здравоохранения и социальной защиты (табл. 1).

На основе ответов респондентов был также составлен рейтинг сфер жизнедеятельности по достижениям за прошедший год. По итогам 2014 года на первом месте – сфера социальной защиты, на последнем – транспорт и жилой фонд. Не отметили каких-либо достижений ни в одной из сфер жизнедеятельности 35% опрошенных (в 2013 г. – 48%), 18% затруднились ответить. В 2013 г. по сравнению с замером 2014 г. отмечалось больше положительных оценок транспорта и жилого фонда, оценки других сфер жизнедеятельности улучшились (рис. 2).

Среди всех категорий инвалидов преобладает мнение о равнодушном отношении общества к их проблемам. В то же время, наблюдаются некоторые отличия в характере оценок

¹ Социологическое исследование отношения населения к проблемам инвалидов и мнения инвалидов о доступности объектов и услуг в 2013 и 2014 гг. Осуществлялось в рамках договоров с Вологодским Информационно-Аналитическим центром (№ СИ-И/10-2013 от 04.10.2013 г., № СИ-И/04-2014 от 11 апреля 2014 г. и № СИ/05-2014 от 15 мая 2014 г.). Метод исследования – раздаточное анкетирование. Выборка – целевая, сбалансированная по полу, возрасту и виду ограничения жизнедеятельности. Объём выборки – 1200 человек. Подробнее см.: Отчёт о НИР «Отношение населения Вологодской области к проблемам инвалидов. Изучение мнения инвалидов о доступности объектов и услуг» (по договору № СИ-И/10-2013 от 04.10.2013 г. с АУ ВО «Вологодский областной информационный центр») [Текст] / ИСЭРТ РАН. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. – 133 с.; Отчёт о НИР «Отношение населения вологодской области к проблемам инвалидов. Изучение мнения инвалидов Вологодской области о доступности объектов и услуг» (по договору № СИ-И/04-2014 с АУ ВО «Вологодский областной информационный центр» от 11.04.2014 г.) [Текст] / ИСЭРТ РАН. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. – 117 с.; Отчёт о НИР «Социально-экономические аспекты проблемы инвалидности: анализ трендов на основе данных статистики и социологических опросов» (по договору № СИ/05-2014 от 15 мая 2014 г. с АУ ВО «Вологодский областной информационный центр») [Текст] / ИСЭРТ РАН. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. – 132 с.

Таблица 1. Распределение сфер жизнедеятельности по балансу положительных и отрицательных оценок доступности объектов и услуг для инвалидов

Баланс положительных и отрицательных оценок*	Города							
	Вологда		Череповец		Сокол		В. Устюг	
	2013	2014	2013	2014	2013	2014	2013	2014
-100 > x > -60 (неблагоприятная ситуация)	Спорт и физкультура, жилой фонд	–	–	–	Культура, транспорт, жилой фонд	Здравоохранение	–	–
-60 > x > -20 (сложная ситуация)	Транспорт, информация и связь; культура, образование, здравоохранение	Жилой фонд, транспорт, культура	Культура, жилой фонд, образование, спорт и физкультура	Жилой фонд	Спорт и физкультура, образование	Культура, транспорт, спорт и физкультура, жилой фонд	Транспорт, образование, культура	Культура, образование, спорт и физкультура
-20 > x > 20 (ситуация, требующая контроля)	Социальная защита	Здравоохранение, информация и связь, образование, спорт и физкультура	–	Культура, транспорт, образование, спорт и физкультура	Информация и связь, социальная защита	Социальная защита	Здравоохранение	Транспорт
20 > x > 60 (удовлетворительная ситуация)	–	Социальная защита	Транспорт, социальная защита, здравоохранение, информация и связь	Здравоохранение, социальная защита	–	Информация и связь, образование	Жилой фонд, информация и связь, социальная защита	Информация и связь, жилой фонд
60 > x > 100 (благоприятная ситуация)	–	–	–	Информация и связь	Культура, транспорт, жилой фонд	–	–	Здравоохранение, социальная защита

Разница по числу процентных пунктов; разница рассчитывалась путем вычитания суммы отрицательных оценок (в процентах) из суммы положительных оценок (в процентах). К положительным оценкам отнесены варианты ответа «доступны» и «скорее доступны», к отрицательным оценкам – варианты ответа «скорее недоступны» и «недоступны». Шкала составлена с учетом возможного диапазона значений рассчитываемой величины.

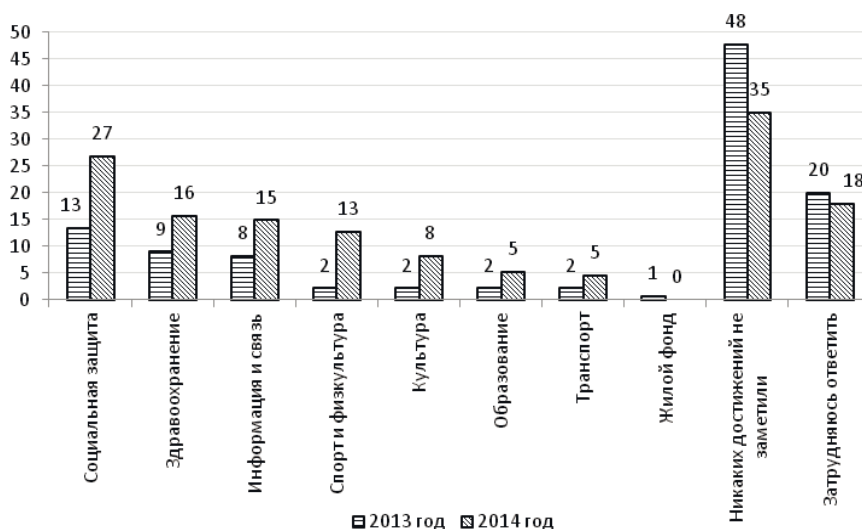

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос: «Отметьте, пожалуйста, в каких сферах жизнедеятельности Вы отметили достижения в повышении доступности для инвалидов за последний год?» в 2013 и 2014 гг. (в % от числа опрошенных)

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «По Вашему мнению, как общество относится к проблемам инвалидов?» (по категориям инвалидности; в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Инвалид по зрению (слабовидящий)		Инвалид по слуху (поздноглухой, раноглухой, слабослышащий)		Инвалид, требующий помощи при передвижении		Инвалид, требующий постоянного постороннего ухода	
	2013	2014	2013	2014	2013	2014	2013	2014
Скорее внимательно – общество настроено на постепенное решение проблем	16,3	10,3	35,7	29,0	16,1	24,2	15,6	25,8
Скорее равнодушно – создается только видимость деятельности	69,8	59,0	50,0	67,7	58,1	54,5	40,6	45,2
Общество полностью игнорирует проблемы инвалидов	9,3	20,5	3,6	3,2	19,4	12,1	34,4	16,1
Затрудняюсь ответить	4,7	10,3	10,7	0,0	6,5	9,1	9,4	12,9

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, в какой мере инвалиды сегодня могут вести полноценную жизнь, с учетом ограничений по здоровью?» (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Вологда		Череповец		Районные центры		Область	
	2013	2014	2013	2014	2013	2014	2013	2014
Могут практически всегда	0,0	12,2	11,1	2,4	0,0	0,0	3,7	5,2
Чаще могут	20,8	14,3	22,2	14,6	14,6	2,3	19,4	10,4
Чаще не могут	58,3	51,0	42,2	65,9	61,0	45,5	53,7	53,7
Не могут практически никогда	20,8	14,3	6,7	14,6	12,2	43,2	13,4	23,9
Затрудняюсь ответить	0,0	8,2	17,8	2,4	12,2	9,1	9,7	6,7

в зависимости от типа ограничения жизнедеятельности. Так, среди инвалидов по слуху наблюдается наиболее высокая доля положительных оценок отношения общества к инвалидам (29% в 2014 г.; табл. 5) и наименьшая доля резко негативных оценок (3% в 2014 г.). Динамика распределения оценок неравномерна для указанных групп респондентов: с 2013 г. возросла доля резко негативных оценок среди инвалидов по зрению (до 20% в 2014 г.), для остальных категорий инвалидов соответствующий показатель снизился (табл. 2).

Представленное распределение свидетельствует о том, что среди инвалидов Вологодской области преобладает скептическое отношение к заинтересованности населения в интеграции.

Одним из препятствий для социальной инклюзии инвалидов являются барьеры в общении. Об их наличии сообщили более половины респондентов из числа инвалидов. В 2014 г. только 5% респондентов отметили, что свободное общение с окружающими возможно практически всегда. В целом, по сравнению с 2013 г., наблюдается рост негативных оценок. Наибольшая доля положительных оценок возможности свободного общения в 2014 г. наблюдается для инвалидов по слуху, инвалидов, требующих постоянного постороннего ухода (рис. 3).

Среди населения в 2014 г. преобладает мнение о том, что инвалиды чаще не могут свободно общаться с окружающими (вариант выбрали 40% респондентов). Оптимистическую оценку по данному вопросу высказали только 9% опрошенных (рис. 4).

Примечание: обозначения оси ординат: инвалиды по зрению: 1 – 2013 год, 2 – 2014 год; инвалиды по слуху: 3 – 2013 год, 4 – 2014 год, инвалиды, требующие помощи при перемещении: 5 – 2013 год, 6 – 2014 год, инвалиды, требующие постоянного постороннего ухода: 7 – 2013 год, 8 – 2014 год.

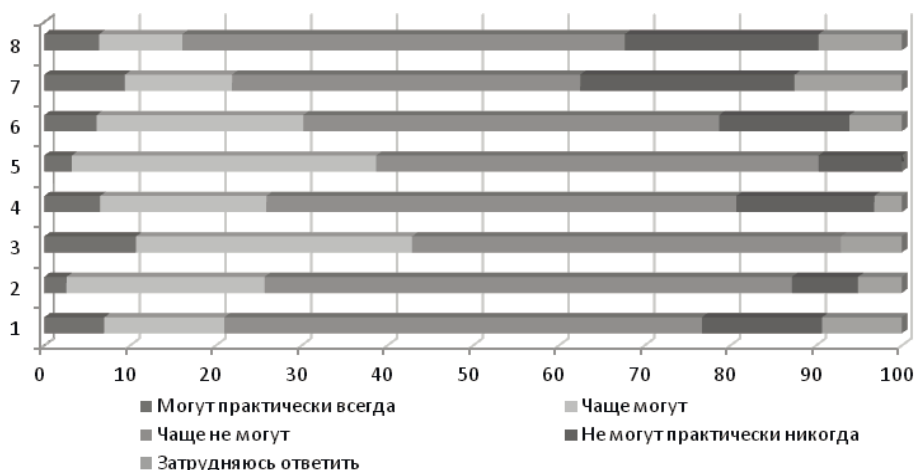

Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, в какой мере инвалиды сегодня могут свободно общаться с окружающими?», (в % от числа опрошенных)

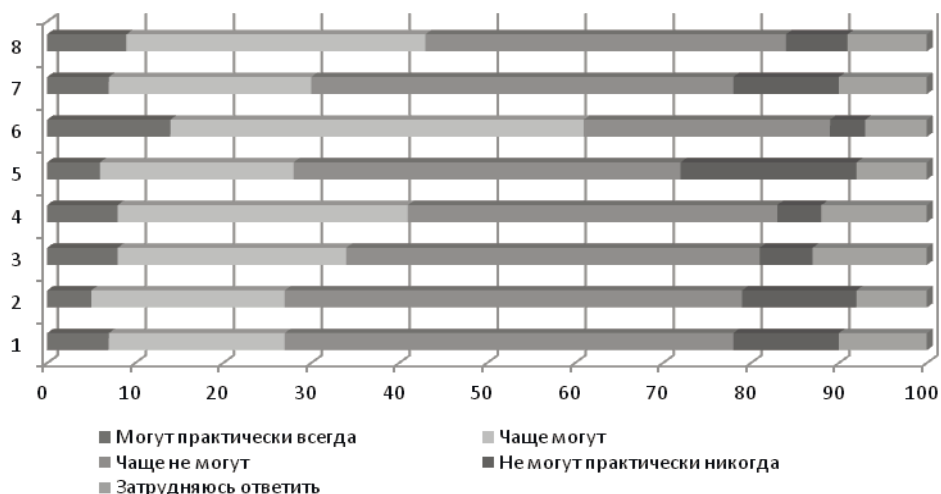

Рисунок 4. Распределение ответов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, в какой мере инвалиды сегодня могут свободно общаться с окружающими?», (в % от числа опрошенных)

Примечание: обозначения оси ординат: Вологда: 1 – 2013 год, 2 – 2014 год;
Череповец: 3 – 2013 год, 4 – 2014 год; районные центры (Сокол и В. Устюг): 5 – 2013 год,
6 – 2014 год; среднее по области: 7 – 2013 год, 8 – 2014 год

Приведённые распределения ответов свидетельствуют о наличии психологических и коммуникационных барьеров как со стороны населения, так и стороны инвалидов. Данная проблема является ощутимым препятствием для процесса интеграции. Для её решения необходимо вести более активную работу по информированию населения о проблемах инвалидов и о правилах этикета при общении с ними.

Ограничения в жизнедеятельности для инвалидов Вологодской области выступают ключевым и первостепенным препятствием к ведению полноценного образа жизни. Так, лишь 15,6% респондентов полагают, что инвалидность не является непреодолимым препятствием для полноценной жизни. Подавляющее большинство инвалидов

отмечают, что с учетом ограничений здоровья, вызвавших инвалидность, невозможно вести полноценную жизнь, и их доля возросла на 10,5% (13% в 2013 и 23% в 2014 гг. соответственно) (табл. 3).

Планируется, что работа по созданию доступной среды в регионе будет продолжена в рамках выполнения мероприятий подпрограммы «Безбарьерная среда» целевой программы «Социальная поддержка граждан Вологодской области на 2015 – 2020 гг.» [13]. В общей сложности, за период 2015 – 2018 гг. на финансирование подпрограммы планируется выделить более 300 млн. руб.

Таким образом, в Вологодской области сохраняются проблемы создания доступной среды, необходимой для интеграции инвалидов, обеспечения их равного участия в общественной жизни. Решение существующей проблемы предполагает осуществление действий в двух направлениях: обеспечение доступности инфраструктуры, услуг приоритетных сфер жизнедеятельности и активной работы с населением, направленной на формирование культуры общения с инвалидами, восприятия их как равноправных участников общественной жизни. Содействие трудоустройству и совершенствование реабилитационных мероприятий также являются приоритетными векторами государственной поддержки людей с ограниченными возможностями в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демографический ежегодник Вологодской области [Текст]: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2014. – 84 с.
2. Демографический ежегодник России [Электронный ресурс] / Росстат. – 2013. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B13_16/Main.htm
3. Единая межведомственная информационно-статистическая система [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do?id=33818&referrerType=0&referrerId=1292879>
4. Здравоохранение в России 2013 [Электронный ресурс]: стат. сб. / Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2013/zdravo.rar
5. Каспарьян, Ж.Э. Развитие моделей инвалидности в контексте региональной социально-экономической политики [Текст] / Ж.Э. Каспарьян // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2006. – № 16. – Т. 2. – С. 73-81
6. Лунев, В.П. Анализ первичной инвалидности взрослого населения в округах и субъектах Российской Федерации за 2003 – 2004 гг. [Текст] / В.П. Лунев, В.И. Байраков, Н.Л. Кардаков, С.Г. Данилова // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. – 2006. – № 3. – С. 22-28.
7. Об утверждении целевой программы дополнительных мероприятий, направленных на снижение напряженности на рынке труда Вологодской области, в 2012 году [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Вологодской области от 17.02.2012 № 138. – Режим доступа: http://vologda-oblast.ru/dokumenty/zakony_i_postanovleniya/postanovleniya_pravitelstva/14448
8. О внесении изменений в постановление Правительства области от 17 февраля 2012 года № 138 [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Вологодской области от 29.10.2012 № 1290. – Режим доступа: http://vologda-oblast.ru/dokumenty/zakony_i_postanovleniya/15546
9. О долгосрочной целевой программе «Безбарьерная среда» на 2010 – 2014 годы [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Вологодской области от 26.03.2010 г. № 334 / Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/460302521>
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: стат. сборник [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_14p/Main.htm
11. Савашинский, С.И. Принятие управленческих решений в организации лечебно-диагностического комплекса [Текст] / С.И. Савашинский // Сборник науч. трудов «Проблемы территориального

- здоровоохранения». – М.: ФГБУ ЦНИИОИЗ Росздрава, 2005. – С. 13-19.
12. Сайт Медицинского информационно-аналитического центра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://miac.volmed.org.ru/files/medstat/sbornik_za_2013g.pdf
 13. Социальная поддержка граждан в Вологодской области на 2014 – 2018 годы [Электронный ресурс]: гос. программа, утверждена Постановлением Правительства Вологодской области от 28 октября 2013 года № 1098. – Режим доступа: <http://vologda-oblast.ru/pda/dokumenty/23821>
 14. Статистический ежегодник Вологодской области 2012 [Текст]: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2013. – 371 с.
 15. Статистика службы занятости населения Вологодской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://занятость35.рф/home/runoktruda/runtrud.aspx>
 16. Федеральная служба государственной статистики. Центральная База Статистических Данных [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/DBInet.cgi?pl=2415011>

СЕКЦИЯ 4
ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ
ОБРАЗОВАНИЯ, ЗАДАЧИ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Г.А. Ключарев

доктор философских наук, профессор,
директор Центра социологии образования,
науки и культуры Института социологии РАН

ОБ «ОБУЧАЮЩИХСЯ ОРГАНИЗАЦИЯХ» И КОРПОРАТИВНОМ ОБРАЗОВАНИИ В ИННОВАЦИОННОМ КОНТЕКСТЕ¹

Корпоративные университеты появились в конце 1980-х гг. в связи с глобализацией рынка труда и интеграцией национальных экономических пространств². В настоящее время в мире насчитывается около 1200 корпоративных университетов. Признанными лидерами являются Toyota University, ORACLE, MacDonald's University, General Electric, Disney University. Особенно активны в обучении своих сотрудников такие наукоемкие компании, как Google, Роулз-Ройс, БМВ, IBM, Sony, Даймлер-Бенц. О размерах подобной деятельности можно судить на примере компании «Моторола», корпоративный университет которой обеспечивает работой более 1000 штатных преподавателей, ведущих занятия на 24 языках, в 49 странах мира. Существенно, что при этом лишь 10% от общего числа занятых штатных преподавателей работали когда-либо в обычных классических университетах.

На международном уровне корпоративное образование выходит из-под контроля государства и превращается в один из основных факторов трудовой миграции. Если внутри государства органы управления образованием вынуждены, как правило, проводить определенную политическую и идеологическую линии, то на межгосударственном уровне у них гораздо больше свободы «для маневра» и учета собственного внутрифирменного интереса.

Казалось, не так давно сторонники известной «фордистской» модели считали, что обучать кадры нерентабельно – выгоднее нанять новую рабочую силу. Но с ростом интеллектуальной емкости труда, внедрением высоких (наукоемких) технологий, а главное, в связи с углубляющейся специализацией профессий и ростом объема необходимых работнику знаний, внутрифирменное обучение получает значительное распро-

¹ В статье использованы результаты исследования, выполняемого при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 13-03-00015а «Непрерывное образование и трансфер наукоемких технологий: модели взаимодействия учреждений образования и науки с предприятиями реального и финансового секторов».

² John F. Gutowski. A Corporate Education. PublishAmerica (2010). – 542 p.; Чумаков А.Н. Глобализация: контуры целостного мира. – М.: Проспект, 2005.

странение. Организация учебы сотрудников становится выгодным инвестированием. Так, широкомасштабное исследование в ряде американских компаний показало, что увеличение расходов на обучение персонала на 10% дает прирост производительности труда на 8,5%, в то время как такое же увеличение капиталовложений повышает производительность труда только на 3,8%³.

Масштабность корпоративного образования впечатляет. Подготовка кадров становится индустрией, в которой все большую роль играет не государство, а работодатели и которая приносит немалые доходы. В США, например, в сфере подготовки кадров «работает» 70 млрд долл. ежегодно. Оценить российский рынок корпоративного образования пока не представляется возможным. По всей видимости, он в несколько раз превышает размеры нынешних государственных расходов на систему дополнительного профессионального образования.

Корпоративным университетом (КУ) обычно называют обособленную структуру (подразделение) компании, которая по специально разработанным учебным планам организует подготовку и повышение квалификации своих штатных сотрудников. По сути дела, корпоративный университет - это систему внутрифирменного обучения, которая абсолютно отличается от того порядка, который принят в классическом университете. Здесь, как правило, нет деканатов, кафедр, зачетных книжек. Не звучат звонки в начале и по окончании занятий. Нет почетных докторов и ученых советов – неизбежных атрибутов классического учебного заведения.

При определении особенностей корпоративного обучения эксперты называют два основных признака. Первый заключается в том, что данная форма образования всегда нацелена на определенную целевую группу – сотрудников компании, либо сотрудников отрасли, для которых обучение совершенно бесплатно и проводится, как говорится, «с отрывом от производства». Для посторонних такая система образования закрыта.

Вторым существенным признаком, характеризующим систему внутрифирменного обучения, является наличие единой стратегии непрерывного развития компании, которая предполагает непрерывное образование – целевую и направленную постоянную (периодическую) подготовку (переподготовку) и повышение квалификации персонала этой компании. При этом компания постепенно превращается в «обучающуюся организацию», где учатся все и каждый в определенные моменты своей трудовой биографии⁴.

Существует и более узкое понимание корпоративного образования как системы подготовки молодых специалистов в профильных вузах на старших курсах по специально разработанным программам обучения, учитывающим специфику и корпоративную культуру компании. В данном случае разрабатывается специальная программа обучения для студентов старших курсов (специалистов и магистров) профильных (отраслевых) вузов в тех регионах, где имеются предприятия компании – заказчика. Выпускные дипломные работы выполняются, как правило, при руководстве опытных сотрудников предприятий. На основании результатов выпускных «корпоративных» экзаменов и с учетом рекомендации представителя фирмы выпускники трудоустраиваются на предприятие-заказчик.

Таким образом, можно принять за основу следующее определение корпоративного образования - это система внутрифирменного обучения, объединенная единой концепцией в рамках стратегии развития организации и разработанная для всех уровней

³ John F. Gutowski, Там же. – С. 5-25.

⁴ Martijn Rademakers. Corporate Universities: Drivers of the Learning Organization. Routledge (2014). – 170 p.

руководителей и специалистов⁵. Как видим, по сути, речь идет о реально действующей системе непрерывного профессионального образования, действующей в форме обучающейся организации.

Корпоративное образование в России⁶

Считается, что одна из причин развития корпоративного образования в России – оторванность действующих институтов профессиональной подготовки от реальных потребностей и специфики рынка труда. Эту нишу, по понятным причинам, осваивают сами крупные предприятия, которые лучше знают, какие кадры им нужны. Как справедливо отметил один из опрошенных экспертов, классические университеты, да и почти вся система высшего и среднего профессионального образования со своими традиционными программами, государственными стандартами, утвержденными на несколько лет вперед учебными планами, идут позади стремительно несущегося вперед «корпоративного локомотива знаний».

В то же время, несмотря на критику современной высшей школы, многие эксперты отмечают необходимость использования ресурсов традиционных классических вузов. Так, представители корпоративных университетов и учебных центров компаний подтвердили, что готовы работать на персональной основе с отдельными преподавателями, отвечающими требованиям, предъявляемым к ним корпорациями. Это означает, что вузовские преподаватели смогут разрабатывать и предлагать авторские курсы с учетом специфики заказчика, постоянно обновлять свои знания, демонстрировать навыки владения современными техническими средствами обучения (включая, дистанционное) и, главное, будут во всех смыслах «ориентированы на рынок».

Другая причина интенсивного развития корпоративного образования в России заключается в том, что топ-менеджмент крупных компаний заинтересован в приобретении непрофильных активов, включая и образовательный блок. Для многих компаний возможности экстенсивного роста, характерного для 1990-х – начал 2000-х гг., исчерпали себя. Поэтому, чтобы поддерживать конкурентные позиции, необходимы качественные изменения, прежде всего, внутри самой организации, включая активное производство и накопление человеческого капитала. В данном контексте изменяются принципы работы с персоналом, осваиваются новые стратегии переподготовки и повышения квалификации сотрудников.

Еще одна предпосылка развития корпоративного образования связана с устойчивой тенденцией к слиянию компаний и созданию крупных холдингов. При покупке одними компаниями других всегда встает проблема совмещения разных систем управления, «стыковки» корпоративных структур и ценностей. Для этого специально разрабатываются такие учебные программы, которые обеспечивают унификацию бизнес-технологий и трансляцию ценностей бизнеса.

⁵ Корпоративные университеты в российской и зарубежной практике. – М.: Ассоциация менеджеров России, 2002. – С. 8.

⁶ При подготовке настоящей статьи использованы данные экспертных опросов, проведенных ФГУП «Центр социологических исследований» Минобрнауки РФ в 2012 г. (рук. – Ф.Э.Шереги). В исследовании приняли участие ряд крупнейших отечественных компаний, корпораций и акционерных обществ, в том числе Росатом, Ростехнологии, РусГидро, ЕЭС, Роснефть, Газпром, РЖД, Автоваз, Информационные спутниковые системы имени академика М.Ф. Решетнева, ГКНПЦ имени М.В. Хруничева, Алроса, Концерн радиостроения Вега, Концерн Созвездие, Концерн Гидроприбор, Центр технологии судостроения и судоремонта, Корпорация Росхимзащита, Концерн Океанприбор, Концерн Моринформсистема – Агат, НПК Уралвагонзавод.

Когда финансовые группы принимают решение об инвестировании, они смотрят не только на прибыльность бизнеса, но и насколько безопасно инвестировать в него свои средства. Агентства, которые выставляют инвестиционные рейтинги, обычно указывают на два основных фактора: финансовую прозрачность и прозрачность управленческую. Последняя определяется наличием внутри фирмы системы обучения менеджерского состава, наличием единых, современных стандартов в управлении людьми и в действиях менеджеров на различных позициях.

Одним из ключевых моментов в деятельности корпоративного университета является выбор его целевой аудитории. От этого зависят масштабы деятельности и специфика организации учебных и тренинговых программ. Среди российских экспертов существует большой разброс мнений о том, кого и чему надо учить в корпоративном университете. Несмотря, казалось бы, на различные модели корпоративного образования в обследованных компаниях, у них общая целевая группа - сотрудники этих компаний, причем независимо от занимаемой должности.

Специфика той или иной компании заключается в соотношении объема образовательных услуг для разных должностных уровней. В одних компаниях подавляющий объем занимают образовательные услуги для технического персонала, в других – программы для менеджеров среднего звена, в третьих – весомую роль играет формирование и развитие кадрового управленческого резерва. При этом для сотрудников практически не существует альтернативы в выборе образования – для одних необходимо бизнес-образование, для других – повышение профессиональной квалификации, технический тренинг или тренинг инновационной направленности.

Что же касается дополнительных курсов по адаптации вновь пришедших после окончания «обычного» учебного заведения молодых сотрудников, то здесь повсеместно ситуация достаточна похожа. Особое внимание уделяется подготовке кадрового резерва непосредственно в высших учебных заведениях. По большей части это касается технических, инженерных специальностей. Примером подобного взаимодействия является внутрифирменная система обучения в Московской городской телефонной сети (МГТС), которая на свои средства содержит базовую межвузовскую кафедру в МТУСИ. Ежегодно после окончания третьего курса отбирается группа 30 человек и на основании дополнительного соглашения они изучают все телекоммуникационные системы, которые поставлены в МГТС. Специалисты Московской телекоммуникационной сети читают специальные курсы, в которых рассказывается о том, что делается на практике. Кроме того, МГТС заключает договора на подготовку специалистов на коммерческой основе. Если это дети сотрудников, то их обучение оплачивается МГТС и после окончания учебы выпускники принимаются на работу на предприятие.

Таким образом, основными направлениями современного корпоративного образовательного процесса следует считать: во-первых, обучение менеджерского состава компании всех уровней и подготовка кадрового резерва, во-вторых, подготовка молодых специалистов, в-третьих, повышение квалификации сотрудников непосредственно занятых в производстве. Корпоративные университеты, как система внутрифирменной подготовки кадров заняли нишу прикладного инженерного образования, которое практически выпало из современной системы государственного профессионального образования.

Подготовка профессиональных кадров ведется на всех образовательных уровнях – начальном, среднем специальном, высшем и послевузовском. Так, имеют собственные (корпоративные) курсы повышения квалификации: для рабочих, имеющих диплом об

окончании ПТУ, лицей (НПО) – в среднем 8,0% обследованных предприятий и компаний, для специалистов, имеющих диплом об окончании техникума, колледжа (СПО) – 8,5%, для специалистов, имеющих диплом об окончании вуза (ВПО) – 8,5%, для рабочих, имеющих полное или неполное общее образование – 22,3% предприятий и учреждений⁷.

Особенно велика доля предприятий, в которых созданы корпоративные образовательные учреждения по переподготовке и повышению квалификации специалистов и квалифицированных рабочих, в Санкт-Петербурге, Центральном Черноземье, Поволжье, Волго-Вятском, Уральском и Восточно-Сибирском районах; на предприятиях тяжелой промышленности и в финансовых учреждениях.

Из числа тех предприятий и учреждений, у которых нет собственной базы полного цикла профессионального образования специалистов и квалифицированных рабочих, собираются создать курсы для персонала, имеющего диплом об окончании учреждения НПО – 1,8%, диплом об окончании учреждения СПО – 0,6%, диплом об окончании вуза – 0,9%. Значительно больше доля тех предприятий, которые собираются создать курсы повышения квалификации – 14,2%.

Имеющаяся у предприятий и компаний собственная база полного цикла профессионального образования удовлетворяет их собственные потребности в восполнении дефицита квалифицированных кадров: имеющих диплом об окончании учреждения НПО – в среднем на 55,9%, имеющих диплом об окончании учреждения СПО – в среднем на 68,9%, имеющих диплом об окончании вуза – в среднем на 71,2%. Данные показатели практически во всех отраслях промышленности особенно велики в Москве, Санкт-Петербурге, Поволжье, на Северном Кавказе, на Урале и на Дальнем Востоке (см. таблицы 1 и 2).

Вопрос эффективности корпоративного образования является наиболее важным. Для предприятия, которое направляет на обучение своих сотрудников, подобным критерием является рост прибыли, повышение конкурентоспособности и темпов роста капитализации на фондовом рынке. Не последнее место по значимости составляет рост социальных выплат и льгот сотрудникам, которые, опять-таки, напрямую связаны с общими экономическими показателями эффективности. Как правило, для сотрудника, который направляется на учебу, первичным показателем эффективности является карьерный рост и повышение заработной платы. С достижением этих показателей обычно и связана мотивация к учебе. Однако в зависимости от статуса учащегося мотивация может существенно изменяться. Так, к примеру, в исследовании внутрифирменного образования российских филиалов крупной международной компании выявились значительные различия по группам высшего и среднего состава менеджеров (см. таблицу 3).

Особенность современного ведомственного и корпоративного образования в России состоит в том, что объективно оценить его результативность достаточно сложно. В международной практике при выборе образовательной программы потребитель ориентируется на рейтинг поставщика и, как следствие, на ожидаемое повышение к зарплате и карьерный рост. Так, по нашим расчетам на основе данных RLMS-HSE, в течение первых двух лет после получения дополнительного профессионального образования зарплата российских работников растет обычно на 10-20% быстрее, чем у необучавшихся. Именно поэтому авторитетные мировые рейтинги основаны в первую очередь на показателе роста зарплаты после получения образования. В России такой рейтинг создать проблематично. Реальное вознаграждение работников с учетом значительной доли «серой» зарплаты определить почти невозможно, соответственно и об эффек-

⁷ Данные ФГУП «Центр социологических исследований» Минобрнауки РФ (2011). Рук. – Ф.Э. Шереги.

Таблица 1. Насколько собственная корпоративная база профессионального образования удовлетворяет потребностям предприятия (компании) в подготовке кадров (по регионам), %

Уровень подготовки специалистов и квалифицированных рабочих	Москва	Санкт-Петербург	Поволжский	Северо-Кавказский	Уральский	Дальневосточный
ПТУ, лицей (НПО)	90,0	48,3	31,8	70,0	56,7	40,5
Техникум, колледж (СПО)	90,0	57,5	52,5	78,0	59,1	50,5
Вуз (ВПО)	87,5	55,6	61,7	68,0	76,3	0,0

Таблица 2. Насколько собственная корпоративная база профессионального образования удовлетворяет потребностям предприятия (компании) в подготовке кадров (по отраслям), %

Уровень подготовки специалистов и квалифицированных рабочих	Отрасль				
	Легкая промышленность	Тяжелая промышленность	Сфера услуг	Строительство	Бюджетные учреждения
ПТУ, лицей (НПО)	70,0	40,5	63,3	73,0	46,3
Техникум, колледж (СПО)	70,0	62,7	70,8	78,2	63,3
Вуз (ВПО)	60,0	80,8	67,4	67,5	76,7

Таблица 3. Мотивы участников корпоративного обучения компании Japan Tobacco Int. (российские филиалы), %

Мотивы/занимаемая позиция	Решение руководителя	Желание обсудить проблемы с коллегами	Желание повысить свою компетентность	Желание сменить обстановку
Высшее управленческое звено	0,0	42,9	57,1	0,0
Среднее управленческое звено	35,5	5,0	40,0	20,0
% от общего числа участников ДПО	29,8	10,6	42,6	17,0

тивности образования можно судить лишь косвенно. Но, с другой стороны, прямые инвестиции бизнеса в образование позволяют отвлечься от уровня «непрозрачных» зарплат сотрудников и установить контроль за соотношением размеров инвестиций и прибылей предприятий. Если данное соотношение имеет положительную динамику, и она устраивает бизнес-структуру, то это достаточно надежный аргумент за высокий рейтинг образовательной программы.

В отношении же такого критерия как переход корпоративного университета к самокупаемости и прибыльности мнения разделяются. Большинство экспертов считают, что переход на самокупаемость и самофинансирование в конечном счете отрицательно скажется на качестве обучения персонала, поскольку образовательная структура будет решать собственные задачи по обеспечению прибыльности и доходности.

В целом же, учитывая современный этап становления и развития российского корпоративного образования, понимание его экономической эффективности достаточно размыто. Менеджеры обычно соглашались с необходимостью обучения персонала, однако размер вложений может сильно варьироваться. По сути, каждое предприятие и компания по-своему решают вопрос о соотношении аутсорсинга и образования, иначе говоря, о соотношении числа тех, кого следует обучить и тех, кого выгоднее нанять со стороны.

Определенного внимания заслуживает показатель текучести кадров. Практически все эксперты не считают снижение текучести кадров прямым результатом корпоративного образования. Это связано с тем, что существование самой системы внутрифирменного обучения связано не столько с проблемами удержания кадров на рабочих местах, сколько с повышением их профессионального потенциала в целях развития компании. Эксперты обратили внимание на наличие определенной взаимосвязи между обучением персонала и уровнем текучести. Причем, эта взаимосвязь имеет два аспекта. Соглас-

но одному – обучение персонала может способствовать текучести, если конкурирующее предприятие проявит заинтересованность в привлечении такого сотрудника на свое производство. Но с другой стороны, повышая квалификацию отдельного сотрудника, компания инвестирует в его человеческий капитал, способствует его внутреннему карьерному росту.

Внутрифирменный учебный процесс

Уже отмечалось, что корпоративное образование во многом зависит от соотношения долей общих и специальных знаний в содержании занятий. Речь, разумеется, идет не об общеобразовательных предметах, а о тех знаниях, навыках, технологиях, которые применяются на предприятиях отрасли (крупной кампании) или же имеют узкое, эксклюзивное применение только на конкретном предприятии. Понятно, что ценность узкого специалиста для предприятия выше, чем работника с массовой специальностью. Так, например, при подготовке управленцев высокого уровня для волжского каскада гидроэлектростанций доля специальных знаний, связанных с особенностями основной деятельности кампании, не превышает 20%. Однако если речь идет о подготовке специалистов, занятых в конкретных (отраслевых) технологиях, то объем специальных знаний достигает 80%. В этих случаях корпоративный университет может трансформироваться в самостоятельный факультет или институт. Понятно, что управляющий более мобилен на вне-отраслевом рынке труда, хотя узкий специалист всегда будет востребован внутри самой компании.

Интересный пример актуальности узкоспециальных знаний наблюдается в ОАО РЖД. Здесь, в связи с вводом в эксплуатацию локомотивов нового поколения, оборудованных современными цифровыми технологиями управления, возникла потребность в переподготовке большого количества инженеров, ремонтников, машинистов. Как правило, обучающиеся направляются в дорожную школу или базовое депо, которые могут находиться за несколько сотен километров от основного места работы. После ее окончания и получения новых знаний специалист не всегда возвращается на прежнее место работы, а чаще переводится (с предоставлением ведомственной жилой площади или льготной ипотеки) в другие депо, где организует ремонт и эксплуатацию новых поступающих локомотивов. Так, через обучение, обеспечивается внутрифирменная мобильность кадров.

Особенно важным направлением деятельности корпоративного университета является подготовка и повышение квалификации менеджеров с учетом специфики кампании. Требования к управленческим кадрам в современной конкурентной среде кардинально отличаются от того, что было раньше. К пониманию перспективности подготовки управленцев именно внутри компании корпорации приходят постепенно. На развитие этого процесса влияют и такие факторы как стабильная макроэкономическая ситуация (позволяет инвестировать средства в сферы образования и исследований) и укрупнение предприятий (создание холдингов), которое вызывает необходимость унификации управления на предприятиях, расположенных в различных регионах страны и представляющих, часто, различные сектора экономики. Обучение менеджеров происходит на самом разном уровне, от линейных руководителей нижнего звена (бригадиров, мастеров) до подготовки кадрового резерва высшего менеджмента предприятий. Повышение квалификации высшего менеджмента обычно находится в руках самих топ-менеджеров, поскольку они и так достаточно квалифицированные

специалисты (несколько высших образований, МВА, большой опыт). Им уже не нужно преподавание первичных навыков менеджмента, повышение квалификации может происходить неформально, непосредственно на рабочем месте. Необходимые специфические новые знания и навыки они получают, по большей части, общаясь с коллегами на конференциях, выставках, презентациях. При этом строгая субординация и иерархия в большинстве случаев не позволяет сотрудникам учебного центра, как бы авторитетны они в компании ни были, оценивать высший персонал и давать им советы по повышению квалификации.

Работа по повышению квалификации управленцев ведется сегодня практически во всех учебных центрах. В данном виде образовательной деятельности неважен сектор экономики, в котором работает компания, поскольку основные принципы менеджмента едины во всех сферах. Кроме того, в подобной ситуации (кросс-секторальная работа) значительным образом смягчаются вопросы конкуренции и закрытости информации, которые очень значимы для современных субъектов экономики.

Таким образом, вопрос эффективности инвестиций в корпоративное образование имеет три аспекта.

Во-первых, собственно экономическая эффективность, которая заключается в получении премии по зарплате для работников и прибыли для предприятия, а именно в превышении доходов над расходами. Говоря экономическим языком, инвестиция эффективна тогда, когда приобретаемые выгоды перекрывают издержки - невозвращенные затраты, потери по инфляции и др.

Во-вторых, следует принимать во внимание, что результатом финансовой инвестиции является производство и накопление нематериального человеческого капитала, который со временем опять конвертируется в выражаемые в денежном эквиваленте результаты в виде растущей заработной платы и прибылей. При сравнении таких показателей между собой нагляднее прослеживается эффективность инвестиции⁸. Отличие от первого аспекта заключается в том, что инвестиции в человеческий капитал, производимые корпорациями, имеют экстернальные эффекты, получаемые не только работником и предприятием, но и потенциально другим предприятием, а также обществом в целом.

Третий аспект – инструментальный. Дополнительное образование выступает для других компаний – потенциальных работодателей в качестве маркера, который посредством дипломов, сертификатов, справок и свидетельств отмечает индивидуальные возможности учащихся и перспективность их участия в оплачиваемом профессиональном труде. Очевидно, что для такого «просеивания» – скрининга потенциальных работников – приходится создавать достаточно затратную систему школ, курсов, учебных центров. Впрочем, это не касается тех групп работников, которые претендуют на малопrestижные должности сторожа, дворника, уборщика, билетера, кондуктора, регистратора, диспетчера на домашнем телефоне и т. д.

Корпоративная наука и образование

Весьма важный вопрос – это связь корпоративного образования с научными исследованиями, которые финансируются компанией, и результаты которых находят приложение в технологическом процессе (НИОКР). Обычно, на начальных стадиях развития компании образовательные и научные подразделения организационно никак не связаны. Круп-

⁸ Диденко Д.В. Финансирование российского образования и науки: роль институциональных секторов экономики // Финансовый журнал. – 2014. – № 1. – С. 111-122.

нейшие компании создают собственные научные центры в силу того, что знания для них становятся важным фактором конкурентной борьбы. Как только данное обстоятельство начинает осознаваться руководством, встает вопрос о людях, которые способны к проведению соответствующих исследований. Подготовка кадров, способных к такой деятельности становится одним из приоритетных направлений корпоративного образования.

Не вызывает сомнений, что развитие корпоративной науки позволяет предприятию поддерживать высокую степень конкурентоспособности. Идеология и форма ведомственных научно-исследовательских структур коренным образом отличаются от бывших советских отраслевых институтов. Основное отличие состоит в закрытости исследований, которыми занимаются корпоративные научные центры, вне зависимости от самого предмета исследования и разработки. Дело заключается в том, что информация и научные результаты становятся конкурентным преимуществом каждой компании, которая стремится хранить их в тайне от других. Вся стратегия развития компании строится на ее ресурсной базе, а последняя формируется на основе научных изысканий (НИОКР). Источники НИОКР и расходы по ним представлены в таб.4.

Размер выделяемых средств на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР) – важный показатель конкурентоспособности компании. Так, к примеру, в Газпроме и РАО ЕЭС ежегодно в корпоративную науку инвестируется более 1 млрд долл. Это считается оптимальным уровнем для компаний такого масштаба. В более мелких компаниях структура расходования бюджета научных исследований выглядит следующим образом (см. табл. 5).

НИОКР справедливо относят к инновационным направлениям развития компаний. Об их эффективности принято судить по двум показателям. Первый – это суммарная стоимость НИОКР приходящаяся на каждого сотрудника компании. Второй – удельный вес доходов от НИОКР в общих доходах компании. Как правило, эти показатели закрыты для сторонних экспертов, однако косвенными методами можно оценить эти величины. Такие методики используют аналитические агентства, которые по заказу конкурентов могут определить вероятную перспективность новых разработок и технологий на соответствующем сегменте рынка.

В связи с этим просматривается новая и принципиально важная тенденция. Она состоит в том, что подготовка научных кадров, традиционно считавшаяся прерогативой государства (ведь достижения науки составляют предмет национальной гордости), постепенно переходит к корпорациям. У крупных компаний возникает интерес к подготовке собственных научных кадров, если не с «нуля», (с этим неплохо справляются ведущие вузы), то начиная с определенного уровня, где требуется специализация в профильной для компании области. Это может быть уровень магистра или выше, если говорить о преемственности государственного и корпоративного образования. Но чаще эта подготовка происходит в конструкторском бюро, лаборатории, проектном или исследовательском институте, содержащемся на средства корпорации. Именно с этим связывают развитие и внедрение технологических и высокотехнологических (интеллектуалоемких) инноваций в современные экономические отношения.

Начиная с 2010 года, крупные госкорпорации приняли и исполняют программы инновационного развития, предусматривающие значительное расширение расходов на НИОКР. При этом происходит концентрация ресурсов на так называемых драйверах раз-

⁹ Г.В.Осипов, М.Н.Стриханов, Ф.Э.Шереги. Взаимодействие науки и производства: социологический анализ. Часть 1. М.: Институт социально-политических исследований, 2014, сс.141-143.

Таблица 4. Источники финансирования НИОКР в корпорациях, %⁹

	Федеральный бюджет	Местный бюджет	Российский грант	Иностранный грант	Коммерческий заказ (хоздоговора)	Спонсорские поступления
Доля от поступлений	30,3	2,5	1,2	0,1	65,7	0,2

Таблица 5. Структура расходования бюджета научных исследований в корпорациях, %

	Фонд оплаты труда	Обеспечение НИОКР	Отчисления корпорации	Прочие удержания (налоги)
Доля расходов	30,3	15,4	41,2	13,1

вития (Centers /Points of excellence) и прорывных научных направлениях. Такие Центры развития корпораций представляют собой подразделение (или группу подразделений), которое ведет научные исследования и разработки в прорывных областях знаний и технологий, располагает при этом уникальными материально-техническими, интеллектуальными и кадровыми ресурсами. Деятельность центра отличается особенно высокой результативностью и качеством создаваемого продукта. Как правило, такие центры являются национальными (иногда – мировыми) лидерами в одном или нескольких направлениях науки и технологий и одновременно служат звеном трансфера технологий от переднего края исследований к национальным компаниям и лабораториям.

Важным компонентом внутрифирменного образования является корпоративная этика – обучение манере поведения, которое принять в данной компании. К настоящему моменту почти все крупнейшие отечественные компании приняли этические кодексы, в которых сформулированы основные положения корпоративной морали и системы ценностей. Подобный кодекс содержит перечень основных принципов, которыми должны руководствоваться работники корпорации всех уровней. Здесь же определяются принципы делегирования полномочий, участия в конкурентной борьбе, делового партнерства, отношения к информации (коммерческой тайне), корпоративного поведения и имиджа сотрудников. Особое внимание уделяется предотвращению ситуаций, когда возникает несоответствие личного интереса сотрудника и интереса корпорации или же появляется возможность использования служебного положения в личных целях.

С точки зрения образовательных технологий, изучение системы корпоративных ценностей происходит неформально, в процессе выполнения ежедневных обязанностей. Не последнюю роль играют и специально созданные комиссии по этике, которые разрешают наиболее сложные случаи применения кодекса корпоративной этики и чьи решения, затем, широко распространяются среди сотрудников компании. Наконец, тексты кодексов, как правило, выставлены на сайтах компании и доступны каждому интересующемуся.

Следует отметить и такую важную особенность, как наличие определенного социального эффекта корпоративного образования. Действительно, с одной стороны развитие корпоративных форм обучения связано с решением задач бизнеса по повышению его эффективности и развития. Тем не менее, социальная составляющая корпоративного образования заключается, как уже отмечалось выше, в формировании рынка высокопрофессиональных специалистов, производстве и накоплении человеческого капитала.

Несмотря на очевидные преимущества корпоративного образования, необходимо понять аргументы противников, которые считают, что профессиональной подготовкой должны заниматься действующие вузы и университеты, а не предприятия. Критическое отношение к корпоративному образованию основывается, как правило, на признании возможностей нарушения прав и интересов учащихся. Корпоративные уни-

верситеты, как правило, непрозрачны для государства и общественности в отличие от «обычных» учебных заведений. Другой аргумент – это сильные сомнения в необходимости узкой специализации (за счет более общих и, соответственно, легче конвертируемых знаний), которой подвергается корпоративный учащийся и появляющаяся привязанность к конкретному технологическому процессу. Критикуется также запрограммированный характер обучения, при котором какое-либо отклонение от программы, индивидуализация учебного процесса, становятся невозможными. Кроме того, в угоду высокооплачиваемому профессионализму нередко приходится жертвовать общим образованием и моральными установками, поскольку корпоративные ценности далеко не всегда совпадают с общепринятыми, включая семейные, религиозные, гражданские. Как отмечает один из экспертов: «В корпоративном образовании людей учат действовать по привычке. Здесь, как правило, поощряется не думающий учащийся, способный к изменениям и росту, а нерелексирующий конформист. Едва ли выпускники корпоративного университета смогут применить полученные знания с целью социальных преобразований или изменить привычный образ жизни и мышления»¹⁰.

Самый «сильный» аргумент критиков заключается в том, что корпорации «снимают сливки» и обучают по тем специальностям, где эффективность инвестиций наиболее высокая. При этом на откуп государству остаются такие низкорентабельные (с точки зрения частной отдачи от высоких общественных затрат на подготовку) и массовые профессии как учитель, врач, рабочий средней квалификации и т. д.

Однако, несмотря на критику, корпоративное образование успешно расширяет свои возможности и масштабы. Сегодня в большинстве экономически активно развивающихся стран прирост участвующих в образовании связан, в первую очередь, с потребностями профессиональной деятельности, а не общего развития и повышения эрудированности¹¹. Поэтому следует ожидать, что подготовка и переподготовка кадров за счет средств работодателя будет определяться все-таки потребностями рынка, а субъективные пожелания учащихся или, как говорят, их «образовательные траектории» будут учтены лишь в той степени, в которой они соответствуют этим потребностям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Диденко, Д.В. Финансирование российского образования и науки: роль институциональных секторов экономики [Текст] / Д.В. Диденко // Финансовый журнал. – 2014. – № 1. – С. 111-122.
2. Корпоративные университеты в российской и зарубежной практике [Текст]. – М.: Ассоциация менеджеров России, 2002. – С. 8.
3. Осипов, Г.В. Взаимодействие науки и производства: социологический анализ. Часть 1 [Текст] / Г.В. Осипов, М.Н. Стриханов, Ф.Э. Шереги. – М.: Институт социально-политических исследований, 2014. – С. 141-143.
4. Чумаков, А.Н. Глобализация: контуры целостного мира [Текст] / А.Н. Чумаков. – М.: Проспект, 2005.
5. Gutowski, J. Corporate Education [Text] / J. Gutowski. – PublishAmerica, 2010. – 542 p.
6. Rademakers, M. Corporate Universities: Drivers of the Learning Organization [Text] / M. Rademakers. – Routledge, 2014. – 170 p.
7. Not just the economy: Public value and adult learning [Text] / C. Flint, C. Huges, (Eds.) ; ed. by National Institute for Adult and Continuing Education, Leicester: NIACE, 2009.

¹⁰ Not just the economy: Public value and adult learning / Ed. by C. Flint, C. Huges; National Institute for Adult and Continuing Education. NIACE. – Leicester, 2009.

¹¹ Fengliang Li, W. John Morgan, Xiaohao Ding. The expansion of higher education, employment and over-education in China / International Journal of Educational Development 28 (2008): 687–697.

А.П. Карпов

ДИАЛОГ СОЦИОЛОГИИ И ОБЩЕСТВА: ВОЗМОЖНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОЙ НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

*Невежество – это демоническая сила, и мы опасаемся,
что оно послужит причиной ещё многих трагедий.
К.Маркс [Маркс, 1954:112]*

Опасения Маркса, высказанные им более 170 лет тому назад, оправдались неожиданным образом: постигшие с тех пор мир трагедии отнюдь не стали результатом «невежества» из-за пренебрежения рациональным научным знанием. Скорее наоборот – они происходили на фоне впечатляющих достижений науки и техники, развития массового образования, улучшения материальных условий жизнедеятельности людей. И неудивительно, что адептов идеалов Просвещения, прогресса, науки, знания постигло горькое разочарование. «Я ожидал прогресса мира, а не войны, бескровного преобразования общества, а не кровавых революций, ... дальнейшего совершенствования демократии, а не авторитарных диктатур, – резюмировал П.А.Сорокин в 30-х годах XX столетия, – я ожидал усиления роли науки, ... всестороннего развития человека, а не возврата его в состояние варварства» [Сорокин,2006: 25].

Мы знаем, каков был ответ Сорокина на этот вызов: он создал... новое знание – грандиозную теорию социокультурной динамики, подчиняющейся ритмам циклических изменений в человеческих поисках истины, добра и красоты. И это был ответ вполне в духе Просвещения – того самого, девиз которого был сформулирован еще Кантом: «Sapere aude! – имей мужество пользоваться собственным умом!». Потому что «Просвещение – это выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине». То есть такого несовершеннолетия, которое «имеет причиной не недостаток рассудка, а недостаток решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого» [Кант,2014].

Спустя 200 лет и после пережитых трагедий XX века Мишель Фуко, анализируя сказанное Кантом, напишет в 1984 году: «Не знаю, станем ли мы когда-нибудь взрослее. Многие в нашем опыте убеждают, что историческое событие Просвещения не сделало нас совершеннолетними, – и мы все еще ими не стали». Но именно эта «незрелость» воспроизводит современность Просвещения: актуализирует его глубинную установку на само-

познание и «постоянную критику нашего исторического бытия». «Принцип самокритики и постоянного автономного самосозидания – ... сердцевина исторического самосознания Просвещения». «Не знаю, – заключает Фуко, – нужно ли сегодня напоминать, что критическая работа и поныне включает в себя веру в Просвещение...» [Фуко, 1999: 149].

Сегодня, уже в XXI столетии, мы можем определенно ответить – да, напоминать нужно. Тем более, что новый этап кризиса «выхода из несовершеннолетия» отличается не меньшими потрясениями, чем предыдущие. Эпоха «постмодерна» («постсовременности») принесла, по мнению его адептов, очередное «крушение» надежд на «освобождение» и «истину», оказавшимися на деле «мифами», и как результат – к утрате доверия к прежним устоям общества периода «модерна» [Социология. Основы..., 2008: 706-707]. Глобальный экономический кризис рубежа «нулевых» и «десятих» заставил уже политиков говорить о том, что он носит «системный» характер: «это зримое проявление перехода в новую культурную, экономическую, технологическую, геополитическую эпоху. Мир вступает в зону турбулентности» [Путин, 2012].

«Турбулентный социум» и «турбулентное общество» стали ориентирами и в теоретических поисках социологической науки [Ядов, 2012: 4]. При этом международное социологическое сообщество вновь обращается к испытанному и грозному орудию исторического Просвещения – критике: «критическому пересмотру существующего социологического знания» и «реконфигурации связи между кризисом и критикой». Как следствие, попытка рецепции идейного наследия Просвещения – гуманизма, переосмысленного в виде нового «гуманистического поворота в социологии» [Кравченко, 2014: 111, 123].

Глобальные вызовы новой исторической эпохи локализуются в специфических культурно-исторических контекстах, продуцирующих свои узловые проблемы и направления выхода из общей кризисной ситуации. Не секрет, что «ахиллесова пята» России – это проблемы идентичности и самопознания, всегда привносившие особую остроту в выборе путей на переломных этапах исторического развития. В этом контексте современный кризис социологического знания и его разрешение становятся критически важными для России, своего рода «точкой бифуркации» в переходе к новой социальной реальности. Возрастает роль поисковых форм познавательной деятельности, работы социолога «на земле», обратной связи с наблюдаемыми им объектами.

С другой стороны, сам человек – субъект турбулентного социума, нуждается в устойчивых ориентирах-знаниях, направляющих его усилия по упорядочиванию жизненного пространства. Лишним подтверждением этого является развернувшаяся на наших глазах новая образовательная революция, ведущим трендом которой выступает массовое стремление российской молодежи к высшему образованию. По существу, мы являемся свидетелями качественного сдвига в ценностных ориентациях постсоветских поколений, выбирающих высокопрофессиональное знание как решающее условие успешной интеграции в общество. Как представляется, здесь присутствует еще одно сильное побуждение – к свободе выбора собственной жизненной стратегии и тактики, невозможной без высокого уровня образования. Если это так, то такая свобода необходимо включает в себя мотив социального участия как способа самовыражения и реализации возможности самим определять свою роль в обществе.

Пожалуй, именно этот мотив способен стать основой для действий по организации встречи социологии и общества на различных диалоговых площадках. Как мы видим, в этом диалоге заинтересованы обе стороны, и важно то, что он получает предметно очерченную проблематику.

Значительную часть этой работы может взять на себя общественное научное просвещение, сохраняющее приверженность принципам «исторического Просвещения»¹, но опирающееся на новые возможности «информационного общества». Немаловажно и то, что общественные просветительские проекты политически неконъюнктурны и в силу этого являются удобной «площадкой» для встречи представителей разных знаковых систем (власти, экспертов, гражданского общества) с профессиональными социологами и молодежью, что обуславливает их высокий эвристический потенциал.

Следует также учитывать, что всплеск просветительской активности, как подсказывает нам История, всегда связан с крупными общественными трансформациями (достаточно вспомнить советскую «перестройку»). Здесь просвещение, выражая «интерес эпохи», берет на себя функцию «обкатки» в общественном сознании больших идей-проектов, создавая когнитивные предпосылки понимания и принятия обществом политики назревших перемен. Именно этим путем пошли организаторы общественного научно-просветительского проекта «Модернизация и инновационное развитие в мире и в России: теория и практика» в Чувашской Республике, откликаясь на выдвинутую президентом РФ Д.А.Медведевым идею модернизации России [Медведев, 2009].

Примечательно, что возглавил проект профессиональный социолог, а его учредителями выступили Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, Национальная библиотека Чувашской Республики, Фонд поддержки социальных и культурных программ «Чувашия». Куратором проекта выступил Совет по стратегическому развитию Чувашской Республики – консультативный орган при администрации президента Чувашской Республики. Таким образом, в проекте соединились интересы власти, высшей школы, социологии, просветительских учреждений и общественности.

Цель проекта формулировалась как «формирование основ знаний о модернизации и инновационном развитии... и на этой основе - мотивации активного участия граждан в развитии институтов модернизации, культуры гражданского участия, ответственности и самоорганизации» [Положение..., 2010]. Основной формой его реализации был выбран интерактивный семинар с открытым интернет-доступом при участии «ведущих зарубежных и отечественных ученых, экспертов и специалистов в области проблем модернизации и инновационного развития». А местом проведения – Национальная библиотека, профессионально занимающаяся просветительской деятельностью, обладающая для этого необходимыми организационно-техническими возможностями и, что немаловажно, объединяющая сообщество читателей, ориентированное на эпистемологические ценности.

В течение 2010 года было проведено четыре плановых заседания семинара, круглые столы, дебаты и интернет-конференции. Ведущими экспертами выступили В.А.Красильщиков (ИМЭМО РАН) и В.Л.Иноземцев (Центр исследований постиндустриального общества). Они возглавили жюри итогового для молодежной аудитории проекта конкурса эссе «Модернизация и я: почему стране нужна модернизация, что я знаю о ней, и в чем состоит мое участие?» [Модернизация и мы, 2010].

Открытость проекта (характерная для просветительской деятельности) обусловила переменный состав участников. Костяк составили студенты и аспиранты чебоксарских вузов (около 60 чел.- 26% всех совокупных участников), работники и читатели библи-

¹ Здесь и далее феномен «Просвещения» понимается нами в контексте сказанного о нем Кантом и Фуко. «Общественное просвещение» («просветительская деятельность», «просветительские проекты») в современную эпоху – это общественная деятельность по распространению знаний и научной информации вне сложившихся систем массовых и институализированных форм образования.

отечной сети республики (55 чел. - 24%)², принимавшие участие фактически во всех мероприятиях проекта. Тематические заседания собирали целевые аудитории: представителей регионального бизнес-сообщества (50 чел. – 22%), группы ИТР (20 чел. – 7%), профессорско-преподавательского состава вузов (45 чел. – 19%). Работа семинара освещалась в региональных средствах массовой информации, привлекла внимание участников социальных интернет-сетей.

В целом проект выполнил классическую миссию «просветления» сознания региональной общественности о теоретическом и практическом опыте модернизации. Об этом говорят итоги прошедшей в апреле 2011 года Всероссийской научно-практической конференции по проблемам модернизации России [Проблемы модернизации..., 2011]. Однако сверхзадача проекта – когнитивная мобилизация заинтересованных групп вокруг идей модернизации – осталась нерешенной.

Впрочем, этого не удалось добиться и на федеральном уровне. Как оказалось, модернизация сегодня – это всего лишь постмодернистский симулякр той, действительно реальной, модернизации эпохи индустриализма. «Большие идеи» прошедшей эпохи не могут вдохновить общество на перемены, ведущие в будущее. Оно, как представляется, связано с другими ценностями – свободы выбора и индивидуального самовыражения, способными мотивировать решение задач «когнитивной мобилизации».

Эти выводы способствовали изменению формата проекта. Необходимо было усилить его диалоговый характер, в большей мере «социологизировать» методы его работы. В результате, в Чебоксарах в апреле 2013 г на базе Национальной библиотеки Чувашской Республики начала работать «Публичная школа социального знания и общественной практики». В открытии Школы принял участие президент Российского общества социологов В.А.Мансуров [Публичная школа..., 2013].

На этот раз в основу программы Школы были положены пожелания самих слушателей. Для этого была использована методика интеллектуальной игры ТРИЗ («теории решения изобретательских задач»). Разбившись на группы, участники организационного собрания Школы формулировали и составляли поэтапные рэнкинги наиболее актуальных вопросов и проблем, которые им хотелось бы обсудить на занятиях в Школе. В итоге список проголосованных и защищенных позиций приобрел следующий вид (см. таблицу).

Из 14 вопросов конечного рэнкинга большинство из сделанных выборов (всего 256) получили те, которые могут дать знания о достижении социального благополучия (успеха) в жизни (136 выборов=53%). Это вполне классический набор знаний о достижении материального достатка, власти, профессиональной состоятельности, репутации, семейной и личной самодостаточности (позиции №№ 6, 7, 10, 11, 13, 14). Личность и личностные качества (в том числе коммуникативные способности), сохранение собственной индивидуальности – второй по важности блок знаний (75 или 29% всех выборов), востребованных участниками проекта (позиции №№ 1, 2, 5, 8, 12). Наконец, знания об обществе, его системных проблемах (позиции №№ 3, 4, 9), где отдельно выделен «конфликт родителей и детей», также попали в повестку дня занятий Школы (45=18%).

Результаты рэнкинга определили первую тему обсуждения: «Как стать успешным в России?» [Как стать..., 2013]. Здесь был использован метод групповой дискуссии (открытых дебатов), который был взят за основу при организации последующих занятий в Школе. Охарактеризуем на данном примере основные принципы организации диа-

² Большинство районных и городских библиотек Чувашии заведено в единое информационное интернет-пространство.

Таблица. «Хочу знать» (вопросы, сформулированные и отобранные слушателями для обсуждения на занятиях в Школе), n=50 чел.

№ позиции	Содержание вопроса (в редакции слушателей)	Число выборов, чел.	%*
1	Что необходимо для творческой самореализации	6	18
2	О становлении себя как личности в обществе	10	20
3	Как выжить в стране криминала, коррупции и вседозволенности	12	24
4	Как решать проблемы межнациональных и межрасовых конфликтов	12	24
5	Как добиться ясности и четкости в передаче информации	14	28
6	Как добиться уважения в обществе	14	28
7	Как сделать репутацию и как ее использовать	15	30
8	Как не потерять уникальность и собственное «Я» в этом обществе	17	34
9	Как решать конфликт родителей и детей	21	42
10	Как найти свое место в жизни, т.е. успешно совместить карьеру, семью, личное пространство	22	44
11	Как начать работу в выбранной профессии, не имея при этом стажа	26	52
12	Как развить речевые способности	28	56
13	Как стать успешным руководителем	29	58
14	Как достигнуть желаемого материального достатка	30	60
	Всего	256	

*Сумма выборов (ответов) превышает 100%, так как каждый слушатель мог выбрать несколько позиций.

логовой площадки при этом методе. Очной встрече на занятии в Школе предшествовал анкетный опрос, который помог более отчетливо выявить позиции слушателей Школы, сформировывать группы единомышленников (команды), которые получили возможность выступить с консолидированной позицией (презентацией) и вступить в диалог с другими группами. Острые выступления и перекрестные вопросы команд друг другу сформировали основное поле дискуссии.

Всегда ли успех связан с богатством? Можно ли связывать успешность и лидерство: лидеры – это успешные люди, а исполнители нет? Как относиться к явным гендерным различиям: мужским и женским моделям успеха? Наконец, надо ли разделять состояния успеха и счастья? Таковы были основные группы вопросов, ответы на которые пытались получить участники занятия.

Метод групповой дискуссии предполагает участие экспертной группы. Она была представлена социологами-преподавателями вузов, выступившими в роли консультантов (тьюторов) команд, и практиками – людьми категории «а self-made man». Последние представили реалистический взгляд на успех и в качестве «вип-экспертов» получили право отмечать сильные и слабые стороны представленных стратегий успешности.

Вот некоторые выводы, сделанные ими из собственных «биографий успеха». Формула успеха включает индивидуальный энергетический потенциал (различный у разных людей), трудолюбие и неустанное движение вперед, уравнивающие шансы (профессор Н.П. Паштаев, генеральный директор чебоксарского филиала «МНТК «Микрохирургия глаза»). Успех не сводится к деньгам. Цели важны, но они могут меняться, а вот принципы – нет. Главное – стремиться к собственному гармоничному развитию, обогащать свои знания, постоянно заниматься самообразованием (А.В. Постаногов, генеральный директор интернет-компании «Etherway»).

В завершающей части занятия участники резюмировали проведенную работу в форме коротких выводов. Полезность, креативность, новизна - лейтмотивы прозвучавших высказываний. И на последующих занятиях данная методика показывала похожие результаты и в целом оказалась наиболее релевантной целям и характеру проекта.

Как представляется, в этом проявилась одна из существенных сторон общественной научно-просветительской деятельности и проводимых в ее рамках занятий, не являющихся учебными. При отсутствии формально оцениваемых познавательных действий интеллектуальная игра в форме группового состязания, дискуссия и партнерский диалог с экспертами успешно замещают механизмы внешнего контроля и власти учителя над учащимися. А добровольность участия и режим свободного посещения просветительских занятий намного повышают заинтересованность и индивидуальную ответственность слушателей за конечные результаты совместной работы.

По существу просветительские проекты рассматриваемого типа содержат элементы, по крайней мере, двух актуальных форм современного образования: неформального (в виде самостоятельного определения слушателями тем и проблем занятий, а также значительной роли тьюторов и экспертов) и в большой мере информального (акцент на самоподготовку и использования интернет-технологий). Это неизбежно ведет к смешанному составу участников: в нем формируется постоянное «ядро» и переменная «периферия». Последних привлекали открытые лекции, панельные дискуссии, круглые столы и другие традиционные формы научно-просветительской работы. С группами «ядра» проводились занятия по описанной выше методике. Всего в Школе на прошедших в период с апреля 2013 по июнь 2014 года 22 мероприятиях присутствовало более 500 чел., из них постоянное зарегистрированное количество слушателей составило 64 чел. В их число вошли студенты и аспиранты чебоксарских вузов, члены молодежного парламента Чебоксарского городского собрания депутатов, евразийского движения молодежи и других молодежных организаций.

Опыт проведенных проектов еще раз подтвердил базовую роль библиотек в общественной научно-просветительской деятельности. В настоящее время эти профессиональные просветительские учреждения оснащены достаточным набором информационного оборудования, позволяющего им проводить различные просветительские акции на высоком информационно-технологическом уровне. Интернет-технологии создают новый масштаб просветительских проектов. Так, в нашем проекте на их основе была проведена видео-конференция с социологами Санкт-Петербургского государственного университета.

Вместе с тем, проекты обнаружили пределы он-лайн технологий (преобладание количественных эффектов) и возросшую потребность в живом диалоге, непосредственном интеллектуальном общении, удовлетворении познавательных интересов в контакте с «именами» и личностями (ориентация на качественные результаты).

Данное обстоятельство напрямую связано с пространством поисков социологической науки. Встреча с мотивированными участниками познавательной деятельности и собственное участие в процессе создают сильный импульс для обновления знаний, методов, представлений. «Ведь впечатления, которые получаешь от разговора в поле... гораздо убедительнее, чем анализ, статистика и всё такое» (В.А. Ядов) [Круглый стол..., 2014: 13]. Это вдвойне верно для «поля» просветительских проектов. Похоже, что исторический призыв Роберта Парка «идите и испачкайте ваши руки» [Роберт Парк, 2014] наполняется новым смыслом: создавайте и участвуйте в просветительских проектах.

Подытоживая сказанное, подчеркнем главное – общественные научно-просветительские проекты возможны и жизнеспособны. Конечно, сделаны лишь первые шаги по длинной дороге, ведущей к цели: организации полноценной диалоговой и социологически ориентированной просветительской площадки с задачами эпистемологического и социального характера. Но уже первые результаты свидетельствуют о перспективности диалога социологии и общества на этой площадке.

Просветительство продолжает быть тем общественным движением, которое «просветляет» человека и учит его «saperre aude!» - быть мужественным в свободе собственного выбора, основанного на знании. Это актуально всегда. И особенно необходимо сегодня, когда общество стремится к социальному знанию, отвечающему вызовам нового исторического времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Как стать успешным в России? [Электронный ресурс] // Официальный сайт Национальной библиотеки Чувашской Республики. 2013. – Режим доступа: http://www.nbchr.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=5001
2. Кант, И. Ответ на вопрос: Что такое просвещение. 1784. [Электронный ресурс] / И. Кант // Бим-Бад Борис Михайлович. Официальный сайт. 2014. – Режим доступа: http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=754
3. Кравченко, С.А. Стрела времени: современные вызовы социологическому знанию [Текст] / С.А. Кравченко // Социологическая наука и социальная практика. – 2014. – № 1 (5). – С. 110-124.
4. Круглый стол: «Размышления о научной школе» [Текст] // Вестник Института социологии. – 2014. – № 9. – С. 11-35.
5. Маркс, К. Передовица в № 179 «Kölnische Zeitung» (осень 1843 г.) [Текст] // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. – изд. 2-е. – Т. 1. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1954. – С. 93-113.
6. Медведев, Д. Россия, вперед! Статья. 10.09.2009 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. – 2009. – Режим доступа: <http://президент.рф/news/5413>
7. Модернизация и мы. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Национальной библиотеки Чувашской Республики. 2010. – Режим доступа: http://www.nbchr.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2512
8. Положение об Общественном научно-просветительском проекте «Модернизация и инновационное развитие в мире и в России: теория и практика». [Электронный ресурс] // Официальный сайт Национальной библиотеки Чувашской Республики. 2010. – Режим доступа: http://www.nbchr.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1744&Itemid=1276
9. Проблемы модернизации России: история и современность [Электронный ресурс]: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. А.П. Карпов. – Чебоксары: Издательство Чувашского университета, 2011. – 206 с.
10. Публичная школа социального знания и общественной практики [Текст] // Официальный сайт Национальной библиотеки Чувашской Республики. 2013. – Режим доступа: http://www.nbchr.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=4858
11. Путин, В.В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить. Статья. 16 января 2012 [Электронный ресурс] // Официальный сайт газеты «Известия». 2012. – Режим доступа: <http://www.izvestia.ru/news/511884>
12. Парк, Р. Из речи перед студентами-социологами Чикагского университета [Электронный ресурс] // Официальный сайт Университета без границ. 2014. – Режим доступа: <http://universitetbezgraniz.ru/moodle-upgrade24/course/category.php?id=11>
13. Сорокин, П.А. Социальная и культурная динамика [Текст] / П.А. Сорокин. – М.: Астрель, 2006. – 1176 с.
14. Социология. Основы общей теории [Текст]: учебник / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Норма, 2008. – 912 с.
15. Фуко, М. Что такое просвещение? [Текст] / М. Фуко // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 1999. – № 2. – С. 132-149.
16. Ядов, В.А. Каким мне видится будущее социологии [Текст] / В.А. Ядов // Социологические исследования. – 2012. – № 4. – С. 3-7.

Г.В. Леонидова

Институт социально-экономического развития территорий РАН, г. Вологда

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАСЕЛЕНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ

Стратегическая цель Российская Федерация – выход к 2020 г. на мировой уровень приоритетных исследований и разработок и освоение шестого технологического уклада¹. Достижение цели сопряжено с наличием качественного человеческого потенциала страны, в первую очередь, его интеллектуальной компоненты. Существенное снижение финансирования научного сектора в 1990-е годы повлекло ликвидацию значительной части отраслевой науки. С 1992 по 2010 г. сократился кадровый корпус науки (количество занятых исследованиями и разработками уменьшилось в 2 раза). На 20% уменьшилось количество научно-исследовательских организаций в России, конструкторских бюро стало меньше в 1,4 раза. Кроме того, внушительные потери российская наука понесла в результате миграции интеллектуальных ресурсов в 90-е годы XX в.: масштабы «утечки мозгов» составили около миллиона человек². В воспроизводстве научных кадров образовался большой демографический провал: в развитых странах, например в США, возрастная группа 30-49-летних исследователей составляет 64%, а в РФ – лишь 32%. Вопреки мировой тенденции наращивания интеллектуального потенциала (число исследователей в Китае, например, за эти годы выросло в 2 раза), в России количество занятых в сфере исследований и разработок сокращается.

Важным индикатором, характеризующим степень развитости интеллекта населения стран, служит индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), рассчитываемый под эгидой ООН. По последнему рейтингу стран по ИРЧП (2010 г.) Россия занимает 55 место (в 1990 г. ее позиция была 33-й). Несмотря на положительную динамику, значение индекса не достигло базового уровня. Кроме того, разрыв между мировым лидером (в 1992 г. – Канада (0,982), в 2010 г. – Норвегия (0,955)) и РФ увеличивается (с 0,108 в 1990 г. до 0,167 в 2010 г.). Данное обстоятельство красноречиво свидетельствует, что за годы становления рыночной экономики в России и на современном этапе не было создано действенных организационно-экономических механизмов, способствующих

¹ Основы политики РФ в области развития науки и технологий на период до 2020 года и дальнейшую перспективу: утв. Президентом РФ 11 января 2012 г. № Пр-83

² Римашевская, Н.М. Проблемы качества трудового потенциала в России и его модернизация // Матер. научно-практ. семинара «Трудовой потенциал как фактор устойчивого развития территорий». 16 – 18.12.2010. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2011. – С. 3-10.

эффективному воспроизводству интеллектуального потенциала населения. Сегодня эта проблема выдвигается в государственном управлении на первый план.

А это требует не только актуализации исследования этой проблемы, но и идентификации понятия «интеллектуальный потенциал населения». Современное его содержание – это итог научного осмысления социально-экономической практики ведущих стран мира. В нем аккумулированы важнейшие положения многих теорий, получивших развитие в середине XX века: человеческого капитала, трудового потенциала, экономики знаний и других концепций становления постиндустриального общества. Критический анализ имеющихся определений «интеллектуального потенциала» показал, что общепринятого понятия современной наукой не выработано. Мы выделили три методологических подхода:

- философский, определяющий интеллектуальный потенциал как «некую абстрактную категорию, лишенную способности изменяться во времени, но имеющую изначальную созидательную силу» (Аквинский Ф., Ухтомский А.А., Флоренский П.А. и др.);
- психолого-педагогический, определяющий интеллектуальный потенциал как «способность к обучению, обучаемость» и соотносящий компетентность, инициативу, творчество, саморегуляцию и уникальность склада ума с интеллектуальными качествами личности (Богоявленская Д.Б., Выготский Л.С., Кочетов А.И., Субетто А.И. и др.);
- социально-экономический, при котором авторы, раскрывая сущность исследуемой категории, обращают внимание, прежде всего, на тенденции развития системы образования и науки, и лишь в некоторых случаях на совокупность умственных, творческих, духовных возможностей людей, выражающихся в способности к нахождению уникальных решений для достижения значимых результатов в области науки, техники, технологии, в духовно-нравственной сфере (Левашов В.К., Б.Г. Клейнер, Краюхин Г.А., Лежнина Ю.П., Лещинер Р.Е., Марусинина Е.Ю., Татаркин А.И., Мартынов А.Ф. и др.).

Сущность интеллектуального потенциала населения нами рассматривается через два ключевых понятия – «интеллект» и «потенциал».

Категория «потенциал» носит общенаучный характер, поскольку используется в разных отраслях знаний. В экономической литературе ею оперировали еще в 20-е гг. XX в. при разработке комплексной оценки уровня развития производительных сил. «Потенциал» (от лат. *potentia* – сила) трактуется как «средства, запасы, источники, имеющиеся в наличии и могущие быть мобилизованы, приведены в действие, использованы для достижения определенной цели, осуществления плана, решения какой-либо задачи; возможности отдельного лица, общества, государства в определенной области».

Интеллект – это свойство индивида, определяющее возможность протекания мыслительной деятельности [21, С. 71]. Философское содержание интеллекта современные авторы связывают с таким понятием как ноосфера [22, С. 25]. Согласно Пьеру Т. де Шардену, интеллект (индивидуальная ступень мышления) возникает и формируется в начале ноогенеза как чистая способность постижения смысла действия и выражения его в общезначимых формах (словах, символах, знаках). Оперирование этими формами и позволяет человеку ориентироваться в сообществе, которое и образует почву тонкой оболочки, земного универсума, названную ноосферой [26, С. 178].

Исследование состава интеллектуального потенциала, его структуры, не имеет однозначного ответа, поскольку зависит от того, чей это потенциал – индивида, компании (организации) или общества в целом (страны, региона и т.д.).

В составе индивидуального интеллектуального потенциала исследователи (Сохань А.В.) выделяют такие элементы, как [21, С. 71]:

- развитые способности;
- знания, умения, навыки;
- идеалы, убеждения, ценностные ориентации, интересы, которые являются результатом интеллектуального осмысления человеком окружающего мира, своего места в нем [25, С. 448].

В структуре интеллектуального потенциала личности авторы выделяют, кроме знаний, образовательные и социокультурные ценности (стремление к творчеству, познанию окружающего мира, общий уровень культуры и т. д.), базовый уровень образования, профессионально-квалификационный уровень, степень таланта, способность к восприятию новшеств, которая позволяет быстрее осваивать новые технологии в производстве и управлении.

Применительно к современному миру в качестве составляющей интеллектуального потенциала человека можно выделить профессиональные компетенции (компетентности) как «синтез интеллекта, определенных типов мышления, нравственно-этических качеств и направленности деятельности». Причем компетентность, по мнению исследователей является «стратегическим ресурсом, на десятки лет предопределяющим социальную и экономическую жизнь страны».

Трудности изучения интеллектуального потенциала человека (индивида) кроются в том, что знания, как правило, исследуются педагогическими науками, а способности – психологическими.

Одним из важных выводов из определения сущности интеллекта является заключение о том, что имеющийся его уровень является результатом его развития. А значит определенные усилия со стороны таких социальных институтов, как семья, образование, государство, способствуют не только формированию умных людей, но и реализации их потенциальных интеллектуальных возможностей в производстве, создании культурных ценностей, управлении обществом, воспитании и т.д. При таком подходе интеллект перестает быть объектом исследования психологии, он приобретает социальную окраску и становится социально-экономической категорией.

Сложность определения сущности и параметров интеллектуального потенциала обусловлена тем, что в нем наличествуют с одной стороны, как выявленная, так и не выявленная (скрытая) часть, с другой стороны, в нем сосредоточен широкий спектр абстрактных понятий, таких как знания (теоретические, прикладные, экспериментальные), способности (умственные, творческие), интуиция. Кроме того, интеллектуальный потенциал населения динамично изменяется во времени под влиянием многих факторов: если он не используется, то быстро угасает, и, напротив когда практика предъявляет на науку активный спрос, он быстро растет, и еще быстрее растет эффективность его использования.

Анализируя социально-экономическую сущность понятия «интеллектуальный потенциал населения», приходим к выводу, что в работах отечественных экономистов существуют несколько разных подходов к его оценке. Систематизируя их, приходим к выводу, что наибольшей эвристической ценностью обладают формулировки, в которых выделяется когнитивно-креативная составляющая, ориентирующая человека на практическое применение знаний и умственных способностей. Интеллектуальный потенциал оказывается заложенным в человеке как скрытая возможность, которую необходимо формировать в направлении, необходимом обществу, для дальнейшего его совершенствования. Обобщая вышесказанное, можно заключить, что основными со-

ставными частями интеллектуального потенциала личности являются когнитивные (знаниевые) и творческие характеристики.

Выделенные нами уровни изучения интеллектуального потенциала населения (микроуровень (личность), мезоуровень (предприятие, фирма) и макроуровень (общество)) дают основание для утверждения о существующих различиях в его измерении: макроуровень – на основе статистики, микроуровень – эмпирических данных социологических опросов.

В логику изучения интеллектуального потенциала на микроуровне удачно вписывается концепция качественных характеристик населения (Н.М. Римашевская), на основе которой Институтом социально-экономического развития территорий РАН проводится многолетнее исследование качества трудового потенциала населения. В описываемом исследовании³ интеллектуальный потенциал рассматривается, с одной стороны, как компонент трудового потенциала, с другой стороны, как интегральная характеристика когнитивных и креативных способностей людей. Исходные эмпирические данные содержат информацию о характере интеллектуального поведения (деятельности) и отношения населения к ценностям интеллектуальной и творческой сферы.

Мониторинговые измерения качественного состояния трудового потенциала населения региона фиксируют снижение качества интеллектуальной компоненты трудовых ресурсов. В первую очередь, это относится к показателям когнитивного (знаниевого) и творческого потенциалов.

Низкие значения индекса творческого потенциала населения обусловлены малой долей жителей региона, активно занимающихся творческой деятельностью: «постоянно что-нибудь изобретают, пишут, сочиняют и т.д.» около 8% жителей региона, 45% – «никогда ничего не предпринимают».

Недостаточная востребованность вышеназванных качеств работников, равно как и нерациональное использование их интеллектуальных трудовых ресурсов во многом обусловлены отсталостью технологической базы предприятий, продолжающейся сырьевой ориентацией экономики⁴, медленным накоплением и обновлением профессиональных знаний. По данным исследования Всемирного банка (2011 – 2012 гг.), 9% российских инновационных компаний отмечали дефицит в работниках, обладающих качеством лидерства, 13% – способностью принимать нестандартные решения, 15% – имеющих необходимые профессиональные навыки.

Изобретательскую активность населения России нельзя назвать высокой: число патентов в области информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) в 75 раз ниже, чем у лидирующей тройки (Япония, США, Евросоюза).

³ Мониторинг качества трудового потенциала населения Вологодской области проводится ИСЭРТ РАН с 1997 года. Объектом исследования является трудоспособное население Вологодской области. Опросы проходят ежегодно в августе – сентябре в городах Вологде и Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборки составляет 1500 человек, ошибка выборки не превышает 3%. Объектом исследования является трудоспособное население Вологодской области в возрасте старше 16 лет. Согласно используемой методике базовыми характеристиками качества трудового потенциала населения являются: физическое и психическое здоровье, когнитивный потенциал, творческие способности, коммуникабельность, культурный и нравственный уровень, потребность в достижении (социальные притязания). В результате математической обработки баз данных мониторинга каждое из перечисленных выше качеств получает численную оценку в виде индекса в интервале от нуля до единицы. Интегральный индекс – это качество трудового потенциала, иначе именуемое социальной дееспособностью.

⁴ В структуре экспорта РФ преобладает доля топливно-энергетического сырья: в 2000 г. – 53,8%, в 2012 г. – 71,4%.

Международные индикаторы, например, индекс экономики знаний, свидетельствуют о низкой эффективности использования знаний в России. Согласно докладу Global Innovation Index Report-2012, РФ находится на 55 месте в рейтинге стран, внедряющих инновации (лидером является Швейцария).

Насыщенность отечественной экономики трудовыми ресурсами с высшим профессиональным образованием⁵, как показывают исследования, не выполняет сегодня функции «локомотива» инновационного развития, поскольку имеет место либо их недоиспользование (согласно исследованиям до 20% лиц, имеющих третичное образование, трудятся вне высокотехнологичных рабочих мест), либо они используются неэффективно. Так, результаты опросов, проводимых в рамках проекта «Формирование системы мониторинга экономики образования» (ВЦИОМ, Левада-центр и НИУ «Высшая школа экономики»), свидетельствуют о наличии несоответствия между «отраслевыми» требованиями работодателей из разных секторов российской экономики и качеством подготовки в системе профессионального образования. В большинстве своем это связано с массовым расширением в вузах обучения по непрофильным специальностям, увеличением доли заочного и платного обучения, нехваткой профессорско-преподавательского состава (на одного преподавателя в 1997 г. приходилось в среднем 14 студентов, в 2012 г. – 24⁶). К тому же резкое сокращение производственного сектора в России значительно снизило потребность в специалистах технического профиля. Их выпуск из государственных вузов за последние два десятилетия в процентном соотношении упал почти вдвое: с 42% в 1988 году до 23% в 2012 году.

В тоже время по формальным признакам российская рабочая сила – одна из самых высокообразованных в мире: в настоящее время более половины работников в стране имеют третичное образование – высшее (29%) или среднее специальное (27%). Встает вопрос, а нужно ли повышать интеллектуальный потенциал населения. Мы считаем, что нужно.

Во-первых, нужно добиваться качества интеллектуальных ресурсов. Во-вторых, нужно создавать условия для его эффективного использования. Чего сегодня не происходит. Катастрофически снижается доля отраслей, нуждающихся в интеллектуальном труде. Многие отрасли, в т.ч. образование, здравоохранение, если посмотрим в разрезе территорий, не укомплектованы интеллектуальными кадрами.

Интеллектуальный потенциал населения может выступать в качестве индикатора инновационного развития, методологическим инструментом его изучения – мониторинг. Система мониторинга может быть рассмотрена как одна из компонент оценочного исследования прямого и косвенного взаимного влияния экономики и социально-экономического развития области на интеллектуальный потенциал и интеллектуального потенциала населения на экономическое развитие региона в ближайшей и отдаленной перспективе. Мониторинг призван изучать и оценивать динамику состояния его параметров, выявлять тенденции сдвигов в развитии. В этом случае данный показатель рассматривается как весы, на которых следует взвешивать различные политические, экономические и социальные акты. Когда на властных уровнях принимается какое-либо решение, то его можно оценивать с точки зрения того, в какую сторону – повышения, снижения или даже уничтожения интеллектуального потенциала общества – оно работает.

⁵ По общему охвату населения образованием разных уровней Россия занимает ведущее место в мире – доля россиян с образованием не ниже среднего профессионального составляет 55%, что в два раза превышает средние показатели по странам ОЭСР.

⁶ В большинстве развитых стран такое соотношение не превышает 16 чел.

Мониторинг, предусматривая одновременное изучение показателей, характеризующих интеллектуальный потенциал и факторов внешней среды, воздействующих на него, позволяет решить следующие задачи (рис. 4):

- организация наблюдения, получение достоверной и объективной информации об изменениях состояния интеллектуального потенциала региона;
- оценка и системный анализ получаемой информации, выявление причин, вызывающих его ухудшение;
- подготовка рекомендаций органам власти и управления по преодолению негативных тенденций;
- обеспечение органов управления информацией, полученной в ходе мониторинга.

Методологический инструментарий оценки интеллектуального потенциала населения может выступать одним из показателей эффективности государственного управления в направлении формирования общества знаний.

С.С. Новикова

РГСУ, г.Москва

ПОСТРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВЗЛЁТ И ПАДЕНИЕ СОЦИОЛОГИИ В РОССИИ (1917-1934 ГГ.)

Признание социологии на государственном уровне произошло после Февральской революции [см.: 1, С.30; 5, С.16-17]. Большую роль в этом сыграл П.А.Сорокин, ставший в это время секретарем А.Ф.Керенского по проблемам науки.

После Октябрьской революции 1917 г. процесс институционализации социологии стал более интенсивным. Появлялись секции, союзы и ассоциации по изучению общественных наук во многих университетах России: Казань - С.В.Фарфоровский, М.В.Кочергин, Н.В.Первушин, И.С.Кругликов, С.Ушаков и др.; Томск - С.И.Солнцев, Г.М.Иосифов, И.В.Михайловский; Владивосток - М.Н.Ершов, Н.И.Кохановский.

В октябре 1918 г. был организован Социобиблиологический институт, сокращенно - Инсоцбибл. Это была ученая ассоциация, которая ставила перед собой следующие задачи: 1) популяризацию социологических знаний и 2) библиографизацию: а) всех новых явлений в области изучения социальных наук; б) всех правительственных и важнейших общественных мероприятий в социальной жизни, поскольку таковые находят отражение в печати, и в) главнейших, представляющих общий интерес, явлений в области социальной жизни, отражаемой современной печатью ... Одновременно с этим Институт задается целью помочь всем желающим в ознакомлении с литературой по теории социальных наук и по практическим способам решения социальных проблем. С этой целью Институт собирает библиотеку специально по общественным наукам и устраивает публичные лекции и чтения [13, С.1].

Летом 1919 г. Социобиблиологическим институтом в Петрограде начали проводиться конкретные социологические исследования. Для проведения социологических исследований была создана особая Комиссия, в которую входили П.А.Сорокин, Б.Ф.Боцяновский и А.Э.Гаваллос. Эта комиссия начала изучать социальные последствия, вызванные новым советским законодательством о браках и разводах. Статистический материал о развитии семейно-брачных отношений и разводах, полученный в ходе проведения различных опросов, позднее был обработан П.А.Сорокиным и напечатан в 1922 г. в первом номере журнала «Экономист». Опубликованные выводы и сам автор, за то, что якобы искажает правду в угоду реакции и буржуазии, были подвергнуты критике В.И.Лениным в марте 1922 г. [см.: 8, С.32-33].

Через год Социобиблиологический институт был переименован в Социологический институт, который выполнял следующие три задачи: 1) учет и систематизацию всех трудов (книг, статей, брошюр) по социальным вопросам, по образцу Берлинского Института социальной библиографии; 2) популяризацию социологии и социальных знаний; 3) разработку социальных вопросов путем самостоятельных исследований (по примеру Брюссельского института Социологии Сольвея) и опубликования их [14, С.24].

В 1919 году возобновляет свою работу «Русское социологическое общество им. М.М. Ковалевского». Тогда же оно получило помещение на Университетской набережной. На место председателя, после смерти А.С. Лаппо-Данилевского, был избран Н.И.Кареев.

Деятельность Русского социологического общества оживилась после его регистрации Наркомпросом. На заседаниях общества обсуждались доклады: П.А.Сорокина «Социологические взгляды Парето» и «О социальном взаимодействии и социальных группировках», К.М. Тахтарева «О системе социологии», Н.А.Гредескула «О преподавании социологии в американских университетах», М.И.Кулишера «О причинах германо-европейской войны» и др.

Социологический институт объединял как марксистов (М.В.Серебряков, Е.А. Энгель), так и немарксистов (Н.И.Кареев, П.А.Сорокин). За время своего недолгого существования институт провел ряд лекций для желающих получить социологическое образование, а также были прочитаны самостоятельные курсы - Н.А.Гредескул «История социологических учений», А.А.Гизетти «История русской социологической мысли», П.А.Сорокин «Социальная аналитика и механика», П.И. Люблинский «Уголовная социология».

По инициативе этого института Наркомпросом были проведены социологические курсы для подготовки преподавателей социологии в средних школах (в связи с введением социологии как обязательного предмета в школах), на которых читали Н.А.Рожков, А.И. Буковецкий, К.М. Тахтарев и П.А.Сорокин [см.: 12, С.416]. Для проведения летних социологических курсов П.А.Сорокиным была разработана и предложена Наркомпросу специальная программа занятий. Социологический институт, совместно с «Русским обществом им. М.М. Ковалевского», устраивал и научные заседания, на которых заслушивались доклады и шел обмен мнениями [см.: 14, С.25].

По инициативе П.А.Сорокина институт провел обследование социальной перегруппировки населения Петрограда за годы революции. Институт систематически отслеживал и регистрировал движение «уровня жизни» за текущее время, на основе чего составлялись соответствующие графики. Были изданы три номера журнала «Вестник Института» и «Программы по социологии», содержащие программу курсов Ф. Гиддинга, Л.Вуда, Гайеса, Э.Росса, а из русских - П.А.Сорокина и К.Н. Тахтарева [см. 14, С.25].

В начале 1920 г. К.М. Тахтарев обратился в Наркомпрос с проектом о создании Российского социологического института. Планировалось, что созданный институт будет вести: 1) научную разработку социологии и других теоретических и прикладных общественных наук; 2) обеспечение надлежащего научного уровня высшего социологического образования в России; 3) распространение социологических знаний в народных массах [цит. по: 4, С.67]. Кроме подготовки исследователей, специалистов по разным отраслям социологии, преподавателей высшей школы в нем предусматривалась также подготовка советских работников и общественно-политических деятелей. Но данное предложение о создании более крупного и значительного учреждения не нашло поддержки у руководителей Наркомпроса.

Систематическая социологическая работа велась в созданной по инициативе П.А.Сорокина в Институте по изучению мозга и психической деятельности в октябре 1920 г. «Лаборатории по рефлексологии социальных групп». Основным предметом исследования данной лаборатории являлись проблема влияния профессии на поведение людей и рефлексология профессиональных групп. Все собранные материалы, в связи с высылкой П.А.Сорокина за границу, остались не обработанными [см.: 12, С.417].

Созданная в октября 1920 г. в составе Института по изучению мозга и психической деятельности «Центральная лаборатория труда» планировала открыть специальные курсы по «Вопросам изучения труда». Была разработана учебная программа на один семестр, социология выступала в ней одной из девяти обязательных дисциплин. В дальнейшем предполагалось расширить программу и превратить данные курсы в постоянно действующее учебное заведение с 3-4 годовым обучением, предназначенное для подготовки как научных работников по изучению труда, так и практических деятелей в области организации труда.

В январе 1919 г. на Общеобразовательном факультете II-го Петроградского государственного университета при Психоневрологическом институте была создана первая в стране кафедра социологии, руководителем которой с 1920 г. стал П.А.Сорокин [см.: 11, С.11]. Есть данные, что кафедра была создана уже в декабре 1918 г. [см.: 2, С.37]. По другим данным, кафедра социологии в университете была создана в ноябре 1919 г. [см.: 3, С.210] или в декабре 1919 г. [см.: 2, С.37]. Одни исследователи отмечают, что П.А.Сорокин, получив в декабре 1918 г. возможность преподавать в Петроградском университете, якобы уже в 1919 г. организует там первый в России социологический факультет и становится его деканом, другие - по инициативе П.А.Сорокина в 1920 г. был создан первый социологический факультет, деканом которого он стал со дня его основания [см.: 5, С. 17]. Есть указание о создании в 1920 г. в Петроградском государственном университете первого факультета общественных наук с социологическим отделением, возглавляемым П.А.Сорокиным [см.: 1, С.30]. В литературе нет однозначной даты основания первой кафедры социологии в государственном высшем учебном заведении, но востребованность социологии в постреволюционной России явно присутствует.

В 1920/21 учебном году на Общеобразовательном факультете читали следующие курсы: П.А.Сорокин – систему социологии, К.М. Тахтарев - генетическую социологию, Н.А.Карев и Н.А.Гредескул – историю социологических учений, В.В. Святловский - историю социалистических учений. Эти курсы были обязательные, но, кроме них, студентам читали факультативно: П.А.Сорокин - уголовную социологию и А.Ф.Кони – этику общежития [см.: 4, С.227]. Данные лекционные курсы также были включены в учебные планы ряда петроградских вузов. По содержанию они, как правило, не выходили за рамки идей буржуазного либерализма, а иногда даже имели антимарксистскую направленность. Например, П.А.Сорокин подвергал критике исторический материализм с позиций эмпирической социологии. Другие критиковали материализм с позиций исторического идеализма и теории фактов.

В 1921/22 учебном году был образован «Кружок объективного изучения - массового и индивидуального – поведения людей», состоявший исключительно из профессоров и преподавателей биологов и социологов - сторонников бихевиоризма. Его почетным председателем был И.П.Павлов, председателем - П.А.Сорокин, членами - профессора Г.П.Зеленый, В.В.Савич и др. [см.: 12, С.417].

Первоначальная поддержка советским правительством перехода к всеобщему социологическому образованию была связана с представлением о единстве марксистского социализма и социологии. Как вспоминал П.А. Сорокин: «...С начала революции социоло-

логия была одним из покровительствуемых предметов и введена была не только во всех высших, но и средних школах» [12, с.418]. В июле 1919 г. К.М. Тахтарев констатировал: «Научное значение социологии, которая становится обязательным предметом преподавания не только в высшей, но и средней школе, в настоящее время может считаться настолько общепризнанным, что его можно и не выяснять...» [15, с.5].

Однако для преподавания социологии, особенно в средних школах, привлекались люди, не имеющие совершенно никакого отношения к общественным наукам. Поэтому в первые годы после революции в учебных заведениях России преподаватели социологии толковали предмет своей науки кому как вздумается. «Благодаря такому положению вещей, – отмечал в 1919 г. К.М. Тахтарев, – мы в точности даже не знаем, что, собственно говоря, вводится в преподавание наших высших и средних учебных заведений под именем социологии» [15, с.3].

Советское правительство, увидев, что многие преподаватели излагают социологию, отличную от социализма и коммунизма, запретило преподавать ее в школах, а преподавателей-социологов уволило. «Социология, – как вспоминал П.М.Сорокин, – «впала в немилость». К 1921-22 уч. году она была заменена курсом «Развитие общественных форм» (по конструкции Лилиной, Бухарина и Богданова). Он считался «забронированным» и мог читаться только коммунистами» [6, С.418; см. также: 9, С.320]. Вместо социологии было введено изучение так называемой «политической науки», состоявшей из ряда курсов: «Коммунизм», «История коммунизма», «История коммунистической революции», «Марксистско-ленинское учение истории» и «Конституция СССР». Данные курсы могли читать только коммунисты. В 1921 г. Социологический институт был закрыт.

Социологическое образование стало еще хуже, чем было до революции 1917 года. Социологию перенесли в «Исследовательские институты». Например, в Петроградском университете она входила в «Исторический исследовательский институт», который состоял из трех секций: истории (русской и всеобщей), социологии и философии. После ликвидации Исследовательских институтов в 1922 г., как отмечал П.А.Сорокин, социология как предмет преподавания также была ликвидирована.

В 1921 г. по ходатайству Петроградского университета был создан ряд исследовательских институтов охватывавших все области гуманитарных знаний имеющих место в университете. Исторический институт состоял из 7 секций, одной из которых была секция социологии и этнологии. Сотрудниками данного научно-исследовательского института были И.М. Гревс, К.М. Тахтарев и др. Почти все исследовательские институты (кроме одного - Научно-исследовательского института сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока), не успев полностью развернуть свою научную деятельность, в 1923 г. были закрыты [см.: 3, С.294-295].

Большинство ученых в области философии, социологии и других науках были представителями идеалистических школ и направлений и по отношению к социалистической революции заняли отрицательную позицию. Позиции консервативных профессоров были сильно ослаблены начавшейся в годы гражданской войны реформой вузов, которая проводилась по нескольким линиям: изменение социального состава студентов, создание рабочих факультетов и реорганизация вузов. Первые шаги по реорганизации вузов были предприняты уже в 1918 г., когда первыми декретами (от 1 октября 1918 г. и 1 января 1919 г.) Совнаркома были отменены все имевшие место в отечественной высшей школе ученые степени и звания, введена выборность профессуры и коллегиальность руководства.

Всем кто имел к этому времени преподавательский стаж работы в учебном заведении не менее трех лет было присвоено единое звание «профессор», а остальным – «преподаватель». Это привело к ликвидации существовавшего механизма научной аттестации («профессорское стипендиатство», магистерские испытания, диссертация, диспут), а набор профессорско-преподавательских кадров в высшие учебные заведения начал осуществляться путем проведения так называемых всероссийских конкурсов.

В 1921 г. В.И. Ленин поставил вопрос о коммунистическом контроле программ и содержания курсов по общественным наукам [см.: 7, С.320]. В результате чего многим профессорам была запрещена преподавательская деятельность. В 1922 г. был принят первый советский Устав высшей школы, утвержденный Совнаркомом. Права профессорских коллегий урезались, Наркомпрос получил возможность контролировать их деятельность через назначаемых ректоров. Устав ограничивал права вуза при подборе сотрудников и наборе студентов, заранее определив желательный для советского государства социальный состав как студентов, так и преподавателей, научных сотрудников. Он создал все необходимые условия для проведения коренной перестройки преподавания общественных наук на основе марксистского мировоззрения.

В начале 1922 г. советское правительство установило контроль за работой частных издательств. В системе Госиздата, по предложению В.И. Ленина, были образованы цензурные комитеты и политотделы. Так, из представленных до мая 1922 г. в цензуру петроградского политотдела 44 частными издательствами 190 рукописей только 10 были разрешены к печати [см.: 4, С.90-91].

Часть ученых, преподавателей, которые не захотели или не смогли смириться с советской властью, в конце 1922 г. были отстранены от преподавания в университетах и институтах и высланы из страны. Около 160 деятелей науки и культуры было выслано в это время из России [см.: 9, С.14]. Среди них - П.А.Сорокин, С.Н.Булгаков, Н.А.Бердяев, П.Б.Струве, С.Л.Франк, А.В.Пошехонов, В.А. Мякотин и многие другие. Другая часть старого поколения сумела найти свое место в новом советском обществоведении. Среди них можно отметить Н.И.Кареева, Н.А.Гредескула, Е.В.Тарле (позднее они избирались членами Академии Наук СССР), М.К. Лемке, К.М. Тахтарева, В.В. Святловского, В.С. Серебряникова, Н.С. Державина, А.Ф. Кони, Н.Я. Марра.

В конце 1922 г. во всех центральных университетах закрылись кафедры общей социологии. В это время почти во всех петроградских вузах были созданы кафедры общественных форм. Преподавателями этих кафедр стали социологи-марксисты или ученые, называвшие себя марксистами, - К.М. Тахтарев, Н.Н. Андреев, Е.А. Энгель, И.С. Плотников и др. Содержание нового курса раскрыто в работах Н.Н. Андреева, И.С. Плотникова «История общественных форм» (Пг., 1923) и К.М. Тахтарева «Сравнительная история развития человеческого общества и общественных форм» (Пг., 1924). Эта новая учебная дисциплина преподавалась до 1924 г. Иногда ее называли генетической социологией, так как это был искусственно разработанный вариант социологизированной истории.

А с 1923/24 учебного года впервые в университете и институтах Петрограда были введены лекции и семинары по историческому материализму. С этого времени в вузах начинается преподавание “подлинно научной социологии”.

К концу 1924 г. прекратили свою деятельность Философское общество, Вольная философская ассоциация, Социологическое общество и другие независимые объединения обществоведов. В это время перестали издаваться журналы «Мысль», «Экономист»,

«Утренник», «Начала», «Литературные записки» и другие, на страницах которых могли публиковаться идеи немарксистских философов и социологов.

Одновременно с этим в центре и на местах появилась новая периодическая печать. На страницах журналов, выходящих в Москве («Под знаменем марксизма», «Вестник Коммунистической академии», «Большевик», «Коммунистический Интернационал», «Красная новь») и в Петрограде («Под знаменем коммунизма», «Борьба классов», «Пламя», «Книга и революция», «Записки Научного общества марксистов»), и других рассматривались проблемы марксистской теории, велись многочисленные дискуссии по вопросам философии, социологии, политической экономии.

В 20-30-е годы XX в. происходило укрепление официального статуса марксистской социологии. Советские социологи-марксисты, наряду с разработками в области теоретического социологического знания, провели ряд социальных и социологических исследований. Именно 20-е годы XX в., с полным на это правом, могут быть названы периодом становления конкретных социологических исследований в СССР [см. об этом подробнее: 10, С.184-198].

Переписи населения, проведенные в СССР в 1920 и 1926 гг., помогли получить интересную социальную статистику по проблемам классовой структуры страны, культуры, образования и т.д. Большое значение имели появившийся журнал «Статистика труда» и ряд других изданий, связанных с экономической и социальной статистикой. В них печатался большой фактический материал о произошедших изменениях в социальной структуре общества, о социальной структуре рабочего класса и крестьянства.

Специализированные социологические исследования, направленные на изучение социально-классовой и социально-профессиональной структуры нового общества, опирались не только на материалы переписей населения. Часто для этого в разных регионах и отраслях промышленности использовались чисто социологические методы: анкетирование и интервью. Многие государственные мероприятия в этот период нередко обеспечивались предварительными социологическими и экономическими исследованиями.

В это время много внимания уделялось проблемам труда. В 20-30-х гг. XX в. выходило около 20 журналов по проблемам управления и организации труда – «Хозяйство и управление», «Производство, труд и управление», «Организация труда», «Система и организация» и ряд других. В «Вестнике Социалистической Академии» с начала 20-х годов XX в. для обсуждения этих тем специально была выделена особая рубрика. Переводились на русский язык работы западных ученых по проблемам труда. Например, только в 1923 г. было опубликовано около 60 монографий отечественных и зарубежных ученых по этим проблемам.

Появились первые работы, выполненные по исследованию структуры рабочего класса (С.Г. Струмилина, Ф.Н. Заузолкова, А.Г. Рашин). Большое внимание уделялось изучению крестьянства. Исследователей интересовали как проблемы его внутреннего расслоения, так и имевшее место расслоение по отдельным группам и регионам (Ф. Казанский, С.Г. Струмилин, Л.Н. Крицман и др.). Следует отметить, что высокий уровень развития в это время достигла и сельская социология (А.С. Говоров, А.М. Большаков, Н.А. Росницкий, Я.А. Яковлев, А.И. Хрящева, Я.Д. Кац, А.И. Гайстер и др.). В 1923 и 1924 гг. специально по решению XI съезда при ЦК партии была создана комиссия, которая провела в разных концах России ряд обследований. В связи с задачами индустриализации, развития науки, культуры и образования ряд исследователей посвятили свои работы изучению интеллигенции (А.Б. Шевелева, Л. Минц, И. Булатников, Н. Зимин и др.).

В 20-е годы XX в. стали широко проводиться исследования бюджета времени трудящихся во всех сферах общественного производства. Благодаря этим исследованиям появилась возможность не только развивать сознательное отношение к временным характеристикам человеческой жизни, улучшать самоконтроль, способствовать большей рационализации жизненных процессов, но и на основе полученных результатов делать научно обоснованные рекомендации, направленные на изменение трудовой и социальной жизни изучаемых групп.

В 1922-1934 гг. было изучено более 100 тысяч суточных бюджетов времени разных слоев населения и на основе этого опубликовано около 70 работ по этой проблеме (С.Г. Струмилин, Я.В. Видревич, В.С. Овсянников, В. Михеев и др.). Специально по заданию ЦК РКСМ в 1924-1925 гг. были проведены исследования бюджетов времени комсомольских активистов, пионеров и школьников.

Началась переориентация молодежи на образование и профессиональную подготовку. А это, в свою очередь, привело к необходимости проведения исследований, направленных на изучение жизненных планов молодежи, выяснение причин выбора будущей профессии, а также изучение их быта и социального состава (Я.Д. Кац, Б.Б.Коган, М.С. Лебединский, А.И. Колодная и др.).

Уделялось внимание и изучению условий жизни, материального положения различных категорий населения в послереволюционный период. Специально для этого с 1918 по 1929 гг. Центральное бюро статистики труда проводило регулярные исследования быта рабочих. Эти исследования являются правдивой летописью глубоких социальных процессов того времени, радикально изменивших быт советских рабочих (Г.С. Полляк, А.М. Стопани, Е.О. Кабо, Я.Д. Кац, А.Н. Татарчуков, И.Н. Дубинская и др.). На основе материалов переписи населения 1920 и 1926 гг., экспедиционных демографических обследований проводились исследования по социальным проблемам народонаселения (Т.Я. Ткачев, З.Г. Френкель, Л.Л. Паперный, Б.Я. Смулевич, С.А. Новосельский, В.В. Паевский, А.И. Гозулов, И.Н. Дубинская и др.).

Конкретные социологические исследования проводились и по проблемам брака и семьи (И.Г. Гельман, С.Я. Вольфсон и др.), социологии искусствоведения. Так, в Институте истории искусства в 1924 г. был создан сектор социологии. А в Академии материальной культуры, по инициативе Н.Я. Марра, организована комиссия по социологии искусства.

Было проведено большое количество исследований, направленных на изучение средств массовой информации, а также связанных с проблемами образования и воспитания. Изучалось общественное мнение, интересы читателей, а также зрителей театра и кино (М.Загорский, В.Федоров, П.И. Люблинский, М.А. Смушкова, Я.М. Шафир, А.Д. Авдеев, А.А. Бардовский, А.В. Трояновский, Р.И. Егизаров, С. Ауслендер, А.М. Гельмонт и др.).

Ряд работ был посвящен изучению религиозности и антирелигиозных установок населения (Е.Ф.Федоров, А.И. Клибанов, С.Я. Вольфсон и др.). Проводились исследования и в области социологии преступности (В. Куфаев, Е. Тарновский, С. Укше, А. Пионтовский, Т. Кремлева, Г. Маннс, Б. Змиев и др.).

В проведенной в 1929 г. Институтом философии Коммунистической академии дискуссии по проблемам философии и социологии проявилась полная «теоретическая» переориентация взглядов социологов и философов на социологию. Теоретической предпосылкой разгрома социологии было появившееся утверждение, что «исторический материализм это и есть социология марксизма», а это автоматически вело к выведению конкретно-социологических исследований за пределы социологии, так как они были несовместимы со спецификой философской теории.

Нравственная обстановка, которая возникла после дискуссий 20-30-х гг., привела к тому, что многие исследователи-обществоведы вынуждены были либо отойти от разработки актуальных проблем развития общества, например, переключиться на область истории философии и социологии, то есть занять позицию пассивной обороны, либо комментировать непререкаемые истины марксизма-ленинизма. В 1932 г. был закрыт Институт демографии АН Украины, в 1934 г. – Демографический институт АН СССР.

Процесс интенсивной постреволюционной институционализации социологии как науки и учебной дисциплины был фактически прерван. Вместе с тем, надо отдать дань многим достижениям тех лет. Необходимо отметить, что, несмотря на наличие в исследованиях, проведенных советскими социологами, ряда недостатков (слабая разработанность программ, понятийного аппарата, частые нарушения в методике сбора первичной информации и др.), они имели большую научную ценность и внесли вклад в развитие социологии. В 20-30-е годы XX в. разрабатывались основы различных отраслевых социологий и широкое распространение получило проведение эмпирических исследований. Но в конце 20-х - начале 30-х гг. XX в. социологические исследования начинают свертываться. Социология объявляется буржуазной наукой (т.е. лженаукой), а сам термин «социология» постепенно изымается из употребления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голосенко, И.А. История русской социологии XIX – XX вв. [Текст]: пособие / И.А. Голосенко, В.В. Козловский. – М.: Онега, 1995. – 286 с.
2. Здравомыслов, А.Г. Социология в России: прошлое и настоящее [Текст] / А.Г. Здравомыслов // Российская социология: Историко-социологические очерки / отв. ред. А.О. Бороноев, В. В.Козловский. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1997. – С. 31-52.
3. История Ленинградского университета. 1819 – 1969: очерки [Текст] / С.Б. Окунь и др.; отв. ред. В.В. Мавродин. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969. – 662 с.
4. Клушин, В.И. Первые ученые-марксисты Петрограда. Историко-социологический очерк [Текст] / В.И. Клушин. – Л.: Лениздат, 1971. – 340 с.
5. Кукушкина, Е.И. Социологическое образование в России XIX-начала XX в.: учебное пособие [Текст] / Е.И. Кукушкина / МГУ им. М.В. Ломоносова, социол. фак., каф. истории социологии. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. – 80 с.
6. Култыгин, В.П. Методологические проблемы социальных наук сегодня [Текст] / В.П. Култыгин // Социальные процессы и социальная политика / Московский государственный социальный университет; Академия социологии и управления. – М.: Союз, 2000. – Вып. 6. – Ч. 2. – С. 78-85.
7. Ленин, В.И. Директивы ЦК коммунистам-работникам Наркомпроса [Текст] / В.И. Ленин // ПСС. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1981. – Т. 42. – С. 319-321.
8. Ленин, В.И. О значении воинствующего материализма [Текст] / В.И. Ленин // ПСС. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1982. – Т. 45. – С. 23-33.
9. Новиков, Н.В. Условия возникновения и развития социологии в России [Текст] / Н.В. Новиков // Русская социология: межвуз. сб. / под ред. А.О. Бороноева. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1993. – С. 6-19.
10. Новикова, С.С. История развития социологии в России [Текст] / С.С. Новикова. – М.: Изд-во «Ин-т практ. Психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – 288 с.
11. Согомонов, А.Ю. Судьба и пророчества Питирима Сорокина [Текст] / А.Ю. Согомонов // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – С. 5-24.
12. Сорокин, П.А. Состояние русской социологии за 1918 – 1922 гг. [Текст] / П.А. Сорокин // Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет / изд. подгот. В.В.Сапов. – М.: Наука, 1994. – С. 414-418.
13. Социо-Библиологический Институт [Текст] // Социо-Библиологический Вестник. – 1919. – № 1-3. – С. 1-2.

14. Социологический (бывш. социо-библиологический) Институт [Текст] // Наука и ее работники. – 1920. – № 1. – С. 24-25.
15. Тахгарев, К.М. Наука об общественной жизни, ее явлениях, их соотношениях и закономерности: Опыт изучения общественной жизни и построения социологии [Текст] / К.М. Тахгарев. – Пг.: Издательский Кооперативный Союз «Кооперация», 1919. – 424 с.

А.В. Фотина

ЧГУ, г. Череповец

ПРОБЛЕМА СТРАТИФИКАЦИОННОГО ИЗМЕРЕНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Исследования социальной стратификации берут свое начало с древнейших времен. Известны описания неравенства населения рабовладельческого полиса, данные учеником Сократа Ксенофонтом. Античные философы Платон и Аристотель уделяли в своих трудах немалое место вопросам иерархии общества, различному положению отдельных социальных групп. Значительный вклад в понимание проблем неравенства внесли историки начала XIX века О. Тьерри и Ф. Гизо, связав формирование классов с собственностью. Вплотную к определению сущности экономических классов подошел Г. Гегель, выделив понятия абстрактного и конкретного труда. Однако современные теории берут свое начало с работ К. Маркса, М. Вебера, П. Сорокина.

Одним из первых ученых, детально рассмотревших стратификацию общества, является К. Маркс. Он основой образования классов назвал общественное разделение труда. В последующие годы выявился недостаток этой теории. Он заключался в том, что Маркс выделял классы лишь экономический аспект. В противовес Марксу Вебер кроме экономического аспекта стратификации учитывал такие аспекты, как власть и престиж. Вебер рассматривал собственность, власть и престиж как три отдельных, взаимодействующих фактора, лежащих в основе иерархий в любом обществе.

Однако со временем выявились несовершенства существующих теорий. Во всех теориях классы выделялись лишь по одному доминирующему признаку. В условиях развития социологии в 1930-е годы стали преобладать сторонники теорий классов и страт, основывающихся на множественных критериях: экономических, политических, профессиональных. Примером могут служить работы П. Сорокина по многокритериальной стратификации. Питирим Сорокин считал, что для определения социального положения человека необходимо знать его гражданство, национальность, отношение к религии, семейное положение, его происхождение, экономический статус, принадлежность к политическим партиям и т.д., а также его положение в пределах каждой из основных групп населения [8, с.157].

Однако при рассмотрении социокультурного неравенства в России необходимо учитывать исторические ступени развития российского общества и специфику современного общества России.

Рассматривая современный этап развития теорий социальной стратификации, целесообразно будет проанализировать изменения в социальной структуре общества. Предпринятая в СССР в середине 80-х гг. перестройка общественно-политической системы повлекла за собой изменения в системе социального неравенства. В общественной жизни провозглашается политика гласности, в экономике узаконивается частное предпринимательство. В 1990 году легализуется частная собственность, кооперация начинает принимать форму бизнеса. Все эти изменения сопровождаются усилением социального неравенства.

В советской науке в качестве методологической основы для исследования вопросов социального расслоения выступала марксистско-ленинская теория классов. В российской социологии происходит смена теоретико-методологических подходов к изучению социальной стратификации. В настоящее время одни социологи работают в рамках старых традиционных советских подходов, а другие строят свои концепции на западных теоретических основаниях.

Российские исследования социальной стратификации можно разделить на два этапа: первый - «перестроечный» (конец 80 – начало 90-х) и второй - современный.

В рамках первого этапа предпринимались попытки охарактеризовать систему социальной стратификации в СССР – ее основные принципы и критерии, а также определить главные социальные слои советского общества. Заметный вклад в разработку этих проблем был внесен Т.И. Заславской, В.И. Ильиным, В.В. Радаевым, Е.Н. Стариковым, О.И. Шкаратаном, А.Л. Цыганковым.

Т.И. Заславская предложила деление советского общества конца 80-х гг. на 78 групп [2, с.119]. Опираясь на ленинское определение классов, она выделила несколько главных типов экономических отношений, определяющих позицию социальных группы в системе социального неравенства: профессионально-должностная структура, социально-трудова́я структура, семейно-хозяйственная структура, социально-территориальная структура. На основании этих критериев Т.И. Заславская разделила советское общество на правящий класс (номенклатуру), средний класс (директорский корпус и часть интеллигенции), «низший» класс наемных работников и социальное дно. Она подчеркивала, что решающую роль в имущественном расслоении имеет должность, которая определяет властный ресурс человека.

Идея о власти как главном критерии социальной дифференциации нашла свое отражение и в работах В.В. Радаева и О.И. Шкаратана.

В.В. Радаев писал, что именно место социального субъекта в иерархии власти в значительной мере определяло в Советском Союзе условия труда, доступ к информации, возможность контроля над государственной собственностью и уровень материального благосостояния. Для измерения власти В.В. Радаев предлагал использовать такие признаки, как ранги и привилегии [6, с.120].

На основании своих разработок О.И. Шкаратан и В.В. Радаев разделили советское общество на три слоя: первый - управляющий слой, имеющий и власть, и привилегии, второй - слой полноправных исполнителей, не обладающих властью, но получающих определенные льготы, и третий - слой непривилегированных исполнителей, которые не обладали ни властью, ни льготами [7, с.207].

Несколько иной подход к оценке социального неравенства был предложен В.И. Ильиным [4, 318 с.]. Он подчеркивал, что ведущая роль принадлежит сочетанию профессионально-должностной и социально-отраслевой стратификации. Они образу-

ют целый ряд страт, обладающими устойчивыми признаками, например, такими как место в системе общественного разделения труда, размер и характер доходов, уровень и тип образования, особенности социальной психологии и др.

Иного мнения на власть как критерий социальной дифференциации придерживается и М.С. Комаров. Он выделяет не маловажные факторы, которые влияют на процесс расслоения: престиж, профессионально-трудовая деятельность, объем и уровень образования [5, с.69].

Современный этап исследований связан с попыткой построения моделей расслоения на базе установления тех или иных критериев. Из множества публикаций на эту тему выделяются работы Л.А. Беляевой, З.Т. Голенковой, Т.И. Заславской, Е.Д. Игитханян, Л.Г. Ионина, Н.М. Римашевской, Н.Е. Тихоновой.

Россия по мнению Т.И. Заславской находится в стадии перехода к политическому плюрализму и к частновладельческой экономике.

Заславская считает, что в современной России целесообразно говорить лишь о потенциальных критериях статуса социальных групп, и выделяет: политический потенциал (объем властных и управленческих функций), экономический потенциал (масштаб собственности, доходы и уровень жизни) и социокультурный потенциал (концентрированное отражение названных выше признаков) [1, с.9-11].

В настоящее время экономический потенциал общественных групп, по ее мнению, включает три компонента: владение капиталом, причастность к процессам распределения, уровень личных доходов и потребления.

Она выдвинула гипотезу, согласно которой российское общество состоит из четырех социальных слоев: верхнего (правлящий класс), среднего (мелкие предприниматели, среднее звено бюрократии), базового (интеллигенция, помощники специалистов, работники массовых профессий, значительная часть крестьянства) и нижнего (пожилые, малообразованные, безработные, беженцы) а также социального дна (преступники, опустившиеся люди) [1, с.9].

Другой подход к исследованию социальной стратификации в современной России предложен Е.Д. Игитханян [3, 103 с.]. Она выделяет такие критерии расслоения как отношение к собственности, степень автономности труда, материальное положение, характер включенности во властные отношения. На основании этих критериев она выделяет четыре страты. Верхняя (руководители высокого уровня – высокий уровень самостоятельности труда и материального положения). Вторая – на государственных предприятиях – умеренно автономный труд, материальное положение хуже, чем у первой группы. Третья – маргинальная – рабочие средней и высокой квалификации, руководители низшего звена – полуавтономный труд, материальное положение на уровне бедности. Четвертая – неквалифицированные работники промышленности и с/х - полная отстраненность от управления и материальное положение на уровне нищеты.

Подход другого рода дается Н.Е. Тихоновой [9, С.24-37]. Она рассматривает расслоение на основе структуры потребления и образа жизни и выводит 6 слоев: нищие, бедные, малообеспеченные, среднеобеспеченные, обеспеченные, состоятельные. Ее модель строится на изучении таких характеристик как доступность продуктов питания, одежды, товаров длительного пользования, возможность посещать кафе, рестораны, приглашать гостей, путешествовать и т.д.

Переходность, неопределенность состояния российского общества отражается в свою очередь на состоянии его науки, что в полной мере относится и к исследованию

социального неравенства. С одной стороны, исследование социального неравенства освободилось от ряда теоретических и методологических догм и обогатилось за счет доступа к мировым достижениям социологии. С другой стороны, российские исследования в этой области на современном этапе характеризуются чрезмерным многообразием теоретико-методологических установок: одни ученые придерживаются прежних принципов и подходов, другие активно используют западные теории, не подвергая их критическому разбору с точки зрения применимости к отечественной системе социальной стратификации. Перестройка всех сторон общественно-политической жизни, начавшаяся в середине 80-х годов, позволила пролить новый свет на проблему социального неравенства в СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Заславская, Т.И. Социальная структура российского общества [Текст] / Т.И. Заславская // Общественные науки и современность. – 1997. – № 2. – С. 5-23.
2. Заславская, Т.И. Социология экономической жизни. Очерки теории [Текст] / Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина. – Новосибирск: Наука, 1991. – 218 с.
3. Игитханян, Е.Д. Процессы социального расслоения в современном обществе [Текст] / Е.Д. Игитханян. – М.: ИС РАН, 1993. – 103 с.
4. Ильин, В. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ 1917 – 1996 гг. Опыт конструктивистско-структуралистского анализа [Текст] / В. Ильин. – Сыктывкар: ИС РАН, 1996. – 349 с.
5. Комаров, М.С. Социальная структура и социальная стратификация [Текст] / М.С. Комаров // Социологические исследования. – 1992. – № 7. – С. 62-72.
6. Радаев, В.В. Властная стратификация в системе советского типа [Текст] / В.В. Радаев // Рубеж: Альманах социальных исследований. – 1991. – № 1. – С. 117-147.
7. Радаев, В.В. Социальная стратификация [Текст] / В.В. Радаев, О.И. Шкаратан. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 318 с.
8. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество [Текст] / П.А. Сорокин ; под общей ред. А.Ю. Согомонова. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
9. Тихонова, Н.Е. На пути к новой стратификации российского общества [Текст] / Н.Е. Тихонова // Общественные науки и современность. – 1998. – № 3. – С. 24-37.

Л.Е. Паутова

ГАОУ ВПО «МГОСГИ», г. Коломна

СИСТЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ – СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОСНОВА УСПЕШНОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

Научно-практическое значение понятий «качество» и «система менеджмента качества» определяется тем, что понимание их абсолютной сущности разными специалистами способствует формированию эффективной стратегии развития общества в целом. Единое понимание и видение проблем в области достижения качества необходимо для всех специалистов в системе определенной профессиональной деятельности.

Однако, вначале необходимо определить понятие «качество» с философской позиции для понимания истинной ценности и значения «качества» для науки и практики.

Качество как «философская категория», выражающая неотделимую от бытия объекта его существенную определенность, благодаря которой он является именно этим, а не иным объектом. «Качество отражает устойчивое взаимоотношение составных элементов объекта, которое характеризует его специфику, дающую возможность отличать один объект от других. Именно благодаря качеству каждый объект существует и мыслится как нечто отграниченное от других объектов» [1, с. 207].

Селезнева Н.А., Субетто А.И. определяют качество «как сложную философскую, системную, экономическую и социальную категорию, раскрываемую через систему определений, отражающих единство системно-структурного и ценностно-прагматического аспектов» [4, с.28.].

Качество – это степень соответствия системы требованиям, спецификациям и ожиданиям [9, с.67-69].

Качество – комплексное понятие, характеризующее эффективность всех сторон деятельности: разработка стратегии, организация производства, маркетинг и др. (С.Д. Ильенкова) [10, с.10.].

Стремление современных организаций к повышению качества не могут быть реализованы, если руководители различных уровней не станут относиться к качеству как образу жизни. Это объясняется тем, что между качеством и эффективностью производства существует прямая связь. Повышение качества способствует повышению эффек-

тивности производства, приводя к снижению затрат и повышению доли рынка. В связи с этим, качество определяется как основная характеристика, обеспечивающая конкурентоспособность продукции или услуги на рынке.

Эффективности в обеспечении качества в системе менеджмента организации, согласно В.Л. Джуняну, Т.Г. Никольской, возможно достигнуть с помощью скоординированной деятельности по руководству (направлению) и оперативному управлению организацией (предприятием) применительно к качеству, которая направлена на достижение целей и осуществляется с помощью коммуникаций. Согласно этому, менеджмент качества выполняет свои задачи, скоординированные с целями предприятия и поддерживающие их. [3, с.53].

Кузьмина Н.В., Пожарский С.Д., Паутова Л.Е. определили, что качество человека это не только итог образования, постоянный процесс развития человека в образовательном пространстве, становления мировоззрения системы культуры личности и профессионализма, но и системный программатор по отношению к качеству деятельности [8, с.12].

Модель качества человека имеет ядровую структуру, внутренне ядро есть внутренне качество человека (ВКЧ), которое структурируется шестью блоками: системно-социальное качество человека, духовно-нравственное качество человека, ценностно-мировоззренческое качество человека, психолого-мотивационное качество человека, качество интеллектуального развития, качество физического развития. Представленная модель качества человека определяет спектр предметных квалиметрий:

- системно-социальную квалиметрию;
- квалиметрию духовно-нравственного качества;
- квалиметрию ценностно-мировоззренческого качества;
- квалиметрию психолого-мотивационного качества;
- квалиметрию интеллекта; квалиметрию физического развития;
- квалиметрию «знаниевого» развития;
- системно-деятельностную квалиметрию;
- квалиметрию системы культуры личности.

Каждый их блоков находится под воздействием их объемлющих «сфер качества»: качество знаний, качество деятельности, качество культуры.

Суть измерения качества в квалиметрии состоит в следующем:

1. Для каждого объекта учитываются свои специфические уровни качества, зафиксированные в стандартах.
2. Выбирается эталон качества.
3. Достигнутое качество сопоставляется с эталоном.

Основной целью квалиметрии является разработка и совершенствование методик измерения качества конкретного объекта в количественных показателях, характеризующих степень удовлетворения объектом общественной или личной потребности (С.Д. Ильенкова, Н.Д. Ильенкова, В.С. Мхитарян).

Качество профессиональной деятельности любого специалиста определяется обоснованностью принимаемых решений и системой планирования, уровнем достигнутых результатов деятельности организации в целом. Это качество руководства, системы управления (планирование, анализ и контроль).

В формировании современного представления о качестве важную роль сыграла Академия проблем качества Российской Федерации: «качество – одна из фундаментальных категорий, определяющих образ жизни, социальную и экономическую основу для успешного развития человека и общества».

На современном этапе научно-практического развития общества любая организация представляет собой систему, состоящую из социальных и технических компонентов – людей и техники. Неотъемлемой частью организации является система менеджмента. Она определяется как «совокупность взаимосвязанных требований, используемых для разработки политики, целей и для достижения этих целей» [7, с.4]. Иначе говоря, система менеджмента – система управления ресурсами организации для достижения определенных целей. Понятие менеджмент широко используется применительно к разным процессам и в этой связи выделяют различные виды менеджмента: инновационный, экологический, менеджмент персонала, инвестиционный, менеджмент качества. Менеджмент качества есть деятельность руководства предприятия или организации, направленная на создание таких условий производства, которые необходимы и достаточны для выпуска качественной продукции. Система менеджмента качества (СМК) – это «система менеджмента для руководства и управления организацией применительно к качеству» [2, с.173].

«Система – это совокупность из двух или более элементов, удовлетворяющих следующим условиям: поведение каждого элемента влияет на поведение целого; поведение элементов и их взаимодействие на целое взаимозависимы; если существуют подгруппы элементов, то каждая из них влияет на поведение целого и ни одна из них не оказывает такого влияния независимо» [6, с.15].

Система качества – это определенный способ организации дела на предприятии, гарантирующий поставку потребителю продукции необходимого качества. Принятие международных стандартов ИСО серии 9000, описывающих состав и структуру системы, требования к ее элементам, создало единую нормативную базу для сертификации систем качества во многих странах [5, с.34-37, с.34]. Поскольку, стандарты ИСО серии 9000 установили единый, признанный в мире подход к договорным условиям по оценке систем качества и одновременно регламентировали отношения между производителями и потребителями продукции.

Система управления является совокупностью звеньев, осуществляющих управление, и связей между ними [6, с.227].

Основными системными принципами являются [6, с.15-20]: целостность — несводимость свойств системы к сумме свойств составляющих ее элементов и невыводимость из последних свойств целого; структурность — возможность описания системы через установление ее структуры, обусловленность поведения системы не столько поведением ее отдельных элементов, сколько свойствами ее структуры; взаимозависимость структуры и среды — система формирует и проявляет свои свойства в процессе взаимодействия со средой, являясь при этом активным элементом взаимодействия; иерархичность - каждый элемент системы в свою очередь может рассматриваться как система, а исследуемая система представляет собой один из элементов более широкой, глобальной системы; множественность описания каждой системы, дающее макроскопическое, микроскопическое, иерархическое, функциональное и процессуальное представление о системе.

В России на данном этапе развития системы менеджмента образовательных организаций также большое количество вузов применяет принципы управления качеством в своей деятельности, что дает повод представителям вузов при разработке и внедрении СМК высшего образования ориентироваться на разработки и достижения своих зарубежных коллег. Однако, СМК вуза должна обязательно учитывать специфику вуза

как объекта создания СМК. Можно выделить следующие особенности: разветвленная организационная структура, три уровня управления (университет, факультет, кафедра); большое число поставщиков и внутренних потребителей, значительное количество внутривузовской документации.

Целью СМК является соответствие результатов процессов компании потребностям потребителя, организации и общества (соответствие, как явным требованиям, так и подразумеваемым потребностям).

Областью применения СМК вуза является образовательный процесс, основной продукцией которого являются образовательные услуги. Учебно-методическая продукция на базе научно-технической продукции и образовательных услуг является вспомогательной, обеспечивающей требуемый уровень качества результатам образовательного процесса.

Повышение качества, согласно Н.В. Кузьминой, С.Д. Пожарскому, Л.Е. Паутовой [8, с.9], предоставляемых образовательных услуг должно обеспечивать условия созидания выпускниками вузов продуктивных результатов собственной деятельности, конкурентоспособной как на внутреннем, так и на международном рынках.

Направления СМК в вузе:

- Оптимизация деятельности университета.
- Обеспечение прозрачности процессов.
- Обеспечение опережающего удовлетворения запросов потребителей: внешних – студентов, промышленности и общества в целом; внутренних – сотрудников университета.
- Выход на качественно новый уровень преподавания.
- Обеспечение гарантий приобретения обучаемым знаний, умений, культуры и комплексной подготовки к самореализации в обществе за счет системного управления ключевыми процессами ВУЗа.
- Улучшение качества учебного процесса путем систематизации, сбора, распространения, анализа и хранения необходимой информации (учебные планы, успеваемость студентов и т.д.).
- Повышение эффективности экономической деятельности. Рациональное использование всех ресурсов.
- Повысить рейтинг университета.
- Формирование имиджа как вуза с мировым признанием через международную сертификацию системы менеджмента качества образовательных услуг.

Таким образом, качество образования можно достичь средствами системы управления образовательной организацией (вузом), с помощью которой достигается соответствие требованиям внутренних и внешних потребителей:

- обучающихся и работодателей;
- министерства науки и образования РФ;
- внутренним требованиям к качеству;
- международным требованиям к качеству образования.

В соответствии с этим положениями, базой такой системы является международный стандарт ISO 9001:2000.

На основе результатов научно-практического анализа проблем обеспечения и менеджмента качества современной организации можно определить, что первичным элементом СМК являются потребности и ожидания потребителей (внутренних и внешних) продукции или услуги, владельцев предприятий, персонала и общества. Политика

и цели организации являются ответом на потребности и ожидания заинтересованных сторон. И последующий процессный подход завершает описание пути достижения целей и реализации долгосрочной политики. Иными словами, компетентность и менталитет личности специалиста должны быть такими, чтобы культура качества деятельности стала внутренней осознанной его потребностью.

Таким образом, разработка методологии в области менеджмента качества предполагает реализацию процессного, функционального и системного подходов. Необходимость комплексного подхода к менеджменту вообще и менеджменту качества в частности обусловлена логикой развития мировой экономики. В соответствии с всеобщим экономическим законом «возвышающихся потребностей» происходит постоянное развитие производительных сил, разделение труда, концентрация финансового капитала, глобализация процессов производства и потребления. Рост конкуренции заставляет компании быть более гибкими, динамичными, сконцентрировать свои усилия на удовлетворении запросов потребителей, повышении конкурентоспособности, групповой работе, сокращении времени производственного цикла и процессах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой энциклопедический словарь [Текст]. – М., 2007.
2. Борисова, И.С. Проблемы совершенствования системы менеджмента качества на промышленных предприятиях [Текст] / И.С. Борисова // Экономические науки. – 2010. – № 10. – С. 173.
3. Джуньян, В.Л. Процессы и менеджмент качества в развитии экономических успехов предприятия [Текст] / В.Л. Джуньян, Т.Г. Никольская. – М.: ООО «НТК «Трек», 2005.
4. Селезнева, Н.А. Новое качество высшего образования в современной России [Текст] / Н.А. Селезнева, А.И. Субетто. – М., 2008.
5. Лапидус, В.А. Концепция системы QS-9000. В чем успех системы? [Текст] // Надежность и контроль качества. – 2008. – № 1. – С. 34-37.
6. Менеджмент [Текст]: учебник / М.П. Переверзев, Н.А. Шайденко, Л.Е. Басовский // под общ. ред. М.П. Переверзева. – М.: ИНФРА-М, 2008. – С. 15.
7. Окрепилова, И.Г. Организация менеджмента качества в отраслях экономики [Текст]: учебное пособие / И.Г. Окрепилова. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2010.
8. Паутова, Л.Е. Акмеологические методы определения качества подготовки специалистов в университете [Текст] / Л.Е. Паутова // Материалы XI Симпозиума «Квалиметрия в образовании: методология, методика, практика» г. Москва. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2006.
9. Управление качеством [Текст] / под ред. А.В. Квитко. – М.: МЭСИ, 2009.
10. Управление качеством [Текст]: учебник для вузов / С.Д. Ильенкова, Н.Д. Ильенкова, В.С. Мхитарян и др.; под ред. С.Д. Ильенковой. – 2-е изд. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010.

А.И. Верецкая, А.Б. Довейко, А.И. Стеценко

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ОБРАЗОВАНИЯ В ВЫСШЕМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ

Процесс реформирования высшей школы в современной России продолжается уже второе десятилетие и вызывает серьезный резонанс в обществе. Именно поэтому на современном этапе реформирования особое внимание привлекает анализ проблем преобразований и результатов реформ, среди которых можно рассматривать как промежуточные - достигаемые, так и ожидаемые в будущем.

Анализ множества публикаций, касающихся проблематики модернизации высшего образования позволяет сделать вывод, что проблема качества является на сегодняшний день очень острой. Иными словами, проблема качества – ключевая проблема высшей школы на сегодняшний день. Ее решение зависит от наличия многих составляющих – как организационно-управленческих, связанных с финансированием высшей школы, контролем качества высшего образования, поддержкой науки и научных школ, так и содержательно-смысловых, к которым относятся вопросы повышения мотивации у студентов к получению знаний, а у преподавателя - к передаче знаний, повышения статуса преподавателя и престижа получения высшего образования [2].

Проблемой качества образования занимаются администрация вузов, педагоги, философы, психологи, социологи. Хотя в науке до сих пор дискутируется идея содержания понятия «качество образования», в Федеральном Законе «Об образовании в Российской Федерации» дается предельно понятное определение: «качество образования – комплексная характеристика образовательной деятельности и подготовки обучающегося, выражающая степень их соответствия федеральным государственным образовательным стандартам, образовательным стандартам, федеральным государственным требованиям и (или) потребностям физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность, в том числе степень достижения планируемых результатов образовательной программы» [1].

Социологический подход к данной проблеме подразумевает изучение того, как различные социальные группы согласовывают свои интересы по поводу качества образования. Другими словами, социология призвана ответить на вопрос, какое образование считается качественным и почему. Именно поэтому для нас наиболее актуальным является исследование процессов оценивания качества образования, поскольку именно в этом процессе проявляются различные требования заинтересованных сторон и происходит согласование их часто противоречивых интересов. [3]

В широком смысле качество образования раскрывается через установление соответствия объекта (который чаще всего определяется как образовательный результат, процесс и образовательная система) некоторым нормам. Наибольшее разнообразие в определениях наблюдается в отношении того, что считать источником данных норм: многообразные потребности, ожидания, цели, стандарты, требования, предъявляемые со стороны общества, личности и т. д. [4].

Факторы, влияющие на качество образования, условно можно разделить на три группы: 1) уровень довузовской подготовки; 2) организация процесса обучения в вузе; 3) требования со стороны рынка труда.

В данной статье остановимся лишь на второй группе. Здесь имеет смысл выделить такие составляющие, как качество содержания обучения, процесса обучения и результата обучения.

Совершенствование систем управления качеством образования в вузе предполагает учет нескольких приоритетных в современных условиях принципов. Одним из важнейших является принцип мотивации субъектов образовательного процесса на повышение качества собственной деятельности. Он позволяет сосредоточиться на главном факторе, определяющем получение желаемых результатов образования, – на отношении человека к образовательной деятельности. Если этот принцип рассматривается как системообразующий, то научный, преподавательский и студенческий потенциал вуза превращается в один из основных ресурсов повышения качества образования.

Конечно, никто из преподавателей не сомневается в значимости качества образования. Но до тех пор, пока не будут обеспечены реальные условия, позволяющие им чувствовать удовлетворение от своей деятельности, материальную и социальную защищенность, видеть четкую связь между результатами своего труда и его оценкой, установка на качественное образование как корпоративную ценность останется только лозунгом. В связи с этим необходимы эффективные стимулы, повышающие заинтересованность преподавателей в результативности профессионально-педагогической деятельности.

Реализация новых стандартов требует формирования преподавателей – профессионалов, подготовленных к работе в новых условиях, способных использовать современные технологии, принимающих на себя ответственность за результаты образования [5]. К сожалению, сегодня не все преподаватели связывают эффективность собственного труда с качеством работы образовательного учреждения и подготовки его выпускников. Возможно, это объясняется той незначительной ролью, которая в действительности отведена им в системе обеспечения качества. Еще в меньшей степени представлены в ней сами обучающиеся. Но такая ситуация не должна сохраняться.

Преподаватели рады полностью посвятить себя любимому делу — преподаванию. Но оно плохо «кормит», и по этой причине педагогам приходится подрабатывать в коммерческих вузах или брать на себя непомерную нагрузку в своем учебном заведении. Совершенно очевидно, что от этого не улучшается качество выполнения основной работы.

Формирование в вузах систем управления качеством определяется приказом Рособразования № 304 от 03.12.2004 г. «О разработке и внедрении внутривузовских систем управления качеством образования в высших учебных заведениях». Одним из критериев оценки деятельности высших учебных заведений при комплексной оценке деятельности в соответствии с приказом № 1938 от 30.09.2005 г. «Об утверждении показателей деятельности и критериев государственной аккредитации высших учебных заведе-

ний» определен показатель 1.2. «Качество подготовки», включающий эффективность внутривузовской системы обеспечения качества образования [6].

Мониторинг качества образования, организованный в ВГУ ректоратом, управлением качеством образования, позволил обнаружить повторяющееся в достаточно крупных масштабах действие факторов, снижающих качество образования.

В соответствии с приказом ректора социологическая лаборатория Университета в установленные сроки разрабатывает и предоставляет в отдел качества образования анкеты для опроса абитуриентов, студентов, профессорско-преподавательского состава, учебно-вспомогательного персонала и других участников образовательного процесса.

С целью получения информации об удовлетворенности потребителей и других заинтересованных сторон предоставляемыми образовательными услугами в Университете проводится анкетирование студентов, профессорско-преподавательского состава и учебно-вспомогательного персонала, других участников образовательного процесса.

Отдел качества образования вносит данные в интерактивную систему опроса. Результаты анкетирования хранятся в электронной базе данных на сервере отдела качества образования.

Анкетирование участников образовательного процесса осуществляется посредством web-интерфейса на сайте отдела качества образования. После проведения анкетирования web-страница с вопросами становится недоступной для просмотра всем, кроме ответственного за обработку данных. На основании имеющихся данных создаются файлы ответов для последующей обработки данных работниками социологической лаборатории.

В сроки, установленные приказом ректора, заведующий социологической лабораторией представляет аналитический отчет по результатам анкетирования ректору для утверждения. Данные аналитического отчета используются при подготовке информации для ежегодного отчета ректора Университета на Ученом совете Университета.

В данной статье остановимся на материалах анкетирования профессорско-преподавательского состава университета, сравнивая при этом показатели в динамике за 2007-2013 годы, что как раз отражает ближайший этап реформирования высшей школы в России.

При составлении инструментария были использованы показатели, характеризующие качество образования: 1) квалификация участника; 2) удовлетворённость профессорско-преподавательского состава своей работой; 3) причины неудовлетворённости педагогического состава своей деятельностью; 4) оценка своего отношения к работе (выбор принципа работы); 5) оценка соответствия качества образования, получаемого студентами в ВГУ, качеству образования в лучших вузах мира; 6) отношение к изучению студенческого мнения о работе педагогов; 7) экспертиза факторов, которые отрицательно сказываются на подготовке специалистов; 8) оценка совмещения преподавания и научной работы; 9) эффект занятия наукой в вузе; 10) отношение к работе деканата; 11) направленность (спектр) преподавательских предложений по повышению качества образования; 12) черты личности специалиста, которые преподаватели целенаправленно формируют; 13) влияние работы в двух-трёх местах на качество исполнения трудовых обязанностей; 14) педагогическая самооценка; 15) социально-демографические признаки [7].

Удовлетворённость педагогического состава факультетов ВГУ своей работой отражает действие комплекса факторов: социального статуса педагогов; престижности работы; характеристик условий деятельности и др. Этот показатель дан в таблице 1.

Таблица 1. Удовлетворенность преподавателей ВГУ своей работой в 2007-2013 гг. в % и индексах

Насколько вы удовлетворены своей работой?	2007	2013
полностью удовлетворен	26,3	22,0
пожалуй, удовлетворен	58,0	58,4
пожалуй, неудовлетворен	11,7	16,8
полностью неудовлетворен	0,9	2,9
Индекс удовлетворенности	0,47	0,39

Таблица 2. Причины неудовлетворенности преподавателей ВГУ своей работой, в %

Причины	2007	2013
санитарно-гигиеническое состояние аудиторий	25,8	26,0
падение престижа труда преподавателей вуза	43,8	6,9
неудобное расписание	12,9	11,0
трудности совмещения преподавательской и научной работы	32,3	28,0
оплата труда	68,2	76,3
большой объем учебной нагрузки	20,7	33,5
необходимость больших затрат времени на подготовку к лекциям, семинарам и практическим занятиям	9,7	9,0
большие затраты времени на научную работу	9,7	7,2
плохие отношения в коллективе кафедры	2,3	2,0
необходимость дополнительной работы из-за низкой оплаты труда	37,8	40,5
отношение студентов к учебе	49,3	38,7

Группа преподавателей, склонных к высокой положительной оценке своей удовлетворенности трудом, за год мониторинга сократилась на 4,3 %. Зато более чем на 5% увеличилась группа педагогов, умеренно недовольных выполняемой работой. Учитывая еще рост на 2% доли абсолютно неудовлетворенных преподавателей, можно сказать, что настроения в их среде стали в целом более негативными, что и отражает суммарный индекс удовлетворенности, рассчитываемый как разность положительных и отрицательных ответов.

Очевидно, что настроения в преподавательской среде за последние шесть лет перманентных реформ стали более негативными. Важно и другое: за переменами оценки удовлетворенности трудом стоят значительные сдвиги влияющих на удовлетворенность факторов (см. таблицу 2).

Даже самый беглый анализ показывает, что если в 2007 г. наибольшая неудовлетворенность преподавателей была вызвана оплатой труда, низкой его престижностью, отношением студентов к учебе, необходимостью дополнительной работы для поддержания своего материального обеспечения, трудностями совмещения преподавательской и научной работы, то в 2013 г. порядок факторов несколько изменился. На первом месте по-прежнему оплата труда, причем с заметным ростом, на второе место выходит необходимость дополнительной работы тоже с увеличением, на третьем - отношение студентов к учебе (хотя этот фактор и потерял в «весе» почти 10%). А далее мы видим, что значительно возрастает неудовлетворенность увеличением объема учебной нагрузки (почти на 12%). Здесь надо отметить еще тот факт, что при переходе к новым образовательным стандартам преподавателями был проделан огромный объем работы по составлению новых учебно-методических комплексов, который, однако, нигде не учитывался и соответственно никак не поощрялся. А вот падение престижа преподавательского труда стало волновать гораздо меньше, что может свидетельствовать об адаптации к этому низкому уровню.

Преподавателям была дана возможность выступить в роли экспертов относительно факторов, которые отрицательно сказываются на качестве подготовки специалистов.

Общая обстановка в стране и вузе, специфика обстановки на факультетах, характер преподавателей и их мотивация обусловили ответы, сгруппированные в таблице 3.

Пальму первенства здесь держит недостаточное государственное финансирование высшей школы, как и шесть лет назад. Данный недостаток сказывается на самых различных сторонах университетской жизни: отсутствие возможности купить литературу, новую технику и оборудование, сделать ремонт аудиторий, наконец, осуществить строительство новых учебных корпусов и общежитий и т.п.

На втором месте такой фактор, как ухудшение уровня довузовской подготовки абитуриентов. В ряде вузов проведены проверки на предмет соответствия реальных знаний первокурсников баллам, указанным в сертификатах ЕГЭ. По разным данным, от 20 до 60% студентов не смогли подтвердить высокую оценку, полученную на экзаменах.

Все больше нареканий у педагогов вызывает отношение студентов к посещению занятий. Преподаватели все больше отмечают их прагматическую ориентацию только на получение диплома, недостаточные навыки самостоятельной работы и низкую творческую активность на занятиях. Несколько возрос и удельный вес такого фактора, как управленческая деятельность руководства вуза. Очевидно, вину за просчеты и недостатки в ходе реформирования высшей школы преподаватели возлагают не только на центральную власть, но и на руководство вуза.

Организатором работ по повышению качества подготовки специалистов на факультете обычно является деканат, при этом в сознании преподавателей он обретает вполне определенный облик. В целом по вузу заметно снижение параметров преподавательской оценки основной факультетской административной единицы (см. таблицу 4). Очевидно, что за последние шесть лет позитивный образ деканата существенно потерял в «весе», оценки его деятельности стали более осторожными. Очень настораживает, что более чем каждый четвертый опрошенный преподаватель поставил оценку «2» или «3» за деятельность деканата по повышению качества подготовки специалистов.

По данным проведенного нами в 2010 г. социологического исследования в вузах г. Воронежа в рейтинге проблем, волнующих преподавателей сегодня, состояние вузовской науки по своей значимости оказалось на седьмом месте, тогда как в исследовании 2000 г. эта проблема была на третьем месте. Данные мониторинга в ВГУ показывают, что состояние вузовской науки как фактор качества подготовки будущих специалистов, называет лишь каждый двадцатый преподаватель (см. таблицу 5). Выходит, что

Таблица 3. Мнение преподавателей о факторах, которые отрицательно сказываются на подготовке специалистов, в % от числа опрошенных

Факторы	2007	2013
недостаточное государственное финансирование высшей школы	48,8	43,1
слабая заинтересованность преподавателей в активизации своей деятельности из-за низкой заработной платы	30,4	26,6
управленческая деятельность руководства вуза	7,4	9,2
ухудшение уровня довузовской подготовки абитуриентов	37,3	39,0
отношение студентов к посещению занятий	18,9	26,6
состояние материально-технического обеспечения вузов	15,2	14,7
состояние аудиторного фонда	6,5	7,2
состояние вузовской науки	7,8	4,9
состояние библиотечного фонда	4,1	3,2
отношение студентов к творческой и активной работе на занятиях	6,8	12,1
недостаточные навыки самостоятельной работы студентов	20,3	23,1
ориентация студентов на получение диплома, попытку избежать службы в армии...	25,3	21,4

Таблица 4. Как вы оценили роль деканата в работе по повышению качества подготовки специалистов? (в % от числа опрошенных)

Ответы	2007	2013
деканат делает все, чтобы улучшить работу со студентами	45,2	34,7
работа в этом направлении ведется, хотя удается не все	34,6	43,4
роль деканата в улучшении подготовки студентов мала	15,7	16,2
деканат не играет никакой роли	4,6	5,8

Таблица 5. Как бы Вы оценили сочетание своей преподавательской и научной работы? (в % от числа опрошенных)

Ответы (Отметьте что-то одно)	2007	2013
занимаюсь наукой, из-за этого страдает преподавание	12,9	4,6
в науке многое не удается сделать из-за занятости учебным процессом	58,5	57,5
удается результативно сочетать научную деятельность и преподавание	24,4	33,2
преподаю по инерции, наукой не занимаюсь	4,1	4,6

с одной стороны, исследовательская деятельность способствует интеллектуальному росту, приобретению новых знаний, которые могут быть использованы в процессе преподавания. С другой — у преподавателя, который занимается исследованиями, меньше времени остается на подготовку к занятиям и работу со студентами.

Также все меньше времени на занятие наукой оставляет постоянно расширяющийся процесс бюрократизации учебной деятельности преподавателя, рост объемов всевозможных проверок, написание отчетов, справок и т.д. В этих условиях о каких-то серьезных научных исследованиях речь не идет, а вуз без научных исследований – это не вуз, это просто ремесленное училище.

Научная активность преподавателей влияет на вовлеченность в научно-исследовательскую работу студентов, на возрастание ее роли в формировании таких важных качеств специалиста, как способность к творческому поиску, самостоятельность и ответственность. Совместная исследовательская работа преподавателей и студентов - это та сфера сотрудничества, где учитель и ученик могут реализовать свой творческий потенциал, где будущий специалист под воздействием стиля жизни и авторитета своего наставника формируется как творчески активная личность.

Проблемы многообразия и несовершенства условий жизнедеятельности структур и участников образовательного процесса в вузе, обнаруженные в ходе социологического мониторинга отношения к качеству образования, являются научным фактом, требующим пристального внимания системы управления.

Опыт работы с инструментарием, который подготовлен исследовательской группой, убеждает в правильности подбора показателей и индикаторов, адекватности вопросов, надежности шкал. В то же время появляются новые перспективы сотрудничества с факультетами, потребность в углублении исследования обнаруживающихся проблем, в совершенствовании инструментария и подходов к работе, а также актуализируется необходимость повышения социологической культуры участников образовательного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попов, Д.В. Экспертные оценки процесса и результатов реформирования высшего профессионального образования [Электронный ресурс] / Д.В. Попов. – Режим доступа: <http://vestnik.uara.ru/ru-ru/issue/2013/03/29>

2. Федеральный Закон «Об образовании в Российской Федерации» Принят Государственной Думой 21 декабря 2012 года: одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 года [Текст] // Российская газета. – 29 дек. 2012.
3. Павленко, К.В. Неинституциональный подход к оценке качества образования [Электронный ресурс] / К.В. Павленко http://jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2010_1/Pavlenko
4. Латова, Н.В. Опыт управления качеством высшего образования при помощи электронной системы обратной связи [Текст] / Н.В. Латова / Высшее образование в России. – № 1. – 2011. – С. 102-109.
5. Факторович, А.А. Принципы управления качеством образования в вузе в условиях реализации ФГОС [Текст] / А.А. Факторович / Высшее образование в России. – 2010. – № 12. – С. 40-47.
6. Катаускайте, Л.А. Система менеджмента качества [Текст] / Л.А. Катаускайте // Высшее образование в России. – 2010. – № 3. – С. 79-83.
7. Ищенко, Е.Н. Комплексный анализ качества образования (социологический мониторинг) [Текст]: монография / Е.Н. Ищенко, А.И. Стеценко, Е.Е. Чупандина. – Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2008. – 157 с.

Л.М. Кочетова

НГУЭУ, г. Новосибирск

ФОРМУЛА УСПЕХА СОВРЕМЕННОГО ВУЗА

С сентября 2013 г. российское образование вступило в очередную стадию перемен – начал действовать новый закон «Об образовании в Российской Федерации», согласно которому вузы приобрели еще большую самостоятельность, что должно способствовать их конкурентоспособности на рынке образовательных услуг.

Состоявшийся в ноябре 2013 года Первый международный форум вузов СНГ «Глобальная конкурентоспособность» среди прочих рассмотрел вопрос о вхождении российских университетов в число глобальных лидеров. Модели российских университетов-лидеров – это лучший бренд, который может повысить международную конкурентоспособность России. Данная модель деятельности вуза становится стратегическим ориентиром для России.

Сегодня российские вузы не только осознают свои интересы в регионе, стране, но и последовательно продвигают их на «целевых рынках» мира с помощью маркетинга образовательных услуг.

Образовательный маркетинг – это система организации деятельности вуза по формированию лидерских качеств, посредством которой удовлетворяется, расширяется, прогнозируется спрос различных социальных групп на образовательные услуги, это и процесс реализации сервисной, ценовой, коммуникативной политики вуза в конкурентной среде существующего и потенциального рынка образования.

Это приводит к высоким результатам в виде улучшения инвестиционного климата вузов, новых потоков абитуриентов. В современных условиях оказалось, что судьба вуза не всегда определена только внешними факторами. Сегодня стало возможно изменить ход развития вуза, действуя изнутри. Эту деятельность в широком смысле и можно назвать образовательным брендом лидерства.

Происходящие изменения в понимании роли и места университета в социально-экономическом развитии страны, требуют применения новых управленческих технологий и подходов. Вуз становится не только местом получения высшего образования, но и местом для профессионального развития и самореализации, создания новых бизнес-проектов, генерирования идей, новых открытий. При взаимодействии с вузом бизнес в значительной степени ориентируется не только на его научный и образовательный потенциал, но и на возможности выступать партнером в разработке и реализации инновационных бизнес-проектов.

Глобальные факторы развития современного мира служат предпосылками распространения брендинга вузов и даже делают его неизбежным.

Таблица 1. Оценка привлекательности вузов

Внутренние параметры	Внешние параметры
1. Характер привлекательности вуза для будущих студентов (гуманитарные конкурентные преимущества: ориентация на человека, с учетом стилей жизни, поведения и потребностей)	1. Уровень прогрессивности взаимоотношений вуза в образовательной и социальной инфраструктуре (развитие и популяризация потенциала образования; представительская активность за пределами региона; коммуникационные мероприятия, демонстрирующие открытость вуза для контактов; создание с бытий, ивент-маркетинг)
2. Уровень корпоративности (организационно-правовая форма; специализация; брендинг образовательного продукта высокого уровня качества; рейтинг-технологии)	2. Развитие особых черт, гарантирующих преимущества в конкуренции, развитие бренда в образовательном пространстве (участие в международных программах; участие в федеральных региональных программах; социально-общественные отношения)

Современная информационная среда делает мир все более динамичным. Скоростная динамика, изменчивость – это не временный признак развития мира, а его перманентная характеристика. В этих условиях перед каждым субъектом образования стоит задача быстро реагировать на перемены, адаптироваться под стремительно меняющиеся внешние возможности и угрозы, обновлять, модернизировать себя. Только таким образом можно сохранить конкурентоспособность университета и создать формулу успеха.

Это свидетельствует о том, что репутация вуза становится одним из главных нематериальных активов его развития. И если имидж вуза положительный, то он начинает приносить своеобразные дивиденды. Деловая репутация, имидж вуза своего рода плавание по глобальному информационному пространству.

Глобализация изменяет саму стратегию брендинга вуза, требуя максимального учета особенностей потребителя образовательных услуг, в процессе создания модели лидерства.

Во многом благодаря глобализации экономическое, политическое и культурное влияние вузов в мире постоянно растет. При этом вырисовывается иерархия вузов, их временные альянсы и объединения, конкурирующие в борьбе за свои интересы.

Мир фактов стремительно уступает место миру образов. В современном мире «новый образ жизни благоприятствует индивидуальности, самоутверждению» [7, С.15], одновременно создает условия для реализации разнообразных интересов и ролей в ходе моделирования своей идентичности. Глобализация, повлиявшая на все стороны жизни современного человечества, напрямую связана с одним из транснациональных культурных трендов – «голливудизацией» общества, обеспечивающих аутентичное понимание тенденций глобализирующегося мира.

Глобализирующийся мир в условиях информационно-коммуникативной революции пришел к «голливудизации» образования, подчеркнув ее актуальность, значимость и закономерность. В архитектуре открытого мирового образовательного пространства современная высшая школа – своего рода глобальная индустрия, ассоциирующаяся с образом Голливуда, по созданию бренда лидерства.

В эпоху глобализации – маркетинг и брендинг вузов не могут быть стандартными. Бренд лидерства требует не только уникальных концепций, но и новых инструментов брендинга. Хорошо зарекомендовавшие себя методики брендинга быстро устаревают. Вузам требуются все новые и новые, нестандартные способы формирования модели бренда лидерства и их продвижения.

Брендинг современных образовательных услуг направлен на создание впечатлений от образовательного продукта как специфической формы образовательного товара [3, С. 10-21]. Гарвардские экономисты Дж. Пайн и Дж. Гилмор (1999 г.) полагают, что «впечатления – это четвертое экономическое предложение, которое так же разительно

отличается от услуг, как услуги от товаров... Когда человек покупает услугу, он покупает ряд действий, которые выполняются от его имени. Но когда он покупает впечатление, он платит за незабываемые минуты своей жизни, подготовленные компанией (как в театральной пьесе), т.е. за собственные чувства и ощущения» [2, С. 6].

Добавление привлекательности к образовательному продукту путем брендинга не ограничивается ярким именем. Брендинг представляет собой широкий спектр деятельности всеми средствами маркетинга, позволяющими создать имидж бренда, который передает весь набор сигналов потребителю образовательной услуги, его друзьям и семье о качестве, ожидаемых результатах и статусе бренда. Например, имя образовательного бренда Франции «Сорбонна» несет в себе имидж качества, надежности и престижа, а также успешного карьерного роста выпускников этого университета.

Бренд лидерства университетов Оксфорда и Кембриджа ассоциируется с «фабрикой джентльменов». Английские «краснокирпичные университеты» являются символом высокой респектабельности, академизма и интеллектуального потенциала преподавателей и студентов. Гарвардский университет – лидер мирового рейтинга вузов – ассоциируется с самым элитарным, наиболее аристократическим высшим учебным заведением. Примером бренд лидерства может служить разнообразная палитра образовательных брендов лидерства немецких вузов: от самого старинного – Гейдельбергский университет до самого понятного – университета города Гёттинген.

Образовательный продукт воздействует не на логику потребителей, а на их эмоциональное восприятие. Образовательному продукту присваиваются эмоциональные характеристики. Эмоциональные переживания потребителя образовательных услуг в настоящее время являются особенно актуальными, важными и значимыми. Речь идет о создании психологического комфорта в процессе длительного получения образовательных услуг. Эмоциональные характеристики образовательного продукта вузов представлены в научно-исследовательской литературе такими понятиями как: эмоциональность, эмоционально окрашенный образ [1; 4], положительный эмоциональный фон процесса обучения [6], эмоциональный компонент в восприятии бренда [5, С. 5] и др.

Однако активизация эмоциональной сферы студентов в процессе обучения не подвергалась целостному исследованию с целью создания условий для длительного психологического комфорта и его технологического обеспечения в процессе получения образовательных услуг в вузах. В частности, нет диссертационных исследований, анализирующих эмоционально-ценностные аспекты деятельности высшей профессиональной школы в контексте функционирования творческой вариативной технологии их реализации в эпоху глобализации.

По нашему мнению, к отличительным характеристикам современного образовательного продукта вуза-лидера можно отнести: привлекательность; компетентность; универсальность; динамичность; востребованность; целостность; открытость; гуманистичность; интегративность; эмоциональность.

Акцент на организационную культуру в проведении маркетинга и брендинга является надежной составляющей конкурентоспособности вузов. Ведь основным условием существования бренда является его неповторимость. Ориентированная на бренд лидерства культура вуза включает такие параметры, как: стиль управления, система мотивации, четкость распределения функций, сложившиеся стандарты работы, структура деловых коммуникаций, система отбора персонала. Концентрация внимания на этих параметрах позволит укрепить позиции бренда лидерства.

В ходе проведенного исследования были классифицированы приоритеты требований потребителей образовательных услуг к бренду лидерства вуза [1, С. 19]: внешний вид зданий, территорий и аудиторий; имидж сотрудников и преподавателей; место вуза в вуза в национальных и международных специализированных рейтингах; атрибуты бренда; место вуза в медиапространстве; ожидаемое качество образования и др.

«Повестка дня на XXI век» для высшей школы России означает постановку и ответы на вопросы: Какова формула успеха современного вуза? Какой может быть эталонная модель университета по критериям глобального рейтинга?

ЛИТЕРАТУРА

1. Елинова, С.В. Социально-психологическая модель формирования внешнего имиджа высшего учебного заведения [Текст]: автореф. дис. канд. психолог. наук / С.В. Елинова. – М., 2010.
2. Пайн, Д., Гилмор Д. Экономика впечатлений. Работа – это театр, а каждый бизнес – сцена [Текст] / Д. Пайн, Д. Гилмор. – М.: издательство «Вильямс», 2005.
3. Панкрухин, А.П. Маркетинг образовательных услуг [Текст] / А.П. Панкрухин // Маркетинг в России и за рубежом. – 1997. – № 2 (4). – С. 10-21.
4. Пискунова, Т.Н. Условия и факторы формирования позитивного имиджа общеобразовательного учреждения [Текст]: дис. канд. психолог. наук: 19.00.05 / Т.Н. Пискунова. – М., 1998.
5. Степанычева, Е.В. Формирование бренда высших учебных заведения с учетом организационной культуры [Текст]: автореф. дис. канд. эконом. наук / Е.В. Степанычева. – Мичуринск – наукоград РФ, 2010.
6. Татарина, М. Н. Активизация эмоциональной сферы студентов в процессе обучения [Текст]: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / М.Н. Татарина. – Киров, 2003.
7. Флорида, Р. «Креативный класс: люди, которые меняют будущее» [Текст] / Р. Флорида. – М.: Классика-XXI, 2005.

Е.Л. Житкова

Тольяттинский филиал НОУ ВПО УРАО, г. Тольятти

УНИВЕРСИТЕТ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Традиционно университет занимался подготовкой специалистов на очном, вечернем и заочном отделениях по заранее утвержденным программам. Финансирование университета осуществлялось из государственного бюджета, а также за счет заключения договоров с предприятиями на выполнение научно-исследовательских работ. В условиях рынка высшая школа была вынуждена обратиться лицом к рыночному спросу на знания. Поэтому в настоящее время все чаще представителями сферы образования университет характеризуется как субъект рынка образовательных услуг.

Студенту университета как лицу, покупающему знания, далеко не всегда необходимо покупать полную корзину, например, в виде второго высшего образования. Ему может быть достаточно купить один-два предмета. Важно только, чтобы покупка курсов в розницу предусматривала возможность компоновки купленных курсов в диплом магистра или бакалавра, а тем - в предметы.

В последние годы все чаще люди, далекие от академических кругов, в основном родители студентов, обучающихся на коммерческой основе, высказывают мнения типа: «Высшее образование – это фикция». И действительно, существование филиалов вузов, где студент, обучающийся на дистанционной основе два раза в год, приезжает на сессию, каждая сессия длится по два дня, за это время нужно успеть сдать экзамены и зачеты по предметам, «изученным» на протяжении всего семестра, этот тезис подтверждает. Кроме того, покупка в розницу предметов порождает ситуации, когда студент первого курса оплачивает предметы, изучению которых должно было предшествовать изучение целого ряда дисциплин (дисциплины специализации или какие-либо факультативные курсы), а на последнем курсе прослушивает лекции по уже ставшим знакомыми ему общепрофессиональным дисциплинам.

Однако следует отметить также, что даже филиалы коммерческих вузов, не имеющих ни учебной, ни методической базы выполняют определенную социальную роль, в частности они позволяют отвлечь широкие слои молодежи именно в учебный процесс, а не в криминал либо иной способ неконтролируемого проведения досуга. Но доступность и неполноценность данного «высшего» образования приводит к серьезным социальным потрясениям в виде очередей в бюро трудоустройства людей «с высоким

интеллектом» и поэтому чужающимся неквалифицированного труда и огромной прослойки безработных «дипломированных специалистов», дефицитом рабочей силы на промышленных предприятиях.

Компьютерная, информационная и телекоммуникационная революции привели к появлению новых технологий производства и распространения знаний. В этих условиях спрос на предлагаемые высшей школой услуги претерпел глубокие изменения. В настоящее время можно выделить следующие формы продажи знаний, определяемые рыночным спросом на них:

1) собственно продажа:

– консалтинговые услуги (НИР, консультации, экспертные оценки, совместные разработки, проведение конференций, семинаров, симпозиумов);

– электронные носители информации;

– печатные носители информации;

2) преподавание (очное, заочное, вечернее, дистанционное, смешанное).

Таким образом, функции университета расширились. Но следует учесть, что вуз выпускает не «продукт мгновенного потребления», а продукт, который затем либо портит жизнь другим, либо улучшает ее. Здесь речь идет о задачах не только вуза и студентов, но того города и региона, где студенту по окончании вуза предстоит работать, применяя полученные знания.

Коммерциализация образования приводит к тому, что доступность образования действительно повышается. Так, для студента коммерческого отделения не важен проходной балл, нет необходимости выдерживать жесткий конкурс, да и при наличии проблем с внесением оплаты за обучение можно взять кредит. Не говоря уже о том, что оплата 15-25 тыс. руб. за 1 год обучения вполне по силам любой среднестатистической семье (если средняя заработная плата по г. Тольятти в 2014 г. составляет около 28 тыс. руб., или примерно 336 тыс. руб. за год, то доля расходов на образование ребенка от суммы заработной платы одного родителя составит максимум 8%). Численность студентов в вузах последовательно возрастает, и все большее количество студентов в настоящее время оплачивают обучение, что подтверждает правильность сделанных выше расчетов. При этом нередко происходит девальвация знаний, так как начинают превалировать финансовые интересы учебных заведений.

Развал образовательного потенциала в 90-е годы все еще оказывает негативное влияние на социально-экономическое развитие России. Речь идет о таких явлениях 1990-х гг., как перепроизводство одних специалистов и недопроизводство других, массовый отток специалистов, ухудшение профессионально-квалификационной структуры работников, моральное старение знаний. Хотя в настоящее время происходят позитивные сдвиги, растет численность школ и вузов в негосударственном секторе, меняется их структура, повышается вариативность обучения, – названные выше проблемы остаются, а повышенный спрос на высшее образование обусловлен не экономическими причинами.

Плюсы роста числа негосударственных вузов в том, что удовлетворение спроса на знания приводит к росту дохода профессорско-преподавательского состава за счет дополнительного привлечения коммерческих студентов, публикаций, разработок, консультирования. В последние годы на рынке образовательных услуг Самарской области ситуация складывается положительная. Хотя результаты проводимых Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки проверок ВУЗов и не дают оснований

сделать точное заключение о качестве образования, что же касается проверки на соответствии уровня образования в вузах государственному стандарту, в основном замечания касались материальной базы, ни один филиал в 2013-2014 гг. деятельности не прекратил.

В последние годы можно наблюдать, как с повышением доступности образования на образовательный рынок выходит все больше новых учреждений. Это порождает угрозу сокращения доли рынка для каждого конкретного вуза. Чтобы выжить в этих условиях, вузу необходимо разработать и реализовывать собственную стратегию развития. При этом следует помнить, что количество студентов в последние годы имеет тенденцию к сокращению. Население в России сокращается, например, после 2006 г. началось уменьшение численности населения в возрасте 18-25 лет.

Негосударственным вузам, не имеющим хорошей репутации, для привлечения дополнительного количества студентов приходится не только снижать плату за обучение, но и создавать студенту более «удобные» условия для обучения. Нередко стремление создать такие условия приводит к снижению уровня требований к знаниям. Поэтому такие вузы не обеспечивают получения своими выпускниками таких необходимых в рыночных условиях параметров квалификации специалистов, как профессиональная гибкость, развитие информационных и коммуникативных навыков, способность к обновлению знаний и др.

Здесь можно обнаружить много общего между процессами становления массовой доступности высшего образования и массовой культуры. Как известно, предпосылкой возникновения массовой культуры было стремление донести культуру до масс населения. Поэтому, если университет как корпорация по продаже знаний будет стремиться к продаже знаний в виде ширпотреба (а именно эта тенденция в последние годы проявляется в «массовом производстве» экономистов, юристов и бухгалтеров), престиж такого вуза будет неуклонно снижаться. Уже сейчас, анализируя подобные тенденции, специалисты делают выводы, что количество подобных вузов в Тольятти сейчас избыточно.

Однако, если стремление корпорации по продаже знаний к получению прибыли за счет эксплуатации потребительских заблуждений явно может привести в тупик, попытаемся определить направления выхода из этого тупика, отталкиваясь от понимания вуза как учреждения, не только транслирующего, но и формирующего знания. Ведь основными «продуктами» образовательного учреждения являются подготовленные люди и знания.

Образовательный и культурный потенциалы играют ключевую роль в развитии общества, во многом определяя интеллектуально-профессиональные характеристики общества и возможности реализации человеческого потенциала. От их состояния зависят динамика социально-экономической эффективности, качественные сдвиги в экономике, формирование основ для будущих преобразований в обществе.

Регулировать отношения в системе образования должно государство, по той причине, что государство должно являться потенциальным носителем общенациональных как текущих, так и долгосрочных интересов, связанных с формированием стратегических факторов экономического роста. Поэтому реформирование высшего образования должно быть направлено на достижение высоких социально-экономических результатов при совмещении интересов потребителей образовательных услуг и государства.

В XXI веке наиболее значимой движущей силой экономического развития становятся накопление и практическое применение знаний, что приводит к повышению роли высшей школы в строительстве экономических систем и демократических обществ. В этот период построения общества знаний Университет, с одной стороны, должен стать образцом современной высшей школы, выпускающий людей, обладающих всеми необходимыми техниками и навыками для преобразования существующего мира, а с другой стороны, в реализации своих образовательных программ и технологий должен учитывать рамку территориальной социализации, учитывать особенности того административно-территориального места, в котором он располагается. Такой тип работ можно обозначить как реализацию образования по городскому заказу.

По своему назначению Университет должен представлять собой место обеспечения и развития существующих сфер деятельности города и региона, встречи и разработки проектов развития города и региона, совместных для города и региона инфраструктур: транспортных, энергетических, торговых, финансовых, производственных, социальных.

Можно выделить три основных направления действий правительственных организаций и городской власти в сфере высшей школы:

1) разработка адекватной политики (реформы, подкрепленные четким видением долгосрочной картины развития высшего образования);

2) разработка правовой базы на местном уровне (создание нормативных актов, регулирующих правила учреждения новых образовательных программ и форм обучения, разработка механизмов обеспечения качества и финансовой надежности для государственных вузов, а также блок законов об интеллектуальной собственности);

3) разработка финансовых механизмов регулирования (схемы распределения бюджетных ассигнований, предполагающей зависимость объема финансирования от показателей деятельности вуза, поощрение самофинансирования вузов и программы финансовой поддержки студентов, методы, позволяющие расширить доступ к высшему образованию – одним из возможных методов может стать интерпретация системы ГИФО на уровне города, конвертируемая в форму Городских именных финансовых обязательств).

Для того, чтобы университет смог реализовать свою роль как фактора городского развития, необходимо коренное изменение учебного процесса: существующие университеты, как правило, не ухватывают своей деятельностью городские «масштабы», особенности и возможности города.

Учебному процессу Университета Российской академии образования тольяттинского филиала предстоит перманентно решать две глобальные задачи: первая - по производству актуальных знаний для города, вторая – по подготовке кадров для запланированных объектов или городских процессов. Решение второй задачи невозможно без разработки принципиально нового учебного плана подготовки выпускников, так как он является основой учебного процесса. Именно поэтому форма и содержание составляющих нового учебного плана должны определяться теми же требованиями, которые предъявляются к выпускникам. Такие требования достаточно легко сформулировать, если выпускник готовится для конкретного рабочего места и конкретного предприятия.

В частности, в основе развития территории должна лежать периодически корректируемая инновационная стратегия, определяемая адекватным распределением ресурсов и подбором кадров. На основе проводимых (в первую очередь – городскими университетами) исследований составляется стратегический план развития территории, учитывающий, как социальную инфраструктуру, промышленную специализацию ре-

гиона, так и ориентиры университетского образования. План выпуска специалистов определенного профиля, целевая подготовка кадров с позиции выгоды для данной территории должны стать базовыми при реализации инновационной стратегии.

Таким образом, назрела необходимость изменения амплуа университета: с «храма науки» на «фактор развития территории». Задачами реформирования университетского образования в ТФ УРАО на ближайший период являются адаптация образования к потребностям рынка, дальнейшее развитие гуманизации образования, четкая его направленность на развитие личности, ее способностей, социальную адаптацию. Принимая во внимания заявленный тезис о том, что образование как деятельность является точкой роста городского развития, перспективы реформирования системы высшего образования с учетом роли университета можно обозначить следующим образом. Университет должен стать стратегическим партнером в решении социально-экономических проблем субъектов Федерации, федеральных округов и государства, источником регионального развития, участником структурных реформ и каналом для привлечения внешних ресурсов развития. Можно выделить ряд направлений стратегического партнерства областных Правительств и университетов:

1) создание системы целевой подготовки кадров путем заключения прямых договоров областных вузов с заказчиками с конкретными обязательствами сторон, создание в вузах структур, занимающихся трудоустройством выпускников, проведением ежегодного мониторинга потребности в специалистах;

2) мониторинг перспективной потребности области в специалистах с высшим и средним образованием и приведение структуры и содержания профессионального образования и подготовки кадров в соответствие с перспективными потребностями рынка труда;

3) сотрудничество университетов и Правительства области, предприятий и организаций в работе по переподготовке и повышению квалификации персонала, в первую очередь квалифицированных рабочих кадров, а также и специалистов с высшим образованием;

4) сотрудничество государства, научных организаций и университетов в создании высоких технологий, новых конструкторских разработок, в формировании региональной научно-инновационной политики, участие ученых в реализации инновационных проектов, в том числе регионального характера;

5) повышение инвестиционной привлекательности системы образования: вовлечение организаций работодателей в формирование стандартов, учебных программ и оценку качества образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева, Е.Н. Экономическая социализация учащейся молодежи: опыт регионального исследования [Текст] / Е.Н. Васильева, В.Н. Гуляихин // Социологические исследования. – 2014. – № 8. – С. 115-119.
2. Нагимова, А.М. Совмещение обучения в вузе и трудовой занятости [Текст] / А.М. Нагимова, Ф.Р. Сафиуллина // Социологические исследования. – 2014. – № 4. – С. 121-124.

И.А. Селезнев

Институт социально-политических исследований РАН, г. Москва

ОСНОВНЫЕ СТАДИИ ЭВОЛЮЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА (ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА)

Методологически данная работа исходит из положений функционализма, сформулированных Т. Вебленом. Социальный институт понимается как совокупность общественных обычаев, норм, устоявшихся привычек поведения, образ мысли и образ жизни, передаваемый из поколения в поколение. Возникает социальный институт из необходимости удовлетворения социальных потребностей общества и на пути своего развития претерпевает несколько стадий эволюции [1; 200-201, 217]. Динамика социальных институтов включает взаимосвязь следующих процессов: жизненный цикл института от момента его зарождения до исчезновения/трансформации; функционирование зрелого института, выполнение всех его социально значимых функций, появление и преодоление дисфункций; эволюция института, изменение вида, свойств, формы и содержания на историческом отрезке времени, возникновение новых и отмирание старых функций и дисфункций, как явных, так и латентных. Преобладание латентных функций над явными свидетельствует о кризисе и дезорганизации социального института.

Социальный институт образования возник как ответ на коллективную потребность в передаче и получении знаний, в социализации подрастающего поколения, подготовке профессиональных кадров. Зарождение системы образования как самостоятельно-го социального института относится к периоду раннеклассового общества. И, с точки зрения динамики, социальный институт образования на пути своей исторической эволюции претерпел, по крайней мере, четыре жизненных цикла: (1) в эпоху античности, (2) в средневековье; (3) в эпоху Возрождения, Реформации, Великих географических открытий, Нового времени, Просвещения; (4) эпоху промышленной революции и развития крупной машинной индустрии. На каждом из этих циклов институт образования проходил фазы формирования, пика эффективности, бюрократизации и кризиса, дезорганизации, когда он терял свой динамизм, гибкость и жизнеспособность, вслед за чем институт каждый раз трансформировался, вынужденно преобразовывался в новый, отвечающий потребностям современности.

С конца XX в., на заре постиндустриальной эпохи мы снова можем засвидетельствовать кризис системы образования как социального института. В мировом масштабе возрастает диспропорция и в расходах на образование и в уровне образования между бедными и богатыми странами. Если рассмотреть динамику российской системы образования в современных условиях, можно обнаружить особенности связанные как с мировыми тенденциями в появлении дисфункций и латентных функций системы образования, так и кризисные тенденции, специфически характерные для постсоветского пространства. Основными факторами, описывающими сегодняшнюю российскую (и шире постсоветскую) систему образования выступают четыре разнонаправленных вектора: (1) глобализация (трансграничное образование, присоединение к «болонскому процессу», ориентация на «индекс цитирования» и т.п.); (2) стремление к сохранению национальной идентичности; (3) коммерциализация и прагматизация образования; (4) структурный дисбаланс между подготовкой специалистов вузами и их целевым трудоустройством.

Обнажаются латентные функции социального института образования. Сегодняшние вузы превратились в учебно-сервисные комплексы, предлагающие услуги не только образовательные, но и сугубо социальные, например, молодые люди получают законную отсрочку от призыва в армию. По результатам опросов российского студенчества, проведенных ИСПИ РАН, за последние полтора десятилетия среди мотивов получения высшего образования у студентов преобладает стремление стать сделать карьеру, получить интересную профессию, получить диплом, стать материально обеспеченным, но за период 1996-2012 гг. менялась иерархия приоритетов, ранги значимости с I до IV. Обратим внимание на принадлежность к числу доминирующих чисто формального мотива поступления в вуз – необходимость получения диплома (варьировалось по разным годам от 39% до 47% респондентов, в 2006 г. он даже выходил на I место рейтинге приоритетов) [2, с 116-117; 3, с. 12-15].

Преодоление кризиса образовательной системы требует очередного радикального обновления, социального конструирования, которое даст возможность возродиться данному социальному институту. Если в условиях глобализации национальный интерес в существенной степени связан с поиском государством достойного места в мировом разделении труда, то если мы станем говорить (в терминологии «циклов Н.Д. Кондратьева») о переходе к 6-му технологическому укладу, то не должны забывать, что он подразумевает конвергенцию nano-, био-, информационных и когнитивных технологий, т.е. включает высокие гуманитарные технологии. Таким образом, на смену понятий «трудовые резервы», «кадровая политика» должно придти понятие «человеческого капитала», а сфера образования должна войти в число важнейших приоритетов, поддерживаемых государством. Это требует революционных перемен в содержании образования, направленных на то, чтобы они отражали достижения современной НТР, постиндустриального технологического уклада.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веблен, Т. Теория праздного класса [Текст] / Т. Веблен. – М., 1984. – С. 200-201, 217.
2. Ковалева, Т.В., Селезнев И.А. Российская модернизация и реформа высшей школы [Текст] / Т.В. Ковалева, И.А. Селезнев // Россия: модернизация системы управления обществом. – М.: ИСПИ РАН, 2012. – С. 116-117.
3. Селезнев, И.А. Национальные интересы и реформа высшей школы [Текст] / И.А. Селезнев // Ректор вуза. – 2012. – № 6. – С. 12-15.

Федотовская О.А.

Вологодский государственный университет

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ ДЕТЕЙ

На Вологодчине за тридцать лет накоплен позитивный опыт по использованию фольклора в образовании детей. Работа ведется в учреждениях разного типа, которые выстраивают педагогический процесс на традициях родного края. Среди них как специальные студии, отделения, школы при системе образования, так и учреждения культуры и их структурные подразделения – музыкальные школы, Центры традиционной народной культуры. В качественном отношении деятельность таких коллективов и учреждений принципиально отличается от принятых установок в исполнительских коллективах концертного плана, ориентированных на сценический и обобщенный показ народной музыки.

Предпосылками к развертыванию педагогической работы на традициях народной культуры в нашем крае стали: активная исследовательская работа по изучению фольклора и этнографии Вологодского края, публикация фольклорных материалов. Это создало условия для педагогов использовать в работе с детьми принципиально новую фактологическую базу материалов по традиционному культурному наследию, оценить её педагогические достоинства и вместе с этим позволило осмыслить и апробировать новые методы работы. Важную роль для педагогов-практиков сыграли: исполнительская и концертно-просветительская деятельность создаваемых на Вологодчине фольклорных коллективов, развернувшееся общественное движение по возрождению народно-песенных традиций края, которые были направлены на объективное представление традиции, желание её сохранять и преумножать. Важную роль имеет деятельность Вологодского государственного педагогического университета (научный руководитель – засл. работник культуры России Г.П. Парадовская) по изучению, освоению народно-песенных традиций Вологодской области и подготовке специалистов, компетентных в сфере традиционной народной культуры и системе этнокультурного образования.

Сделаем научно-педагогические обоснования важности этнокультурного образования современных детей на основе актуализации фольклорных традиций родного края, покажем содержательные стороны и возможности культурного опыта народа для педагогов, начинающих свою педагогическую работу в данном направлении.

Следует отметить, что процесс становления и воспитания личности на традициях культуры этноса не противоречит включенности современного человека «в полноту культурного бытия» (М.В. Захарченко), функционированию в многообразном поли-

культурном мире. Постижение родной культуры закладывает основы для позитивного межэтнического общения и взаимодействия людей.

Фольклорные традиции как «исторически сложившиеся характерные для народного творчества формы и способы художественного отображения действительности» [1, с.45] передавались от поколения к поколению, воздействовали на образ жизни и мыслей людей, выполняли различные нормативные, адаптивные, ценностные, символические, дидактические и др. функции, создавали условия для этнической идентификации людей. Являясь неотъемлемой частью жизнедеятельности человека, фольклорные традиции актуализировались в новых фактах истории и культуры, составляя постоянно действующий и звучащий педагогический ресурс. В ситуации естественно-бытования ярко проявлялось их единство с природной, материальной культурой – компонентами неделимой жизненно-важной среды человека.

Суть фольклорной традиции определяется триединством следующих аспектов: содержательного – как совокупности текстов (в широком смысле) и контекста (пространственно-временных условий реализации текста), составляющих народную культуру; процессуального – как ценностной пролонгированной системы, обеспечивающей связь поколений и воспроизведение основ национальной культуры; инструментального – как механизма действия культуры, сохранения и передачи опыта, выработанного народной культурой [2, с. 98]. Такой подход позволяет фольклорные традиции рассматривать не только с позиции содержания и целей их функционирования, а и с точки зрения методов, способов, средств, форм их передачи-наследования.

Очевидно, что фольклорная традиция проявляется в проекции прошлого на настоящее и будущее, служит выражением «общего» (коллективного) сознания. При этом следует отметить, что единичный, случайный элемент не станет традиционным в силу своей не адаптации в общественном сознании. Целостность общественных отношений будет сохраняться в том случае, если индивид становится носителем общего – когда «ищет выражения не себя в искусстве, а через своё творчество выражает искусство данного промысла, ищет свою связь в коллективном, в противном случае творчество индивида не только теряет свой смысл, но становится разрушительным для народного искусства» [3, с.6].

На традиции основан процесс социализации, поскольку он предполагает усвоение индивидом социокультурного опыта и «означает наследование, подключение к групповой памяти, укоренение в этом прошлом, дающее ему возможность ориентироваться в мире и обеспечивающее чувство надежности и стабильности» [4, с.141]. Становление субъекта культуры не исчерпывается только кристаллизацией социокультурного опыта, а связано также с осознанием себя в окружающем пространстве, основанном на развитии самосознания как рефлексии. В этом случае традиция из образца для подражания превращается в объект рефлексии: её осмысливают, сравнивают, оценивают, а наследие преемника становится предметом интерпретации» [5, с.142].

Объяснить закономерности традиции возможно лишь с учётом сознания, которое и способствует возникновению, развитию и устойчивости традиции. Повторить в себе деда, а себя в детях – характерная особенность народного, в том числе и фольклорного, мышления. А сам механизм действия фольклорной традиции определяется следующей последовательностью: действие – восприятие – сохранение – воспроизведение [6, с.5]. Тем самым, осуществляется непрерывное существование традиции, где «каждый новый цикл – результат коррекции эталона в новых условиях его воссоздания...» [там же].

Именно благодаря традиции (закону традиционности) человечество на протяжении многих тысячелетий сохраняет тот потенциал, которым оно на сегодняшний день располагает. Осмысление, усвоение опыта предков, владение им – «владение традицией» означает переход человека (общины) на более высокий культурный уровень.

Механизм действия процесса освоения/актуализации фольклорной традиции и её педагогического потенциала в современных социокультурных условиях нами разработан на основе изучения особенностей её естественного функционирования и отражен в специально сконструированной модели (схема № 1), которая включает: источники презентации и формы передачи фольклорной традиции; возможные способы-этапы вхождения человека в фольклорную традицию; результаты запечатления/освоения фольклорной традиции.

По модели видно, что современные способы запечатления традиции в отличие от её традиционного функционирования (преимущественно устного способа запечатления в «живой» традиции) будут достраиваться за счет новых возможностей технической и письменной фиксации фольклорного материала, а также восполняться посредством коллективов-преемников, осваивающих подлинные песенно-хореографические традиции региона.

Освоение традиции в условиях современного образования предполагает такие элементы, как изучение, опыт ее практического освоения и встраивания в творческую деятельность коллектива, которые будут соответствовать построению личного бытия.

Результаты освоения фольклорной традиции напрямую будут связаны с особенностями и возможностями возрастной категории людей её изучающих и, соответственно, определяться постановкой исполнительских и педагогических задач на определенном возрастном этапе и личностном уровне.

Не актуализируя сейчас воспитательные и развивающие возможности культурного наследия, прогнозируем результаты освоения фольклорных традиций через внутренний механизм их действия. Так, результативность процесса освоения может, на наш взгляд, определяться следующими показателями: знанием о традиции; умением её узнать, сопоставить, воспроизвести и осмыслить (наполняя мировоззренческим и житейским смыслом); способностью «прожить» в ролевой игре, общении, эмоциональном переживании, в событийном исполнении, празднике; желанием пропагандировать, реконструировать, исследовать, воспроизводить, актуализировать в новых условиях и жизненных ситуациях, транслировать через включение в продуктивное общение и обучение других. При полноценном освоении фольклорных традиций становится возможным становление личности растущего человека как носителя и творческого продолжателя этнокультурной традиции, идентификация человека со своим родным народом и культурой.

Было бы уместно проговорить иную модель воспроизводства фольклорной традиции, которая может выстраиваться на других методологических подходах и принципах (зачастую, как оказывается, противоположных). Так, освоение фольклорной традиции может осуществляться через установку (метод) на показ обобщенного образа фольклорного произведения, его свободную интерпретацию и стилизацию, эстетизацию и функциональную ограниченность. Такое отношение явно приведет к преодолению допустимого «порога вариативности» фольклорной традиции и закончится её разрушением.

Важно подчеркнуть, что чем выше компетентность педагога в вопросах содержания народной традиции, тем больше форм и смыслов сможет он актуализировать в современном педагогическом процессе. Это важное условие, обеспечивающее качественное и действенное воздействие этнической культуры на сознание ребёнка, его личностный рост.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин, В.П. Русское народное поэтическое творчество [Текст] / В.П. Аникин, Ю.Г. Круглов. – М., 1983. – 366 с.
2. Боронина, Е.Г. О программе приобщения детей дошкольного возраста к традиционной народной культуре [Текст] / Е.Г. Боронина / Научный альманах «Традиционная культура». – № 3 (26). – М., 2006. – С. 97-100.
3. Некрасова, М.А. Народное искусство как часть культуры [Текст] / М.А. Некрасова. – М.: Изобразительное искусство, 1983. – 344 с.
4. Культурология XX в. Словарь [Текст]. – СПб., 1997.
5. Культурология XX в. Словарь [Текст]. – СПб., 1997.
6. Мехнецов, А.М. Традиция как основополагающий принцип народной музыкальной культуры [Текст] / А.М. Мехнецов // Русская народная песня: стиль, жанр, традиция. – Л., 1985. – С. 5-19.

Схема №1

ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ	Источники презентации и формы передачи фольклорной традиции	Способы-этапы вхождения в фольклорную традицию	Результат запечатления/освоения фольклорной традиции
	<p>– УСТНАЯ ТРАДИЦИЯ «живой» опыт передачи</p> <p>– АУТЕНТИЧНЫЕ ИСПОЛНИТЕЛИ</p> <p>– ПЕДАГОГИ-НАСТАВНИКИ</p> <p>– РОДСТВЕННИКИ как носители семейных фольклорных традиций</p> <p>– фольклорные КОЛЛЕКТИВЫ-ПРЕЕМНИКИ ТРАДИЦИЙ</p> <p>– ФОЛЬКЛОРНЫЙ ОПЫТ СВЕРСТНИКОВ</p> <p>вспомогательно-визуальная форма передачи</p> <p>– фольклорные традиции, СОХРАНЕННЫЕ НА ЗВУКО-, ВИДЕО-, ЦИФРОНОСИТЕЛЯХ</p> <p>ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ ФИКСАЦИИ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТРАДИЦИЙ (сборники, книги)</p>	<p>– ЗАПЕЧАТЛЕНИЕ</p> <p>– ИЗУЧЕНИЕ / ИССЛЕДОВАНИЕ</p> <p>– РАЗУЧИВАНИЕ</p> <p>– ПОСТИЖЕНИЕ</p> <p>– ЗАПОМИНАНИЕ</p> <p>– КОПИРОВАНИЕ (повторение)</p> <p>– ОВЛАДЕНИЕ способами варьирования и импровизации традиции (не преодолевая допустимого «порога вариативности»)</p> <p>– ВПЕВАНИЕ</p> <p>– ОПРЕДЕЛЕНИЕ контекстуальности и функциональности</p> <p>– ОСМЫСЛЕНИЕ: наполнение мировоззренческим и житейским смыслом</p> <p>– РЕКОНСТРУКЦИЯ (восстановление и достраивание)</p> <p>– СОВЕРШЕНСТВО-ВАНИЕ ИСПОЛНЕНИЯ И «УГЛУБЛЕНИЕ» ВОСПРИЯТИЯ</p>	<p>– ЗНАЕМ о традиции</p> <p>– УЗНАЕМ традицию</p> <p>– ВОСПРОИЗВОДИМ (исполняем)</p> <p>– СОПОСТАВЛЯЕМ</p> <p>– (сравниваем)</p> <p>– ОЦЕНИВАЕМ</p> <p>– НАСЛЕДУЕМ</p> <p>– ПРИСВАИВАЕМ</p> <p>– «ПРОЖИВАЕМ»:</p> <ul style="list-style-type: none"> – проигрываем в ролевой игре; – общаемся в системе «человек-человек», «человек-природа», «человек - божественное» и др.; – получаем эмоциональное наслаждение/ переживание от личного исполнения и коллективного «события» в песне/пляске; – включаем в праздник, обрядовое действие, развлечение <p>– ПРОПАГАНДИРУЕМ</p> <p>– СОХРАНЯЕМ</p> <p>– АКТУАЛИЗИРУЕМ в новых условиях и жизненных ситуациях</p> <p>– ТРАНСЛИРУЕМ (передаем опыт): - включаем в продуктивное общение,</p> <p>- целенаправленно учим других</p> <p>– ИДЕНТИФИЦИРУЕМ себя с родным народом и культурой</p>

М.А. Головчин

ИСЭРТ РАН, г. Вологда

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СООТВЕТСТВИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ ПОТРЕБНОСТЯМ РЫНКА ТРУДА

В нашей стране за последние несколько лет был накоплен значительный потенциал для формирования конкурентоспособной экономики, базирующейся на интеллекте, знаниях и инновациях. Для создания такого типа экономики необходимо наличие эффективной системы образования, которая должна быть гибкой и отвечать современным экономическим реалиям [11, с. 27]. Однако на пути этого движения стоит ряд препятствий. Прежде всего, обращает на себя внимание недоверие субъектов экономики к деятельности по подготовке кадров в сфере профессионального образования. Одной из весомых причин этого недоверия является несоответствие уровня компетенций (знаний, умений и навыков, необходимых для профессиональной и социальной деятельности) выпускников образовательных учреждений потребностям работодателей. Согласно данным опроса НИУ ВШЭ, в 2013 году руководители российских предприятий и компаний оценивали знания и навыки выпускников вузов, техникумов и колледжей на «тройку с плюсом» (3,5–3,7 балла по пятибалльной шкале в зависимости от уровня обучения) [6].

Проблема столь низких знаний и умений молодых специалистов актуальна как на федеральном уровне, так и для отдельных регионов, что можно проследить на примере Вологодской области. Так, согласно данным опроса, проведенного Институтом социально-экономического развития РАН, опрос проводился среди руководителей предприятий промышленности Вологодской области во II квартале 2013 года общая выборка опроса — 88 человек, большая часть руководителей предприятий промышленности региона оценили профессиональную подготовку выпускников учреждений профобразования как среднюю. В отношении учащихся училищ и лицеев подобным образом высказались 49 % руководителей, в отношении учащихся техникумов и колледжей — 54 %, в отношении студентов вузов — 55 % [2, с. 47].

Подобная ситуация в субъектах Российской Федерации во многом складывается из-за того, что на этапе вхождения экономики в инновационную фазу развития на рынке труда растет спрос на творчество, креативность, умение решать нестандартные практические задачи в условиях конкурентной среды [11, с. 27].

Согласно данным исследования «Приоритеты современного работодателя», проведенного НИУ ВШЭ¹ в 2005 году, руководители российских предприятий среди качеств, определяющих карьерный рост сотрудника, выделяли предприимчивость, энергичность (48 %), работоспособность (46 %) и склонность к риску (36 %). Важность таких качеств, как ответственность, интеллигентность, справедливость, оценили лишь 6 % работодателей [1, с. 40].

Подобные оценки подтверждают и результаты более поздних исследований. Согласно данным экспертного интервью, проведенного НИУ ВШЭ в мае – сентябре 2011 года среди руководителей российских компаний², для работодателей на первый план выходят не уже сформированные навыки, а способности, связанные с мотивацией, личностными характеристиками и раскрытием внутреннего потенциала выпускников учебных заведений, такие как:

- ориентация на высокое качество работы (4,9 балла по 5-балльной шкале);
- нацеленность на результат, упорство в достижении целей (4,8 балла);
- готовность к развитию своего интеллектуального, профессионального и общекультурного уровня (4,7 балла);
- адаптивность и креативность (4,6 балла);
- лидерство и инициативность (4,5 балла).

Несколько меньше интересует работодателей наличие у работников объективных знаний по праву (4,1 балла), этических норм (4 балла), иностранных языков (4,3 балла), усидчивость и внимательность (4,2 балла) [7, с. 20].

В то же время традиционная форма подготовки специалистов в большинстве образовательных организаций не способствует формированию образа конкурентоспособного специалиста XXI века. Подобное несоответствие свидетельствует о необходимости модернизации парадигмы развития образования. В условиях инновационной экономики необходимо обучать не только конкретной профессии, но и основам карьерного успеха [11, с. 28]. Так, одной из главных задач, поставленных в государственной программе Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 год является изменение образовательных программ профессионального образования в соответствии с потребностями развития экономики [3]. Данная задача требует более конкретных научных обобщений.

Ниже приведены результаты исследования, проведенного Институтом социально-экономического развития территорий РАН с целью определения приоритетов работодателей в отношении профессиональных компетенций молодых специалистов и их сравнения с текущим уровнем развития знаний, умений, навыков, психологических особенностей студентов, обучающихся в учреждениях профессионального образования Вологодской области. Информационной базой исследования послужили данные экспертного опроса, осуществленного в I квартале 2014 года в рамках мониторинга проблем повышения эффективности и качества услуг в сфере среднего и высшего профессионального образования в Северо-Западном федеральном округе. Мониторинг проводился Санкт-Петербургским государственным университетом в целях реализации государственной программы Российской Федерации «Развитие образования».

1 В ходе исследования было опрошено 516 руководителей предприятий различных сфер экономики и форм собственности. Выборка целевая с учетом типа предприятия.

2 В исследовании приняли участие 62 руководителя организаций в сфере производства (продажи) товаров и услуг, финансов, интернет-технологий, рекламы, недвижимости, фармакологии, консалтинга, научной деятельности и кадровых агентств.

В качестве экспертов в исследовании были отобраны работники шести вузов Вологодской области и семи образовательных организаций среднего профессионального образования. В ходе исследования были опрошены 147 человек, из них 84 работника учреждений высшего и 63 — среднего профессионального образования; 34 человека занимают руководящие, 113 — преподавательские должности.

Данные экспертного опроса позволяют говорить о том, что набор компетенций у студентов техникумов и вузов отличается от того, который необходим для успешного карьерного роста в организациях и предприятиях. Эксперты высоко оценивают полученные студентами во время обучения профессиональные знания (96 %) и умения (86 %) по специальности (см. таблицу). Менее ценится умение применять накопленные знания в профессиональной деятельности (71 %). Обращает на себя внимание тот факт, что только 17 % считает, что у учащейся молодежи в полной мере развиты простейшие функциональные навыки (планирование своей деятельности, быстрое принятие решений, умение работать в команде, саморазвитие и др.), наиболее востребованные работодателями. 10 % преподавателей вузов считают, что функциональные навыки у их подопечных присутствуют лишь частично.

Результаты опроса позволяют говорить о том, что у студентов не в полной мере развиты не только компетенции, но и большинство необходимых для профессиональной самореализации личностных качеств. По мнению большинства экспертов (75 %), учащаяся молодежь обладает способностью воспринимать и усваивать знания, умения и навыки. Креативностью же (стремлением к творчеству, творческому восприятию мира), которая необходима работнику в условиях формирования инновационной экономики, экономики знаний, владеют далеко не все студенты. Так, 35 % преподавателей (36 % — в вузах и 34 % — в техникумах и колледжах) считают, что креативностью обладает только половина студентов, обучающихся в организациях профессионального образования. При этом высокий уровень развития творческих способностей у студентов отмечает 29 % педагогов факультетов исторического и психологического профиля и лишь 10 % — экономического.

Нельзя не отметить достаточно сильную связь между наличием у студентов необходимых для рынка труда компетенций и уровнем развития инноваций в учебном заведении. Так, среди преподавателей, которые считают, что креативностью как личностным качеством обладает большинство обучаемых ими студентов, 75 % высоко оценивают качество развития инновационной структуры в своей образовательной организации. О значительном уровне развития аналитических навыков своих подопечных говорят 86 % работников вузов и колледжей, где создана развитая структура малых инновацион-

Оценка степени развития у студентов необходимых компетенций, знаний и умений (в % от числа опрошенных)

Компетенции	Развиты в полной мере	Скорее развиты	Развиты лишь наполовину	Скорее не развиты	Не развиты
Профессиональные знания по полученной специальности	24,7	69,9	4,1	1,4	0,0
Профессиональные умения по полученной специальности	20,0	65,5	9,7	4,8	0,0
Социальные компетенции, личностные качества	16,7	62,5	20,1	0,7	0,0
Профессиональные навыки (способность применять знания и умения)	18,6	52,4	24,1	4,1	0,7
Функциональные навыки	16,7	52,8	22,9	6,9	0,7
Широта кругозора	7,6	51,7	36,6	3,4	0,7
Большой словарный запас	7,7	38,5	42,7	9,8	1,4

ных предприятий и технопарков. Это свидетельствует о том, что тяга к исследовательской деятельности, желание узнавать мир с помощью созидательных форм познания во многом зависят от той среды, в которой находится учащаяся молодежь.

Однако инновационная инфраструктура в системе профессионального образования региона развита далеко не везде. Так, отсутствие материально-технических условий (помещений, оборудования и т. д.) для проведения научных исследований является серьезной проблемой для организаций среднего профессионального образования. 17 % экспертов, работающих в техникумах и колледжах, считают текущее состояние материальных ресурсов в их учебных заведениях неудовлетворительным. Удельный вес работников вузов, дающих подобные оценки, в 1,5 раза меньше (12 %).

Недостаточно высокий уровень развития малых инновационных предприятий, бизнес-инкубаторов, технопарков в вузах и колледжах отчасти объясняется тем, что ряд образовательных организаций (особенно гуманитарной направленности) не связывает свою текущую деятельность с функционированием данных структур. Так, удельный вес положительных характеристик уровня развития инновационных элементов заметно больше в образовательных учреждениях экономической, чем педагогической направленности (74 % против 0 %). В то же время недостаточный уровень развития инновационной инфраструктуры сводит на нет возможность проведения в образовательных организациях научных исследований на высоком экспериментальном уровне, затрудняет процесс привлечения учащейся молодежи в науку.

На процесс формирования необходимых экономике компетенций оказывает влияние не только состояние материально-ресурсного обеспечения научно-образовательного процесса, но и качество набора студентов в организации профессионального образования. По результатам приемной кампании 2013 года в большинство вологодских вузов имели возможность попасть выпускники школ с достаточно низкими образовательными результатами. Среднее значение проходного балла ЕГЭ в государственные вузы Вологодской области было не превышало 37 (что в эквивалентном отношении ниже «тройки»). Особую настороженность вызывает тот факт, что за последние четыре года этот минимальный пропускной порог значительно снизился: в Вологодском государственном университете – на 19 п.п., в Череповецком государственном университете – на 17 п.п., в Вологодском государственном педагогическом университете и Вологодской государственной молочно-хозяйственной академии – на 16 п.п. В 2013 году средний балл ЕГЭ поступивших в вузы Вологодской области (40 баллов) уступал крупным столичным вузам – Московскому физико-математическому университету и Московскому государственному институту международных отношений в 1,8 и 1,9 раза соответственно [2, с. 45].

Таким образом, в организации профессионального образования региона попадают школьники с низкими образовательными результатами, отсутствием положительной мотивации к обучению и реализации себя на рынке труда как квалифицированного специалиста. 31 % экспертов в качестве основного мотива поступления студентов в учебные заведения области выделяют получение диплома об образовании по любой специальности. В данном случае студенту важно лишь наличие соответствующего документа. Однако такая картина распространена далеко не везде. Более благоприятная ситуация складывается в среднем профессиональном образовании. Так, удельный вес считающих, что молодежь поступает в образовательные организации, руководствуясь только мотивом получения документа об образовании, в вузах заметно превосходит долю ответивших подобным образом в техникумах и колледжах (43 % против 16 %).

Несоответствие профессиональных возможностей студентов ожиданиям работодателей ограничивает желание последних сотрудничать с образовательными организациями по программам поддержки талантливой молодежи, вкладывать силы и средства, которые не будут рентабельны. На проведение работ по совместной с предприятиями области реализации программ творческих конкурсов, стипендиальной поддержки в качестве направления деятельности учебных заведений указывает 31 % экспертов, программ по развитию талантов – всего 6 %.

В то же время результативность использования подобных программ весьма велика. Так, среди экспертов, учреждения которых работают по программам организации творческих конкурсов, 46 % высоко оценивают уровень развития креативности у своих студентов. Среди тех, кто работает в учреждениях, в которых действуют программы стипендиальной поддержки талантливой молодежи, этот показатель составляет 52 %. Исходя из этого, образовательным учреждениям целесообразно сконцентрировать внимание на организации работы по созданию информационного банка данных о наиболее выдающихся выпускниках и доведению этой информации до своих социальных партнеров. Нельзя допустить, чтобы негативные представления, которые складываются у работодателей в отношении качественных характеристик большинства студентов, отрицательным образом сказывались на профессиональных перспективах талантливой молодежи.

Таким образом, по результатам исследования можно судить о том, что большинство студентов, обучающихся в организациях профессионального образования, не обладают теми навыками и компетенциями, которые необходимы экономике региона. Более того, у них в значительной мере присутствуют качества, наименее востребованные на современных предприятиях, – широта кругозора, высокий уровень общей культуры, большой словарный запас. Все это говорит о том, что развитие профессионального образования оторвано от социальных и экономических реалий, что, в свою очередь, отрицательным образом сказывается на качестве предоставляемых образовательных услуг.

Для преодоления проблем недостаточного качества образования в вузах, техникумах и колледжах стратегически важно решить задачи по улучшению показателей приема в ряды студентов учебных заведений, совершенствованию уровня научно-исследовательской работы учащейся молодежи, информированию работодателей о наиболее талантливых, одаренных выпускниках. Одной из действенных мер может стать создание в субъектах Российской Федерации сети центров образовательных и научных обменов, которые будут координировать научно-образовательную работу организаций профессионального образования, организовывать их эффективное сотрудничество с предприятиями и организациями экономики, приглашать для чтения лекций и проведения стажировок специалистов из других регионов и стран. Центры могут взять на себя функции по формированию стратегии взаимодействия образовательных организаций по совершенствованию качества приема в учреждения профессионального образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврамова, Е.М. Работодатели и выпускники вузов на рынке труда: взаимные ожидания [Текст] / Е.М. Аврамова, Ю.Б. Верпаховская // Социологические исследования. – 2006. – № 4. – С. 37-46.
2. Головчин, М.А. Возможности для сотрудничества России и Беларуси в направлении развития высшего профессионального образования [Текст] / М.А. Головчин, Т.С. Соловьева // Экономика и управление. – 2013. – № 4 (36). – С. 43-48.
3. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013 – 2020 гг.: утв. Распоряжением Правительства РФ от 15.05.2013 № 792-р.

4. Игнатов, И.И. Высшее образование и вузовская наука в России: структура кризиса и антикризисные наметки [Текст] / И.И. Игнатов // Российский экономический журнал. – 2013. – № 5-6. – С. 41-53.
5. Корф, В.П. Анализ программы «5 в 100» в контексте конкурентоспособности ведущих университетов [Текст] / В.П. Корф // Образование и общество. – 2014. – № 1. – С. 93-96.
6. Мониторинг экономики образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://memo.hse.ru>
7. Опрос работодателей выпускников магистратуры факультета менеджмента НИУ-ВШЭ. Аналитический отчет по результатам исследования [Текст]. – М.: НИУ ВШЭ, 2011. – 50 с.
8. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>
9. Полетаев, А.В. Образование и рынок труда [Электронный ресурс] / А.В. Полетаев. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2005/0193/analit02.php>
10. Хеннер, В. Тонкая настройка университета [Электронный ресурс] / В. Хеннер // Эксперт. – 2014. – № 6. – Режим доступа: <http://expert.ru>
11. Худокормов, Н.Н. Оценки профессиональной компетенции выпускников ВУЗов на рынке труда в современных экономических условиях России для инновационного малого предпринимательства [Текст] / Н.Н. Худокормов // Профессиональные компетенции студентов и выпускников высших учебных заведений и их оценка на рынках труда. – М.: Общественная палата Российской Федерации, 2013. – С. 26-38.

Т.П. Кожина

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Значимость гражданского общества, которая всё чаще отмечается на федеральном уровне власти, обуславливает актуальность научных исследований, связанных с вопросами его формирования и развития. В 2004 г. Президентом РФ В. Путиным была озвучена идея создания общественных экспертных советов и общественной палаты «как площадки для широкого диалога, где могли бы быть представлены и подробно обсуждены гражданские инициативы», как места проведения общественной экспертизы ключевых государственных решений и законопроектов¹. Общественная палата была сформирована в 2009 г. соответствии с Федеральным законом от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации»². Необходимость «совместной работы государства и общества», гражданского участия в принятии ключевых государственных решений была подчеркнута В. Путиным в «Послании Президента Федеральному Собранию» 12 декабря 2013 года. В последние годы в стране создаются общественные советы при органах исполнительной государственной власти. В течение нескольких лет в Российской Федерации работают такие институты общественного контроля, как Общественная палата России, общественные палаты субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, общественные советы муниципальных органов, общественные советы при федеральных органах исполнительной власти. Так, в 2013 г. в Вологодской области был создан 31 общественный совет при всех органах государственной исполнительной власти³. С августа 2014 г. вступил в действие Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»⁴. Вместе с тем созданные общественные структуры в своей деятельности сталкиваются с

¹ Выступление Президента России на расширенном заседании правительства 13 сентября 2004 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.1tv.ru/news/polit/81339>

² Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12139493>

³ Публичный доклад о результатах деятельности Департамента внутренней политики области за 2013 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vologda-oblast.ru>

⁴ Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>

определёнными трудностями. Зачастую «мнение общества остаётся без внимания», «не принимается при принятии законов»⁵.

В настоящее время является актуальным вопрос о том, в какой степени или на какой стадии своего развития гражданское общество находится или находилось⁶.

В этой связи представляется важным определить степень развития гражданского общества в России в целом и в конкретном регионе. Гражданский потенциал общества измеряется как совокупность мнений граждан о политике государства, ее социальной и гражданской направленности, функционировании в интересах граждан социальных и политических институтов⁷. Институт социально-экономического развития территорий РАН (ИСЭРТ РАН) на протяжении ряда лет проводит мониторинг общественного мнения, направленный на выявление потенциала гражданской активности населения⁸.

Ключевым фактором развития гражданского общества является доверие людей на уровне межличностных отношений и по отношению к действующим в стране государственным и общественным институтам. По результатам международных социологических исследований, Россия относится к числу стран с невысоким уровнем доверия. Так, согласно исследованию Edelman Trust Barometer, результаты которого ежегодно в январе представляются на Всемирном экономическом форуме в Давосе (Швейцария). На основе среднего уровня доверия по 4 ключевым институтам (власти, бизнесу, масс медиа и общественным (неправительственным) организациям) Россия стабильно относится к группе стран с низким уровнем доверия (36% в 2013 г. и 37% в 2014 г.; табл. 1). При этом на первых позициях по доверию находятся так называемые растущие рынки (ОАЭ, Китай). В свою очередь, западные страны, особенно США и Франция, перешли из позиции «нейтральных» (neutral) в позицию «недоверяющих» (distrusters). Исследователи Барометра объясняют это так: западный скептицизм укрепляется, растущие рынки развиваются⁹.

По результатам исследования, в России, как и в мире в целом, доверие общественным организациям выше, чем доверие к власти (в 2014 г. это 41% против 27), при этом оба показателя примерно в полтора раза ниже среднемирового значения (соответственно 64 и 44%).

Исследователи отмечают существенную дифференциацию по уровню доверия на региональном уровне¹⁰. В отличие от общемировой и общероссийской ситуации жители Вологодской области доверяют в первую очередь органам власти федерального уровня, а также церкви, что объясняется исторически сложившейся патерналистской ментальностью, когда наведение порядка одобряется населением больше, чем расши-

⁵ Встреча с членами Общественной палаты 9 июля 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/46177>

⁶ Левашов В.К. Гражданское общество в современной России (социологические измерения). – М.: ИСПИ РАН, 2006. – 52 с.

⁷ Там же

⁸ Ежегодно опрашивается по 1500 респондентов в возрасте 18 лет и старше в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

⁹ About trust/Global results [Electronic resource]. – Available at: <http://www.edelman.com/insights/intellectual-property/>

¹⁰ Калюжнова Н.Я. Экономика недоверия // Экономика региона. – 2014. – № 1. – С. 56-66.

Таблица 1. Уровень доверия ключевым институтам среди информированного населения в возрасте 25 – 64 лет (6 – 9 по 9-балльной шкале; в % от числа опрошенных)

Инсти-тут	Среднемировое значение				Россия				Рейтинг России			
									среди 23 стран		среди 26 стран	
	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Власть	52	43	48	44	39	26	29	27	н.д.	24	24	22
Бизнес	56	53	58	58	41	41	40	45	23	22	25	23
Масс медиа	49	52	57	52	37	33	38	35	н.д.	25*	25	25
НПО	61	58	63	64	н.д.	28	40	41	н.д.	25*	25	26
Среднее	55	51	57	54	40	32	36	37	22	25*	26	26

* среди 25 стран

Источник: 2014 Edelman Trust Barometer. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.edelman.com>

рение гражданских свобод. Президенту, правительству страны и церкви традиционно доверяет более 40% населения области (табл. 2). При этом в период с 2013 по 2014 г. отмечается значительный рост доверия федеральной исполнительной власти – Президенту и Правительству РФ (на 7 – 8 п.п., соответственно с 47 до 55% и с 40 до 47%). Во многом это связано с поддержкой населения присоединения Крыма к России и политики президента по отношению к Украине. В последние два года по сравнению с предыдущими периодами отмечается также значительно более высокий уровень доверия силовым структурам. Так, в период с 2007 г. по 2014 г. уровень доверия армии, прокуратуре, полиции возрос на 8 – 10 п.п. (с 28 – 32 до 36 – 39%). Это может свидетельствовать об одобрении политики укрепления данных институтов, которые связываются в представлении людей с наведением порядка в стране. Согласно данным Российского исследования НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), наиболее важными демократическими ценностями для россиян являются закон, порядок и справедливые суды, которые по степени значимости опережают такие ценности, как свободные и честные выборы, свобода слова, независимая пресса и политическая оппозиция¹¹.

В соответствии с доминированием подобных установок доверие общественным институтам оказывает только примерно каждый третий – четвёртый житель области. Вместе с тем в регионе была поддержана общемировая и общероссийская тенденция небольшого роста или сохранения уровня доверия неправительственным организациям. В период с 2013 по 2014 г. увеличился уровень доверия Общественной палате РФ (с 30 до 34%; табл. 2), сохранилось доверие Общественной палате области (29 – 30%), профсоюзам (28%), общественным организациям (27%).

Что касается политических партий, то они входят в число институтов, которым доверяет наименьшее число жителей области (примерно каждый пятый). По результатам исследования, значительная доля населения не видит в действующих в настоящее время партиях выразителей своих интересов, причём их удельный вес в период с 2007 по 2014 г. возрос почти в два раза (с 18 до 35%).

Наряду с политическими партиями на последних позициях по уровню доверия находятся банки и руководители предприятий, уровень доверия которым за последний год снизился соответственно с 23 до 20 и с 28 до 23%. Ухудшение оценок быть вызвано снижением доходов населения и активизацией кредитования населения по высоким процентам на этом фоне. По данным статистики, реальные располагаемые доходы населения Вологодской области в IV квартале 2013 г. были в 2,9 раза выше прожиточного минимума, однако в I квартале 2014 г. это соотношение снизилось до 2,3 раза.

¹¹ Козырева П.М., Смирнов А.И. О границах политического доверия // Власть. – 2014. – № 5. – С. 5-10.

Таблица 2. Динамика уровня доверия действующим в стране общественным структурам и институтам власти?* (в % от числа опрошенных)

Общественные и государственные институты	2007	2011	2012	2013	2014	Изменение (+/-) 2014 к		
						2013	2011	2007
Уровень доверия > 40%								
Президенту РФ	60,3	50,5	45,7	47,0	55,3	+8	+4	-5
Правительству РФ	41,9	47,4	39,6	40,4	47,4	+7	0	+5
Церкви	44,8	47,5	41,4	43,9	45,5	+2	-3	+1
Уровень доверия > 35%								
Совету Федерации	34,9	35,5	32,3	34,6	39,9	+5	+4	+5
Прокуратуре	31,1	35,4	33,9	40,1	39,4	-1	+4	+8
Армии	28,7	34,1	31,3	37,5	39,0	+1	+5	+10
Суду	32,1	35,8	36,1	39,3	38,3	-1	+2	+6
ФСБ	34,2	35,8	33,2	37,5	36,9	-1	+1	+3
Руководству области	40,6	36,6	34,6	37,8	36,8	-1	0	-4
Государственной думе	29,5	32,0	30,5	31,6	36,3	+4	+4	+6
Полиции	28,3	32,1	29,3	33,7	35,7	+2	+4	+8
Уровень доверия > 30%								
Органам местного самоуправления	32,3	33,9	29,3	32,7	34,8	+2	+1	+3
Общественной палате РФ**	-	27,3	28,1	29,9	34,1	+4	+7	-
Общественной палате области**	-	25,7	25,4	29,2	30,2	+1	+4	-
Уровень доверия > 25%								
СМИ	27,5	28,7	29,5	30,2	29,7	0	+1	+2
Профсоюзам	28,6	30,0	25,6	27,8	27,7	0	-2	-1
Общественным организациям	24,4	26,7	26,5	26,8	26,7	0	0	+3
Уровень доверия < 25%								
Директорам, руководителям предприятий	23,6	22,3	25,1	27,5	22,8	-5	+1	-1
Политическим партиям, движениям	17,6	22,8	20,9	20,4	21,4	+1	-2	+3
Банковским, предпринимательским кругам	21,3	20,4	21,3	23,4	19,9	-3	0	-1

*Опросы проводятся 2 раза в год (в апреле и октябре). За 2007 – 2013 гг. приведены среднегодовые данные, за 2014 г. – данные апрельского опроса.
 ** В список вариантов ответа включен в 2010 г.

Если институциональное доверие можно рассматривать как обезличенное доверие организациям, которые реализуют официально установленные правила, нормы и предписания, то межличностное доверие позволяет активно осуществлять интеракции (коммуникации) между людьми и на этом основании укреплять общество¹².

В период с 2010 по 2014 г. более половины населения области готовы доверять только ближайшему окружению – родственникам и друзьям (55%; табл. 3). Доля лиц с высоким уровнем доверия в среднем за 2010 – 2014 гг. составляет 17%, что заметно ниже общероссийского уровня. По результатам международного исследования Всемирного обзора ценностей (World Values Survey) (2010 – 2014 гг.) доля жителей России, полагающих что «большинству людей можно доверять», превысила среднемировое значение (28% против 25), но значительно отстаёт от уровня стран-лидеров¹³.

Межличностное доверие способствует сплочённости, согласию в обществе. Сплочённость характеризуется также эмоциональной вовлечённостью, удовлетворенно-

¹² Кривоусов, В.В. Доверие в консолидации российского общества: социологическая концептуализация и институциональная оптимизация: автореф. дис. д-ра соц. наук: 22.00.04. – Ростов н/Д, 2013. – 51 с.

¹³ По результатам 6-й волны исследования (2010 – 2014 гг.) в пятёрку стран с наиболее высоким уровнем межличностного доверия входят Нидерланды (66,1%), Китай (60,3%), Швеция (60,1%), Новая Зеландия (55,3%), Австралия (51,4%). Наименьшим уровнем доверия (от 3,2 до 5,0%) отличаются Тринидад и Тобаго, Филиппины, Колумбия, Гана. (WVS Wave 6 (2010-2014); WVS Wave 5 (2005-2009) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.worldvaluessurvey.org>)

Таблица 3. Кому Вы можете доверять?* (в % от числа опрошенных)

Показатель	2010	2011	2013	2014	Среднее за 2010 – 2014 г.
В наше время никому нельзя доверять	26,1	24,7	27,9	27,9	26,7
Только самым близким друзьям и родственникам	58,1	56,5	52,5	53,4	55,1
Большинству знакомых мне людей можно доверять	12,8	16,1	15,2	12,2	14,1
Доверять нужно всем людям без исключения	2,3	2,5	1,6	3,1	2,4

Таблица 4. Как Вы считаете, чего сегодня больше: согласия, сплочённости или несогласия, разобщённости?* (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2011	2013	2014	Изменение (+ / -) 2014 к	
				2013	2011
В нашей стране					
Больше согласия, сплочённости	14,2	14,1	28,9	+15	+15
Больше несогласия, разобщённости	61,1	59,5	44,1	-15	-17
В нашей области					
Больше согласия, сплочённости	19,3	15,9	26,9	+11	+8
Больше несогласия, разобщённости	55,6	54,4	44,7	-10	-11
В месте Вашего проживания					
Больше согласия, сплочённости	24,1	28,4	39,1	+11	+15
Больше несогласия, разобщённости	51,5	44,3	34,3	-10	-17
В Вашем окружении					
Больше согласия, сплочённости	46,9	52,1	61,4	+9	+15
Больше несогласия, разобщённости	29,3	23,2	18,3	-5	-11

*Сумма ответов меньше 100%, т.к. не представлен вариант «Затрудняюсь ответить».

стью принадлежностью к групповой общности, целенаправленной деятельностью в общих интересах. Уровень сплочённости определяется степенью единства ценностных установок, мнений по ключевым направлениям функционирования социума.

Позиция России по отношению к событиям на Украине в марте – апреле 2014 г. и присоединение Крыма к России в качестве субъекта РФ послужили фактором роста сплочённости в обществе. По сравнению с 2013 г. в наиболее значительной степени улучшились оценки сплочённости на уровне страны: доля положительных суждений увеличилась с 14 до 29%, впервые превысив соответствующий показатель в отношении региона (табл. 4). Является ли это проявлением тенденции или носит ситуативный характер, покажут дальнейшие исследования.

В значительной, хотя и меньшей степени за последний год возрос удельный вес положительных оценок сплочённости на уровне региона (с 16 до 27%), места проживания (с 28 до 39%), семьи и ближайшего окружения (с 52 до 61%). В отношении ситуации на территории проживания в 2014 г. впервые за период измерений был отмечен баланс в сторону положительных отзывов.

Несмотря на положительные изменения, при оценке согласия и сплочённости в стране и регионе негативные суждения продолжают преобладать над позитивными, и этот разрыв даже после существенного снижения в 2014 г. по сравнению с предыдущими годами достигает 1,5 – 1,7 раза. По-прежнему наиболее значительные категории населения наблюдают согласие и сплочённость только в своём ближайшем окружении.

В 2014 г. оценки населения, несомненно, отражают эмоциональный подъём, вызванный действиями Президента РФ по присоединению Крыма к России, однако одновременно они подтверждают выводы исследователей об аномии, уходе в частную жизнь, отчуждении от власти, укрепляющейся привычке надеяться только на собственные

силы¹⁴. Согласие и сплочённость на уровне страны и региона чаще всего наблюдают те, кто проживает в сёлах, небольших городах и посёлках области, а также люди со средним и неполным средним образованием, молодые люди в возрасте 18 – 30 лет и лица старше 55 лет, группа населения, относящаяся к 20% наименее обеспеченных жителей области.

В то же время на уровне места проживания и ближайшего окружения самые высокие оценки дают жители области с высшим и незаконченным высшим образованием и население Череповца.

По результатам исследования ИСЭРТ РАН, основной формой гражданского участия жителей Вологодской области являются выборы. Так, своё участие в парламентских и президентских выборах в декабре 2011 и марте 2012 г. подтвердили 65 – 68% населения (табл. 5), в муниципальных выборах в сентябре 2013 г. – 41%.

Другой традиционной формой общественного участия являются субботники по благоустройству территории. В период с 2011 по 2014 г. наблюдается рост подобного вида гражданской активности населения (с 12 до 17%). Более популярным становится и участие в благотворительности: 10% в 2014 г. против 6 – 7% в 2011 – 2013 гг. Постепенно растёт также активность населения по участию в работе по управлению многоквартирными домами (с 6% в 2011 г. до 8% в 2014 г.).

По оценкам, в выборах муниципального уровня чаще принимают участие жители районов (54%), лица со средним специальным образованием (49%), население в возрасте старше 55 лет (46%), а также 20%-я группа наиболее обеспеченных жителей области (44%). Наименьшая избирательная активность зафиксирована в Вологде (28%), а наиболее значительное снижение доли участвующих в 2014 г. по сравнению с 2011 и 2013 г. – в Череповце (31% против 70 – 78%).

Участие в деятельности общественных организаций и профсоюзов привлекает только 3 – 4% населения области. Непопулярной является также работа в религиозных организациях и отделениях политических партий (1% и менее). Практически сошла на нет протестная активность: участие в митингах, демонстрациях, пикетах отметил в 2014 г. 1% населения против 4% в 2011-м. При этом на фоне отсутствия выборов федерального уровня в период с 2011 по 2014 г. существенно возросла доля тех, кто не участвовал ни в одном из рассматриваемых общественных мероприятий (с 21 до 44%).

Недостаточная гражданская активность населения связана с низким уровнем общественной инициативы, иждивенческой позицией граждан, ожидающих, что всё за них должны устроить власти, отсутствие у граждан желания участвовать в какой-либо форме в решении местных вопросов¹⁵. Ярким показателем этой тенденции стало снижение явки на местных выборах, прошедших в сентябре 2013 года, когда был зафиксирован своего рода исторический минимум: явка во многих крупных городах страны была ниже 20%. В Вологодской области также отмечена низкая явка на муниципальные выборы, особенно в крупных населённых пунктах. Так, явка на выборах главы г. Вологды составила 22,9%; главы городского поселения г. Бабаево – 29,8%, глав Вологодского, Череповецкого, Бабаевского, Вашкинского районов – в пределах 33,1 – 42,3%; глав сельских поселений Борисовское, Андреевское, Вепское национальное – 47,0 – 57,5%.

¹⁴ Кара-Мурза, С.Г. Аномия в России: причины и проявления [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://litfile.net/web/410204/423000-424000> 7

¹⁵ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2013 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oprf.ru/documents/1151/2013>

Таблица 5. В каких мероприятиях общественной и политической жизни Вам приходилось участвовать в текущем/ прошлом году?* (в % от числа опрошенных)

Мероприятие	2011 г.(декабрь)	2013 г.(февраль)	2014 г.(апрель)	Изменение (+ / -) 2014 к	
				2013	2011
Выборы	68,3	64,9	41,4	-24	-27
Коллективное благоустройство, субботники	12,1	15,5	17,1	+2	+5
Сбор пожертвований, средств, вещей для нуждающихся	6,9	6,3	9,9	+4	+3
Работа ТСЖ, домового комитета, совета самоуправления	6,1	6,9	8,2	+1	+2
Проведение избирательной кампании	4,7	5,3	3,7	-2	-1
Деятельность общественных организаций	4,2	2,7	3,5	+1	-1
Деятельность профсоюзных организаций	2,7	3,8	3,5	0	+1
Ни в чем подобном не участвовал	20,6	29,0	43,7	+15	+23

*В зависимости от месяца опроса вопрос задавался о событиях текущего или прошедшего года.

Таблица 6. Какие препятствия Вы считаете главными для общественной активности и проявления людьми своей гражданской позиции? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2008	2011	2013	2014	Изменение (+ / -) 2014 г. к		
					2013	2011	2008
Безразличие к общим делам, индивидуализм	43,5	26,2	24,1	23,5	-1	-2	-20
Неверие в возможность оказывать влияние на решения властей	20,7	24,3	27,2	22,7	-5	-2	+2
Привычка надеяться на готовое, в том числе на власть	24,8	19,1	22,0	21,9	0	+3	-3
Боязнь наказания, преследований со стороны вышестоящих руководителей, властей, правоохранительных органов	–	15,9	19,9	19,7	0	+4	–
Недостаток знаний, некомпетентность	20,9	15,2	19,1	15,9	-3	+1	-5
Недостаток времени, чрезмерная занятость	9,9	12,3	15,5	15,0	-1	+3	+5
Отсутствие способности к организации	9,5	8,3	11,1	10,7	0	+3	+1
Опасения негативной реакции со стороны окружающих	–	6,7	9,4	7,4	-2	0	–
Затрудняюсь ответить	14,9	27,3	29,7	29,9	0	+3	+15

Основные препятствия для проявления людьми общественной активности жители области видят в психологических установках человека: безразличие, привычка надеяться на других, в том числе на власть (в 2014 г. 23 – 24%; табл. 6). С другой стороны, не менее важными оказываются такие факторы социального характера, как неверие в возможность повлиять на решения властей и даже боязнь преследований. По сравнению с 2008 г. доля тех, кто видит главную причину в безразличном отношении человека к общественно значимым делам, снизилась почти в два раза (с 44 до 24%), но возросла значимость фактора неверия (с 21 до 27%). Фактор страха перед возможными наказаниями со стороны властных структур в 2013 – 2014 гг. сохранялся на уровне 20%, превысив индикатор 2011 г. на 4 п.п. За два последних года чаще, чем в предыдущие периоды, качестве главного препятствия для проявления гражданской активности жители области стали называть чрезмерную занятость, нехватку времени: 15 – 16% в 2013 – 2014 гг. против 10 – 12% в 2008 – 2011 гг. Очевидно, для обеспечения достойного уровня жизни людям приходится прикладывать всё больше усилий.

Очевидно, общественное участие в настоящее время не рассматривается людьми как возможность продвижения по социальной лестнице, как способ повысить свой социальный статус. Исследователи отмечают, что в настоящее время в России существуют три социальных лифта: бизнес, государственная служба и шоу-бизнес. Но первый и второй основательно «закупорены», а третий не играет существенной роли. Необходим поиск новых каналов вертикальной мобильности, важнейшим из которых является

Таблица 7. Готовы ли Вы объединиться с другими людьми для каких-либо совместных действий для защиты общих интересов? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2011	2013	2014	Изменение (+ / -) 2014 к	
				2013	2011
Готов и скорее готов	47,1	43,0	54,6	+12	+8
Не готов и скорее не готов	25,2	19,9	15,1	-5	-10
Затрудняюсь ответить	27,7	37,1	30,3	-7	+3

общественная деятельность¹⁶. В этой связи особенно актуальным становится создание комфортной среды для проявления гражданского участия, поиск механизмов стимулирования гражданской активности людей, самоорганизации гражданского общества.

При этом важно выяснить, насколько население готово к самоорганизации, взаимодействию на уровне согласования социально значимых целей с целью улучшения уровня и качества своей жизни. По результатам исследования ИСЭРТ РАН, в Вологодской области отмечается тенденция роста потенциала гражданского участия. В период с 2011 г. по 2014 г. представительство жителей области, заявивших о готовности объединиться с другими людьми для совместных действий по защите своих интересов, увеличилось с 47 до 55% (табл. 7), удельный вес отрицательных суждений снизился более чем в полтора раза (с 25 до 15%). Позитивные изменения зафиксированы во всех социально-демографических группах населения. Примечательно, что в отличие от ситуации с реальным участием, потенциал гражданского участия в городах Вологде и Череповце заметно выше, чем в районах области (59 – 60% против 50 в 2014 г.).

По данным ФОМ, в 2013 г. (март) в целом по России готовность к объединению выразило 59% населения, неготовность – 29%¹⁷. Позитивные установки в большей степени характерны для жителей Москвы (74%), людей с высшим образованием (69%), имеющих доход свыше 20 тыс. рублей. Для жителей Вологодской области, по сравнению с общероссийскими данными, характерен высокий уровень неопределённых суждений (в 2013 г. 37% против 12 в РФ).

Таким образом, для большинства жителей региона сегодня характерны недостаток межличностного доверия, отсутствие ощущения ответственности за происходящее вне пределов их семей, неверие в возможность повлиять на процессы, происходящие в стране, регионе, месте их проживания. В то же время значительная часть граждан проявляет потенциальную готовность к объединению с другими людьми для защиты общих интересов. Это говорит о наличии потенциала развития институтов гражданского общества. Требуется поиск механизмов раскрытия, реализации этого потенциала.

С динамикой и характером современного гражданского общества напрямую связаны перспективы устойчивого развития, социальным ядром которого в современных условиях является высокообразованный средний класс возникающего общества знания. Социологическое измерение потенциалов гражданского общества и среднего класса показывает, что в этой сфере жизнедеятельности общества существуют значительные резервы. От того, как они будут задействованы, зависит направление вектора развития социополитической ситуации: устойчиво созидательное или саморазрушительное¹⁸.

¹⁶ Социальный лифт – необходимое условие развития страны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://igr.ru/2011/09/28/socialnyj-lift-%E2%80%93-neobходимое-uslovie-razvitiya-strany>

¹⁷ Ресурсы российского добровольческого движения. Аналитический доклад по результатам исследований Фонда Общественное Мнение 2012 – 2013 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://corp.fom.ru/posts/184-broshjura-fom-resursy-rossijskogo-dobrovolcheskogo-dvizhenija>

¹⁸ Левашов В.К. Россия на развилке социополитических траекторий развития // Мониторинг общественного мнения. – 2011. – № 3. – С. 5-23.

О.Ю. Гарманова

ФГБУН ИСЭРТ РАН

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОЧНОГО ФАКУЛЬТАТИВА ПО ЭКОНОМИКЕ В ОЦЕНКАХ ВЫПУСКНИКОВ

В современных социально-экономических условиях одной из основных задач отечественного образования является формирование конкурентоспособной личности. Решение ее связано с развитием у обучающихся ключевых компетенций, позволяющих им успешно существовать в социуме [7]. Среди них значительную роль играют экономические компетенции, представляющие собой совокупность взаимосвязанных качеств личности, задаваемых по отношению к экономической сфере общества и необходимых для выполнения основных социально-экономических ролей (потребителя, наемного работника, предпринимателя и др.) [5, с. 63].

Как показывает опыт, закладывать экономические компетенции необходимо со школьной скамьи. Это обусловлено тем, что формирование экономического мышления является более эффективным в младшем и среднем школьном возрасте [6, с. 29; 9, с. 78-79; 2, с. 25]. Однако в общеобразовательной школе внимание данному вопросу уделяется недостаточно. Обучение экономике осуществляется в базовом образовании в рамках дисциплины «Обществознание», в профильном обучении – в виде обязательного учебного предмета «Экономика». При этом введение последнего в школах реализуется за счет школьного компонента, что свидетельствует об изучении основ экономики не в каждой школе, а лишь в тех образовательных учреждениях, в которых экономическое образование входит в число наиболее приоритетных направлений.

Изменение сложившейся ситуации нами видится в расширении системы дополнительного экономического образования школьников. В Вологодской области система дополнительного образования включает в себя около 80 учреждений. Однако в них занимается изучением экономики незначительная доля обучающихся. Ввиду малочисленности данное направление в изданиях официальной статистики не включено в число основных объединений дополнительных образовательных учреждений.

Вместе с этим следует отметить, что именно в системе дополнительного образования возможно разрешение противоречия между потребностью общества в выпускниках, обладающих знаниями, умениями, практическими навыками в области экономики и недостаточным вниманием учебных заведений к вопросу ее удовлетворения. Однако, учитывая специфику деятельности данных учреждений и направленность на

реализацию целей и задач самих обучающихся необходимо при организации учебной деятельности, прежде всего, использовать современные технологии, активные формы обучения, отвечающие требованиям главных потребителей образовательных услуг – школьников.

Успешный опыт решения обозначенных проблем, как показал опрос выпускников, имеет Научно-образовательный центр экономики и информационных технологий (НОЦ), созданный в г. Вологде в 2003 году на базе Вологодского научно-координационного центра Центрального экономико-математического института Российской академии наук (с 2009 года – Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук) [1, с. 8; 3, с. 7; 8, с. 111]. Одним из основных направлений его работы является обеспечение деятельности очного факультатива по экономике, представляющего систему дополнительного образования детей, с целью подготовки обучающихся к поступлению на экономические специальности, повышение экономической грамотности школьников. На протяжении всех лет его существования главными формами работы с учениками были проведение занятий, организация различных мероприятий, экскурсий, профильных экономических смен, а также обеспечение участия школьников в конкурсах, олимпиадах и конференциях [4, с. 218]. Занятия очного факультатива по экономике посещают школьники из общегородских групп и профильных социально-экономических классов МОУ «Лицей № 32» г. Вологды. В рамках освоения комплекса образовательных программ ученики изучают до 15 предметов (экономика, экономическая математика, финансовая грамотность, социология, деловое общение и др.), большинство из которых являются обязательными. Ряд дисциплин (информатика, деловой английский, подготовка к олимпиаде и др.) относятся к дополнительным и посещаются учениками по желанию.

С целью оценки эффективности функционирования очного факультатива по экономике в декабре 2012 года – феврале 2013 года был проведен опрос его выпускников разных лет. Он направлен на изучение удовлетворенности образовательным и воспитательным процессами, морально-психологическим климатом, материальной оснащенностью и позволяет не только выявить проблемы для качественного улучшения его деятельности, но и оценить влияние НОЦ на жизнь выпускников.

В опросе принял участие 91 выпускник 2004 – 2012 гг. (из 410 человек прошедших обучение). Из них 41% (37 чел.) занимались на очном факультативе по экономике в первые годы его существования (2004 – 2008 гг.) и на сегодняшний день в основном получили профессиональное образование в высшем или среднем учебном заведении; 59% (54 чел.) – обучались в НОЦ в 2009 – 2012 гг. и сейчас имеют незаконченное образование. Большую долю опрошенных (61,5%) составляют лица женского пола, 38,5% – мужского. Такое соотношение респондентов обусловлено соответствующим распределением выпускников очного факультатива НОЦ.

Прежде всего, рассмотрим причины выбора школьниками данного направления подготовки, условия обучения и качество образовательного процесса как основные мотивы и факторы, влияющие на эффективность деятельности очного факультатива по экономике.

Основным мотивом обучения в НОЦ, согласно опросу выпускников, является возможность получения экономического образования. В связи с недостаточностью преподавания этой дисциплины в школе это отметили 75,8% (69 чел.). На предпочтения обучающихся значительное влияние также оказывает получение образования на платной

основе. Данную причину обозначили 31,9% (29 чел.) выпускников, бесплатно занимавшихся в НОЦ. Среди прочего опрошенные отметили, что посещение данного предмета было включено в их обязательную программу в школе, а также было рекомендовано учителем в образовательном учреждении (рис. 1).

Опрошенные отметили, что занятия позволили расширить знания в области экономики (82,4% (75 чел.)); помогли определиться с выбором профессии (24,2% (22 чел.)). Немаловажным является и тот факт, что в процессе обучения в НОЦ школьники смогли найти новых друзей и знакомых (31,9% (29 чел.); рис. 2).

Условия обучения на очном факультативе по экономике выпускники оценили в среднем на 9,2 балла, а качество образовательного процесса – на 8,3 балла по десятибалльной шкале. Это свидетельствует о том, что реализуемая система работы способствовала углублению у школьников знаний в области экономики, достижению желаемого и самореализации.

Свое положительное отношение к очному факультативу по экономике опрошенные выразили, отвечая на вопросы, касающиеся рекомендации обучения в НОЦ друзьям, знакомым и детям. Так, 89% (81 чел.) выпускников, скорее всего, будут рекомендовать друзьям и знакомым обучение детей в НОЦ. Заботясь о будущем своих детей, в т. ч. и планируемых, рекомендовать им посещать занятия будут 90,1% (82 чел.).

Осознавая важность знаний, полученных на факультативе по экономике, идею создания Научно-образовательного центра ИСЭРТ РАН опрошенные оценили в среднем на 9 баллов по десятибалльной шкале. Обучение в НОЦ, по мнению выпускников, способствовало

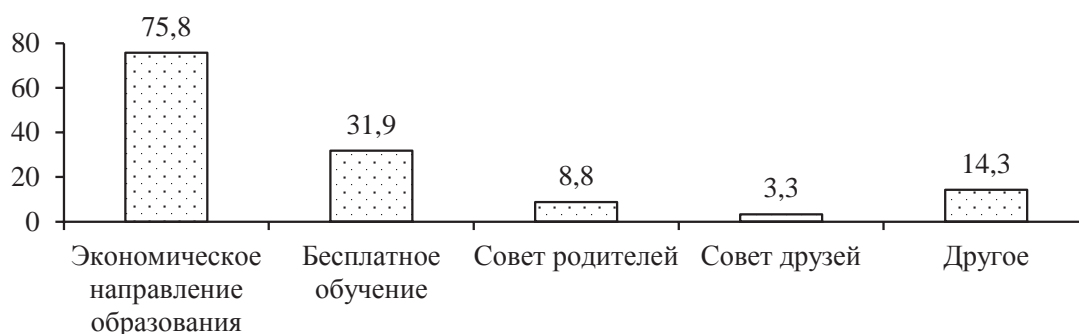

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос: «Почему Вас заинтересовала возможность обучения в НОЦ?» (%)

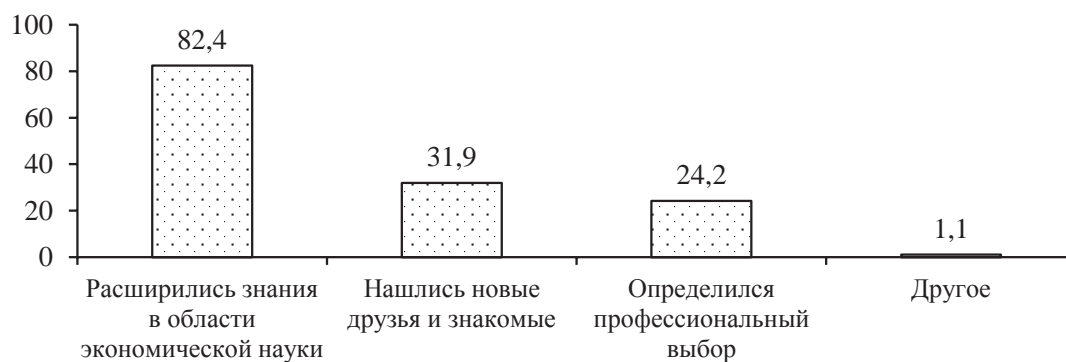

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос: «Какую роль сыграл НОЦ в Вашей жизни?» (%)

прежде всего формированию у них навыков планирования и проведения научно-исследовательской работы (69,2%; 63 чел.), навыков самоорганизации (42,9%; 39 чел.), умений достигать поставленные задачи (38,5%; 35 чел.), искать альтернативные подходы к решению проблемы (37,4%; 34 чел.) и рационально мыслить (29,7%; 27 чел.) (рис. 3).

К наиболее запомнившимся мероприятиям за время обучения в НОЦ опрошенные отнесли конкурсы, олимпиады и конференции (81,3% (74 чел.)). Значительная часть респондентов также отметила экскурсии (36% (33 чел.)) и Дискуссионный клуб «Юный экономист» (18,7% (17 чел.)). Это позволяет сделать вывод об успешности реализации на очном факультативе по экономике для школьников основных форм и направлений работы с обучающимися (рис. 4).

Для оценки влияния НОЦ на жизнь выпускников были рассмотрены особенности их современного социального положения. В связи с этим исследовано их семейное положение, жилищные условия и род занятий.

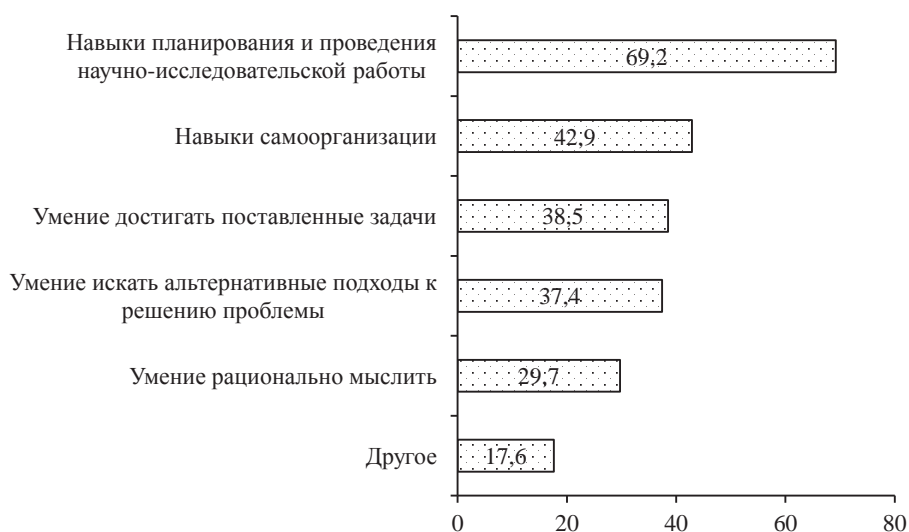

Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос: «Что Вам дало обучение в Научно-образовательном центре ИСЭРТ РАН?» (%)

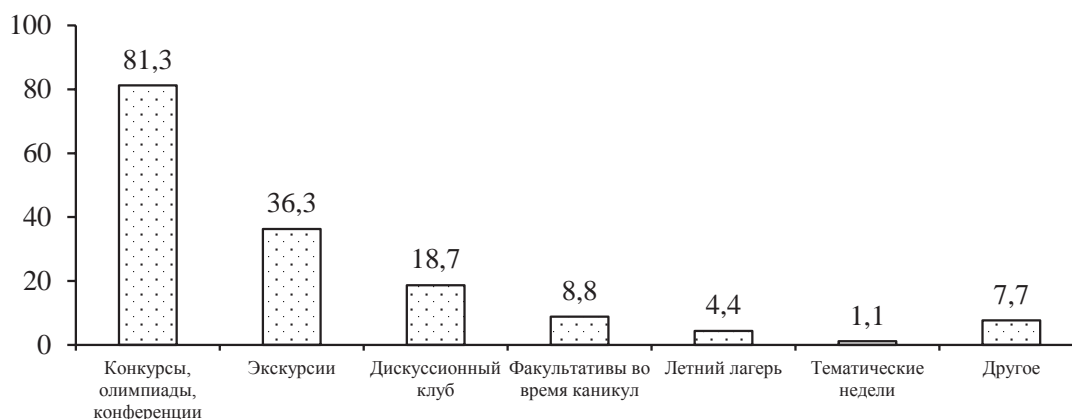

Рисунок 4. Распределение ответов на вопрос: «Какие мероприятия Вам больше всего запомнились во время обучения в НОЦ?» (%)

В настоящее время 81% (74 чел.) от числа всех опрошенных «удовлетворены» и «скорее удовлетворены, чем нет» собственным социальным статусом. Результаты опроса свидетельствуют о том, что большинство из всех опрошенных не женаты (92%; 84 чел.), не имеют детей (98%; 89 чел.) и проживают с родителями (64%; 58 чел.). По разным причинам, прежде всего, в связи с получением образования в г. Москве и г. Санкт-Петербурге, опрошенные арендуют жилье (11%; 10 чел.) и живут в общежитии (10%; 9 чел.). В то же время имеют собственное жилье 22% (8 чел.) выпускников 2004 – 2008 гг. и 6% (3 чел.) выпускников 2009 – 2012 гг.

Большая часть всех опрошенных (95%; 86 чел.) оценивают свою профессиональную (учебную) деятельность как удачно сложившуюся (рис. 5).

Это подтверждается тем, что более 58% (53 чел.) опрошенных проходят обучение в учреждениях высшего образования и свыше 40% (37 чел.) на сегодняшний день трудоустроены. Из них пять (14%) выпускников связали свою жизнь с научной деятельностью – это аспиранты и сотрудники ИСЭРТ РАН). Большинство из занятых (38%, 14 чел.) являются специалистами, аналитиками, менеджерами, бухгалтерами и инженерами в банковском секторе, строительстве, сфере торговли и государственном управлении. По 8% (3 чел.) трудоустроены в образовании и организациях, занимающихся программированием; инженерно-технические работы выполняют 5% (2 чел.) выпускников.

В ближайшие пять лет выпускники очного факультатива по экономике видят себя специалистами организаций в сфере торговли, туризма, информационных технологий, образования, здравоохранения и общественного питания. Отдельные девушки и юноши планируют стать индивидуальными предпринимателями, а также сотрудниками правительства области, таможни и банка. Это позволяет сделать вывод о том, что для основной доли выпускников НОЦ в настоящее время первостепенное значение имеет получение образования и построение карьеры.

В рамках опроса выпускники предлагали направления совершенствования деятельности НОЦ. Были предложены мероприятия, которые связаны с развитием самоуправления, расширением областей подготовки и форм работы с обучающимися, повышением качества образования, а также по созданию благоприятного имиджа НОЦ в СМИ и дальнейшему развитию международного сотрудничества (табл. 1).

Таким образом, результаты опроса выпускников свидетельствуют о продуктивной работе очного факультатива по экономике. В целом сложившуюся систему обучения выпускники оценили в среднем на 9,2 балла, а качество образовательного процесса –

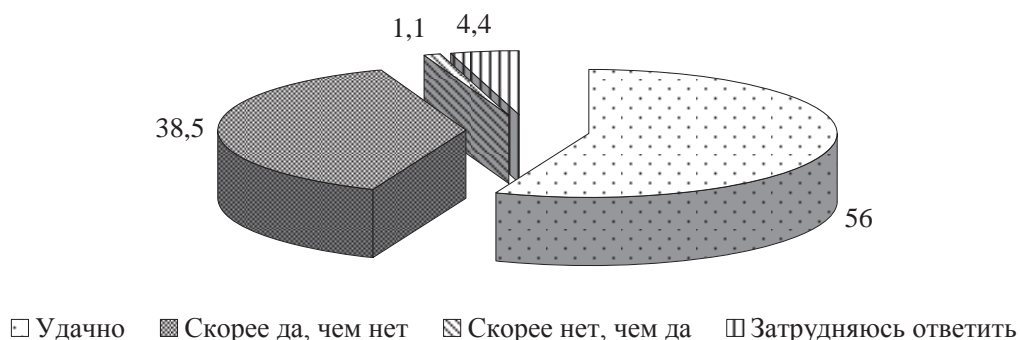

Рисунок 5. Распределение ответов на вопрос: «Удачно ли сложилась Ваша профессиональная (учебная) деятельность?» (%)

Таблица 1. Направления совершенствования деятельности НОЦ (по опросу выпускников)

№ п/п	Направление	Мероприятия
1	Развитие самоуправления в НОЦ	Предоставление возможности обучающимся организовывать образовательный процесс самостоятельно.
2	Расширение направлений подготовки	Введение новых интересных факультативов.
		Расширение круга преподаваемых предметов и увеличение числа мест для обучения.
3	Повышение качества образования	Проведение больше встреч с представителями бизнеса.
		Приглашение для проведения обзорных лекций преподавателей из столичных вузов (МГУ, ВШЭ).
		Увеличение количества практических занятий.
4	Расширение форм работы с обучающимися	Увеличение количества экскурсий, показов фильмов/передач.
		Проведение большего числа интеллектуальных и развлекательных мероприятий.
5	Создание благоприятного имиджа НОЦ в СМИ	Реклама НОЦ в различных социальных сетях.
6	Развитие международного сотрудничества	Установление контактов с зарубежными образовательными учреждениями с целью передачи опыта и организации стажировок, встреч с интересными людьми.

на 8,3 балла по десятибалльной шкале. Ведущим мотивом обучения в НОЦ является возможность получения экономического образования. Это свидетельствует о важности реализации дополнительной подготовки обучающихся в связи с недостаточностью преподавания этой дисциплины в школе.

Обучение на очном факультативе по экономике позволило школьникам расширить знания в области экономики, помогло определиться с выбором профессии и расширить круг друзей. Оно способствовало формированию у обучающихся навыков планирования и проведения научно-исследовательской работы. Все это повлияло на успешность их профессиональной (учебной) деятельности и положительную оценку относительно рекомендаций факультатива знакомым, друзьям и детям.

К наиболее запомнившимся мероприятиям опрошенные отнесли конкурсы, олимпиады и конференции, экскурсии и заседания Дискуссионного клуба «Юный экономист». Вместе с тем, выпускники среди направлений совершенствования деятельности очного факультатива отметили важность расширения форм работы с обучающимися, качества обучения и направлений подготовки. Для реализации этого они считают необходимыми расширение круга преподаваемых предметов; увеличение числа мест для обучения, количества практических занятий, экскурсий, показов фильмов/передач, интеллектуальных и развлекательных мероприятий, проведение встреч с представителями бизнеса, приглашение для проведения обзорных лекций преподавателей из столичных вузов.

В целом, проведенный опрос показал эффективность реализации экономической подготовки школьников как в направлении удовлетворенности качеством образования и условиями, так и организуемых форм обучения и влияния НОЦ на жизнь выпускников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарманова, О.Ю. Экономическое школьное образование: история и реальность [Текст] / О.Ю. Гарманова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2013. – Том 19. – № 1. – С. 6-10.
2. Кузнецова, Н.И. Становление и развитие системы экономического образования в российской школе на рубеже XX – XXI столетий [Текст]: дис. на соиск. уч. ст. канд. пед. наук: 13.00.01 / Н.И. Кузнецова. – Ульяновск, 2007. – 282 с.
3. Леонидова, Г.В. Региональный научно-образовательный центр [Текст] / Г.В. Леонидова. – Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2007. – 99 с.
4. Леонидова, Г.В. Теория и практика формирования научно-образовательного пространства [Текст]: монография / Г.В. Леонидова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. – С. 214.

5. Михеева, С.А. Школьное экономическое образование: методика обучения и воспитания [Текст]: учебник для студентов педвузов / С.А. Михеева. – М.: Вита-Пресс, 2012. – 328 с.
6. Научно-образовательный центр ИСЭРТ РАН: 10 лет. От идеи до реализации [Текст] / В.А. Ильин, А.А. Шабунова, В.И. Попова, Г.В. Леонидова, О.Ю. Гарманова, С.Ю. Егорихина, И.А. Королева, А.Б. Кулакова, Ж.В. Фомина. – Кн. 1: Подсистема дополнительного школьного образования. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. – 138 с.
7. Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mon.gov.ru/dok/akt/6591>
8. Попова, В.И. Экономический школьный факультатив в Научно-образовательном центре: практика и перспективы [Текст] / В.И. Попова, А.С. Кельсина // Проблемы развития территории. – 2011. – № 4 (56). – С. 110-119.
9. Урванцева, С.Е. Школьное экономическое образование в России и за рубежом [Текст] / С.Е. Урванцева // Экономика в школе. – 2011. – № 2. – С. 78-79.

А.Б. Кулакова

ИСЭРТ РАН, г. Вологда

ДИАГНОСТИКА АДАПТАЦИИ АСПИРАНТОВ ПЕРВОГО ГОДА ОБУЧЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ИСЭРТ РАН)

Основой общественной структуры, безусловно, являются люди, поскольку именно они обеспечивают эффективное использование любых видов ресурсов, имеющих в распоряжении организации, и определяют её экономические показатели и конкурентоспособность на рынке труда. Вклад людских ресурсов в достижение целей организации и качество предоставляемых услуг зависит, в первую очередь, от того, насколько эффективно проводится работа по адаптации новых сотрудников. Именно установление органичного взаимодействия человека и организации обеспечивает основу её продуктивного функционирования [1]. Первым шагом в этом направлении является процесс адаптации, т. е. приспособление потребностей и ценностей сотрудника к требованиям, предъявляемым к нему организацией в соответствии с её стратегическими целями.

Основу исследования проблемы адаптации человека в обществе можно найти в классической философии, начиная с трудов Платона и Аристотеля, в которых уже была отражена необходимость адаптации личности к своей профессиональной и социальной роли. К концу XIX – началу XX вв. проблему адаптации индивида к социальной среде начали изучать в русле психологической науки. В этом направлении можно выделить труды З. Фрейда, Г. Гартмана, Г. Айзенка, А. Маслоу, Л. Колберга, Ч. Кули, Ж. Пиаже, Э. Фромма и др. Социологический подход в исследовании проблем адаптации изучали М. Вебер, Э. Гидденс, Э. Дюркгейм, Л. Козер, Р. Мертон, Дж. Мид [2]. В научной литературе советского периода этой проблеме посвящены работы В.Г. Афанасьева, Л.П. Бугевой, Л.С. Выготского, Г.Е. Глезермана, Г.Г. Дилигенского, Т.И. Заславской, А.Г. Здравомыслова, Л.Н. Когана, И.С. Кона, Н.М. Римашевской, В.П. Тугаринова и др. [2].

С началом 90-х годов XX столетия ведутся исследования процесса адаптации молодых специалистов, рассматриваются её социальные факторы, а также социально-психологические аспекты (ценности, мотивация). В научной литературе вопросы адаптации содержатся в работах Г.М. Андреевой, Е.А. Ануфриева, И.М. Ильинского, И.С. Кона, В.Т. Лисовского, А.В. Мудрика, В.В. Павловского, С.С. Фролова, Г.А. Чередниченко, А.И. Шендрика, С.Н. и др. [2].

Анализ работ по процессу адаптации сотрудников подводят к мысли о необходимости систематической и целенаправленной деятельности по исследованию адаптированности молодых специалистов в организации.

Опыт практической работы по адаптации молодых сотрудников мы представим на примере деятельности аспирантуры Института социально-экономического развития территорий РАН в г. Вологде (далее ИСЭРТ РАН). Одним из осуществляемых направлений в Институте является организация обучения аспирантов на базе Научно-образовательного центра экономики и информационных технологий, который представляет собой инновационную структуру, многоступенчатую систему подготовки кадров в области экономики и управления по цепочке «школа – вуз – аспирантура» и трудовой деятельности [3]. Обучение в аспирантуре осуществляется по специальностям, связанным с исследовательской работой в области экономики, управления финансами, применением экономико-математических методов в региональном хозяйствовании.

Специфика обучения выпускников вузов в аспирантуре ИСЭРТ РАН состоит в том, что становясь аспирантами, молодые люди трудоустраиваются в Институте и поэтому являются штатными работниками. Свои исследовательские разработки аспиранты реализуют в рамках профессиональной деятельности. Адаптация в ИСЭРТ РАН – это процесс приспособления аспирантов первого года обучения к условиям трудовой и учебной деятельности, включающий освоение корпоративных правил, норм и стандартов, а также знакомство с содержанием данных видов деятельности.

Учитывая специфику положения молодых аспирантов в научной организации, в ИСЭРТ РАН уделяется особое внимание процессу их адаптации к обучающей и профессиональной среде. Он сопровождается психолого-педагогической группой НОЦ ИСЭРТ РАН. Одна из задач её деятельности – формирование и развитие благоприятных социально-психологических условий для осуществления успешной учебной и профессиональной деятельности обучающихся аспирантуры [4].

Кроме того, психолого-педагогическая группа выполняет целый ряд и других задач:

- способствовать формированию и развитию профессионально важных качеств личности;
- оказывать содействие саморазвитию аспирантов на основе интеллектуализации, гуманизации и фундаментализации содержания управления профессиональным образованием;
- помогать личностному, интеллектуальному и профессиональному становлению и развитию аспирантов ИСЭРТ РАН;
- определять психоэмоциональное состояние, мотивационную сферу обучающихся с помощью психологических диагностик и осуществлять их коррекцию на основании полученных результатов;
- развивать навыки эффективного общения, публичного выступления, защиты от манипуляций, создавать благоприятный социально-психологический климат в учебных и рабочих коллективах.

Основная деятельность группы психолого-педагогического сопровождения аспирантов, направленная на решение поставленных задач, осуществляется в ходе системной реализации диагностического, развивающего и профилактико-просветительского направлений (рис. 1):

В рамках диагностического направления специалистами группы психолого-педагогического сопровождения проводится исследование адаптированности аспирантов первого года обучения к учебному и профессиональному процессам.

Рисунок. 1. Система психолого-педагогического сопровождения аспирантов в учебном и профессиональном становлении

В основе исследования лежит метод анкетирования, выборочную совокупность составляют аспиранты первого года обучения.

Структура анкеты включает в себя 13 вопросов, которые тематически подразделялись на 3 блока:

I. Первый блок ориентирован на выявление мотивации обучения и профессиональной деятельности в ИСЭРТ РАН, осознание аспирантами целей, задач, содержания и условий работы в целом;

II. Второй блок вопросов направлен на определение степени эмоционального комфорта аспирантов в новых трудовых и учебных условиях, в новом коллективе;

III. Заключительный блок вопросов нацелен на установление трудностей, которые могут испытывать молодые аспиранты, и изучение факторов, влияющих на продуктивность их трудовой и учебной деятельности.

В 2013/14 уч. г. в анкетировании приняли участие 10 аспирантов. Представим результаты диагностики адаптированности аспирантов первого года обучения в 2013/14 уч. г. в виде анализа ответов испытуемых на вопросы анкеты и сравнения полученных показателей с результатами аспирантов предыдущего 2012/13 уч. г.

При выявлении приоритетных мотивов поступления в аспирантуру ИСЭРТ РАН половина испытуемых (50%; 5 чел.) ответили, что ими движет желание заниматься научно-исследовательской деятельностью. На втором месте были обозначены такие мотивы как: конкурентоспособность на рынке труда (18%; 2 чел.), ученая степень – это доказательство интеллектуальной полноценности (18%; 2 чел.), желание преподавать (18%; 2 чел.), призвание (18%; 2 чел.). Один испытуемый отметил, что наука – это перспективная сфера деятельности (9%; 1 чел.; рис.2).

Распределение мотивов свидетельствует о том, что большинство респондентов осознанно желают развить и усовершенствовать исследовательские компетенции во время обучения в аспирантуре ИСЭРТ РАН, а также задумываются о дальнейших перспективах профессионального становления на рынке труда.

Анализ ожиданий аспирантов от профессиональной и учебной деятельности в ИСЭРТ РАН показал, что у 60% (6 чел.) опрошенных полностью соответствует тем представлениям, которые имели испытуемые ранее. Еще 20% (2 чел.) ответили, что новый род деятельности скорее соответствует ожиданиям, чем не соответствует. Два аспиранта (20%; 2 чел.) отметили, что их ожидания в отношении учебной деятельности пока не совсем соответствуют личным прогнозируемым представлениям.

80% (8 чел.) респондентов удовлетворены содержанием своей трудовой и учебной деятельности, т. к. оно совпадает с их ожиданиями (рис. 3).

Результаты анкетирования показали, что большинство опрошенных (80%; 8 чел.) полностью владеют информацией о внутренних правилах ИСЭРТ РАН, а 20% (2 чел.) считают, что пока они знакомы с ней только частично (рис. 4).

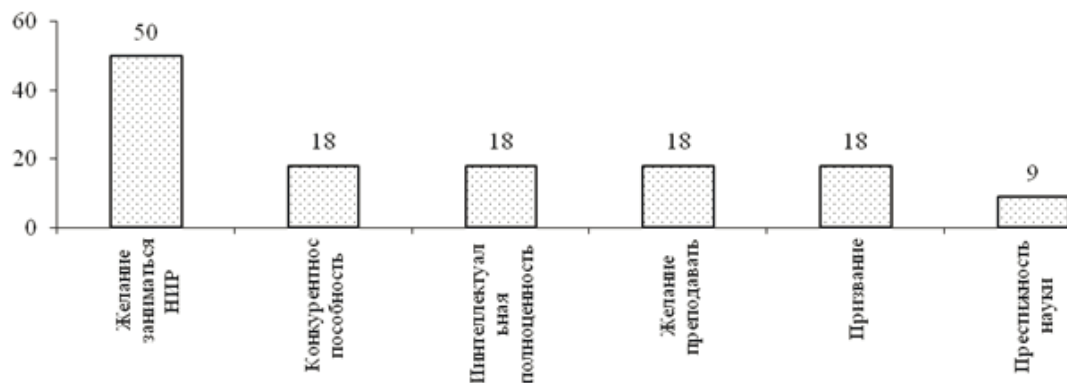

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос: «Что побудило Вас поступить в аспирантуру ИСЭРТ РАН?» (в % от числа опрошенных)

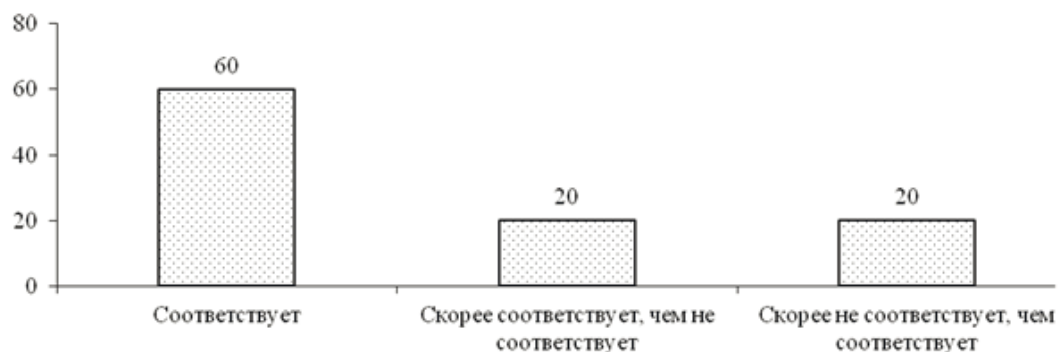

Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос: «Соответствует ли в целом профессиональная и учебная деятельность в ИСЭРТ РАН Вашим ожиданиям?» (в % от числа опрошенных)

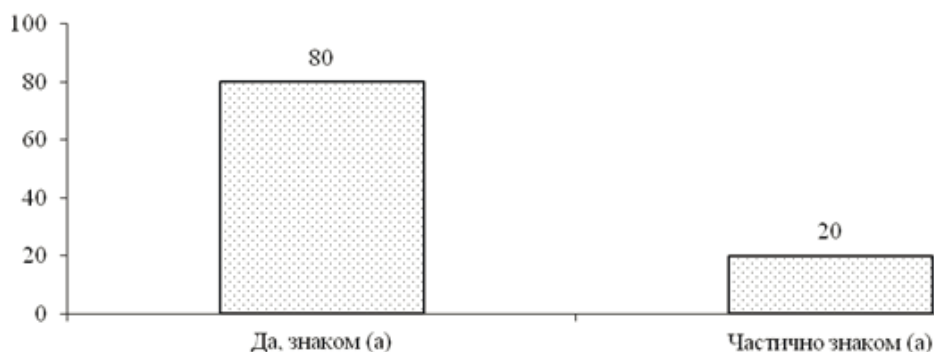

Рисунок 4. Распределение ответов на вопрос: «Знакомы ли Вы с внутренними правилами ИСЭРТ РАН?» (в % от числа опрошенных)

Показательным является тот факт, что все аспиранты первого курса (100%; 10 чел.) имеют четкое понимание целей и задач своей трудовой и учебной деятельности. Это может свидетельствовать о том, что между молодыми аспирантами и их кураторами установлены эффективные сотруднические отношения, позволяющие продуктивно осваивать содержание своей новой деятельности.

Данные опроса свидетельствуют о том, что все испытуемые (100%; 10 чел.) справляются с рабочей нагрузкой в режиме трудового дня. В качестве обоснования были указаны следующие причины: рациональное распределение рабочего времени, четкая формулировка поручений, высокий темп работы, помощь со стороны сотрудников ИСЭРТ РАН. Представленная совокупность ответов позволяет сделать вывод о том, что объем учебных и профессиональных обязанностей аспирантов-первокурсников соответствует их возможностям.

Таким образом, первый блок вопросов выявил, что аспиранты первого года обучения осознанно поступили в аспирантуру ИСЭРТ РАН и на начальном этапе достаточно успешно осваивают цели, задачи и содержание своей учебной и профессиональной деятельности.

Комфортно чувствуют себя на рабочем месте и не испытывают никаких отрицательных эмоций 90% (9 чел.) аспирантов. Только один респондент (10%; 1 чел.) чувствует частичный дискомфорт, причиной которого является новизна рабочего пространства (рис. 5).

80% (8 чел.) опрошенных характеризуют свое состояние как активное, работоспособное, деятельное. В качестве факторов, влияющих на настроение, были отмечены атмосфера в коллективе, четкий распорядок рабочего дня, желание получать знания и опыт, интерес к работе, степень нагрузки. В спокойном, ровном эмоциональном состоянии в течение рабочего дня находятся 20% (2 чел.) испытуемых.

Состояния, характеризующиеся равнодушием, расслабленностью, пассивностью и безучастностью, отмечены не были (рис. 6).

Анкетирование показало, что необходимую помощь при вхождении в новые учебный и рабочий процессы большинству аспирантов оказали коллеги (80%; 8 чел.), руководители отделов (50%; 5 чел.), родители (30%; 3 чел.), друзья (10%; 1 чел.; рис. 7). Распределение ответов дает представление о том, что помощь молодым аспирантам при вхождении в новые условия труда и обучения со стороны коллег и руководителей отделов была оказана в полном объеме, что положительно повлияло на адаптационный период первокурсников.

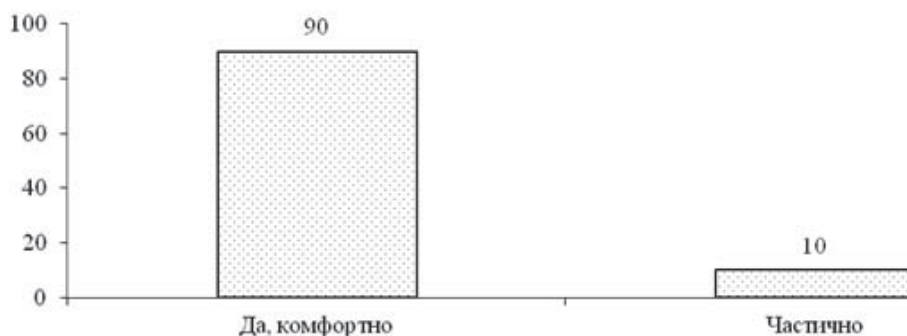

Рисунок 5. Распределение ответов на вопрос: «Комфортно ли Вы себя ощущаете на рабочем месте? Если нет, то в чем причина?» (в % от числа опрошенных)

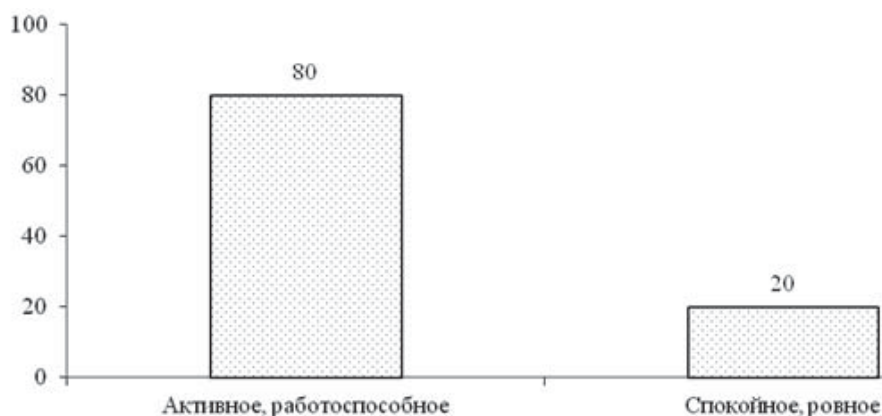

Рисунок 6. Распределение ответов на вопрос: «Укажите Ваше преобладающее настроение в течение рабочего дня» (в % от числа опрошенных)

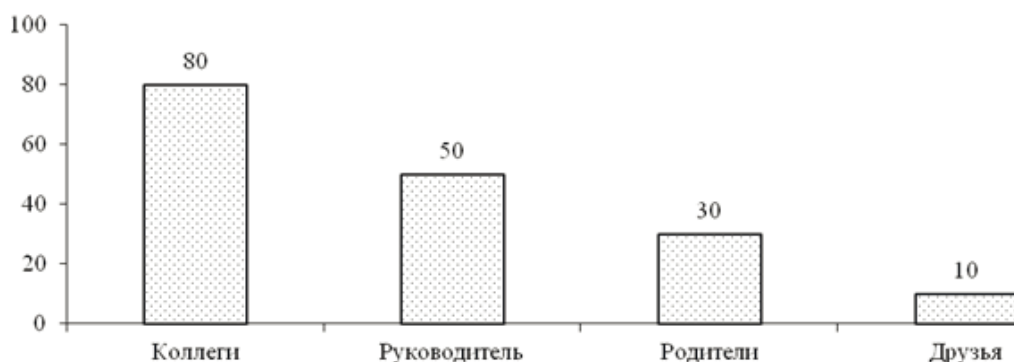

Рисунок 7. Распределение ответов на вопрос: «Кто оказал Вам самую необходимую помощь при вхождении в новые учебный и рабочий процессы?» (в % от числа опрошенных)

Опрошенными были отмечены мероприятия, оказавшие позитивное влияние на прохождение адаптационного периода, такие как «Посвящение в аспиранты», психологические развивающие занятия, творческие семинары, конференция «Молодые ученые – экономике региона», «Час аспиранта», научные семинары-дискуссии ИСЭРТ РАН, ознакомление с материалами прошлого года. Можно сделать вывод, что каждое из названных мероприятий в большей или меньшей степени положительно повлияло на установление коммуникационных связей между первокурсниками и коллективом ИСЭРТ РАН.

Таким образом, второй блок вопросов выявил, что аспиранты первого года обучения пребывают в активном, работоспособном состоянии на своих рабочих местах, позволяющем выполнять поставленные задачи в заданный срок, не испытывают дискомфорта на рабочем месте, активно посещают проводимые мероприятия в ИСЭРТ РАН и чувствуют поддержку со стороны руководителей и коллег в новом коллективе.

30% (3 чел.) опрошенных отметили, что на протяжении адаптационного периода они столкнулись с трудностями, касающимися содержания своей работы (овладение большими объемами информации, сложность в выборе темы диссертации и ее обосновании, высокий темп работы). Такого рода трудности респонденты связывают, прежде

всего, с тем, что научная деятельность стала для них новым видом деятельности и потребовала определенных временных затрат и усилий на ее освоение. Других трудностей испытуемые не обозначили.

В качестве факторов, влияющих на эффективность и результативность учебной и профессиональной деятельности, 60% опрошенных (6 чел.) отмечают для себя:

- 1) условия труда;
- 2) возможность получать научную консультацию и необходимую информацию.

На втором месте по значимости воздействующих факторов обозначены взаимоотношения в коллективе и возможность публиковать свои работы (50%; 5 чел.). 40% (4 чел.) отмечают такой фактор как возможность принимать участие в конференциях и семинарах (рис. 8). Данное распределение ответов обусловлено тем, что на эффективность и результативность учебной и трудовой деятельности почти в равной степени влияют все представленные факторы.

Таким образом, материальным и психологическим компонентам трудовой и учебной деятельности следует уделять особое внимание, т. к. их качественная совокупность обеспечивает эффективность работы в целом.

Для более полноценного анализа полученных результатов данного исследования далее рассмотрим динамику ключевых показателей адаптированности аспирантов-первокурсников 2013/14 года обучения с результатами прошлого года.

Сравнительный анализ полученных результатов диагностики 2013/14 уч. г. и 2012/13 уч. г. был осуществлен по 4 ключевым вопросам анкеты, которые наиболее четко определяют степень адаптированности молодых аспирантов:

1. Что побудило Вас поступить в аспирантуру ИСЭРТ РАН?
2. Понимаете ли Вы, в чем состоит основное содержание Вашей работы?
3. Укажите Ваше преобладающее настроение в течение рабочего дня. Подумайте и напишите, что влияет на то или иное настроение.
4. Какие основные трудности возникли у Вас за период работы и учебы в ИСЭРТ РАН?

При сравнении приоритетных мотивов поступления в аспирантуру ИСЭРТ РАН можно сделать вывод о том, что испытуемые 2013/14 уч. г. прежде всего отмечают желание заниматься научно-исследовательской деятельностью (50%). Этот показатель превышает на 15% показатель прошлого года (35%), что свидетельствует об осознанном подходе молодых аспирантов к научной деятельности и желании развить и усовершен-

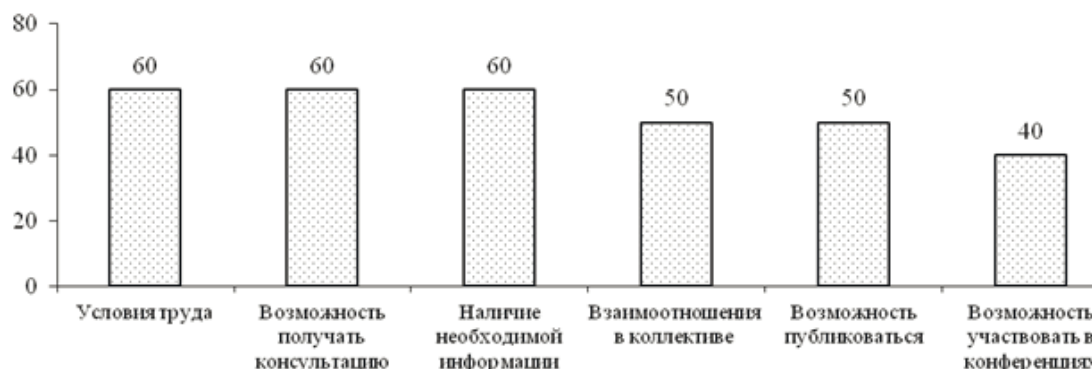

Рисунок 8. Распределение ответов на вопрос: «Что из перечисленного влияет на эффективность и результативность Вашей учебной и профессиональной деятельности?» (в % от числа опрошенных)

ствовать навыки в этом направлении. Что касается лидирующего мотива прошлого года, то им выступила конкурентоспособность на рынке труда (63%). Данный факт позволяет говорить о том, что испытуемые больше задумывались о перспективах своего профессионального становления в будущем (рис. 9).

Такого рода распределение мотивов поступления свидетельствует о том, что аспиранты этого года ориентируются на внутренние мотивы, обусловленные их желанием заниматься наукой, в то время как аспиранты прошлого года проявляли склонность к мотивам внешнего характера, нацеленным на будущую профессиональную самореализацию.

Показательным является тот факт, что большинство испытуемых в 2012/13 – 2013/14 уч. г. имеют правильное представление о содержании своей деятельности, поставленных целях и задачах: 2012/13 уч. г. – 73%; 2013/14 уч. г. – 100% (рис. 10). Такое распределение говорит об активации работы кураторов аспирантуры НОЦ, сотрудников ИСЭРТ РАН и руководителей отделов по введению молодых аспирантов в учебный и трудовой процессы. Следует отметить, что в 2013/14 уч. г. не было выявлено ни одного аспиранта, который бы только частично понимал функции выполняемой трудовой и учебной деятельности.

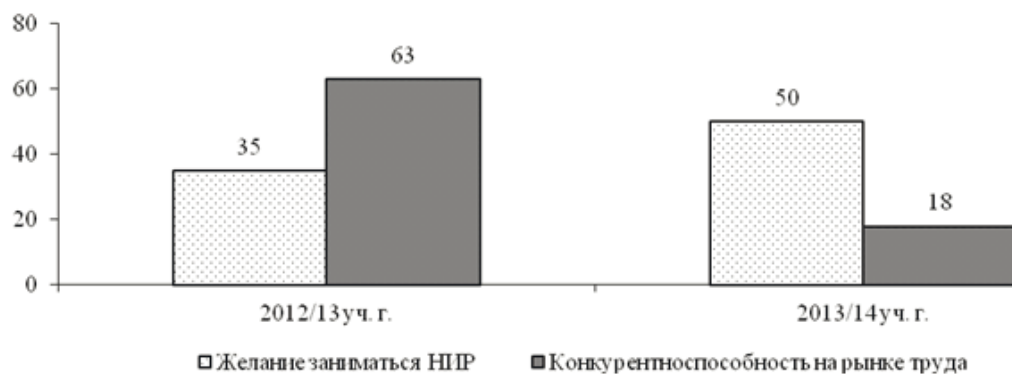

Рисунок 9. Распределение ответов на вопрос «Что побудило Вас поступить в аспирантуру ИСЭРТ РАН?» в 2012/13 – 2013/14 уч. г. (в % от числа опрошенных)

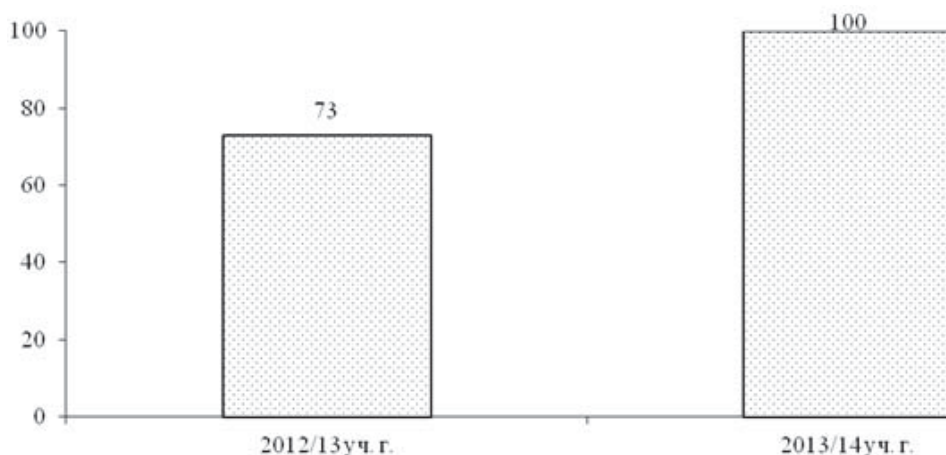

Рисунок 10. Распределение ответов на вопрос «Понимаете ли Вы в чем состоит основное содержание Вашей работы?» в 2012/13 – 2013/14 уч. г.

Сравнительный анализ состояний, в котором испытуемые пребывают на рабочих местах, показал, что в 2012/13 уч. г. в адаптационный период доминирующим являлось спокойное, ровное настроение (55%). В 2013/14 уч. г. преобладающее состояние характеризуется респондентами как активное, работоспособное, деятельное (80%; рис. 11). Данное распределение свидетельствует о том, что адаптационный период аспирантов этого года протекал в более динамичном режиме, требующем высокой скорости выполняемой работы, активности в участии проводимых мероприятий.

Полученные результаты исследования трудностей, с которыми испытуемые сталкиваются в адаптационный период, выявили, что весь спектр сложностей в 2012/13 – 2013/14 уч. г. связан с отсутствием у молодых аспирантов опыта научного знания и новизной научной деятельности в целом.

Таким образом, сравнительный анализ определил положительную динамику в прохождении у молодых аспирантов адаптационного периода.

Подводя итог по результатам исследования адаптированности аспирантов первого года обучения, можно сделать следующие выводы:

1. Аспиранты первого года обучения (2013/14 уч. г.) осознанно поступили в аспирантуру ИСЭРТ РАН и на первоначальном адаптационном этапе имеют верное представление о содержании своей учебной и профессиональной деятельности, а также четко осознают поставленные цели и задачи.

2. Большинство испытуемых пребывают в активном, работоспособном состоянии (80%; 8 чел.), осуществляя трудовую и учебную деятельность в ИСЭРТ РАН, испытывают положительное эмоциональное состояние на рабочих местах, так как ощущают поддержку со стороны коллег и руководителя, активно посещают проводимые мероприятия.

3. К основным трудностям были отнесены те моменты, которые связаны с отсутствием опыта в области научного знания, что, в свою очередь, является закономерным и исправимым по мере увеличения стажа работы и обучения в рамках ИСЭРТ РАН.

Положительным результатам прохождения аспирантами ИСЭРТ РАН адаптационного периода во многом способствовали мероприятия (табл. 1).

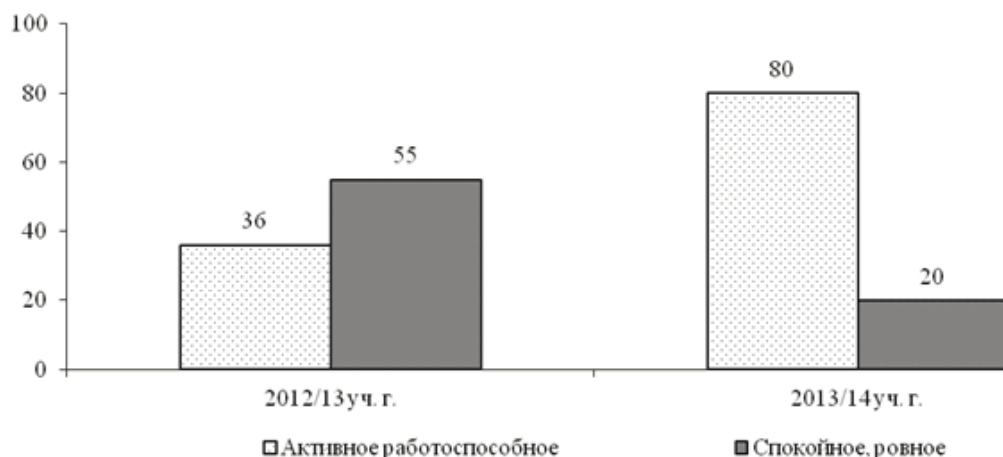

Рисунок 11. Распределение ответов на вопрос: «Укажите Ваше преобладающее настроение в течение рабочего дня» в 2012/13 – 2013/14 уч. г. (в % от числа опрошенных)

Таблица 1. Мероприятия, способствующие успешному прохождению адаптационного периода аспирантов первого года обучения в 2013/14 уч. г.

№	Название мероприятия	Сроки проведения
1	Час аспиранта	Октябрь – декабрь (еженедельно)
2	Развивающие психологические занятия «Я – аспирант!» «Что такое эффективное планирование?» «Аспекты публичного выступления» «Дискуссия как способ овладения коммуникативными компетенциями»	Октябрь – ноябрь
3	Мероприятие по ознакомлению с материалами прошлого года	Октябрь – декабрь
4	«Посвящение в аспиранты – 2013»	31.10.2013 г.
5	Конференция «Молодые ученые – экономике региона»	19.12.2013 г.
6	Творческий семинар	Сентябрь – декабрь

4. Сравнительный анализ диагностик в 2012/13 уч. г. – 2013/14 уч. г. выявил рост показателей по значимым моментам в период адаптации аспирантов первого года обучения, что позволяет прогнозировать положительную динамику в развитии их трудового и учебного потенциала.

Результатом адаптационного периода аспирантов первого года обучения стало продуктивное освоение содержания профессиональной и учебной деятельности ИСЭРТ РАН, установление сотрудиических взаимоотношений с новым коллективом, преодоление возникающих трудностей по мере накопления опыта. Это, в свою очередь, позволяет прогнозировать успешное становление молодых аспирантов как научных сотрудников ИСЭРТ РАН.

Следует отметить, что адаптация личности в коллективе обуславливает его устойчивость и стабильность, повышает его сплоченность, что способствует улучшению морально-психологического климата, нормальному функционированию и развитию коллектива. Адаптированная личность приобретает такие полезные черты как целеустремленность, осознание единства своих и коллективных интересов, активность в поддержании целей коллектива и, как следствие, значительно большую продуктивность деятельности. Поэтому в современных условиях возрастает потребность в применении эффективных методов и технологий адаптации молодых сотрудников.

В завершение необходимо отметить, что для того чтобы практически развивать и совершенствовать адаптационную работу в организациях, необходимо и далее исследовать проблему адаптации сотрудников в современных российских условиях, изучать возможность применения зарубежного опыта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Володина, Н.А. Особенности адаптации разных категорий сотрудников [Текст] / Н.А. Володина // Справочник по управлению персоналом. – 2009. – № 3. – С. 52-57.
2. Калиновская, И. М. Адаптация молодого специалиста в новом коллективе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.libsakh.ru/?div=express&hid=145>
3. Кибанов, А.Я. Основы управления персоналом [Текст] / А.Я. Кибанов // Учебник. – М.: Инфра, 2007.
4. Кулакова, А.Б. Основные направления социально-психологического сопровождения адаптационного периода аспирантов [Текст] / А.Б. Кулакова // Образование и наука: современное состояние и перспективы развития : сб. материалов Междунар. научн.-практ. конф., г. Тамбов, – Тамбов, 2013. – С. 75-76.
5. Кулакова, А.Б. Эмоциональное состояние как фактор успешности учебной и профессиональной деятельности обучающихся [Текст] / А.Б. Кулакова, И.А. Королева / Вопросы развития территории. – 2013. – № 4. – Режим доступа: <http://vtr.isert-ran.ru/?module=Articles&action=view&aid=2935>

6. Леонидова, Г.В. Генерация знаний талантливой молодёжи в интересах интеллектуализации человеческого капитала: методы и формы осуществления [Текст] / Г.В. Леонидова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – № 1. – С. 90-100.
7. Попова, В.И. Социально-психологическое сопровождение школьников в образовательном процессе [Текст] / В.И. Попова, И.А. Королева // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013. – № 6. – С. 76-81.
8. Сопоев, С.А. Адаптация молодых специалистов в современных российских организациях [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. соц. наук: 44.00.04 / С. А. Сопоев. – М., 2013. – 133 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/adaptatsiya-molodykh-spetsialistov-v-sovremennykh-rossiiskikh-organizatsiyakh#ixzz2qGCzsoc>
9. Шведова, Т.О. Справочник по управлению персонала [Электронный ресурс] / Т.О. Шведова. – Режим доступа: <http://www.poranarabotu.ru/articleRubrik/article/1785>

А.А. Пеева

А.Н. Сафронова

Л.М. Сухарева

ИСЭРТ РАН, г. Вологда

РЕАЛИЗАЦИЯ НЕПРЕРЫВНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЦЕНТРА ИСЭРТ РАН

В настоящее время стало очевидным для многих, что будущее страны, её авторитет и вес на международной арене зависят от интеллектуального потенциала, от уровня и достижений отечественной науки и технологии. В связи с этим важнейшей целью деятельности ИСЭРТ РАН является подготовка высококвалифицированных кадров в области экономики и управления, которые активно включаются в деятельность, связанную с решением проблем ускорения социально-экономического развития региона.

Практика формирования состава научных сотрудников, анализ результативности их деятельности, степень закрепления в науке молодых специалистов показали, что требуется начинать формирование научной смены как можно раньше. На этой основе родилась идея создания на базе ИСЭРТ РАН регионального научно-образовательного центра.

Для создания базы высококвалифицированных кадров в области социально-экономического развития и управления в территориальных системах в г. Вологде с 2003 года функционирует Научно-образовательный центр экономики и информационных технологий, который является структурным подразделением Института социально-экономического развития территорий Российской академии наук (НОЦ ИСЭРТ РАН). Он представляет собой реализацию идеи интеграции научного знания и образования, которая осуществляется через организацию целевой подготовки научных кадров в сфере экономики, управления и информационных технологий по цепочке «школа – вуз – аспирантура». Руководителем данного проекта является директор ИСЭРТ РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ – Владимир Александрович Ильин.

Научно-образовательный центр является системой непрерывного образования, где создаются условия для выявления и развития способностей талантливой молодёжи, осуществляется комплексное обучение школьников, студентов и аспирантов [2].

Первой ступенью образовательной программы НОЦ является дополнительное школьное образование. Оно ориентировано на экономический и научно-исследовательский интерес в области экономики региона у школьников, на развитие их личностного роста и реализацию творческого потенциала. Данная подсистема научно-образовательного центра включает в себя очный факультатив (5 – 11 классы) и Экономическую интернет-школу (8 – 11 классы) [7].

Система работы со школьниками, посещающими очный факультатив НОЦ, включает следующие компоненты: проведение занятий экономики по программам углублённого изучения и элективным курсам, организация различных мероприятий (тематические недели, экскурсии, профильные смены и т. д.), а также обеспечение участия детей в конкурсах, олимпиадах и конференциях. В 2014/15 учебном году количество обучающихся очного факультатива составило 404 человек. Обучение осуществляется сотрудниками и аспирантами ИСЭРТ РАН по курсам: «Экономика», «Основы исследовательской деятельности», «Программирование», «Азбука общения», «Социология», «Риторика», «Экономическая математика», «Экология», «Деловой английский», «Финансовая грамотность».

Отбор обучающихся на очный факультатив проходит в форме тестирования, обучаться в Экономической интернет-школе могут все желающие, подавшие заявки. Отборочные мероприятия проходят в электронной форме и включают в себя задания по экономике и психологии. Первая часть теста направлена на проверку знаний по экономике и математике, вторая включает в себя вопросы, ориентированные на выявление уровня общей эрудированности, внимательности, сообразительности и нестандартного мышления [3].

Для ребят 8 – 11 классов, которые не могут очно посещать занятия в НОЦ, а также школьников из отдалённых учреждений области и других регионов России, с 2010 года функционируют учебные курсы Экономической интернет-школы. Они разработаны сотрудником НОЦ ИСЭРТ РАН по программам предпрофильной (8 – 9 классы) и профильной подготовки и направлены на организацию дистанционного обучения основам экономики для обучающихся основных и средних общеобразовательных учреждений. На данный момент времени дистанционное обучение проходят 170 ребят более чем из 20 регионов.

Таким образом, в 2014/2015 учебном году к изучению экономики было привлечено 574 школьников, большую часть из которых составили обучающиеся Вологодской области. Многие из них добились высоких результатов по итогам участия в конкурсах и олимпиадах различного уровня. Реализация стоящих перед НОЦ ИСЭРТ РАН задач достигается за счёт взаимодействия с другими образовательными учреждениями. Такого рода сотрудничество осуществляется в течение всего учебного года при наборе обучающихся на специальные курсы; проведении экскурсий на предприятия г. Вологды для расширения кругозора школьников; а также привлечении школьников к участию в конкурсах и олимпиадах различного уровня.

Одним из способов поощрения и стимулирования обучающихся Научно-образовательного центра является публикация результатов их исследований в научных трудах и сборниках, так с 2004 года публикуется издание «Экономика региона глазами старшеклассников». Это способствует профессиональному самоопределению ребят и, следовательно, они более осознанно делают свой выбор, поступая на экономические специальности вологодских и других вузов.

Таблица. Результаты поступления в средние и высшие учебные заведения выпускников очного факультатива Научно-образовательного центра ИСЭРТ РАН, чел.

Показатель	2003/04 уч. г.		2005/06 уч. г.		2009/10 уч. г.		2010/11 уч. г.		2011/12 уч. г.		2013/14 уч. г.		Всего, чел.
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	
Численность выпускников	34	100	42	100	41	100	12	100	64	100	54	100	346
Численность выпускников, поступивших в вузы	18	53	32	78	41	100	11	92	58	93	53	98	282
Численность выпускников, поступивших на экономические специальности	5	28	16	39	17	41	4	33	25	43	22	41	113

Анализ динамики результатов мониторинга профессионального самоопределения школьников показывает, что количество выпускников НОЦ в период 2003/04 – 2013/14 учебные годы составляет 464 человека. Их них 90,7% (421 чел.) школьников поступили в вузы, из них 36% (152 чел.) на экономические специальности (табл.).

Анализ представленных данных за период существования Научно-образовательного центра приводит к выводу о положительной динамике доли выпускников, поступивших в вузы. Рост их количества в период 2003/04 – 2013/14 учебные годы составил 41%. Вместе с тем увеличилась численность абитуриентов, выбирающих экономические специальности для дальнейшего обучения на 15%.

Реализация следующей ступени цепочки «школа – вуз – аспирантура» заключается в активном сотрудничестве с вузами Вологодской области (филиалом СПбГЭУ в г. Вологде, ВоГУ и др.). Вовлекая студентов в научно-исследовательскую работу, НОЦ организует участие студентов в ежегодных региональных научно-практических конференциях «Новое общество – новая экономика», «Молодые учёные – экономике региона» и др., проводимых на базе Института. Кроме того научные сотрудники ИСЭРТ РАН привлекаются к проведению лекций и практических занятий для студентов, организации встреч с известными учёными-экономистами России.

Наиболее успешным и заинтересованным в данной области деятельности студентам после окончания вуза предлагается обучение в аспирантуре ИСЭРТ РАН по специальностям, связанным с исследовательской работой в области экономики и управления, применением экономико-математических методов в региональном хозяйствовании. Оно проводится в очной и заочной формах, а также в форме соискательства.

Таким образом, Научно-образовательный центр на протяжении более, чем 10 лет создаёт условия для выявления и развития способностей талантливой молодежи региона. Важным аспектом в деятельности НОЦ является преемственность традиций и направленность на постоянное совершенствование образовательной системы, ее модернизации [6].

Система непрерывного экономического образования «школьник – студент – аспирант», реализуемая на базе НОЦ ИСЭРТ РАН, представляет собой комплексный интеграционный подход к процессу обучения и подготовки высококвалифицированных кадров, предполагающий тесную взаимосвязь между уровнями образования. Многообразие форм работы с обучающимися Центра обеспечивает преемственность экономического образования, а также эффективное развитие НОЦ как образовательной структуры.

Качество образования в НОЦ ИСЭРТ РАН определяется не только уровнем успеваемости обучающихся, но и их мнением по поводу организации обучения в Научно-образовательном центре. Особое внимание уделяется получению обратной связи от школьников, что служит необходимым условием для оптимизации образовательной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коджаспирова, Г.М. Педагогика [Текст]: учебник для вузов по педагогическим специальностям / Г.М. Коджаспирова. – М.: КНОРУС, 2010. – 752 с.
2. Леонидова, Г.В. Региональный научно-образовательный центр [Текст] / Г.В. Леонидова. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2007. – 99 с.
3. Леонидова, Г.В. Региональный научно-образовательный центр [Текст] / Г.В. Леонидова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2007. – 99 с.
4. Леонидова, Г.В. Теория и практика формирования научно-образовательного пространства [Текст]: монография / Г.В. Леонидова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. – 272 с.
5. Леонидова, Г.В. Теория и практика формирования научно-образовательного пространства [Текст]: монография / Г.В. Леонидова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. – 272 с.
6. Научно-образовательный центр ИСЭРТ РАН: 10 лет. От идеи до реализации [Текст]: в 2-х кн. / В.А. Ильин, А.А. Шабунова, В.И. Попова, Г.В. Леонидова, О.Ю. Гарманова, С.Ю. Егорихина, И.А. Королева, А.Б. Кулакова, Ж.В. Фомина. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. – Кн. 1: Подсистема дополнительного школьного образования. – 138 с.
7. Попова, В.И. Экономический школьный факультатив в Научно-образовательном центре: практика и перспективы [Текст] / В.И. Попова, А.С. Кельсина // Проблемы развития территории. – 2011. – № 4 (56). – С. 110-119.
8. Фомина, Ж.В. Применение технологии проблемного обучения в системе экономического образования школьников [Текст] / Ж.В. Фомина, В.И. Попова // Проблемы развития территории. – 2013. – № 5 (67). – С. 80-87.
9. Фомина, Ж.В. Применение технологии проблемного обучения в системе экономического образования школьников [Текст] / Ж.В. Фомина, В.И. Попова // Проблемы развития территории. – 2013. – № 5 (67). – С. 80-87.

Д.В. Соколова

ИСЭРТ РАН, г. Вологда

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ РАЗВИВАЮЩЕЙ СРЕДЫ НОЦ ИСЭРТ РАН

В современных условиях развития нашего общества возрастает роль активности человека, его умения организовать свою деятельность. В связи с этим особую актуальность приобретает проблема развития коммуникативных способностей, так как наличие их высокого уровня, хотя и не гарантирует успеха в учебной, профессиональной, творческой и других видах деятельности, но создает для него определенную основу. Эта проблема непосредственно вытекает и из современных требований к выпускникам общеобразовательных школ. В документах по модернизации образования записано, что основным результатом образовательного учреждения должна стать не система знаний, умений и навыков, а набор заявленных государством ключевых компетентностей, касающихся интеллектуальной, общественно-политической, коммуникативной, информационной и прочих сфер. В перечень ключевых компетентностей входят: умение анализировать новые ситуации и применять уже имеющиеся знания для такого анализа; способность взаимодействовать и уживаться с другими людьми; готовность замечать проблемы и искать пути их решения и другие, основу которых, по сути, составляют коммуникативные способности [10, С. 56].

Изучению коммуникативных способностей посвящено множество работ зарубежных и отечественных исследователей. В них представлены различные аспекты изучения проблемы. Наиболее исследованной является область изучения природы, форм проявления коммуникативных способностей и закономерностей их развития (А.В. Батаршев, А.М. Белобородов, Э.А. Голубева, И.А. Зимняя, Н.П. Фетискин, А.В. Хуторской и др.). Значение этих исследований огромно, особенно в разработке общетеоретических проблем развития коммуникативных способностей [1, С. 103].

Вместе с тем можно констатировать, что сравнительно малоизученной является та сторона проблемы, которая посвящена исследованию развития коммуникативных способностей школьников в условиях среды учреждения дополнительного образования. Практически отсутствуют исследования, направленные на выявление психолого-педагогических условий, эффективно влияющих на развитие коммуникативных способностей обучающихся в процессе обучения [3, С. 447].

Анализ теоретической литературы позволил сделать вывод, что коммуникативные способности представляют собой сложное психологическое образование, развивающееся на основе коммуникативных задатков, включающее такие структурные компоненты, как когнитивный, самооценочный, эмоциональный, коммуникативно-деятельностный, которые находятся в тесной связи между собой и обеспечивают успешность осуществления коммуникативной деятельности [5, С. 69].

Коммуникативные способности позволяют успешно вступать в контакт с другими людьми, осуществлять коммуникативную и организаторскую виды деятельности; они определяют качественные и количественные характеристики обмена информацией, восприятия и понимания другого человека, выработки стратегии взаимодействия. Они способствуют психическому развитию школьников и влияют на общий уровень деятельности. На успешность формирования навыков коммуникации оказывают влияние разные факторы, среди которых индивидуально-возрастные, психологические особенности человека, условия среды, которые окружают его [2, С. 7-10].

В современной психолого-педагогической науке наблюдается интерес к образовательной среде как к феномену, обладающему определенными параметрами, влияющими на развитие его субъектов. В рамках образовательного учреждения среда выступает как совокупность социальных, культурных, а также специально организованных психолого-педагогических условий, в результате взаимодействия которых с индивидом происходит становление личности [4, С. 104].

В общем виде среда любого образовательного учреждения может иметь следующие компоненты структуры (табл. 1).

Таким образом, в самом широком контексте развивающая образовательная среда представляет собой любое социокультурное пространство, в рамках которого стихийно или с различной степенью организованности осуществляется процесс развития личности [5, С. 99].

Вышеизложенные компоненты развивающей среды находят свое отражение в содержании деятельности Научно-образовательного центра экономики и информационных технологий Института социально-экономического развития территорий РАН (далее НОЦ ИСЭРТ РАН).

НОЦ ИСЭРТ РАН представляет собой инновационную структуру, многоступенчатую систему подготовки высококвалифицированных кадров в области экономики и управления. Осуществляемое в нем дополнительное школьное образование представлено оч-

Таблица 1. Структура развивающей среды образовательного учреждения

Компонент	Содержание
Пространственно-семантический	– архитектурно-эстетическая организация жизненного пространства (информационно-техническая база, дизайн интерьеров, пространственная структура учебных и рекреационных помещений); – символическое пространство (различные символы – эмблема, традиции и др.).
Содержательно-методический	– содержательная сфера (концепции обучения и воспитания, образовательные и учебные программы, учебный план, учебники и учебные пособия и др.); – формы и методы организации образования (формы организации занятий – уроки, дискуссии, конференции, экскурсии и т.д., исследовательские общества и другие).
Коммуникационно-организационный	– особенности субъектов образовательной среды (распределение статусов и ролей, половозрастные и национальные особенности обучающихся и педагогов, их ценности, установки, стереотипы и т.п.); – коммуникационная сфера (стиль общения и преподавания, пространственная и социальная плотность среди субъектов образования, степень скученности и др.); – организационные условия (особенности управленческой культуры, наличие творческих объединений преподавателей, инициативных групп и др.).

ным факультативом по экономике, который посещают 570 школьников. Главная роль в процессе развития личностно-важных качеств детей отводится группе психолого-педагогического сопровождения [8, С. 103-104].

С ее помощью создаются условия для развития гармоничной личности школьника и поддержки педагогов в процессе обучения и воспитания детей. Схема организации деятельности психолого-педагогического сопровождения представлена на рисунке 1.

Основными принципами работы группы является ее непрерывность и открытость для участников образовательного процесса, что является залогом успешного прохождения обучения в учреждении.

К приоритетным задачам, определяющим направления деятельности специалистов группы психолого-педагогического сопровождения (ППГ), относятся:

- содействие личностному и профессиональному становлению и развитию обучающихся и педагогов НОЦ;
- определение психоэмоционального состояния, мотивационной сферы школьников с помощью психологических диагностик и осуществление их коррекции на основании полученных результатов;
- развитие навыков эффективного общения, создание благоприятного психологического климата в учебных и рабочих коллективах;
- сопровождение участников образовательного процесса на различных этапах учебной и профессиональной деятельности [8, С. 98].

В рамках развития коммуникативных способностей у обучающихся НОЦ группой психолого-педагогического сопровождения проводится целенаправленная, системная работа, включающая в себя мероприятия, представленные в таблице 2.

Данная система мероприятий способствует развитию потребности в коммуникативной деятельности. Это выражается в том, что обучающиеся быстро находят друзей, стремятся расширить круг своих знакомых, проявляют круг своих знакомых, проявляют инициативу в общении, способны принимать решение в трудных, нестандартных ситуациях [6, С. 439].

Данные выводы подтверждают результаты диагностического исследования, которое было проведено в марте 2013/14 уч. г. группой психолого-педагогического сопровождения.

Целью данной диагностики является выявление у школьников НОЦ уровня развития коммуникативных и организаторских склонностей, которые являются важными факторами для достижения успеха во многих профессиях типа «человек – человек». Данное исследование проводится с 2010/11 уч. г., поэтому появилась возможность отследить динамику развития исследуемых качеств.

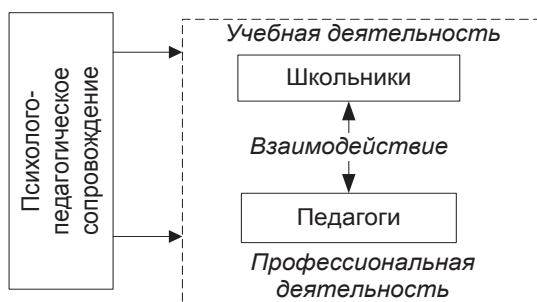

Рисунок 1. Организация психолого-педагогического сопровождения школьников и педагогов в НОЦ

Таблица 2. Направления деятельности группы психолого-педагогического сопровождения

Направления работы	Характеристика
1. Включение в научно-исследовательскую деятельность	Знакомство школьников со сферой научной деятельности, вовлечение в научно-исследовательскую работу на ранних этапах обучения.
2. Развивающая работа	Проведение тренинговых занятий на развитие коммуникативной и организаторской сфер в рамках курсов психологических дисциплин «Азбука общения», «Деловое общение».
3. Мероприятия, организуемые в НОЦ	Привлечение обучающихся к мероприятиям, формирующим у них коммуникативные и организаторские умения (Дискуссионный клуб, Олимпиада по экономике НОЦ ИСЭРТ РАН, конкурс научно-исследовательских работ, «Неделя Вологды», «Неделя психологии», «Неделя вежливости и хороших манер» в НОЦ и т.д.).
4. Методическая поддержка	Использование на уроках активных методов обучения, которые строятся на практической направленности, игровом действии и творческом характере обучения, интерактивности, разнообразных коммуникациях, диалоге и полилоге, использовании знаний и опыта обучающихся, групповой форме организации их работы, вовлечении в процесс всех органов чувств.
5. Экскурсионная деятельность	Обеспечение знакомства и взаимодействия школьников с представителями других сообществ (экскурсии на организации и предприятия экономической направленности).
6. Каникулярные смены	Организация работы экономического факультатива в период школьных каникул.

Таблица 3. Характеристика уровней коммуникативных и организаторских склонностей

Уровни КОС	Баллы	Характеристика уровней КОС
Очень низкий	1 – 4	Сфера коммуникативных и организаторских способностей неразвита. Испытуемые стремятся избегать контактов, мало общаются даже в узком кругу, испытывают дискомфорт в ситуации вынужденного взаимодействия с малознакомыми людьми. В организаторской деятельности не проявляют инициативы, скованны, часто им сложно принимать решения самостоятельно.
Низкий	5 – 8	Испытуемые не стремятся к общению, предпочитают проводить время наедине с собой. В новой компании или коллективе чувствуют себя скованно. Испытывают трудности в установлении контактов с людьми. Не отстаивают своего мнения, тяжело переживают обиды. Редко проявляют инициативу, избегают принятия самостоятельных решений.
Средний	9 – 12	Испытуемые стремятся к контактам с людьми, отстаивают свое мнение. Однако потенциал их склонностей не отличается высокой устойчивостью. Требуется дальнейшая воспитательная работа по формированию и развитию этих качеств личности.
Высокий	13 – 16	Потребность в коммуникативной и организаторской деятельности сформирована в достаточной мере. Испытуемые не теряются в новой обстановке, быстро находят друзей, стремятся расширить круг своих знакомых, помогают близким и друзьям, проявляют инициативу в общении, способны принимать решения в трудных, нестандартных ситуациях.
Высший	17 – 20	Потребность в коммуникативной и организаторской деятельности сформирована полностью. Испытуемые быстро ориентируются в трудных ситуациях, непринужденно ведут себя в новом коллективе, инициативны, принимают самостоятельные решения. Отстаивают свое мнение и добиваются принятия своих решений. Любят организовывать игры, различные мероприятия, настойчивы и одержимы в деятельности

Для проведения исследования, в котором приняло участие 42 школьника, использовалась методика «Коммуникативные и организаторские склонности» (далее «КОС») В.В. Синявского и Б.А. Федоришина, которая включает в себя 40 вопросов [9, С. 263-265].

Данная методика позволяет, учитывая индивидуальные и личностные особенности школьников, определить уровень выраженности исследуемых у них склонностей (в баллах).

Результаты исследования определили обучающихся по уровням коммуникативных и организаторских склонностей, краткая характеристика которых представлена в таблице 3 [7, С. 88].

Итак, рассмотрим динамику результатов по шкале «коммуникативные склонности». Анализ показателей двух срезов, сделанных в 2010/11 (8 класс) и 2013/14 (11 класс) уч. гг., выявил положительную тенденцию в развитии коммуникативных способностей обучающихся НОЦ (рис. 2).

Можно наблюдать, что к выпускному классу у обучающихся стали преобладать высший (28,6%) и высокий (26,2%) уровни развития коммуникативных склонностей. Рост показателей по этим уровням составил 16,7% и 11,9%.

Сравнительный анализ баллов шкалы «организаторские склонности», также, выявил благоприятное изменение показателей (рис. 3).

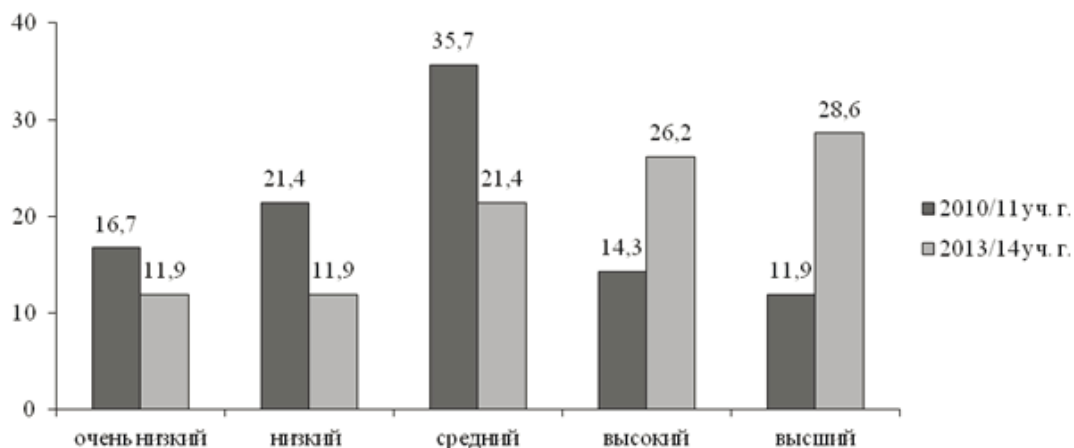

Рисунок 2. Динамика показателей по шкале «Коммуникативные склонности» в период 2010/11 – 2013/14 уч. гг. (человек в %)

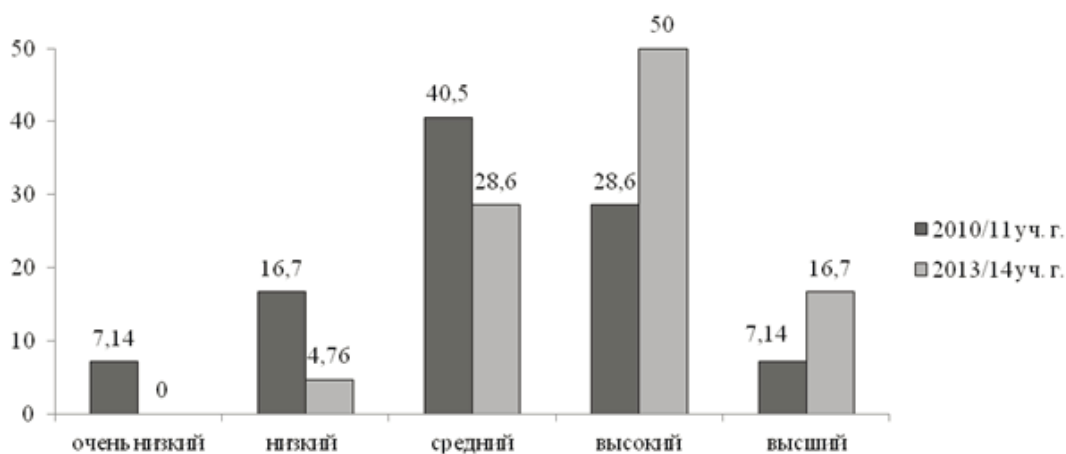

Рисунок 3. Динамика показателей по шкале «Организаторские склонности» в период 2010/11 – 2013/14 уч. гг. (человек в %)

Половина (50%) старшеклассников обладают высоким уровнем развития организаторских склонностей, что почти в 2 раза больше, чем в 2010/11 уч. г. (28,6%). В 2 раза увеличилось количество человек, обладающих высшим уровнем развития организаторских склонностей (16,7%).

Таким образом, к выпускному классу потребность в коммуникативной и организаторской деятельности у школьников сформирована. Это позволит им быстро ориентироваться в трудных ситуациях, непринужденно вести себя в новом коллективе, проявлять инициативу, принимать самостоятельные решения и отстаивать свое мнение.

Подводя итог, следует отметить, что коммуникативные способности как элемент совокупности компетенций современного школьника требуют особого внимания, из-

учения и развития. Проведенное исследование позволило выявить положительную динамику в формировании практических навыков общения, что в целом подтверждает продуктивность развивающей среды НОЦ ИСЭРТ РАН, которая является одним из факторов успешного формирования коммуникативных способностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батаршев А.В. Диагностика способности к общению [Текст] / А.В. Батаршев. – СПб.: Питер, 2006. – 176 с.
2. Белобородов А.М. Развитие коммуникативных способностей подростков в процессе тренингового воздействия [Текст] / А.М. Белобородов // Научный диалог. – 2013. – № 9 (21): Психология. Педагогика. – С. 6-20.
3. Голубева, Э.А. Способности. Личность. Индивидуальность [Текст] / Э.А. Голубева – Дубна: «Феникс», 2005. – 512 с.
4. Егорихина С.Ю. Формирование коммуникативной сферы молодых учёных [Текст] / С.Ю. Егорихина, В.И. Попова // Проблемы развития территории. – 2012. – № 3 (59). – С. 99-107.
5. Зимняя, И.А. Педагогическая психология [Текст]: учебник для вузов. – 2-е изд., испр. и перераб. – М.: Логос, 2002. – 384 с.
6. Королева И.А. Деятельность методической и психологической групп в организации и сопровождении школьников в образовательном процессе (из опыта НОЦ ИСЭРТ РАН) [Текст] / И.А. Королева // Молодой ученый. – 2012. – № 5. – С. 435-444.
7. Королева, И.А. Развитие коммуникативных навыков у школьников [Текст] / И.А. Королева // Проблемы территориального развития. – 2012. – № 6 (62). – С. 86-92.
8. Кулакова, А.Б. Адаптационный период школьников в учебном процессе Научно-образовательного центра ИСЭРТ РАН [Текст] / А.Б. Кулакова, И.А. Королева // Проблемы развития территории. – 2014. – № 1 (69) – С. 98-105.
9. Фетискин, Н.П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп [Текст] / Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов. – М., 2002. – С. 263-265.
10. Хуторской, А.В. Ключевые компетенции. Технология конструирования [Текст] / А.В. Хуторской // Народное образование. – 2003. – № 5. – С. 55-61.

Ж.В. Фомина

ИСЭРТ РАН, г. Вологда

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ШКОЛЬНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ НОЦ ИСЭРТ РАН)

Прогрессивное развитие страны основывается на реализации человеческого потенциала, а также на эффективном применении знаний, умений и навыков людей для улучшения технологий, экономических результатов, жизни общества в целом.

Модернизация и инновационное развитие – единственный путь, который позволит государству стать конкурентоспособным в XXI веке. В условиях осуществления этих стратегических задач важнейшими качествами личности становятся инициативность, способность творчески мыслить и находить нестандартные решения, умение выбирать профессиональный путь, готовность обучаться в течение всей жизни. Все эти навыки формируются с детства. Школа является важным элементом в этом процессе. Школьное обучение должно быть построено так, чтобы выпускники могли самостоятельно ставить серьёзные цели и достигать их, умело реагировать на разные жизненные ситуации.

Эти качества современного школьника формируются в результате поиска новых знаний и формирования собственных идей, т. е. по средствам исследовательской деятельности.

Исследовательская деятельность – это специфическая человеческая деятельность, которая направлена на удовлетворение познавательных, интеллектуальных потребностей, продуктом которой является новое знание, полученное в соответствии с поставленной целью, объективными законами и обстоятельствами, определяющими реальность и достижимость цели [13, с. 36].

Поиск решения этих задач в процессе организации научно-исследовательской работы является одним из компонентов функционирования Научно-образовательного центра ИСЭРТ РАН (далее – НОЦ ИСЭРТ РАН) наряду с образовательной, научно-методической, внеучебной деятельностью и социально-психологическим сопровождением. Этот компонент рассматривается, с одной стороны, как путь повышения эффективности усвоения знаний, умений и навыков, соответствующих образовательным стандартам, с другой – как способ начальной профессиональной подготовки. Именно этот контекст задаёт цель отбора талантливых и мотивированных детей с последующей профилизацией их образования и ориентацией на работу в высокоинтеллектуальных отраслях [12, с. 117].

Практика организации научно-исследовательской деятельности школьников в Научно-образовательном центре ИСЭРТ РАН направлена на овладение универсальными учебными действиями и осуществляется по трём направлениям:

1. Освоение элективного курса «Основы исследовательской деятельности» в 5 – 11 классах экономического факультатива.

2. Участие школьников в конкурсах научно-исследовательских работ и эссе НОЦ ИСЭРТ РАН.

3. Участие обучающихся во внешних конкурсах, конференциях и олимпиадах (общероссийская конференция «Мир науки+», конкурс Молодёжного союза экономистов и финансистов Российской Федерации (МСЭФ), Всероссийский молодёжный научный форум «Молодые исследователи – регионам» и т. д.).

Элективный курс «Основы исследовательской деятельности» представляет собой семилетний цикл обучения. Программирование учебного материала осуществляется по принципу «спирали» с постепенным усложнением. По окончании годового цикла проводится итоговый контроль различной формы: представление доклада по исследованиям и защита реферата в среднем звене и научно-исследовательской работы в старшем.

Научно-исследовательская работа позволяет раскрыть способности обучаемых, побуждает к самооткрытию собственных способностей и возможностей. Весьма важно, что выработка исследовательской позиции по отношению к миру, к другим, к самому себе происходит во взаимосвязи с условиями развития личности, в ходе осуществления её деятельности. Для формирования исследовательских умений применяются такие образовательные технологии как: исследовательские практикумы, эвристические системы занятий, творческие «погружения», диалоговые методы, ситуации выбора, моделирования реальной действительности.

По итогам овладения курса в Научно-образовательном центре ИСЭРТ РАН ежегодно с 2004 года проводится конкурс научно-исследовательских работ (НИР) для 9 – 11 классов образовательных учреждений. С 2004 по 2014 год в данный процесс было вовлечено более 500 старшеклассников (рис.).

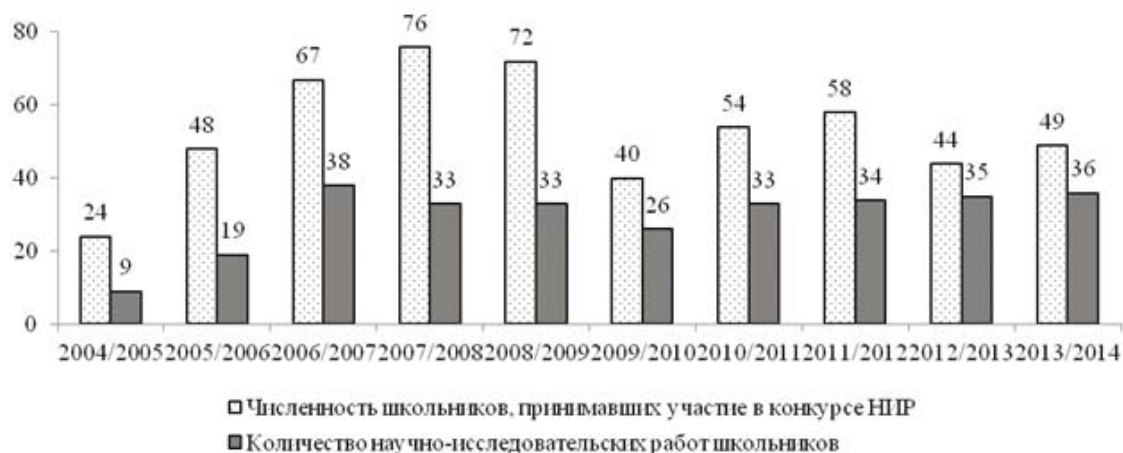

Рисунок. Количество участников конкурса научно-исследовательских работ в НОЦ

Конкурс проходит в два этапа: первый – подготовка, представление и оценка работ; второй – их защита на конференции «Экономика региона глазами старшеклассников». Сначала школьники определяются с тематикой работы, затем согласуют методику исследования и список необходимой литературы с научными руководителями из числа аспирантов ИСЭРТ РАН. Подготовленные работы оцениваются независимыми экспертами – научными сотрудниками Института социально-экономического развития территорий РАН, которые определяют лучшие работы для защиты на конференции. Участвуя в ней, юные исследователи приобретают опыт выступлений перед аудиторией, учатся формулировать и задавать вопросы.

Обучающиеся среднего звена также имеют возможность реализовывать свои творческие идеи в конкурсе эссе. С 2004 по 2014 год в этом мероприятии принял участие 351 школьник. В 2013/2014 учебном году в нём участвовали 40 человек. Для них, уже третий год подряд, была проведена процедура очной защиты эссе перед экспертной комиссией. Это дало школьникам возможность высказать своё мнение по актуальным вопросам управления, экономики и образования. Представляя себя директором школы, главой города или Президентом Российской Федерации, любой конкурсант мог поразмышлять о том, какие шаги необходимо сделать для улучшения тех или иных сторон жизни человека. Самыми популярными оказались темы «Если бы я был директором школы» и «Если бы я был президентом». Многих ребят привлекли темы «Если бы я был губернатором Вологодской области», «Если бы я был частным предпринимателем», «Если бы я был главой города Вологды». Это свидетельствует об интересе школьников к экономическим и политическим проблемам современного общества.

Научно-образовательный центр предоставляет обучающимся возможность участия в различных научных конкурсах, конференциях и олимпиадах регионального, всероссийского и международного уровней, тем самым реализуя третье направление организации научно-исследовательской деятельности. С каждым годом количество участников и призовых мест возрастает (в период 2007/2008 – 2013/2014 уч. гг. рост составил 2,5 раза).

Подводя итоги организации исследовательской деятельности школьников Научно-образовательного центра ИСЭРТ РАН, можно отметить следующее:

- за время функционирования НОЦ в исследовательскую деятельность вовлечено почти 900 обучающихся;
- высокое качество исследований подтверждается увеличением количества школьников, выступающих с научно-исследовательскими работами в конкурсах и конференциях и занимающих призовые места [12, с. 118].

Повышение качества и увеличение количества школьных исследований свидетельствуют о высоком уровне освоения исследовательских компетенций обучающимися Научно-образовательного центра ИСЭРТ РАН, тем самым подтверждая эффективность организации научно-исследовательской деятельности по трём представленным направлениям.

Исследовательская деятельность позволяет школьникам реализовывать имеющиеся знания, развивать экономическое мышление, творческую способность осмысления проблем, связанных с экономикой, непосредственно или опосредованно, т. е. применять исследовательские компетенции в области экономической науки. Приобретаемые знания, умения, навыки в ходе проектной деятельности в конечном счёте стимулируют мотивацию самостоятельной образовательной деятельности, развивают экономическое сознание. Поэтому необходимо развивать и совершенствовать исследовательскую

деятельность школьников в Научно-образовательном центре, вовлекать в неё большее количество обучающихся, учитывая, что в НОЦ ИСЭРТ РАН для этого созданы все условия. Школьники имеют возможность пользоваться Научной библиотекой ИСЭРТ РАН, посещать научные семинары и конференции, изучать результаты экономических исследований учёных Института.

Школьники Научно-образовательного центра вследствие самостоятельного поиска нового и защиты своего пусть небольшого, но всё же открытия, готовятся в будущем стать конкурентоспособными специалистами в той или иной сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранников, А.В. Содержание общего образования: компетентностный подход [Текст] / А.В. Баранников. – М.: ГУ ВШЭ, 2002. – 51 с.
2. Боброва, О.Ф. Очно-заочная система обучения исследовательской деятельности – инновационное направление в системе образовательного пространства Белгородской области [Текст] / О.Ф. Боброва // Исследовательская работа школьников. – 2012. – № 1. – С. 32-38.
3. Волкова, Л.А. Виды, алгоритмы и принципы школьных учебных исследований [Текст] / Л.А. Волкова // Исследовательская работа школьников. – 2009. – № 4. – С. 17-22.
4. Кельсина, А.С. Исследовательская деятельность школьников как одно из основных направлений работы Научно-образовательного центра ИСЭРТ РАН [Текст] / А.С. Кельсина // Современные научные исследования и инновации. – 2011. – Май.
5. Коджаспирова, Г.М. Педагогика [Текст]: учебник для вузов по педагогическим специальностям / Г.М. Коджаспирова. – М.: КНОРУС, 2010. – 752 с.
6. Лебедев, О.Е. Компетентностный подход в образовании [Текст] / О.Е. Лебедев // Школьные технологии. – 2004. – № 5. – С. 3-12.
7. Леонидова, Г.В. Региональный научно-образовательный центр [Текст] / Г.В. Леонидова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2007. – 99 с.
8. Леонидова, Г.В. Теория и практика формирования научно-образовательного пространства [Текст]: монография / Г.В. Леонидова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. – 272 с.
9. Обухов, А.С. Исследовательская позиция личности [Текст] / А.С. Обухов // Исследовательская работа школьников. – 2006. – № 1. – С. 61-73.
10. Савенков, А.И. Методика исследовательского обучения младших школьников [Текст] / А.И. Савенков. – Самара: Учебная литература, 2005. – 80 с.
11. Савенков, А.И. Содержание и организация исследовательского обучения школьников [Текст] / А.И. Савенков. – М.: Сентябрь, 2003. – 204 с.
12. Фомина, Ж.В. Исследовательская деятельность обучающихся как элемент компетентностного подхода в образовании (на примере НОЦ ИСЭРТ РАН) [Текст] / Ж.В. Фомина // Проблемы развития территории. – 2013. – № 2 (64). – С. 113-122.
13. Шашенкова, Е.А. Исследовательская деятельность [Текст]: словарь / Е.А. Шашенкова. – М: Перспектива, 2010. – 88 с.

К.А. Устинова

Институт социально-экономического развития территорий РАН, г. Вологда

ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ НАВЫКОВ НА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹

Изменения социально-экономической среды, обусловленные переходом России к инновационной экономике, приводят к возрастанию необходимости использования знаний и навыков населения как фактора, обеспечивающего эти преобразования. В сложившихся условиях увеличиваются требования со стороны работодателей к профессиональному уровню сотрудников, к эффективной реализации накопленного потенциала в трудовой деятельности.

Вместе с тем, на практике, как показано по результатам многочисленных отечественных и зарубежных исследований, уровень базовых умений и навыков выпускников вузов снижается и не соответствует требованиям работодателей. Значительная часть выпускников вузов не обладает в должной степени ключевыми компетенциями и навыками для осуществления деятельности в инновационной среде [Brown et al., 2008; Davis, Fisher, Ford, 2009; Saavedra, 2011]. При этом ухудшается ситуация (снижается уровень грамотности) не только среди молодежи, но и среди взрослого населения [Fallahi et al., 2006]. Так, по данным Программы международной оценки компетенций взрослых в России в 2013 г. около половины опрошенных не имели должного опыта работы на компьютере, около 40% – оценивали свои способности к решению задач в технологически насыщенной среде на низком уровне. В тоже время развитие информационных и телекоммуникационных технологий обуславливает возрастание роли знаний и навыков в сфере труда и в повседневной жизни [3, С. 82-85].

Помимо практической значимости исследования этого вопроса следует отметить и научную, обусловленную незначительным количеством научных работ в рамках компетентностного подхода в России (исследования по данной проблематике проводятся с 90-х гг.), их ограниченностью по распространению и используемому инструментарию; неоднозначностью трактовок, объясняющих причины неравенства в образовательных достижениях (в одном случае в качестве причин называется различие в когнитивных способностях населения [Jensen, 1969; Herrnstein, 1973; Herrnstein, Murray, 1994], в дру-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, грант № 14-18-03120 «Качество детского населения в контексте модернизации России».

гом – различие как в когнитивных, так и в поведенческих [Bowles, Gintis, 1976; Lareau, 2003] [1, С. 61]; отсутствием согласованного подхода в научной среде к определению уровня развития компетенций населения (с одной стороны, определение минимально приемлемого уровня развития компетенций, с другой стороны, выявление наивысшего уровня их развития) [2, С. 28-29].

Одной из проблем, распространенных в научной литературе, является отсутствие однозначного толкования компетенций в связи с многообразием подходов к их определению, различием трактовок в зависимости от этапа эволюции понятия. Так, изначально при определении компетенций акцентировалось внимание на поведенческих особенностях работников, на индивидуальных характеристиках, связанных с высокой мотивацией и эффективным выполнением трудовой деятельности.

Впоследствии первоначальная трактовка была расширена – наряду с поведенческими аспектами стали учитываться знания и навыки [Green, 1999; Lucia and Lepsinger, 1999; Naquin and Wilson, 2002; Nitardy and Mc Lean, 2002; Gangani, 2004], а в дальнейшем – их соответствие профессиональным требованиям и стандартам [Knasel and Meed].

В американском подходе показана значимость поведенческих характеристик и индивидуальных особенностей для более эффективного выполнения работы, в то время как в рамках британского подхода акцентируется внимание на значимости профессиональных стандартов и их применимости в конкретной ситуации. Подход к исследованию компетенций во Франции и Германии связан с совмещением позиций, принимая во внимание функциональные и поведенческие характеристики в единстве. Такая позиция согласуется с идеей двухкомпонентной структуры компетенций, в рамках которой учитываются как те, так и другие компетенции, а также знания и навыки, мотивы и черты личности [F. Hartley]. Соответственно на протяжении всех этапов эволюции понятия «компетенция» происходил переход от фрагментарного их толкования к системному.

Принимая во внимание возникающие среди отечественных и зарубежных исследователей проблемы, связанные с многообразием подходов к определению компетенций, возникает необходимость использования системного подхода, в рамках которого учитывались бы аспекты, связанные с оценкой требований рабочих мест, качеств, которыми обладает население, и возможностей для их совершенствования. В исследовании навыки были разделены на две группы – общие (физическое здоровье, знания и эрудиция, общая культура) и поведенческие (морально-нравственные качества, взаимодействие с людьми, повышение квалификации, творческий труд). На региональном уровне проводился анализ требований к навыкам, необходимым для выполнения трудовой деятельности, на основе данных мониторинга качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области, который осуществляется в период 1997 – 2013 гг. в гг. Вологде, Череповце и восьми районах Вологодской области (Бабаевского, Великоустюгского, Вожегодского, Грязовецкого, Кирилловского, Никольского, Тарногского, Шекснинского). Объем выборочной совокупности – 1500 респондентов ежегодно. Выборка целенаправленная, квотная. Полученная по результатам исследования информация позволит, во-первых, выявить общий уровень развития компетенций, во-вторых, определить степень соответствия компетенций требованиям рабочих мест и, в-третьих, оценить влияние компетенций на результаты трудовой деятельности.

По результатам исследования установлено, что населением оцениваются на более высоком уровне базовые профессиональные способности, навыки общения, готовность

переучиваться и дисциплинированность, хуже – навыки, востребованные в условиях перехода к инновационной экономике (табл. 1). При этом уровень образования населения оказывает прямое положительное влияние на формирование навыков – среди тех, у кого неполное среднее и среднее образование, преобладает население с профессиональными навыками на низком и ниже среднего уровне развития, в то время как у обладателей высшего образования – обратная ситуация.

Однако даже более образованное население отмечает, что инновационные навыки (готовность к повышению профессионального уровня, наличие творческого подхода) у них сформированы в недостаточной степени (около 40% населения с высшим образованием оценивают на низком уровне эти навыки). Подчеркивается, что в будущем требования к этим навыкам возрастут, в связи с этим их (компьютерная грамотность, использование программного обеспечения, умение организовывать взаимодействия с клиентами, умение переучиваться) необходимо совершенствовать в первоочередном порядке (табл. 2).

Таким образом, установлено, что при формировании направлений развития персонала особое внимание должно уделяться совершенствованию навыков, востребованных в инновационной среде. Такая ситуация обусловлена не только изменяющимися социально-экономическими условиями и ростом спроса на персонал, готовый переучиваться и воплощать инновационные идеи в практику, но и тем, что использование этих

Таблица 1. Самооценка населением своих навыков по пятибалльной шкале, балл

Тип навыков	Средняя оценка
Общие	
1. Базовые профессиональные навыки, необходимые для работы	3,92
2. Уровень использования общей культуры	3,85
3. Общеобразовательные навыки (грамматические, математические)	3,67
4. Базовая компьютерная грамотность, навыки использования программного обеспечения	3,61
Поведенческие	
1. Дисциплинированность	4,17
2. Умение работать в коллективе, навыки общения и взаимопонимания	4,05
3. Умение переучиваться, готовность к повышению профессионального уровня	3,93
4. Инициативность, творческий подход	3,78

Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области

Таблица 2. Как Вы думаете, какие профессиональные навыки станут более востребованными в ближайшие годы, % от числа опрошенных в 2014 г.

Тип навыков	Доля опрошенных
1. Базовая компьютерная грамотность, навыки пользования программным обеспечением	44,8
2. Навыки работы с клиентами	24,4
3. Умение переучиваться, осваивать что-то новое	23,6
4. Ответственность за порученную работу	22,9
5. Затрудняюсь ответить	20,1
6. Дисциплинированность, исполнительность	19,2
7. Общеобразовательные навыки (грамматические, математические), общая культура	16,3
8. Навыки командной работы в коллективе, группе	14,7
9. Навыки самостоятельного решения рабочих проблем	14,7
10. Проявление творческой (рационализаторской) активности	10,7
11. Навыки планирования и организации своего времени, труда	10,6
12. В ближайшие годы требования к профессиональным навыкам не изменятся	6,0
13. Другое	0,4

Сумма больше 100%, потому что можно было выбрать до 3 вариантов ответа
 Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области

навыков способствует увеличению качества трудового потенциала и производительности труда. Так, различие между группами населения, у которых навык «умение переучиваться» развит на уровне «выше среднего» и «ниже среднего», в качестве трудового потенциала составляет 15% (0,104 ед.), а в производительности труда – 22% (1,7 балла по пятибалльной шкале), по инициативности и творческому подходу к делу – 14% (0,101 ед.) и 20% (1,6 балла) соответственно.

Несмотря на востребованность данных навыков в условиях перехода к инновационной экономике, работодатели фактически не мотивируют к их совершенствованию – заработная плата у той группы населения, у которых инновационные навыки сформированы на уровне «выше среднего», была ниже по сравнению с остальными. Большой «выигрыш» в материальном плане приносило совершенствование традиционных качеств – базовых профессиональных навыков и исполнительности. Различия между группами населения по производительности труда в зависимости от уровня развития базовых профессиональных навыков на 22% сопровождалось разницей в заработной плате на 34% и различия в дисциплинированности и исполнительности на 18% приводило к разнице в оплате труда на 20% (табл. 3). Определено, что совершенствование базовых профессиональных навыков сопровождается более эффективным использованием накопленного потенциала за счет снижения «разрыва» между качеством трудового потенциала и требованиями рабочих мест.

В условиях, когда базовые профессиональные навыки – на уровне ниже среднего, выявлено и более низкое по сравнению с остальным населением качество трудового потенциала, в первую очередь за счет когнитивных («разрыв» составляет 0,110 ед.) и творческих способностей (0,103 ед.). В то время как при развитии профессиональных навыков на уровне выше

Таблица 3. – Результативность трудовой деятельности в зависимости от уровня развития компетенций в 2014 г.

Навыки	Уровень развития навыков (оценка по 5-ти балльной шкале)	Производительность труда, средний балл	Средний размер заработной платы, руб.	Индекс социальной дееспособности, ед.
Общеобразовательные	Ниже среднего (1,2 балла)	6,8	17579	0,604
	Средний (3 балла)	7,1	17245	0,659
	Выше среднего (4,5 баллов)	7,9	19248	0,701
Базовые профессиональные	Ниже среднего (1,2 балла)	6,2	12738	0,611
	Средний (3 балла)	6,7	15862	0,653
	Выше среднего (4,5 баллов)	7,9	19288	0,693
Базовая компьютерная грамотность	Ниже среднего (1,2 балла)	7,1	15260	0,618
	Средний (3 балла)	7,2	17523	0,665
	Выше среднего (4,5 баллов)	7,8	19641	0,702
Уровень общей культуры	Ниже среднего (1,2 балла)	6,9	17518	0,606
	Средний (3 балла)	7,1	17570	0,647
	Выше среднего (4,5 баллов)	7,8	18795	0,697
Дисциплинированность, исполнительность	Ниже среднего (1,2 балла)	6,3	14977	0,592
	Средний (3 балла)	7,0	18013	0,646
	Выше среднего (4,5 баллов)	7,7	18678	0,690
Умение переучиваться, готовность к повышению профессионального уровня	Ниже среднего (1,2 балла)	6,1	19530	0,593
	Средний (3 балла)	7,0	16459	0,645
	Выше среднего (4,5 баллов)	7,8	18868	0,697
Инициативность, творческий подход	Ниже среднего (1,2 балла)	6,3	19154	0,600
	Средний (3 балла)	7,1	16590	0,654
	Выше среднего (4,5 баллов)	7,9	19107	0,701
Умение работать в коллективе, навыки общения и взаимопонимания	Ниже среднего (1,2 балла)	6,4	17383	0,600
	Средний (3 балла)	7,0	17075	0,649
	Выше среднего (4,5 баллов)	7,8	18830	0,692

Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области

среднего качество трудового потенциала по сравнению с требованиями рабочих мест оказывается выше по таким структурным компонентам как физическое и психическое здоровье, коммуникабельность, нравственный уровень. Однако требования к когнитивному потенциалу, творческим способностям, культурному уровню возрастают (табл. 4).

Таблица 4. Соответствие качества трудового потенциала требованиям рабочих мест по уровню развития навыков в 2014 г.

Тип навыков	Уровень развития навыков	Физическое здоровье			Психическое здоровье			Когнитивный потенциал			Творческие способности			Коммуникабельность		
		ТР	ТП	Р	ТР	ТП	Р	ТР	ТП	Р	ТР	ТП	Р	ТР	ТП	Р
Базовые профессиональные	Выше среднего (4,5 баллов)	0,670	0,712	-0,042	0,650	0,699	-0,049	0,633	0,569	+0,064	0,561	0,507	+0,054	0,673	0,688	-0,015
	Средний (3 балла)	0,726	0,758	-0,032	0,704	0,769	-0,065	0,664	0,581	+0,083	0,618	0,534	+0,084	0,736	0,713	+0,023
	Ниже среднего (1,2 балла)	0,770	0,757	+0,013	0,789	0,779	+0,010	0,751	0,641	+0,110	0,678	0,575	+0,103	0,817	0,776	+0,041
Базовая компьютерная грамотность	Выше среднего (4,5 баллов)	0,763	0,702	+0,061	0,713	0,720	-0,007	0,618	0,578	+0,040	0,554	0,529	+0,025	0,744	0,696	+0,048
	Средний (3 балла)	0,764	0,756	+0,008	0,744	0,764	-0,020	0,704	0,604	+0,100	0,628	0,532	+0,096	0,757	0,750	+0,007
	Ниже среднего (1,2 балла)	0,751	0,766	-0,015	0,786	0,789	-0,003	0,761	0,645	+0,116	0,697	0,586	+0,111	0,822	0,776	+0,046
Умение переучиваться, готовность к повышению профессионального уровня	Выше среднего (4,5 баллов)	0,716	0,693	+0,023	0,653	0,684	-0,031	0,576	0,559	+0,017	0,531	0,514	+0,017	0,675	0,675	0,000
	Средний (3 балла)	0,726	0,752	-0,026	0,711	0,762	-0,051	0,667	0,576	+0,091	0,613	0,529	+0,084	0,734	0,711	+0,023
	Ниже среднего (1,2 балла)	0,767	0,761	+0,006	0,787	0,783	+0,004	0,754	0,643	+0,111	0,681	0,577	+0,104	0,818	0,778	+0,040
Инициативность, творческий подход	Выше среднего (4,5 баллов)	0,694	0,705	-0,011	0,663	0,704	-0,041	0,598	0,569	+0,029	0,520	0,497	+0,023	0,685	0,688	-0,003
	Средний (3 балла)	0,735	0,763	-0,028	0,725	0,774	-0,049	0,662	0,589	+0,073	0,580	0,537	+0,043	0,758	0,721	+0,037
	Ниже среднего (1,2 балла)	0,771	0,758	+0,013	0,794	0,781	+0,013	0,770	0,646	+0,124	0,709	0,584	+0,125	0,821	0,783	+0,038
Тип навыков	Уровень развития навыков	Культурный уровень			Нравственный уровень			Потребность в достижении			Дееспособность					
		ТР	ТП	Р	ТР	ТП	Р	ТР	ТП	Р	ТР	ТП	Р			
Базовые профессиональные	Выше среднего (4,5 баллов)	0,640	0,603	+0,037	0,633	0,683	-0,050	0,598	0,576	+0,022	0,614	0,611	+0,003			
	Средний (3 балла)	0,698	0,635	+0,063	0,693	0,752	-0,059	0,655	0,616	+0,039	0,672	0,653	+0,019			
	Ниже среднего (1,2 балла)	0,769	0,699	+0,070	0,777	0,798	-0,021	0,715	0,665	+0,050	0,741	0,693	+0,048			
Базовая компьютерная грамотность	Выше среднего (4,5 баллов)	0,655	0,593	+0,062	0,679	0,709	-0,030	0,550	0,549	+0,001	0,631	0,618	+0,013			
	Средний (3 балла)	0,715	0,655	+0,060	0,720	0,773	-0,053	0,676	0,622	+0,054	0,698	0,665	+0,033			
	Ниже среднего (1,2 балла)	0,784	0,711	+0,073	0,785	0,803	-0,018	0,736	0,685	+0,051	0,751	0,702	+0,049			
Умение переучиваться, готовность к повышению профессионального уровня	Выше среднего (4,5 баллов)	0,601	0,565	+0,036	0,594	0,663	-0,069	0,545	0,544	+0,001	0,587	0,593	-0,006			
	Средний (3 балла)	0,702	0,633	+0,069	0,703	0,745	-0,042	0,654	0,604	+0,050	0,671	0,645	+0,026			
	Ниже среднего (1,2 балла)	0,772	0,702	+0,070	0,778	0,802	-0,024	0,719	0,671	+0,048	0,743	0,697	+0,046			
Инициативность, творческий подход	Выше среднего (4,5 баллов)	0,625	0,561	+0,064	0,623	0,683	-0,060	0,537	0,542	-0,005	0,592	0,600	-0,008			
	Средний (3 балла)	0,702	0,632	+0,070	0,704	0,755	-0,051	0,635	0,607	+0,028	0,667	0,654	+0,013			
	Ниже среднего (1,2 балла)	0,783	0,715	+0,068	0,790	0,805	-0,015	0,740	0,681	+0,059	0,759	0,701	+0,058			

Примечание: ТР – требования рабочего места, ТП – качество трудового потенциала, Р – «разрыв» (разница между индексом требований рабочих мест и индексом качества трудового потенциала).

То есть фактически для работодателей наличие специалистов с высшим профессиональным образованием еще не является сигналом к их непосредственному трудоустройству, они могут создавать конкуренцию на рынке труда, увеличивая требования к навыкам, пользующимся спросом в условиях инновационной экономики, чтобы принять решение о трудоустройстве в пользу более креативного и талантливое населения. Кроме того, мы можем предполагать, что наличие более высокого уровня образования у населения создает предпосылки для ожидания более высокой заработной платы, соответственно принимая решение о трудоустройстве, соотнося «выгоды» с «потерями», потенциальные работники могут выбирать более высокий размер вознаграждения, соглашаясь и на высокие требования со стороны работодателей.

Заключая, отметим, что в условиях инновационной экономики большое внимание должно уделяться совершенствованию не только общих, но и поведенческих навыков, связанных с накоплением разносторонних знаний, повышением профессионального уровня, развитием творческих способностей. Это обусловлено тем, что различие между фактическим и требуемым уровнем их развития значительное в связи с более быстрым изменением требований рабочих мест по сравнению с качеством трудового потенциала, в первую очередь по таким его составляющим как когнитивный потенциал и творческие способности.

По результатам исследования установлено, что развитие навыков сопровождается не только сокращением разницы между фактическим и требуемым их уровнем, но и более эффективным их использованием в связи с ростом качества трудового потенциала, производительности и оплаты труда. Однако, несмотря на востребованность инновационных навыков при изменении условий хозяйствования, работодатели не мотивируют работников к их совершенствованию, в большей степени стимулируя развитие традиционных качеств (профессиональные навыки, исполнительность и дисциплинированность) за счет более высокого уровня оплаты труда.

Определено, что одним из ключевых факторов, оказывающих прямое положительное влияние на формирование навыков, является уровень образования, вместе с тем, даже у населения с высшим образованием поведенческие навыки сформированы в недостаточной степени (дисциплинированность, готовность к повышению профессионального уровня, наличие творческого подхода), а возможности для их совершенствования используются не в полной мере (только треть населения собирается повысить уровень знаний, примерно 40% – стать высококлассными специалистами и подлечить свое здоровье).

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов, Р.Н. Когнитивные способности и дискриминация на рынке труда [Текст] / Р.Н. Абрамов // Вопросы образования. – 2013. – № 3. – С. 59-64.
2. Мэтью Холл, Джордж Фаркас Когнитивные навыки и установочные / поведенческие характеристики в подростковом возрасте и уровень заработной платы [Текст] / Мэтью Холл, Джордж Фаркас // Вопросы образования. – 2013. – № 3. – С. 25-58.
3. Подольский, О.А. Первое исследование компетенций взрослых в России [Текст] / О.А. Подольский, Д.С. Попов // Вопросы образования. – 2014. – № 2. – С. 82-109.
4. Bowles, S. The determinants of earning: A behavioral approach [Text] / S. Bowles, H. Gintis, M. Osborne Groves // Journal of Economic Literature. – 2001. –Vol. 39. – № 4. – P. 1137-1176.
5. Davis, L., Fisher D., Ford C. Teaching and Technology to Decrease Writing Apprehension and increase Writing Skills in a Business Communication Course [Text] / L. Davis, D. Fisher, C. Ford // Business Education Digest. – 2009. – Vol. 18. – № 1. – P. 1-12.

6. Fallahi, C.R. A Program for improving Undergraduate Psychology Students' Basic Writing Skills [Text] / C.R. Fallahi, R.M. Wood, C.S. Austad, H. Fallahi // Teaching of Psychology. – 2006. – Vol. 33. – № 3. – P. 171-175.
7. Jensen, A. How much can we boost IQ and scholastic achievement? [Text] / A. Jensen / Harvard Educational Review. – 1969. – Vol. 39. – № 1. – P. 1-123.
8. Herrnstein, R. The Bell Curve [Text] / R. Herrnstein, Ch. Murray. – Free Press, 1994.
9. Saaverda, A.R. Do Colleges Cultivate Critical Thinking, Problem Solving, Writing and Interpersonal Skills? [Text] / A.R. Saaverda, J.E. Saaverda // Economics of Education Review. – 2011. – Vol. 30. – № 6. – P. 1516-1526.

О.В. Третьякова

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА НАУКОМЕТРИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Сегодня для принятия эффективных управленческих решений в сфере науки необходимо создание системы объективной оценки результатов научной деятельности.

В качестве показателей эффективности деятельности ученых, исследовательских организаций, национальной науки в целом все чаще используются данные о числе публикаций и цитирований. Так, публикационные и цитатные показатели рассматриваются как целевые индикаторы состояния науки в утвержденной распоряжением Правительства РФ «Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года»¹ и в Указе Президента РФ «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» от 7 мая 2012 года².

Разработка наукометрических измерений и их сопоставление открывают новые грани научной деятельности, дают возможность скорректировать ее направления и содержание, дать ей оценку, сравнить результаты исследований. Анализ цитирований позволяет выявить закономерности и определить вероятностные темпы развития науки, служит эффективным методом изучения коммуникации в профессиональном сообществе, дисциплинарной структурой науки.

Кроме того, в условиях дефицита управление ресурсами, выделяемыми на науку, напрямую зависит от наличия информации о состоянии научных исследований в нашей стране и за рубежом, т.е. проблема анализа и комплексной оценки их результатов, выбора наиболее перспективных тем исследования приобретает особую актуальность в связи с ростом количества научных исследований, получающих бюджетное финансирование, а также проводимых при поддержке различных фондов.

¹ Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=123444>

² О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 599 [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2012. – 7 мая. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/05/09/nauka-dok.html>

Таким образом, наукометрические показатели сегодня – это:

1. Целевые индикаторы состояния науки в правительственных документах.
2. Возможность скорректировать направления и содержание научной деятельности, сравнить результаты исследований.
3. Анализ результатов научных исследований, проводимых при поддержке различных фондов, возможность выбора наиболее перспективных тем исследования.
4. Критерии измерения эффективности затрат в фундаментальной науке.
5. Инструмент для выявления слабых сторон научно-исследовательской работы организаций и поиска путей ее совершенствования.

Различные аспекты применения библиометрических показателей для оценки результатов научной деятельности освещают как зарубежные (Е. Garfield [9], W. Glänzel [10], J.E. Hirsch [11], R.L. Rousseau [12] и др.), так и отечественные исследователи (С.В. Бредихин [1], В.А. Варшавский [2; 3], В.А. Маркусова [5], В.В. Писляков [6] и др.).

Тем не менее, еще не определены четкие критерии оценок, основанных на библиометрических измерениях, не определены границы надежности получаемых результатов; остается необходимость в проведении ряда наукометрических исследований для определения задач, которые могут быть решены при наличии информации в разных разрезах.

На страницах научных изданий и в СМИ развернулась дискуссия по поводу целесообразности применения наукометрических показателей в сфере регулирования деятельности ученых. Наряду с учеными, признающими роль библиометрических показателей как инструмента измерения значимости научных результатов, многие эксперты подвергают сомнению оценку академической ценности результатов исследований, основанную на данных о цитировании³.

На наш взгляд, накопленные ресурсы различных индексов цитирования сегодня могут использоваться в оценке публикационной активности научных учреждений, при этом ряд библиометрических показателей может в сопоставительном анализе применяться к оценке результативности и эффективности научной деятельности организаций. Публикационная активность, отражающая исследовательскую результативность в публичном пространстве, становится конкурентным преимуществом организации и ее научного коллектива на рынке исследований и разработок в сегменте соответствующих приоритетных научных направлений.

Возвращаясь к проблеме применения данных о публикационной активности организаций для оценки результатов научно-исследовательской деятельности, следует отметить, что если использование их показателей не дает объективной картины для оценки научной деятельности российских ученых, поскольку отечественные публикации слабо представлены в международных базах, то еще более затруднено использование показателей международных баз данных применительно к оценке публикационной активности российских регионов. Это связано с тем, что региональные научные журналы, которые играют существенную роль в создании научных приоритетов развития фундаментальных исследований в субъектах Российской Федерации и в полной мере отражают специфику регионов, практически не представлены в ведущих мировых индексах цитирования.

Необходимость создания объективной системы работы научных организаций поднимался на самом высоком уровне. Так, на заседании Совета при Президенте РФ по на-

³ См., например: Игра в цыфирь, или как теперь оценивают труд ученого (сборник статей о библиометрике). – М.: МЦНМО, 2011. – С. 63-64.

уке и образованию в Гатчине (30 апреля 2013 года) В.В. Путин справедливо отметил, что «действующий инструмент оценки научных организаций и результатов их работы имеет, безусловно, определённые недостатки. Он не позволяет выделить настоящих лидеров в том или ином секторе исследований, а сама оценка результативности никак не увязана с финансированием научных организаций». Президент РФ подчеркнул, что существует необходимость выстроить «национальную систему объективной оценки работы научных организаций», которая, по его мнению, «позволит сконцентрировать государственные средства на тех направлениях, где мы можем сказать, действительно, веское новое слово, получить многообещающие результаты, востребованные нашим обществом и экономикой страны»⁴.

В этой ситуации вопрос о разработке национального индекса цитирования как альтернативы зарубежным наукометрическим ресурсам приобрел особую актуальность.

На наш взгляд, показатели Российского индекса научного цитирования можно использовать в качестве первичной оценочной характеристики деятельности отдельных ученых и учреждений в целом. Ранее мы уже представляли общие подходы к наукометрическому анализу деятельности научных учреждений и рассматривали возможности Российского индекса научного цитирования в оценочной характеристике публикационной активности научных институтов и вузов на основе статистических данных [7; 8]. Изучение накопленного в РИНЦ ресурса подтвердило важность наукометрических показателей для современного ученого в отдельности и научных организаций в целом.

Учитывая это, мы применили показатели РИНЦ для оценки публикационной активности научных организаций и учреждений высшего образования Вологодской области. Такой подход дает возможность подойти к оценке эффективности научно-исследовательской деятельности организаций в соответствующей научной отрасли и обозначить их вклад в развитие научного потенциала региона.

При оценке публикационной активности научных организаций Вологодской области использовались библиографические показатели Российского индекса научного цитирования за последние пять лет – 2009 – 2013 гг. Оценка проводилась по 10 научным учреждениям области, имеющим профили в РИНЦ, которые представлены высшими учебными заведениями и научно-исследовательскими институтами.

Для анализа публикационной активности использовались следующие критерии:

1. Общее число публикаций.
2. Число статей в журналах, входящих в перечень ВАК.
3. Число статей в журналах, входящих в Web of Science или Scopus.
4. Число публикаций с участием зарубежных организаций.
5. Общее число цитирований всех публикаций
6. Среднее число цитирований в расчете на одну публикацию.
7. Индекс Хирша (h-индекс).

Общее количество зарегистрированных в РИНЦ публикаций научно-исследовательских организаций Вологодской области за 2009 – 2013 гг. составило 4906 ед. (таблица 1), из них 74% приходится на долю трех учреждений: Вологодский государственный университет – 1444 публикации (29,4%), Череповецкий государственный университет – 1265 (25,8%), Институт социально-экономического развития территорий РАН – 922 (18,8%).

⁴ Выступление В.В. Путина на пленарном заседании Форума Общероссийского народного фронта «Качественное образование во имя страны». 5 октября 2014 года, Пенза. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/46805>.

Таблица 1. Общие показатели числа публикаций научно-исследовательских организаций Вологодской области в РИНЦ (данные НЭБ на 10.10.2014)

Наименование учреждения	Общее число публикаций							Число статей в журналах, входящих в перечень ВАК, за 2009 – 2013 гг.	Число статей в журналах, входящих в Web of Science или Scopus, за 2009 – 2013 гг.	Число публикаций с участием зарубежных организаций за 2009 – 2013 гг.
	2009	2010	2011	2012	2013	2009-2013	Место			
Вологодский государственный университет	198	260	310	316	360	1444	1	838	125	22
Череповецкий государственный университет	226	204	222	293	320	1265	2	877	96	6
Институт социально-экономического развития территорий РАН	103	129	191	224	275	922	3	310	27	8
Вологодская государственная молочнохозяйственная академия им. В.В. Верещагина	43	51	121	92	126	433	4	205	3	0
Вологодский институт права и экономики	87	86	73	59	79	384	5	306	3	0
Вологодский институт бизнеса	45	47	64	69	110	335	6	117	1	0
Северо-Западный НИИ молочного и лугопастбищного хозяйства РАСХН	10	6	23	8	3	50	7	33	0	0
Филиал Санкт-Петербургского государственного экономического университета в г. Вологде	11	23	22	0	1	57	8	0	0	0
Вологодский институт развития образования	0	1	4	4	4	13	9	9	0	0
Череповецкий военный инженерный институт радиозлектроники	2	1	0	0	0	3	10	2	0	0
ВСЕГО	725	808	1030	1065	1278	4906	-	2697	255	36

Доля организаций в общем количестве публикаций в РИНЦ за период 2009 – 2013 гг. представлена на рис.1.

В целом за анализируемый период научные организации региона обеспечили существенный прирост абсолютного количества статей в РИНЦ – с 725 в 2009 году до 1278 в 2013 году, т. е. в 1,8 раза (темп роста – 176%).

55% публикаций научных организаций Вологодской области за период 2009 – 2013 гг. представлены статьями журналов, входящих в перечень ВАК, и 5,2% – публикациями в журналах, которые, помимо РИНЦ, индексируются в базах данных Web of Science или Scopus. Это существенные значения, которые характеризуют публикационную активность научных организаций региона не только в количественном плане, но и в качественном аспекте.

Представленные в РИНЦ данные позволяют сделать акцент на таком важном направлении научной деятельности, как проведение совместных исследований с зарубежными коллегами. К сожалению, на сегодняшний день доля публикаций вологодских научно-исследовательских учреждений с участием зарубежных организаций в общем числе их публикаций в РИНЦ за 2009 – 2013 гг. составляет только 0,7%.

В таблице 2 приводится ранговое распределение учреждений науки и высшего образования Вологодской области по частоте цитирования их публикаций в РИНЦ за указанный период. Ранжирование организаций произведено по общему количеству цитирований всех публикаций в РИНЦ (по данным НЭБ на 22.07.2014).

Рис. 1. Доля научных и образовательных организаций Вологодской области в общем числе публикаций в РИНЦ за 2009 – 2013 гг., %

Результаты анализа показателей цитирования показывают, что основная доля цитирований (89%) приходится на публикации трех организаций: Институт социально-экономического развития территорий РАН – 1335 цитирования (41,7%); Вологодский государственный университет – 1050 (32,8%), Череповецкий государственный университет – 464 (14,4%) (рис.2). При этом следует отметить, что среднее число цитирований в расчете на одну публикацию за 2009 – 2013 гг. ИСЭРТ РАН составило 1,4, что превышает аналогичные показатели ВоГУ (0,7) почти в 2 раза и ЧГУ (0,4) почти в 4 раза.

С целью уточнения и углубления оценки публикационной активности организаций, основанной на данных о цитировании, на рисунке 3 приводятся значения индекса Хирша (h-индекс)⁵.

Согласно данным РИНЦ, среди научно-исследовательских учреждений Вологодской области только три организации имеют значение индекса Хирша равное 10 и выше. К ним относятся Институт социально-экономического развития территорий РАН (h-индекс – 13), Вологодский государственный университет (h-индекс – 13) и Череповецкий государственный университет (h-индекс – 10). Наукометрическая отечественная практика признает такие значения индекса Хирша показателями устойчивости качества научной продукции исследовательского коллектива. Остальные организации имеют значения h-индекса 5 и ниже.

Таким образом, анализ публикационной активности научно-исследовательских организаций Вологодской области, основанный на данных Российского индекса научного цитирования, может свидетельствовать о том, что на сегодняшний день основной удельный вес в национальном индексе цитирования имеют три организации региона. Это учреждения высшего образования Вологодский государственный университет и Череповецкий государственный университет, а также научная организация – Инсти-

⁵ Индекс Хирша вычисляется в РИНЦ на основе распределения цитирований работ исследователей. H-индекс h получается, если n из общего количества (Np) статей сотрудников данного учреждения цитируется как минимум h раз каждая, в то время как оставшиеся (Np – h) статьи цитируются не более чем h раз каждая.

Таблица 2. Показатели цитирования публикаций научно-исследовательских организаций Вологодской области в РИНЦ (данные НЭБ на 10.10.2014)

Наименование учреждения	Общее число цитирований всех публикаций							Среднее число цитирований в расчете на одну публикацию за 2009 – 2013 гг.	h-индекс (индекс Хирша)
	2009	2010	2011	2012	2013	2009 – 2013	Место		
Институт социально-экономического развития территорий РАН	81	111	161	384	598	1335	1	1,4	13
Вологодский государственный университет	153	175	177	258	287	1050	2	0,7	13
Череповецкий государственный университет	56	78	91	108	131	464	3	0,4	10
Вологодская государственная молочнохозяйственная академия им. В.В. Верещагина	13	14	12	25	55	119	4	0,3	4
Вологодский институт права и экономики	6	10	31	28	43	118	5	0,4	5
Вологодский институт бизнеса	4	4	4	13	44	69	6	0,2	4
Северо-Западный НИИ молочного и лугопастбищного хозяйства РАСХН	7	2	5	8	12	34	7	0,7	3
Череповецкий военный инженерный институт радиоэлектроники	3	2	1	3	2	11	8	3,7	2
Вологодский институт развития образования	0	0	1	1	1	3	9	0,2	1
Филиал Санкт-Петербургского государственного экономического университета в г. Вологде	0	0	0	0	0	0	10	0,0	0
ВСЕГО	323	396	483	828	1173	3203	-	8	-

Рис. 2. Доля организаций по общему числу цитирований всех публикаций в РИНЦ за 2009 – 2013 гг, %

тут социально-экономического развития территорий РАН. На долю этих учреждений приходится около 80% всех публикаций научных организаций Вологодской области за 2009 – 2013 гг. в РИНЦ, а также более 90% цитирований за указанный период.

Проведенный анализ позволяет выделить следующие задачи по продвижению научных институтов и вузов Вологодской области в индексах цитирования:

Рис. 3. Индекс Хирша научно-исследовательских организаций Вологодской области в РИНЦ (данные НЭБ на 10.10.2014)

1. Планомерное увеличение публикаций в высокоцитируемых научных журналах.
2. Широкое представление в статьях результатов совместных исследований с зарубежными учеными.
3. Увеличение числа публикаций в журналах, индексируемых в ведущих мировых базах данных.

В завершение следует отметить, что данные индексов цитирования могут применяться в качестве вспомогательных для оценки результативности деятельности научных организаций.

В связи с тем, что использование показателей глобальных индексов цитирования не дает объективной картины для оценки научной деятельности российских ученых по причине слабой представленности отечественных публикаций в международных базах, необходимо развивать национальный индекс цитирования, который мог бы стать полноценной альтернативой зарубежным базам.

Наполнение национального индекса цитирования должно быть организовано путем отбора материалов по строгим критериям, которые бы обеспечили качество представленных в базе материалов и сделали оценку по наукометрическим показателям более объективной. Организованный должным образом национальный индекс цитирования может использоваться в качестве одного из инструментов оценки научного потенциала регионов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бредихин, С.В. Анализ цитирования в библиометрии [Текст] / С.В. Бредихин, А.Ю. Кузнецов, Н.Г. Щербакова. – Новосибирск: ИВМиГ СО РАН, НЭИКОН, 2013.
2. Варшавский, А.Е. Об адекватной оценке результативности научной деятельности [Текст] / А.Е. Варшавский, В.В. Иванов, В.А. Маркусова // Вестник Российской академии наук. – 2011. – Т. 81. – № 7. – С. 587-593.
3. Варшавский, А. Е. Проблемы науки и ее результативность [Текст] / А.Е. Варшавский // Вопросы экономики. – 2011. – № 1. – С. 151-157.

4. Игра в «цыфирь», или Как теперь оценивают труд ученого [Текст]: сборник статей о библиометрике. – М.: МЦНМО, 2011.
5. Маркусова, В.А. Библиометрические показатели российской науки и РАН (1997–2007) [Текст] / В.А. Маркусова, В.В. Иванов, А.Е. Варшавский // Вестник РАН. – 2009. – Т. 79. – № 7. – С. 483-491.
6. Писляков, В.В. Методы оценки научного знания по показателям цитирования [Текст] / В.В. Писляков // Социологический журнал. – 2007. – № 7. – С. 128-140.
7. Третьякова, О.В. Возможности и перспективы использования индексов цитирования в оценке результатов деятельности научного учреждения [Текст] / О.В. Третьякова, Е.А. Кабакова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 6 (30). – С. 189-200.
8. Третьякова, О.В. Современные инструменты оценки научного потенциала территории: наукометрический подход [Текст] / О.В. Третьякова // Проблемы развития территории. – 2014. – № 4. – С. 7-16.
9. Garfield, E. Citation indexes to science: a new dimension in documentation through association of ideas [Text] / E. Garfield // Science. – 1955. – Vol. 122. – No. 3159. – P. 108-111.
10. Glänzel, W. On the opportunities and limitations of the H-index [Text] / W. Glänzel // Science Focus. – 2006. – Vol. 67. – No. 1. – P. 10-11.
11. Hirsch, J.E. An index to quantify an individual's scientific research output [Text] / J.E. Hirsch // Proceedings of The National Academy of Sciences. – 2005. – Vol. 102. – No. 46. – P. 16569-16572.
12. Rousseau, R.L. Journal Evaluation: Technical and Practical Issues [Text] / R.L. Rousseau // Library Trends. – 2002. – Vol. 50. – No. 3. – P. 418-439.

ОБЩЕСТВО И СОЦИОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
«Общество и социология в современной России», посвященной XX годовщине
празднования Дня социолога в Российской Федерации

(г. Вологда, 13 – 15 ноября 2014 года)

В трех томах

Том третий

Редакционная подготовка	Т.В. Алешина
Верстка	И.В. Артамонов
Корректор	М.В. Чумаченко

Печать цифровая. Формат бумаги 70×108/₁₆.
Усл. печ. л. 19,5. Тираж 500 экз. Заказ № 79

Институт социально-экономического развития
территорий РАН (ИСЭРТ РАН)

160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон: 59-78-03, e-mail: common@vscc.ac.r

ISBN 978-5-93299-286-9

9 785932 992869 >